Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

На правах рукописи

АВАТКОВ Владимир Алексеевич

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук

Научный консультант
Каширина Татьяна Владиславовна,
доктор исторических наук, профессор

Москва – 2020

Оглавление

Введение 2
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ТУРЦИИ 27
1.1. Методологические подходы к оценке трансформации современной системы международных отношений 27
1.2. Методология исследования внешнеполитического курса Турецкой Республики в контексте укрепления идейно-ценностного фактора в современной системе международных отношений 44
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ.. 68
2.1. Законодательная и институциональная база, акторы внешнеполитического процесса Турецкой Республики 68
2.2. Внешнеполитические идеологемы и интересы современной Турецкой Республики 102
Глава 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ТУРЦИИ 121
3.1. Кризис «образцового партнерства» в отношениях Турции и Запада 121
3.2. Ближневосточный вектор в рамках перехода к наступательной политике во внешнеполитическом курсе Анкары **..... 145**
3.3. Азия и Африка во внешней политике Турции 164
ГЛАВА 4. «ТЮРКСКИЙ МИР» КАК ТУРКОЦЕНТРИЧНАЯ ПОДСИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ . 191
4.1. Исторические аспекты функционирования идеи «тюркского мира» в рамках идеологии пантюркизма 191
4.2. Содержание внешнеполитической деятельности Турции в отношении тюркоязычного пространства СНГ на современном этапе 208
4.3. Особенности и перспективы реализации «мягкой силы» Турции в «тюркском мире» 227
ГЛАВА 5. ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ В СВЕТЕ ПЕРЕХОДА ОТ ЭКОНОМИКОЦЕНТРИЗМА К СОТРУДНИЧЕСТВУ В СФЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ И ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ 240
5.1. Исторические и политико-правовые основы российско-турецких отношений 240
5.2. Курс на сотрудничество России и Турции в сфере безопасности после кризиса 2015 г. 262
5.3. Гуманитарный вектор российско-турецких отношений в контексте национальной безопасности Российской Федерации 287
Заключение 300
Список источников и литературы 316

Введение

Актуальность диссертации. На формирование современной системы международных отношений оказали значительное влияние процессы глобализации, демократизации, тенденции изменения функций и соотношения сил государств. Современный этап международных отношений отличается динамичным развитием, трансформацией роли ключевых государств-участников международных процессов и перераспределением баланса сил не только в экономической, но и в военно-политической сферах. Происходит переход к полицентричной мировой системе, в которой значительное количество акторов международных отношений будут определять развитие происходящих процессов на политической арене.

На современном этапе наблюдается рост влияния региональных акторов, которые все больше претендуют на укрепление собственной роли в международных отношениях. Одним из таких государств является Турецкая Республика, которая приобретает свойства связующего звена между Востоком и Западом, Севером и Югом (своего рода «хаба»). Происходит это за счет активизации внешнеполитического курса, роста взаимодействия со многими державами, включая Россию. В диссертации проанализирован процесс трансформации современного внешнеполитического курса Турецкой Республики в рамках идейно-ценностного подхода, который, в частности, включает в себя инструменты «мягкой силы» и совокупность устойчивых идеологем, применяемых как во внутри-, так и во внешнеполитическом дискурсе.

Актуальность диссертационного исследования связана с существенным изменением внешнеполитического курса Анкары после прихода к власти Партии справедливости и развития. Во внешней политике государства изменились приоритеты, стали более четко определены национальные интересы. Турция в период правления Партии справедливости и развития проводит активную региональную политику, взаимодействуя с

сопредельными регионами, в том числе – через инструменты «мягкой силы». Произошла определенная диверсификация внешней политики Анкары, что проявляется в попытках отхода от позиции младшего партнера США в регионе, в усилении контактов с Россией и восточными государствами. Можно утверждать, что внешняя политика Анкары приобрела более активный характер в контексте происходящих изменений в международных отношениях. С другой стороны, под влиянием идейно-ценностных факторов внешнеполитический курс Турции приобретает черты консервативности, что во многом и обуславливает динамичность внешнеполитической деятельности государства.

Турецкая Республика стремится расширять связи с другими странами не только в политической, но и в экономической и военной сферах. Турция активно взаимодействует с Россией на Ближнем Востоке, в первую очередь, в контексте урегулирования сирийского кризиса. Москва и Анкара имеют большое количество совместных экономических проектов. Активизация взаимодействия двух стран в области безопасности прошла ряд серьезных кризисных моментов – уничтожение российского военного самолета и убийство Чрезвычайного и Полномочного посла. Однако в целом можно утверждать, что оба государства стремятся к укреплению полицентричного миропорядка.

Особо чувствительной сферой в двусторонних отношениях является тюркоязычное пространство Содружества Независимых Государств, где сохранились геополитические противоречия между Россией и Турцией, которые могут усилиться в связи с активизацией внешнеполитического курса Анкары.

Наблюдаются попытки Турецкой Республики распространить свое влияние в «исламском мире», на сопредельные территории – Центральную Азиию, Южный Кавказ и Балканы. Для этого используются различные инструменты: элементы «мягкой силы», усиление взаимодействия в экономической и гуманитарной сферах, механизмы разрешения и управления

конфликтами, а также формирование так называемого наднационального духа на основе принадлежности к одной религии.

Турция позиционирует себя как внешнеполитического реформатора и активного субъекта процесса трансформации системы международных отношений, что, безусловно, затрагивает ключевых акторов современных международных отношений. В связи с этим важно понимать в том числе идейно-ценностную основу внешнеполитического курса Турецкой Республики. Без этого невозможно наладить и выстроить грамотное взаимодействие и взаимовыгодное сотрудничество, а также спрогнозировать возможные риски и проблемы российско-турецких отношений и связей Анкары с другими странами и регионами. Зная мотивы, можно проводить превентивную политику и избегать конфликтных ситуаций, а также не допустить распространения влияния Турецкой Республики на территории Российской Федерации и в странах Содружества Независимых Государств.

Объектом исследования данной диссертации является внешняя политика Турции в контексте трансформации современных международных отношений, **предметом** – особенности реализации современного внешнеполитического курса Турецкой Республики в контексте используемых руководством страны политических и идейно-ценностных механизмов.

Основной акцент в диссертации сделан на исследовании предпосылок, этапов трансформации внешнеполитического курса Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития, обусловивших изменение внутри- и внешнеполитического курса Анкары. При правлении Партии справедливости и развития и нахождения у власти ее лидера Р.Т. Эрдогана начался переход от приверженности государственной линии принципам «кемализма» – концепции основателя Республики М.К. Ататюрка – к более консервативному курсу во внутренней и внешней политике государства.

Цель диссертации – исследовать внешнеполитический курс Турецкой Республики в условиях трансформации современных международных

отношений. Достижение поставленной в исследовании цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Разработать теоретико-методологическую основу данного исследования и выработать основные подходы к оценке трансформации системы современных международных отношений;
2. Установить «идейно-ценностный» подход для анализа внешнеполитического курса Турецкой Республики в контексте укрепления идейно-ценностного фактора в современной системе международных отношений;
3. Сформулировать ключевые характеристики политического процесса Турецкой Республики в начале XXI века, определить идеологемы и интересы внешнеполитического курса Турецкой Республики на современном этапе;
4. Проанализировать законодательную и институциональную базу внешнеполитического процесса, основные факторы формирования внешнеполитического и внутриполитического курса Турецкой Республики;
5. Определить ключевые направления внешнеполитического курса Анкары в отношении стран Запада и Востока с учетом укрепления ее наступательной линии на Ближнем Востоке и в азиатском регионе;
6. Проанализировать подходы Турции к формированию так называемой туркоцентричной подсистемы международных отношений «тюркский мир» и «неопантюркизма» как явления;
7. Выявить особенности и перспективы реализации «мягкой силы» Турции в отношении тюркоязычного пространства СНГ на современном этапе;
8. Рассмотреть взаимодействие России и Турции в контексте перехода от экономической кооперации к активному сотрудничеству в сфере безопасности и в гуманитарной сфере;

9. Дать оценку перспективам российско-турецких отношений в условиях диверсификации и активизации внешней политики Анкары, вызванной формированием нового баланса сил в современных международных отношениях.

Теоретико-методологической основой исследования является системный (комплексный) подход, рассматривающий международные отношения как целостную, органичную и динамичную систему, предполагающий учет всего многообразия факторов, которые влияют на внешнеполитический курс Турции, а также рассмотрение их на основе принципов научной объективности.

Исследование было бы невозможным без использования диалектического метода (с выделением общего, частного и конкретного), формационного подхода (с выделением базиса и надстройки внешнеполитического курса Турции), модернизационного подхода (с анализом трансформации внешней политики Турецкой Республики).

Среди методов, использованных в исследовании, следует также выделить:

- анализ, благодаря которому были изучены отдельные свойства, векторы и составные элементы внешнеполитического курса Турции;

- синтез, который позволил свести в единое целое, обобщить полученные данные в результате анализа;

- ивент-анализ, который позволил анализировать отдельные события во внешнеполитическом процессе Турции;

- контент-анализ, благодаря которому удалось частично компенсировать недостаточность документального обоснования внешнеполитических линий Анкары.

Диссертация также совмещает элементы структурно-функционального анализа и конкретно-исторического исследования, сформировавшегося в рамках отечественной школы изучения международных отношений[1].

В исследовании была применена авторская методология при анализе современной системы международных отношений на основе комплексности социетального, институционального и модельного подходов, что наиболее подробно было представлено в главе 1 – «Методология исследования современного внешнеполитического курса Турции в системе международных отношений».

Кроме того, был **выработан и применен** «идейно-ценностный подход» в исследовании внешнеполитического курса Турции. Данный подход подразумевает исследование внешней политики Анкары сквозь призму не только интересов, но идей и ценностей в рамках внешнеполитической идеологии, а также встраивание внешнеполитического курса Турецкой Республики в общую систему трансформации идейно-политического поля международных отношений.

Источниковая база исследования представлена в первую очередь официальными документами и заявлениями. К ним следует отнести Конституцию Турецкой Республики[2], нормативно-правовые акты, определяющие функционирование ключевых органов власти в области внешней политики (Закон о Министерстве иностранных дел[3] и др.), межгосударственные и межправительственные соглашения (например, российско-турецкое соглашение по проекту газопровода «Турецкий поток»[4] и др.), всю информацию, размещенную на сайтах государственных органов

---

[1] Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы, 2004. №1. С. 23-24.

[2] Türkiye Cumhuriyeti Anayasası [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi Başkanlığı. Режим доступа: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2017.pdf (дата обращения: 04.05.2019)

[3] Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf (дата обращения: 04.05.2019)

[4] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики по проекту газопровода "Турецкий поток" [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-7/51663 (дата обращения: 04.09.2019)

власти, в частности, издание Министерства иностранных дел Турции об инициативной и гуманитарной внешней политике Турецкой Республики[5], а также заявления министров, президента и других структур, в том числе Совета Национальной Безопасности. Отдельно стоит отметить программные документы Партии справедливости и развития (ПСР), в частности, «Политическое видение 2023»[6] и «Цели 2023»[7], в которых изложены основные внешнеполитические принципы правящей партии.

Степень научной разработанности проблемы. Представляется целесообразным выделить следующие основные группы литературы: 1) монографии и научные статьи, исследующие развитие и трансформацию международных отношений, 2) российская, турецкая и западная туркологическая литература.

К первой группе относятся монографии и статьи Алексеевой Т.А[8], Барановского В.Г.[9], Барга М.А.[10], Баталова Э.Я.[11], Белокреницкого В.Я.[12], Богатурова А.Д.[13], Войтоловского Ф.Г.[14], Володина А.Г.[15], Воскресенского

---

[5] 2020 Yılına Girerken Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dıi Politikası [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2020-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения: 21.01.2020)

[6] 2023 Siyasi Vizyonu [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. Режим доступа: https://www.akparti.org.tr/parti/2023-siyasi-vizyon/ (дата обращения: 14.11.2020)

[7] Hedef 2023 [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. Режим доступа: https://www.akparti.org.tr/hedef-2023/ (дата обращения: 14.11.2020)

[8] Алексеева Т. А. Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2007. 479 с.

[9] Барановский В.Г. Трансформация мировой системы в 2000-х годах // Международные процессы, 2010. Т.8. № 22. С.4-13.

[10] Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.

[11] Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. М., РОССПЭН, 2005. 374 с.; Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.; Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

[12] Белокреницкий В.Я. Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств Средне-Западной Азии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2012. № 7. С.12-35.

[13] Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений (1945-2008 гг.). М.: МГИМО-Университет, 2009. 520 с.; Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.; Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М.: URSS, 2004. 48 с.

[14] Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. М.: Крафт+, 2007. 454 с.

[15] Володин А.Г. Глобальный кризис и становление нового мира // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука, 2010. С. 129-137; Володин А.Г. Россия в «свободной геометрии» мировой политики // Геополитический журнал, 2015. № 4 (11). С. 6-14.

А.Д.[16], Громыко Ал.А.[17], Дегтерева Д.А.[18], Дынкина А.А.[19], Ефимовой Л.М.[20], Звягельской И.Д.[21], Казанцева А.А.[22], Карповича О.Г.[23], Кокошина А.Ф.[24] Кортунова В.В.[25], Кудряшовой И.В.[26], Лебедевой М.М.[27], Лузянина С.Г.[28], Малахова В.С.[29], Малашенко А.В.[30], Малышевой Д.Б.[31], Мартыновой М.Ю.[32], Наринского М.М.[33], Наумкина В.В.[34], Никитина А.И.[35], Панина В.Н.[36],

---

[16] Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика, 2020. Т. 11. №4. С. 5-26.

[17] Громыко Ал. А. «Постоянство и изменчивость в истории международных отношений» // Современная Европа, 2016. № 1 (67). С. 5-8.

[18] Дегтерев Д.А. Содействие цивилизационному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 2. С. 99-104; Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / nota bene, 2018. № 1. С. 1-12.

[19]Дынкин А., Пантин В. На пороге неспокойного мира: современная эпоха и кризисные 70-е. // Мировая экономика и международные отношения, 2010. № 6. С. 3-9.

[20] Ефимова Л.М. Ислам и политика в мусульманском обществе. Опыт Индонезии // Международные процессы, 2019. Т. 17. № 1 (56). С. 73-87.

[21] Звягельская И. Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. М.: «Аспект Пресс», 2018. 224 с.

[22] Казанцев А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет, 2008. 382 с.

[23] Филимонов Г. Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М., 2015. 582 с.

[24] Кокошин А. А. О национальных интересах и национальной безопасности. М.: ФгБУН ИСПИ РАН, 2017. 27 с.

[25] Кортунов В. В. Идеология и политика. М.: Издательство политической литературы, 1974. 286 с.

[26] Кудряшова И.В., Матюхин В.В. Турция: национальные интересы и имперскость // «Политическая наука», 2013. № 3. С. 117-136.

[27] Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета, 2017. № 3. С. 212-223.

[28] Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на Большой Восток (2004-2008 гг.). М., 2007. 448 с.

[29] Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. М., КДУ, 2007. 252 с.

[30] Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2010. № 1. С. 96-102.

[31] Малышева Д. Б. Новая ближневосточная стратегия Турции // Россия и мусульманский мир, №10, 2012. С.108-114; Малышева Д.Б. Мусульманский компонент мировой политики // Россия и мусульманский мир,2003. №7. С. 108-131; Малышева Д.Б. Ислам и проблемы демократизации в постсоветской Евразии // Россия и мусульманский мир, 2006. № 5. С. 91-111.

[32] Мартынова М. Ю. Образование как ресурс конструирования идентичности молодежи. Российский опыт //PolitBook, 2014. № 1. С. 33-60.

[33] Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России. Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М.: Навона, 2005. № 2. 456 с.

[34] Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64. № 6. С. 104-113; Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). Под. ред. В.В.Наумкина, Д.Б.Малышевой. М.: ИВ РАН, 2015. 411 с.

[35] Никитин А.И. Эволюция изучения проблематики конфликтов в контексте международной безопасности в постсоветской России // Вестник МГИМО Университета, 2016. № 5(50). С. 48 – 62.

[36] Панин В.Н., Паниев Г.Э. Геополитические ориентиры Турции в начале XXI века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2002. № 1. С. 86-88; Айрапетян А.М., Панин В.Н., Дегоев В.В. Пост-биполярный мировой порядок: императивы становления // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2016. № 4. С. 115-117; Панин В.Н., Косов Г.В. Мировой порядок в XXI веке: теории и практики построения // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы международной научно-практической конференции в рамках X научно-образовательного форума. Под ред. В.В. Бобылева. М., Издательство «Перо», 2017. С. 28-35.

Пантина В.И.[37], Пляйса Я.А.[38], Поршнева Б.В.[39], Почты Ю.М.[40], Примакова Е.М.[41], Рыхтика М.И.[42], Савичевой Е.М.[43], Сапроновой М.А. и Ефимовой Л.М.[44], Семененко И.С.[45], Симония Н.А.[46], Сироты Н.М.[47], Степанянц М.Т.[48], Стрельцова Д.В.[49], Стрежневой М.В.[50], Торкунова А.В.[51], Федоровой М.М.[52], Федорченко А.В.[53], Филимонова Г.Ю.[54], Хрусталева М.А.[55], Цыганкова П.А.[56], Шабаги А.В.[57], Шаклеиной Т.А.[58], Юртаева В.И.[59] а также Баумана З.[60],

---

[37] Пантин В.И., Семененко И.С., Лапкин В.В. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис (Политические исследования), 2010. №3. С. 40-59; Пантин В.И., Лапкин В.В. Россия между Западом и Востоком: проблемы геополитического и геокультурного самоопределения // Россия и мусульманский мир, 2007. № 1, С. 5-22.

[38] Пляйс Я.А. Политическая элита России в поисках новой идеологии // Обозреватель, 2008. № 3. С.1-18.

[39] Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.

[40] Почта Ю.М. Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора) // Вестник РУДН. Серия: политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 620-632.

[41] Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М.: Российская газета, 2006. 384 с.

[42] Рыхтик М.И. Ценности в современной мировой политике: новая повестка дня // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016. С. 173-178.; Рыхтик М.И. Ценностная составляющая безопасности: шанс или помеха трансграничному сотрудничеству? // Дневник Алтайской школы политических исследований, 2004. № 19-20. С. 110-114.

[43] Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник РУДН. Серия: международные отношения, 2014. № 3. С. 14-21.

[44] Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока. Под ред. Л.М.Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО, 2018. 350 с.

[45] Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т.7. №2, 2011. С.5-24; Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис (Политические исследования), 2008. № 5. С. 7-18.

[46] Симония Н.А. Социально-экономические аспекты глобального лидерства // Международные процессы, 2010. Т.8. №3. С. 16-30.

[47] Сирота Н. М. Идеология и политика. М.: Аспект Пресс, 2011. 216 с.

[48] Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. М.: «Наука», 1987. 192 с.

[49] Армии на современном Востоке. Под ред. Стрельцова Д.В. М.: Аспект Пресс, 2018. 384 с.

[50] Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития. Под ред. М.В. Стрежневой. М.: ИМЭМО, 2010. 266 с.

[51] Торкунов А.В. По дороге в будущее. М: Аспект Пресс, 2010. 476 с.

[52] Федорова М. М. Понятие долга памяти в контексте современных идеологических дискурсов // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2019. № 2 (59). С. 133-140.

[53] Россия и Турция в новой мировой политической среде. Под ред. А. А.Орлова; отв. ред.: В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2015. С. 217-226.; Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток: состояние и перспективы развития региональной ситуации // Россия и мусульманский мир, 2016. № 10 (292). С. 98-145.

[54] Филимонов Г.Ю. Мягкая сила культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.

[55] Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, 2008. 208 с.

[56] Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М, 2011. 335 с.; Теория международных отношений. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: ГАРДАРИКИ, 2003. 400 с.

[57] Шабага А.В. Идентичность исторического субъекта как социальный феномен // Вестник РУДН. Серия: социология, 2009. № 2. С. 13-23.

[58] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // «Международные процессы», Т. 9. № 2. 2011. С. 29-39.

[59] Юртаев В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Контуры глобальных трансформаций, 2017. Т 10. № 2. С. 66-80.

[60] Bauman Z. Globalization: Human Consequences. New York: Columbia University Press, 1998. 136 p.

Бжезинского З.[61], Бузана Б.[62], Булла Х.[63], Бьюкенена П.[64], Валлерстайна И.[65], Гидденса Э.[66], Карра Э.[67], Киссинджера Г.[68], Кохейна Р.[69], Мангейма Дж.[70], Моргентау Г.[71], Ная Дж.[72], Талботта С.[73], Уолтса К.[74], Фукуямы Ф.[75], Хааса Р.[76], Хантингтона С.[77], , Хоффмана С.[78], Хэлда Д.[79]

Особую значимость в рамках проведенного исследования сыграла работа Богатурова А.Д., Косолапова Н.А., Хрусталева М.А. «Очерки теории и политического анализа международных отношений»[80], освещающая актуальные проблемы международной политики с точки зрения теории и методологии; монография Примакова Е.М. «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века)»[81], в которой проанализированы ключевые события, произошедшие на ближневосточной арене в том числе в постбиполярный период; статья «Великие державы и региональные подсистемы»[82] Шаклеиной Т.А., в которой

---

[61] Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратег, императивы. М.: Международные отношения, 1998. 704 с.
[62] Buzan B., Little R. International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000. 472 p.
[63] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1995. 329 p.
[64] Бьюкенен П. Правые и неправые. М.: «АСТ», 2007. 348 с.
[65] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
[66] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
[67] Carr E.H. The Twenty Years Crisis, 1919-1939: an Introduction to the Study of Iternational Relations. London: Macmillan, 1939. 233 p.
[68] Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. В. Львова, 1997. 848 с.
[69] Кохейн Р.О. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина и Х. Клингеманна. М., 1999. С. 438–452.
[70] Мангейм Дж., Рич К. Политология. Методы исследования. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. 544 с.
[71] Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений. Хрестоматия. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 72-78.
[72] Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 224 с.
[73] Talbott S. Great Experiment: The Story of Ancient Empires, Modern States, and the Quest for a Global Nation. N.Y, 2008. 496 p.
[74] Waltz K.N. Theory of International Politics. N.Y.: McGraw Hill, 1979. 251 p.
[75] Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и порядок в XXI веке. М.: АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.
[76] Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. С. 320.
[77] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
[78] Hoffman S., Keohane R., Mearsheimer J. Back to the Future, Part II: International Relations Theory and Post-Cold War Europe // International Security, 1990. Vol. 15. № 2. 5-56 p.
[79] Хэлд Д. Современная политическая теория. Пер. с англ. В.И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2001. 480 с.
[80] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.
[81] Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М.: Российская газета, 2006. 384 с.
[82] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // «Международные процессы», Т. 9. № 2. 2011. С. 29-39.

автор анализирует роль отдельных региональных центров силы, сформированных в контексте трансформирующегося миропорядка и обладающих потенциалом для регионального лидерства, но не имеющих достаточного количества ресурсов для участия в глобальных процессах.

Отдельно следует выделить работы ученых Дипломатической академии: Аникина В.И.[83], Бажанова Е.П.[84], Воробьева С.В.[85], Жильцова С.С.[86], Задохина А.Г.[87], Зверевой Т.В.[88], Иванова О.П.[89], Кашириной Т.В.[90], Кукарцевой М.А.[91], Неймарка М.А.[92], Рудова Г.А.[93], Сидоровой Г.М.[94], Феофанова К.А.[95], Штоля В.В.[96], Шутова А.Д.[97] и Яковенко А.В.[98].

---

[83] Аникин В.И. Актуальные проблемы развития интеграционных процессов в многостороннем сотрудничестве стран СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право, 2018. № 4. С.56-66.

[84] Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М., Восток-Запад, 2010. 462 с.

[85] Воробьев С.В., Каширина Т.В. Сирийский кризис в контексте российско-американских отношений // Обозреватель. 2017. № 4 (327). С. 44-50; Воробьев С.В., Каширина Т.В. Карибские события 1962 года как успешная модель управления кризисом. О силовом балансе в советско-американских отношениях // Обозреватель. 2018. № 7 (324). С. 37-49.

[86] Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий // Центральная Азия и Кавказ, 2014. Т.17. № 1. С.37-51.; Жильцов С.С. Политические процессы в Центральной Азии: особенности, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ, 2016. Т.19. № 1. С. 23-31.

[87] Задохин А.Г. Русское национальное сознание и внешняя политика России // Обозреватель. 2012. № 8. С. 9-19.

[88] Зверева Т.В. Миграционный кризис: «тихий развал» Евросоюза или новый этап в развитии интеграции? // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 2015. № 4 (6). С. 106-126.

[89] Иванов О.П. Американские концепции «стратегического паралича» // Обозреватель-Observer, 2008. №.3 (218). С. 57-69.

[90] Каширина Т.В. Американская концепция «современного миропорядка» и американо-российские отношения на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия «История и политические науки», 2010. №2. С. 116-120; Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке. Под ред. Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова. М.: Дашков и К°, 2017. 411 с.; Международные организации и урегулирование конфликтов. Под ред. Т. А. Закаурцевой, Т. В. Кашириной. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. 188 с.

[91] Кукарцева М.А. «Мягкая сила» в информационной политике России за рубежом // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Московский государственный лингвистический университет, 2017. С. 148-158.

[92] Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М., 2019. 272 с.

[93] Рудов Г.А., Задохин А.Г. Глобальные проблемы в контексте современных тенденций мировой политики // Обозреватель – Observer, 2007. № 11 (214). С. 109-116.

[94] Сидорова Г.М. «Мягкая сила» как инструмент формирования новой ментальности // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ, 2017. С 262-266.

[95] Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. М., 2019. 218 с.

[96] Штоль В.В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019. 434 с.; Штоль В.В. Восторжествует ли разум в мировой политике? // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, 2017. № 10 (333). С. 6-13.

[97] Шутов А.Д. Постсоветское пространство. Дипломат. акад. МИД России, Ин-т актуал. междунар. проблем. М., Науч. кн., 1999. 250 с.

[98] Яковенко А.В. Почему мир становится для нас все менее предсказуемым // Дипломатическая служба, 2019. №3. С. 16-19; Яковенко А.В. 30 лет без холодной войны. Что дальше? [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: https://rg.ru/2019/12/13/tridcat-let-nazad-pala-berlinskaia-stena-simvol-holodnoj-vojny.html (дата обращения: 13.12.2019)

Из второй группы необходимо, прежде всего, назвать научные работы профессора Кафедры Востоковедения МГИМО МИД России к.и.н. Дружиловского С.Б., который в своей статье «Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции»[99] описал основные этапы становления внешнеполитического курса Анкары и Тегерана с точки зрения влияния внутриполитических процессов; заведующего кафедрой восточных языков ДА МИД России Мозлоева А.Т., в работе «Обострение отношений между Россией и Турцией: перспектива сотрудничества»[100] рассмотревшего основные противоречия российско-турецких отношений, которые приобрели особую актуальность после инцидента с Су-24; с.н.с. ИМЭМО РАН Надеина-Раевского В.А., проанализировавшего причины смены прозападных внешнеполитических приоритетов Турецкой Республики в статье «Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции»[101].

Помимо этого, важную роль сыграли работы Гаджиева А.Г.[102], Еремеева Д.Е.[103], Зайцева И.В.[104], Ивановой И.И.[105], Ирхина А.А.[106], Киреева Н.Г.[107],

---

[99] Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО-Университета, 2010. №1(10). С.123-133; С.Б. Дружиловский. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике, 2005. №6. С. 48-61.

[100] Мозлоев А.Т. Обострение отношений между Россией и Турцией: перспектива сотрудничества // Вестник МГИМО – Университета, 2016. №2. С.49-52.

[101] Надеин-Раевский В.А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции [Электронный ресурс] // Сайт Российского совета по международным делам. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-identichnosti-i-vneshnyaya-politika-turtsii/ (дата обращения: 05.02.2018)

[102] Гаджиев А.Г. Перспективы вступления Турции в ЕС и Россия // Вестник РУДН, 2012. №. 3. С. 48-53; Гаджиев А.Г. Особенности развития отношения между Турцией и ЕС в период правления Партии справедливости и развития // Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы (2002-2015). Под ред. Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова. ИВ РАН. М.: ИВ РАН, 2017. 178 с.

[103] Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI- XXI веков. М.: Квадрига, 2016. 320 с.

[104] Зайцев И.В. Письма Исмаил-бея Гаспринского А.С. Суворину и П.П. Вяземскому // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 175-179.

[105] Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). Под ред. А.В.Штанова и Е.И.Уразовой. М.: Аспект Пресс, 2017. 424 с.

[106] Ирхин А.А. Эволюция внешней политики Турецкой Республики в 2002-2019 гг. // Лазаревские чтения. Причерноморье: история, политика, география, культура. Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова, И.Л. Прыгуновой, С.И. Рубцовой. М., 2019. С. 144-146.

[107] Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007 г. 609 с.; Киреев Н.Г. Метаморфозы политического ислама // Азия и Африка сегодня, 2003 г. №6. С. 17-23; Киреев Н.Г. Турция: что в багаже у партии власти «умеренного ислама» // Россия и мусульманский мир, 2004, № 8. С.87-100; Киреев Н.Г. Турция: неудачи радикального исламизма и успехи умеренного. Россия и мусульманский мир, 2011. № 3. С.108-130.

Кудряшовой Ю.С.[108], Мамедовой Н.М.[109], Масумовой Н.Р.[110], Мейера М.С.[111], Мкртычяна А.А. [112], Свистуновой И.А. [113], Ульченко Н.Ю.[114], Уразовой Е.И.[115], Цибенко В.В.[116], Шангараева Р.Н.[117], Шлыкова В.И.[118] и Шлыкова П.В.[119].

Среди западных специалистов по Турции, в первую очередь, необходимо выделить Баран З., в частности, работу «Разорванная страна. Турция между секуляризмом и исламизмом»[120], значимая часть которой посвящена правлению Партии справедливости и развития и особенностям внешнеполитического курса, осуществляемого данной партией, Вертиганса С., в своей монографии «Корни Ислама и возрождение в Турции»[121] описавшего причины распространения в Турции радикальных исламских ценностей, оказавших влияние на современные внешнеполитические

---

[108] Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. Под ред. А.Н. Голикова. М., 2010. 363 с.

[109] Мамедова Н.М. Вокруг иранской ядерной программы. Позиции прагматических политических сил // «Север-Юг-Россия», 2007. С .155-160.

[110] Масумова Н.Р. Современные тенденции турецкой трудовой миграции в страны Западной Европы // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2012. № 7. С.110-120.

[111] Мейер М.С. Россия и исламский мир // Исторический вестник. 2015. Т. 11. № 158. С. 12-37.

[112] Мкртычян А.А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе как глобальная проблема современных международных отношений (политологический анализ). М., 2003. 343 с.

[113] Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии, 2012. № 4. С.39-55.; Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета, 2016. Т. 47, № 2. С. 53-61.

[114] Ульченко Н.Ю. Перспективы экономического развития Турции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 3. С. 92-106.

[115] Уразова Е.И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012. 278 с.

[116] Иванова (Цибенко) В.В. Стратегии включения гагаузов в тюрко-турецкое культурное пространство (XX-XXI вв.) // Радловский сборник. СПб, 2013. С. 263-267; Цибенко В.В. Обыкновенный неоосманизм: Османские очаги и янычары дворца // Арабские маршруты в азиатском контексте. СПб. 2016. С. 394-404; Цибенко В.В. Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси (нурджулар) // Сектоведение. Минск, 2014. С. 102-111.

[117] Шангараев Р.Н. Курдский вопрос во внешней политике Турции на Ближнем Востоке // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 127-135.

[118] Шлыков В.И. Турция: формирование новой модели военно-гражданских отношений // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. № 8. 2014. С. 42-61.

[119] Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1(105). С. 110-135.; Шлыков П.В. Турецко-американские отношения в зеркале ближневосточного и евро-атлантического измерений // Актуальные проблемы Европы, 2019. № 1. С. 184-228.

[120] Baran Z. Torn Country. Turkey Between Secularism and Islamism. Stanford: Hoover Institution Press, 2010. 173 p.

[121] Vertigans S. Islamic Roots and Resurgence in Turkey. Praeger, London, 2003. 195 p.

идеологемы государства, а также Ларрабии Ф.С.[122], Лэссера И.О.[123], Манго А.[124], Рабасу А.[125], Росситера С.С.[126]

Среди турецких специалистов по международным отношениям, по теоретическим и практическим аспектам мировой политики, по внешней политике Турции можно отметить в том числе следующих авторов: Аларанта Т.[127], Гюриз А.[128], Демирель Т.[129], Инал К.[130], Каратепе Ш.[131], Озбек С.[132], Перинчек Д.[133], Сарачоглу Д.[134] Тогрул И.[135], Тюркер Т.[136] и Огузлу Т., посвятивший свою статью «Мягкая сила во внешней политике Турции»[137] исследованию процесса развития инструментария мягкой силы Турецкой Республики. Интересной и важной представляется также работа автора, пишущего под псевдонимом Акдага Ю., «Религиозный капитализм и Тарикат Гюлена»[138]. При написании данного исследования важным источником фактического и аналитического материала явились работы Акйола Т.[139], Демирэля Т.[140], Йылдыза Х;[141], Мардина Ш.[142], Четинкая Х.[143], Шена С.[144], Эрдема Э.[145].

---

[122] Larrabee F.S. Troubled Partnership.U.S.-Turkish Relations in an Era of Global Geopolitical Change. Pittsburg: RAND, 2010. 164 p.
[123] Larrabee F.S., Lesser İ.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Pittsburg: RAND, 2003. 240 p.
[124] Mango A. The Turks Today. London, 2004. 292 p.
[125] Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey. Pittsburgh: RAND, 2008. 134 p.
[126] Rossiter C. S. The Turkey and the Eagle. New York: Algora Publishing, 2010. 300 p.
[127] Alaranta T. National and state identity in Turkey: the transformation of the republic's status in the international system. New York, 2015. 181 p.
[128] Güriz A. Kapitalist İdeoloji. Ankara: Phoenix. 2010. 234 p.
[129] Demirel T. Adalet Partisi. İdeoloji ve Politika. İstanbul: İletişim, 2004. 376 p.
[130] İnal K. Eğitim ve ideoloji. İstanbul, KALKEDON, 2008. 422 p.
[131] Karatepe Ş. Siyasi ideolojiler. İstanbul: İz Yayıncılık, 2011.301 p.
[132] Özbek S. İdeoloji Kuramları. İstanbul: Notos, 2011. 180 p.
[133] Perinçek D. FETÖ Darbesi. Kökleri Yükselişi Ezilmesi ve Sonuçları. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2016. 208 p.
[134] Saraçoğlu C., Demirkol Ö. Nationalism and Foreign Policy Discourse in Turkey Under the AKP Rule: Geography, History and National Identity [Электронный ресурс] // British Journal of Middle Eastern Studies, 2015. Vol. 42. №3. P. 301–319. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1080/13530194.2014.947152 (дата обращения: 09.02.2018)
[135] İsmayıl T., Tatlı U. Uluslararasi ilişkilere rusya'nin gözüyle bakmak //Trakya University Journal of Social Science, 2018. 20(1). P. 113-127.
[136] Тюркер Т. Османская империя в современной турецкой историографии // Вестник Московского университета. Востоковедение, 2007. № 2. С. 41-50.
[137] Oğuzlu T. Soft power in Turkish foreign policy // Australian Journal of International Affairs, 2007. P. 81-97.
[138] Akdağ Y. Din Kapitalizm ve Gülen Cemaati. İstanbul, Evrensel basın yayın, 2011. 114 p.
[139] Akyol T. Sovyet Rus stratejisi ve Türkiye. İstanbul: Ötüken neşriyat, 1979. 744 p.
[140] Demirel T. Adalet Partisi. İdeoloji ve Politika. İstanbul: İletişim, 2004. 376 p.
[141] Yıldız H. Din siyaset ve ideoloji. Samsun: Sidre, 1999. 152 p.
[142] Mardin Ş. Din ve ideoloji. İstanbul: İletişim, 2011. 188 p.
[143] Çetinkaya H. Fethullah Gülen. ABD ve AKP. İstanbul: Günizi Yayıncılık, 2007. 184 p.; Çetinkaya H. Fethullah Gülen'in 40 yıllık serüveni. İstanbul: Günizi Yayıncılık, 2007. 180 p.
[144] Şen S. Ortadoğu'da İdeolojik Bunalım. İstanbul: Hemen Kitap, 2010. 384 p.
[145] Erdem E. Nurjuvazi. Din elbisesini tersten gienler. İstanbul: Togan, 2011. 236 p.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Определена авторская методология исследования современной системы международных отношений на основе комплексности социетального, институционального и модельного подходов. Доказано, что указанные подходы применимы к исследованию внешнеполитического курса Турецкой Республики в контексте формирования и укрепления идейно-ценностного подхода в современных международных отношениях;
2. Применен «идейно-ценностный подход» в исследовании внешнеполитического курса Турции, что позволило провести анализ внешней политики Турции не только сквозь призму интересов, но идей и ценностей в рамках внешнеполитической идеологии, а также с точки зрения встраивания внешнеполитического курса Турецкой Республики в общую систему трансформации идейно-политического поля международных отношений.
3. Критерием применимости предложенной автором методологии исследования внешнеполитического курса Турции явилась достаточно активная эксплуатация высшим политическим руководством страны таких категорий, как «мягкая сила», «имидж», «бренд», «умная сила», а также применение таких идеологем, как «неоосманизм», «пантюркизм»;
4. Проведено комплексное исследование современного внешнеполитического курса Турции в рамках трансформации международных отношений, определены причины и векторы трансформации внутренне- и внешнеполитического курса Турецкой Республики;
5. Исследованы и сопоставлены ключевые идеи, ценности и интересы, лежащие в основе внешней политики Турции на разных

исторических этапах в процессе изменения архитектуры системы международных отношений;

6. Разносторонне изучены механизмы и цели влияния Турции на соседние страны и регионы, а также выявлены ключевые направления во внешней политике Турции в отношении стран Запада и Востока в контексте смещения внешнеполитических приоритетов с сотрудничества с Западом на наступательные действия в отношении стран Востока;
7. Определены подходы Турции к формированию туркоцентричной подсистемы международных отношений «тюркский мир» и «неопантюркизма» как явления в рамках создания интеграционных структур и платформ в политической, культурной и научной сферах;
8. Представлены механизмы реализации Турцией «мягкой силы» в отношении тюркоязычного пространства СНГ. Доказано, что тюркские государства СНГ являются приоритетным направлением внешнеполитического курса Турецкой Республики, что обуславливается желанием Анкары создать единство «тюрского мира» под своим началом;
9. Проанализировано развитие взаимодействия Российской Федерации и Турецкой Республики в контексте перехода от экономической кооперации к активному сотрудничеству в сфере безопасности и в гуманитарной сфере;
10. Выработаны и обоснованы перспективы двусторонних российско-турецких отношений с учетом разрастающегося влияния Анкары и формирования ею новой «туркоцентричной» международной подсистемы международных отношений.

Теоретическая значимость результатов проведенного исследования состоит в осуществленной разработке теоретических положений современного внешнеполитического курса Турции в рамках идейно-

ценностного подхода и в условиях трансформации системы международных отношений.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования в рамках принятия политических решений, а также в выстраивании и проведении внешнеполитической линии Российской Федерации в отношении Турецкой Республики, стран постсоветского пространства. Выводы диссертации могут использоваться при проведении сценарирования и прогнозирования в рамках интересов России. Основные положения работы могут применяться при подготовке учебных курсов по соответствующей тематике, отдельных тем учебных курсов различных уровней, а также специализированных разделов учебных пособий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В качестве **теоретико-методологической** основы исследования был применен идейно-ценностный подход, который позволил провести анализ внешнеполитического курса Турецкой Республики с точки зрения ее идей и ценностей. В частности, автором выявлено, что такие идеологемы, как неоосманизм, неопантюркизм являются составляющими внешнеполитической идеологии Турции и определяют ее курс. Более того, данный подход представляется актуальным в рамках исследования всей системы международных отншений, в которой наблюдается укрепление идейно-ценностного фактора и

происходит системная перестройка. После развала Советского Союза завершилась эпоха биполярной конфронтации, однако ключевые системные институты и связки сохраняются (ООН, Североатлантический альянс и др.). Произошло радикальное усиление одного из полюсов – Соединенных Штатов Америки, что привело систему к моноцентричному состоянию, которое постепенно трансформировалось в «плюралистическую однополярность». Система международных отношений находится в стадии перехода к полицентричности или бесполярности через региональные и режимные

конфликты, хаотизацию и информационное противостояние. На фоне разбалансирования системы и выхода отдельных акторов из ключевых международно-политических договоренностей усиливается кластерная структура системы, расширяются хаос и ценностное противостояние, базирующееся в том числе на этнической и религиозной компонентах.

2. Происходит **рост идейно-ценностного фактора** в международных отношениях, который зачастую довлеет над государственными интересами, что можно наблюдать на примере многих государств, в частности – Турции. Особую роль в этом контексте приобретает редко прописываемая внешнеполитическая идеология – система идей и представлений одного субъекта международных отношений в отношении других субъектов, в отношении среды, набор применяемых и перспективных принципов, ценностных основ поведения в рамках действующей системы международных отношений, целевые и пропагандистские установки, рассчитанные, прежде всего, на среднесрочную и долгосрочную перспективу и формирующие модель потенциального будущего, в соответствии с которым интерпретируется настоящее и выдвигаются мифы о прошлом. В связи с тем, что такие положения не закрепляются документально, осложняется способ их исследования, приходится анализировать имеющиеся источники, речи и действия политиков. С понятием «внешнеполитическая идеология» тесно связаны «мягкая сила» и «политическое мышление» – первую можно рассматривать как инструмент, второе же оказывается сформировано в связи с внешнеполитической идеологией.
3. Ключевыми характеристиками политического процесса в **Турции на момент начала XXI в.** следует считать: светскую модель политики в мусульманской стране, отрицание связи с собственной традицией и с историей Османской империи, следование западным правилам во внутренней и внешней политике, слабая подчиненная экономика при доминировании доллара, кризисное реагирование на попытки изменить

внутренние акценты в области политики и экономики, армия как гарант светского и прозападного пути, культ личности основоположника Республики М.К. Ататюрка, акцентированное движение к вступлению в Европейский Союз любой ценой, минимальное внимание к развитию сотрудничества с Россией и странами Востока, восприятие данного взаимодействия сквозь призму контактов по линии Североатлантического альянса.

4. **Во внутренней политике** изначально Партия справедливости и развития, в отличие от своих консервативных предшественниц, сделала ставку не на консервативные исламские лозунги, а на экономическое развитие, что привело к положительным итогам в первый период правления (2002-2007 гг.). В дальнейшем, в результате политических манипуляций, реформ конституции и судебных разбирательств «Эргенекон», «Бальез», в Турции произошла ликвидация военных как политического субъекта. Армия, как и требовал Европейский Союз, стала исключительно военным формированием. После этого главенствующей во внутренней политике стала консервативная повестка, внутри Партии справедливости и развития началась борьба между группировками, стоявшими у ее истоков. Самым жестким оказалось столкновение по линии Эрдоган-Гюлен, оно вылилось в «военный переворот». Убийство российского посла А.Г. Карлова ослабило экономику и «мягкую силу» государства за рубежом, где наиболее опасными с точки зрения интересов России были группы, аффилированные с Гюленом, распространенные в том числе на всем постсоветском пространстве. Особую роль играет и объединение в правящий альянс консерваторов и националистов – Партии справедливости и развития и Партии национального действия.
5. **Внешнеполитический курс Турции** претерпел значительные изменения за период правления Партии справедливости и развития (2002 – н.в.). К 2019 г. Турция сформировалась как консервативное

государство, формально сохраняющее светский характер. Идеологические основы турецкого политического процесса подразумевают возвращение к традициям, неоосманизм, неопантюркизм, авторитарные формы управления и рост суверенности. Повышенное внимание уделяется идеям и ценностям. **Во внешней политике** Турция позиционирует себя как мировая держава, не обладая соответствующими ресурсами. Она пытается отойти от сугубо прозападной политики и сконцентрироваться на реализации собственных интересов в окружающих регионах, на пространстве бывшей Османской империи и в «исламском мире». У государства отсутствуют открытые письменные доктрины и концепции. Деятельность Министерства иностранных дел Турции определяется соответствующим законом, а ключевой новацией можно считать идеологему министра иностранных дел Чавушоглу – турецкая политика должна быть «инициативной и гуманитарной». С точки зрения трансформации системы международных отношений основной идеей Турции является слоган «мир больше пяти» Р.Т. Эрдогана.

6. **В ключевых направлениях внешнеполитического курса Турецкой Республики** в отношении стран Запада и Востока укрепляется наступательная линия в отношении Востока. Раньше внешняя политика Турции была ориентирована на отношения с западными странами, в частности в рамках поддержания отношений со своим союзником по НАТО – США – на правах младшего партнера. Кроме того, руководство Турции проводило политику вступления в Европейский Союз. Теперь усиливается провосточный курс Турецкой Республики. К тому же, американо-турецкие отношения характеризуются конфликтным взаимодействием и осложнением противоречий. Противоречия строятся на основе самостоятельности, которую продвигает Турция в решении внешнеполитических задач, не всегда учитывая мнение своего партнера по НАТО. Именно поэтому Турция находит больше возможностей во

взаимодействии с другими акторами. В этом контексте Турция в настоящее время видит перспективы в сотрудничестве с государствами Ближнего Востока, а также Восточной и Юго-Восточной Азии. Во многом, благодаря возрастающей самостоятельности во внешнеполитическом курсе Турции, происходит усиление влияния в регионах. Например, на Ближнем Востоке Турция пытается упрочить свои позиции в Сирии в рамках урегулирования кризиса. Отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Япония и Пакистан) развиваются в экономической плоскости в рамках партнерских отношений.

7. Особое внимание Турцией уделяется конструированию собственной подсистемы международных отношений – «**тюркскому миру**», для чего создаются интеграционные структуры и платформы в разных сферах (в политической – Парламентская ассамблея, научной – Тюркская академия наук, культурной – Международная организация тюркской культуры ТЮРКСОЙ (TÜRKSOY), экономической – Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (TİKA); международная организация, объединяющая современные тюркские государства – Тюркский Совет и пр.).
8. В отношении тюркских народов применяется **«мягкая сила»** на частном и государственном уровнях, проводятся военные учения, создаются учреждения высшего, среднего и дополнительного образования. Все указанные инициативы подразумевают формирование подконтрольного лобби и создание туркоцентричной интеграции. Такие действия направлены на формирование мифа о том, что тюрки – это турки, тогда как исторически все ровно наоборот: турки – это ассимилированные тюрки. Каждый тюркский народ сумел во многом благодаря российской цивилизации сохранить свои культурные коды, стереть которые пытается современная Анкара.

9. **Отношения Турции с Россией** детерминируются экономикой. Во многом именно благодаря формированию крупных проектов, таких как газопроводы «Голубой поток» и «Турецкий поток», Атомная электростанция «Аккую», и созданию прочной базы для экономического партнерства удалось радикально трансформировать российско-турецкое взаимодействие в положительном ключе. Особенно – учитывая тот факт, что в эпоху биполярной конфронтации два государства оказались по разные стороны «баррикад», а Турция часто использовалась Соединенными Штатами для реализации собственных замыслов против Советского Союза, в том числе – в рамках Карибского кризиса и для пропаганды пантюркистской идеологии. В то же время чрезмерное внимание к одной сфере взаимодействия и слабые отношения в других сферах могут приводить к радикальным обрушениям при минимальном недопонимании, как было в случае со сбитым российским военным самолетом в небе над Сирией. При этом инцидент позволил государствам прийти к выводу о необходимости укрепления контактов во всех сферах (а не только в одной) и на всех уровнях, что привело, в частности, к положительным сдвигам в области безопасности и сделало возможным треугольник «Россия-Турция-Иран» по решению сирийской проблемы. Турция для России является государством-предопределением, что стало еще более очевидно во время и после кризиса на Южном Кавказе в 2020 г.
10. С точки зрения **определения перспектив российско-турецких отношений** с учетом диверсификации и активизации внешнеполитического курса Турции в рамках формирования нового баланса сил в современных международных отношениях, следует отметить, что самой перспективной и сложной в отношениях двух стран остается сфера идей и ценностей. Проведение «гуманитарной» деятельности Турцией в российской зоне влияния и на российской территории несет в себе угрозу национальной безопасности Российской

Федерации, требует долгосрочной стратегии и уравновешивания соответствующей проактивной политикой России. Именно за гуманитарной, идейно-ценностной и геополитической составляющей будущее российско-турецкого взаимодействия.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации.

По теме диссертационного исследования была опубликована 51 научная работа, в том числе три индивидуальные монографии: «Армия Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития». М., Международные отношения, 2018. 164 с., «Турецкая Республика. Внутренняя политика: от 2002 к 2018». М., Юрайт, 2019. 203 с., «Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018: монография». М., Юрайт, 2019. 145 с.

Основные результаты работы были апробированы в рамках учебных курсов, на целом ряде международных и общероссийских научных конференций.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация в полной мере соответствует формуле паспорта специальности 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Полученные результаты диссертационного исследования соответствуют следующим пунктам паспорта специальности 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития:

1) Международные отношения: сущность, история становления, основные сферы, динамика развития. Сущность и содержание внешнеполитической деятельности субъектов международных отношений. Внешнеполитические доктрины и внешнеполитическая стратегия субъектов международных отношений.

2) Природа, сущность и типы международных систем, факторы, влияющие на их формирование, способ их функционирования. Типы и структуры международных систем. Глобальные и региональные системы. Международная сфера как пространство реализации и защиты национальных интересов.
3) Международная сфера как пространство реализации и защиты национальных интересов. Проблема гармонизации национальных интересов в международном сообществе в меняющемся мире. Поиск «баланса интересов» в мировом сообществе.
4) Глобализация и регионализация как мировая тенденция. Региональные аспекты современной глобалистики. Глобализация и глобальные вызовы человеческой цивилизации, мировая политика. Участие России в процессах глобализации. Геополитика и геополитические факторы мирового развития.
5) Глобальные и региональные организации: цели, характер и формы их деятельности. Внешняя политика отдельных государств и их блоковых организаций различной направленности. Международная деятельность неправительственных организаций и финансово-экономических структур.
6) Внешнеполитическая деятельность субъектов международных отношений в области национальной, региональной и глобальной безопасности. Субъекты международных отношений. Проблемы национальной безопасности в международных отношениях. Системы региональной и глобальной безопасности.
7) Внешнеполитическая деятельность государств, международных организаций, общественных и политических движений и других субъектов мировой политики.
8) Деятельность лидеров государств и правительств в сфере внешней политики, дипломатических и консульских служб государств. Институты внешнеполитической деятельности государства.

9) Российская Федерация в системе международных отношений. Внешняя политики и дипломатия России. Россия и СНГ. Россия и США. Россия и Китай. Россия и Индия. Россия и «Большая Европа»: проблемы новых взаимоотношений. Центральная и Южная Азия во внешней политике России. Россия и АТР: содержание и перспективы сотрудничества. Россия и Япония. Россия и Ближний Восток. Латинская Америка, Африка и другие регионы мира во внешней политике России. Основные этапы становления российской дипломатии.
10) Теоретическое обоснование роли и места Российской Федерации в системе международных отношений, ее внешнеполитических интересов, принципов и направлений внешнеполитической стратегии России.
11) Выработка форм и методов внешнеполитической деятельности Российской Федерации по реализации национально-государственных интересов.
12) Обеспечение национальной и международной безопасности РФ, решение проблем ее социально-экономического и культурного развития с помощью средств внешней политики и дипломатии.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ТУРЦИИ

1.1. Методологические подходы к оценке трансформации современной системы международных отношений

После развала СССР происходит трансформация системы международных отношений. Существуют различные методологические подходы к оценке современного миропорядка. Система сохраняет многие элементы, связи, показатели и институты эпохи биполярного противостояния. При этом очевидно, что мир находится в постбиполярной эре[146], конфигурация которой до сих пор полностью не определена. Краткое моноцентричное состояние сменилось поиском новых форм взаимодействия, что позволило оценивать сложившуюся конфигурацию системы как переходный период, полицентричность[147] или даже бесполярность, а также хаотичность.

Сторонники исследовательского подхода к международным отношениям как к бесполярной системе утверждают, что многополярность ограничена несколькими ярко выраженными полюсами, в то время как в мире гораздо больше акторов, влияющих на международную систему. В связи с этим исследование самой системы в состоянии ее переходности или трансформации требует от современного научного сообщества изыскания новых, ранее неизвестных методов познания. При отсутствии таковых или невозможности совершить научный прорыв в столь сложном методологическом направлении научное изыскание должно опираться на проверенные временем подходы и методы исследования.

Автор в представляемой научному сообществу работе пошел по второму пути, но с использованием комплексности применения не только методов, но

---

[146] Айрапетян А.М., Панин В.Н., Дегоев В.В. Пост-биполярный мировой порядок: императивы становления // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2016. № 4. С. 115.

[147] Володин А.Г. Россия в «свободной геометрии» мировой политики // Геополитический журнал, 2015. № 4 (11). С. 6-14.

и подходов в исследовании сложного многофакторного феномена международных отношений – внешней политики Турецкой Республики.

Учитывая своеобразие и самоопределение идентичности государственности Турции, автор использовал социетальный подход в исследовании современной системы международных отношений для получения критериев оценки внешнеполитической деятельности конкретного государства. Такой подход используется для оценки выбора действия с отнесением конкретного субъекта – государства – с той или иной группой участников международной среды, но с учетом конкретных индивидуальных характеристик, таких как титульная национальность, религиозные предпочтения, географическое положение и пр.

Говоря о комплексности подходов в исследовании трансформации современной системы международных отношений, но при этом в контексте конечного интереса – методологического обеспечения изучения внешней политики Турецкой Республики, – автором вместе с упомянутым социетальным подходом применены неоинституциональный и модельный подходы.

С привнесением их в исследование трансформации системы международных отношений автором фиксировался опыт формирования различных общностей государств в международной среде с учетом принципов их создания и трансформации. На результаты, полученные благодаря этому подходу в представляемом исследовании, накладывается и модельный подход для получения конкретных научно-обоснованных выводов и практических рекомендаций по внешнеполитической деятельности конкретного участника международной среды.

Исходными данными, т.е. теми независимыми переменными, которыми руководствуется автор в данном исследовании, служат следующие.

Государства-нации теряют монополию на силу, появляются различные неправительственные международные организации, обладающие достаточным влиянием на происходящие в мире процессы: региональные и

всемирные организации составляют конкуренцию государствам сверху, военизированные формирования – снизу, разнообразные неправительственные организации (НПО) и корпорации – со стороны. Иными словами, речь следует вести не столько о многоакторности (то есть наличии определенного количества игроков) в современной международной среде, сколько о многовидовости таковых, в роли которых сегодня выступают как государственные, так и негосударственные структуры. А виды акторов и их характеристика, представленные в работе, служат исходными данными в одном из элементов диалектически установленной комплексности - модельном подходе.

«Власть (в международной среде)[148] сейчас рассредоточена – она находится в разных руках и местах»[149]. Р. Н. Хаас отмечает, что несмотря на то, что Соединенные Штаты пока еще остаются крупнейшим центром глобального влияния[150], их превосходство во многих сферах ослабевает, все больше власти сосредотачивается в руках других центров силы – России, Индии, Китая, Японии и Европейского Союза. Одновременно на мировую арену постепенно выходят новые региональные игроки – Бразилия, Аргентина, Мексика, Нигерия, Египет, Израиль, Иран, Южная Корея и др. Такая бесполюсная модель мира, для которой характерно наличие большого количества влиятельных центров сил, предполагает острые кризисы, конфликты, трансформацию международных институтов, однако может быть управляемой благодаря высокой степени глобальной интеграции[151]. Указанное свидетельсвует о необходимости и возможности учета неоинституционального подхода в исследовании трансформации современных международных отношений.

Близкой к бесполюсному подходу является теория о том, что международной системы не существует. Предполагается, что нет единых

---

[148] Прим. автора.
[149] Хаас Р. Н. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике, 2008. № 4. Т.6. С. 36.
[150] Там же.
[151] Там же

тенденций и целостных структур в международных отношениях, отдельно сосуществуют и развиваются различные акторы, хаотично взаимодействуя друг с другом и не составляя единое целое – систему[152]. Данной теорией фактически отрицается сама возможность формирования институциональности в современном трансформирующемся мире. С чем не вполне можно согласиться.

После окончания холодной войны ни в доктринах, ни в политических документах, ни в исследовательской литературе не было закреплено новой формы миропорядка. Даже западные ученые говорили о переходном этапе и транзитном характере[153] системы международных отношений. Становление новой картины мира еще не завершено, на данный момент мы находимся на этапе ее построения. Элементами ее трансформации можно назвать создание интеграционных международных структур (Содружество Независимых Государств, Североатлантический совет сотрудничества, Евразийское экономическое сообщество и др.), создание новых каналов международного взаимодействия (Совет Россия-НАТО, Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности и др.), принцип многовекторного сотрудничества и др.

Другие исследователи полагают, что формируется новая биполярная система[154], несмотря на отсутствие подходящих кандидатов на роль двух полюсов. Речь идет не о противостоянии двух стран, а скорее о конфдликте двух концепций или двух разных видений мира. Однако в настоящее время ни один из акторов международных отношений не хочет брать на себя такую ответственность. Но это лишь вопрос времени, поскольку комфортные условия сосуществования с каждым годом ухудшаются. Главным трансформатором системы выступает сам глобальный лидер – это, по своей

---

[152] Albert M., Cederman L.-E., Wendt A. New Systems Theories of World Politics // N.Y.: Palgrave Macmilla, 2010. P. 247.

[153] Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования, 2018. № 6. С. 33.

[154] Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? [Электронный ресурс] // РСМД. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/ (дата обращения 07.08.2020)

сути, уникальная ситуация в международной практике. Остается только вопрос - к чему это приведет и как повлиять на этот процесс в выгодном России ключе.

История международных отношений знала немалое количество систем, определяющих взаимоотношения между государствами. Вестфальская система международных отношений, сформировавшаяся по итогам Тридцатилетней войны (1618-1648), сменилась Венской системой «Европейского концерта»[155] и, позднее, более глобальной – Версальско-Вашингтонской системой[156]. Указанные системы тем не менее оказались неспособны устоять перед вызовами Первой и Второй мировых войн. В данном контексте именно устойчивость системы является параметром для моделирования трансформации ее современного состояния.

Анализ источников показал, что новая система послевоенного мироустройства, получившая название Ялтинско-Потсдамской, смогла просуществовать более полувека[157]. Определяющим фактором протекания международных процессов на протяжении всего периода существования системы являлась ее биполярность, выражающаяся в конкурентной борьбе и противостоянии двух блоков – социалистического и капиталистического. Несмотря на конфронтационный характер мирового порядка, биполярность характеризовалась довольно высокой степенью управляемости, благодаря наличию вертикального компенсаторного механизма и необходимости достижения согласия всего двух ключевых держав[158]. Отличительной чертой этой системы было существование так называемой стратегической стабильности, подразумевающей отсутствие стимулов для нанесения первого ядерного удара в связи с паритетным соотношением стратегических ядерных

---

[155] Торкунов А.В., Наринский М.М. История международных отношений. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 1. С. 193-194.
[156] Торкунов А.В., Наринский М.М. История международных отношений. Межвоенный период и Вторая мировая война. М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 2. С. 33.
[157] Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. С.30.
[158] Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений // Полис. Политические исследования, 2012. №3. С. 41.

сил сторон[159]. В контексте представляемого исследования такие качественные характеристики, как биполярность, высокая степень управляемости, наличие компенсаторного механизма для согласия двух ведущих держав, стратегическая стабильность, паритетное соотношение стратегических ядерных сил – стали основой для формирования следующего блока исходных данных в комплексности подходов к исследованию. Однако, как и любая другая система, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений прекратила свое существование с распадом одной из ее основ – Советского Союза. Окончание эпохи классического биполярного противостояния запустило процесс глубоких трансформаций и привело к формированию новых конфигураций уже постбиполярной системы.

Для формирования целостной картины в исследовании трансформации современной системы международных отношений эти конфигурации учтены благодаря институциональному подходу в совокупности уже со специальными методами исследования, используемыми в том числе и в праве – сравнительно-правовым, историко-правовым, методом толкования права и др.

Распад Советского Союза и образовавшийся в результате этого вакуум предоставил Соединенным Штатам Америки шанс не просто быть одной из двух ведущих держав, а продвигать свое лидерство (или скорее безраздельную гегемонию) в глобальном масштабе в рамках «объективно» складывающегося моноцентричного мира. Отличительной чертой системы стало превалирование на международной арене ничем не ограниченного американского унилатерализма, игнорирование интересов, специфических особенностей и традиций других народов[160]. Международное право все больше подменялось правом силы, игнорировались механизмы согласования силовых акций через Совет Безопасности ООН. Вместо «созидания нового,

---

[159] Дворкин В.З. Трансформация стратегической стабильности // Мировая экономика и международные отношения, 2013. №8. С. 22.

[160] Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: международные отношения, политология, регионоведение. Нижний Новгород, 2003. №1. С.208.

многостороннего, согласованного миропорядка» в 1999 г. мир стал свидетелем военной операции против Югославии[161], что и стало трагичным итогом попыток формирования моноцентричности[162].

Тем не менее, ряд исследователей отмечают, что сложившаяся конфигурация не была моноцентричной в чистом виде, поскольку на практике США не были готовы взять на себя всю полноту ответственности. В связи с этим ситуацию, сложившуюся после 1991 г., характеризуют как «плюралистическую однополярность»[163], выражающуюся в наличии руководящего центра в лице Соединенных Штатов Америки и группы стран (страны «G7»), которые также относятся к руководящему полюсу, оказывают влияние на американские интересы и позиции, далеко не всегда совпадающие, например, с европейскими. Так, у сторон зачастую имеются совершенно разные представления о вызовах и угрозах европейской и международной безопасности[164]. При таком раскладе Соединенные Штаты сохраняют за собой практически неоспариваемое лидерство, но не осуществляют жесткий контроль над всеми происходящими на международной арене процессами.

Однако вскоре пришло понимание, что формирование моноцентричности возможно лишь на ограниченный во времени момент[165], даже моноцентричности плюралистической[166]. Отсутствие противовеса в лице Советского Союза не означало отсутствие потенциальной возможности появления другого влиятельного актора в будущем. Кроме того, не произошло снижения общемировой конфликтогенности, не наступил и обещанный «конец истории»[167]. Со временем стало очевидно, что Соединенные Штаты неспособны реализовать свои устремления к единоличному лидерству,

---

[161] Арбатов А.Г. Грядет ли холодная война? // Россия в глобальной политике, 2007. Т.5. №2. С.42.
[162] Иванов О.П. Американские концепции «стратегического паралича» // Обозреватель-Observer, 2008. №.3 (218). С. 64.
[163] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 283
[164] Арбатова Н.К. Евро-атлантические отношения в XXI веке: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения, 2015. №11. С. 31.
[165] Краутхаммер Ч. Момент однополярности иностранных дел // Америка и мир, 1990. Т. 70. № 1. С. 23.
[166] Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль, 1996. №2. С. 25.
[167] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. 600 с.

поскольку ни одно государство не в состоянии контролировать все мировые процессы во всех регионах мира[168]. Постепенно подобное понимание нашло отклик и среди ведущих американских исследователей. К примеру, Г. Киссинджер отмечал в своей работе, что «ни одна страна, действуя в одиночку, не в состоянии сформировать мировой порядок»[169].

Ограниченная (во времени и пространстве) моноцентричность и моноцентричность плюралистическая также используются автором в исследовании эволюционных изменений (трансформации) современной системы международных отношений в группе качественных переменных модельного подхода к исследованию трансформации системы международных отношений.

Результатами исследования, проведенного с использованием указанного в начале раздела комплекса подходов – социетального институционального и модельного, – установлено, что новая система международных отношений еще только проходит этап своего формирования. Предлагаются различные многомерные модели, отражающие разнообразные траектории международного развития. Среди таких моделей:

— различные конфигурации «новой биполярности» (Америка-Китай, страны золотого миллиарда – обездоленные страны периферии и т.д.);
— управление системой в рамках узкого круга крупнейших держав («концерт наций»)[170];
— формирование бесполярности (игра без правил в результате хаотизации и анархизации, различные формы изоляционизма).

Многофакторность современной системы международных отношений, непредсказуемость образа действий многих акторов, их многовидовость не позволяют пока дать однозначного ответа на вопрос: от чего зависит состояние современной системы международных отношений? Однако

---

[168] Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО-Университета, 2016. №5. С.43.
[169] Киссинджер Г. Мировой порядок. Пер. с англ. В.Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. С. 229.
[170] Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования, 2017. №3. С.73.

предложенные авторские подходы – с учетом их комплексности на основе проведенных с их применением исследований – уже позволяют говорить о полицентрической модели будущего миропорядка, за что совместно со многими странами выступает Россия[171].

Несмотря на все изменения в мире, укрепление тенденций к формированию полицентричного мира продолжает оставаться одной из наиболее важных целей российской внешней политики[172]. Москва готова не только открыто говорить о своем видении будущего полицентричного мироустройства, но и активно участвовать в различных механизмах претворения в жизнь подобных идей[173].

Полицентричность подразумевает формирование определенных центров силы[174] за счет повышения роли субъектов международных отношений, причем как традиционных государств, так и негосударственных акторов[175]. Многообразие игроков ведет к выстраиванию новой иерархизации субъектов мировой политики, что приводит к усложнению системы[176]. Вместе с тем, даже в условиях эволюционных изменений действующих институтов суверенные национальные государства сохраняют специфику своего устройства и функционирования[177]. Именно они обладают легитимным правом принимать решения относительно применения или неприменения силы[178].

---

[171] Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. №640. [Электронный ресурс] // Система «Гарант». Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/#ixzz5XNpLujmQ (дата обращения:12.02.2018)

[172] Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке. Под ред. Т.В.Кашириной и В.А. Аваткова. М.: Дашков и Ко, 2017. С.7.

[173] Гузенкова Т.С., Бюрюков Е.С. Российский взгляд на будущее мирового порядка и международных отношений [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований. Режим доступа: https://riss.ru/analitycs/44651/ (дата обращения:12.02.2018)

[174] Володин А.Г. Глобальный кризис и становление нового мира // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука, 2010. С. 133.

[175] Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // Обозреватель-Observer, 2018. №11. С.39-40.

[176] Рыхтик М.И. Ценностная составляющая безопасности: шанс или помеха трансграничному сотрудничеству // Дневник Ашпи. Барнаул: Алтайская школа политических исследований, 2004. №19-20. С.112.

[177] Бажанов Е. П. Неизбежность многополюсного мира // Мировая экономика и международные отношения, 2004. №2. С. 16.

[178] Рыхтик М.И. Ценностная составляющая безопасности: шанс или помеха трансграничному сотрудничеству // Дневник Ашпи. Барнаул: Алтайская школа политических исследований, 2004. №19-20. С.111.

По итогам исследования подчеркивается «оптимальный» характер новой полицентричной модели, которая в условиях глобализации предстает некой альтернативой биполярной модели силового блокового противостояния и «постбиполярной» модели гегемонии единственной сверхдержавы. При этом эксперты отмечают неясность идеологической составляющей формирующегося полицентричного мира[179].

Стоит иметь в виду, что формирование полицентричной системы международных отношений в принципе возможно только при условии заинтересованности в этом процессе самих мировых и региональных держав. Подобная заинтересованность должна подкрепляться их способностью находить компромиссы и проводить ответственную внешнюю политику, которая предполагала бы учет интересов большого числа акторов[180].

В связи с этим полицентричная система несет в себе определенный конфликтный потенциал[181], заключающийся в возможности столкновения интересов нескольких центров силы. Новый мировой порядок не является жестко фиксированным и устойчивым. Иерархия ключевых акторов подвержена изменениям конфигурации и структуры в зависимости от многих факторов, что, с одной стороны, придает системе большую гибкость, а с другой – провоцирует напряженность и нестабильность[182]. Соперничество в самых различных сферах может порождать такие негативные последствия, как кризисы и даже вооруженные столкновения.

Общее состояние современной системы в ее переходном состоянии все чаще характеризуется экспертами как «политико-психологический кризис», сопровождающийся возникновением и расширением новых вызовов и

---

[179] Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Обозреватель-Observer, 2019. №1. С. 14.
[180] Мозлоев А.Т. Обострение отношений между Россией и Турцией: перспектива сотрудничества // Вестник МГИМО – Университета, 2016. №2. С.51.
[181] Пономарева Е.Г. Сумма методологии. Современная политическая наука // Международные процессы, 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 181.
[182] Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. М.: ИМЭМО РАН, 2017. №1. С. 56-57.

угроз[183]. Современные процессы отличает беспрецедентная с исторической точки зрения динамика глобализации, развития информационных и коммуникационных технологий на фоне переформатирования уже существующих связей в рамках региональных подсистем. Помимо новых вызовов, новое наполнение обретают старые проблемы – например, различные религиозно-идеологические и этнополитические конфликты. Так, что касается последних, в условиях глобализации происходит их усложнение и даже гибридизация, а массовая миграция инокультурных элементов порождает новые формы этнополитических конфликтов[184].

Эти тенденции в сочетании с высокоактивной фазой подъема некоторых цивилизаций ведут к многоуровневому соперничеству государств[185], изменчивости складывающегося «баланса сил»[186], а значит и ограничению возможностей долгосрочного планирования.

Наличие разнонаправленных интересов акторов осложняется систематическим нежеланием вести диалог и искать взаимоприемлемые компромиссы по наиболее важным вопросам мирного сосуществования. Прямое военное столкновение более не является предпочтительным вариантом конфронтации, однако, «в XXI в. спектр средств, относившихся прежде к публичной дипломатии и ассоциировавшийся только с «мягкой силой», расширился до части средств экстремистского и террористического спектра, которые стали легитимными средствами политики»[187].

Уровень конфликтогенности региональных подсистем повышается за счет распространения радикальных и фундаменталистских идейных концептов, базирующихся на идеализации прошлого и сопротивлении «внешнему врагу» в настоящем. Наглядным примером здесь выступают

---

[183] Богатуров А.Д., Фененко А.В. Посткризисные тренды в мировой политике // Свободная мысль, 2011. №2 (1621). С. 119.
[184] Прохоренко И.Л. Возможности пространственного подхода в анализе этнополитического конфликта // Полис. Политические исследования, 2016. №6. С. 129.
[185] Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. Екатеринбург: Издательские решения, 2016. С. 70.
[186] Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / nota bene, 2018. № 1. С. 1.
[187] Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель-Observer, 2016. № 12 (323). С. 24.

устремления различных террористических образований. При этом неосторожная политика некоторых государств в наиболее нестабильных регионах мира способствует лишь усилению тенденции к радикализации[188]. Так, стремление Соединенных Штатов реализовать концепцию управляемого хаоса в сочетании с отсутствием понимания ближневосточной специфики[189] и особой социально-экономической и демографической ситуации в регионе породило слом местных систем «сдержек и противовесов».

В то же время, ареал нестабильности редко остается неизменным. Как правило, конфронтация претерпевает трансформацию. Это справедливо как к ее формам и методам, так и к пространственным характеристикам. С учетом «широкой географии» иностранных боевиков, воюющих в Ираке и Сирии, а также возникновения многочисленных филиалов запрещенной в Российской Федерации группировки «Исламское государство» в Малайзии, Индонезии и Филиппинах под ударом находятся Южный Кавказ, Средняя и Юго-Восточная Азия. Что касается России, это поднимает вопрос актуальности выработки собственной модели действий превентивного характера[190].

В ходе исследования с использованием указанных подходов выявлено, что современные процессы актуализируют тенденцию к регионализации международных отношений, формированию региональных кластеров. Наблюдается не только конфронтация, но и стремление к кооперации для создания отвечающих новым реалиям наднациональных площадок и механизмов, в числе которых Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, Восточноафриканское сообщество, Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности, Совет сотрудничества арабских государств Персидского

---

[188] Каширина Т.В. Американская концепция «современного миропорядка» и американо-российские отношения на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия «История и политические науки», 2010. №2. С. 119.

[189] Сушенцов А.А. Малые войны США: политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000-2010-х гг. Под ред. А.Д. Богатурова. М., Аспект Пресс, 2014. С.29.

[190] Аватков В.А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль, 2016. №5 (1659). С.39.

залива[191] и т.д. Создание таких институтов для реализации общих интересов в сфере политики, экономики и безопасности является одной из обязательных компонентов любой региональной подсистемы в принципе.

Кроме того, помимо исторической и культурной близости, неотъемлемой частью устойчивой подсистемы предстает наличие ядра[192] – центра силы, формирующего систему безопасности региона, обеспечивающего стабильность на его границах и развивающего экономические связи со своими соседями. Региональные лидеры способны в перспективе перейти в категорию «великих держав». Однако решающим фактором здесь выступает не только обладание классическими ресурсами[193], но и, к примеру, наличие новых идей, сформулированных альтернативных путей развития (иделогическо-экономический путь Китая, региональный концепт неоосманизма у Турции).

По мнению некоторых экспертов, процесс выделения лидеров в рамках каждого регионального кластера может привести к тому, что система международных отношений будет представлять собой ряд макрорегионов, претендующих на роль лидера, но уже глобального[194]. В таких обстоятельствах отдельно взятое государство будет не в состоянии противостоять совокупной военно-экономической мощи целого макрорегиона[195].

Некоторые региональные центры силы при этом могут характеризоваться как формирующиеся региональные империи «нового типа». Взаимоотношения и взаимовмешательство таких империй определяют повестку дня мировой политики[196], они являются неотъемлемой частью

---

[191] Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64. № 6. С. 107.
[192] Шаклеина Т.А. Становление нового мирового порядка в 2010-х годах // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013. С. 16.
[193] Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2017. С.91.
[194] Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства. // Обозреватель-Observer, 2013. №4. С.30.
[195] Братерский М.В. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии // Россия и современный мир, 2016. №2. С. 39.
[196] Khanna P. Imperial relations // The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. New York: Random House, 2009. P.15.

региональных подсистем Северной Африки и Ближнего Востока. Империи «нового типа» не подразумевают наличия громоздких государственных образований. Они представляют собой сложную сетевую структуру прочных связей и гибких партнерств в самых различных сферах и на самых различных уровнях[197].

Эта сетевая структура схожа по модели с представлениями Хардта и Негри, считающих, что новый глобальный порядок требует новой логики и структуры управления пространством. Империя «не устанавливает территориального центра власти и не опирается на фиксированные границы и барьеры. Это децентрализованный и децентрализующий аппарат правления, который шаг за шагом включает весь глобальный мир в пределы своих открытых расширяющихся границ. Империя управляет гибридными идентичностями, подвижными иерархиями и множественными обменами через моделирование сетей команд…»[198].

Сетевой характер связей проявляется также в возрастании значимости приграничного пространства не только в качестве барьера от традиционных внешних угроз, но и источника возможностей для сотрудничества по самому широкому спектру вопросов, включая проблемы безопасности. Именно приграничное и региональное сотрудничество может оказаться наиболее эффективным для реализации целей по нейтрализации «новых» трансграничных вызовов с учетом единых представлений о безопасности на региональном уровне и исторического опыта взаимодействия приграничных пространств[199]. Подобное взаимодействие, как правило, осуществляется с соседями по региону и так называемыми государствами-предопределениями. Поддержание положительной динамики взаимодействия с последними имеет первостепенное значение.

---

[197] Аватков В.А. Некоторые аспекты формирования региональной «империи» нового типа // Право и управление. XXI век, 2014. №1 (30). С.97.

[198] Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 17.; Хардт М., Негри А. Империя. Под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. С. 12.

[199] Рыхтик М.И. Ценностная составляющая безопасности: шанс или помеха трансграничному сотрудничеству // Дневник Ашпи. Барнаул: Алтайская школа политических исследований, 2004. №19-20. С. 112-113.

Формирование государств-предопределений происходит под влиянием пространственных (фактор соседства), исторических, религиозных, этнических и идеологических факторов. Естественные связи при этом могут проявлять себя как с положительной, так и с отрицательной стороны, могут быть подвержены искусственной трансформации. Так, фактор соседства может означать наличие длительной предыстории двусторонних конфликтов (войны Франции и Германии, России и Турции) или их болезненное восприятие (отношения России с Украиной и Грузией)[200]. С другой стороны, именно такие государства, как правило, выступают ядром многочисленных интеграционных процессов (европейская интеграция)[201].

Разорвать подобную незримую связь в процессах развития общества и государства способна только гибель одного из государств-предопределений. Но и тогда устанавливается новая связь с вновь возникшим государством. Например, Российская Федерация сохранила большую часть государств-предопределений после распада Советского Союза, хотя и в несколько ином качестве. Не претерпели существенных изменений отношения с Соединенными Штатами в том смысле, что обе страны продолжают вести диалог по наиболее острым вопросам международной повестки дня, в то же время основывая свою внешнеполитическую идентичность на взаимном противопоставлении другу[202]. На протяжении веков, несмотря на все изменения, сохраняют статус государств-предопределений Россия и Турция[203].

Данный феномен имеет особое значение для государств-региональных лидеров, новых центров силы, стремящихся обрести статус «великой державы». В современном мире фактор наличия большого числа государств-

---

[200] Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Россия и Грузия: что за красными линиями? К долгосрочной повестке дня российско-грузинских отношений // Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. М, 2014. С. 65.

[201] Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 12.

[202] Каширина Т.В. Проблема сокращения стратегических наступательных и оборонительных вооружений в российско-американских отношениях постсоветского периода // Новая и новейшая история, 2014. №3. С. 102.

[203] Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель-Observer, 2013. № 6 (281). С. 89.

предопределений, по сути, можно считать одним из признаков мировой, а не региональной державы. В связи с этим новые мировые центры силы должны стремиться не ликвидировать подобные связи, иногда приобретающие «проблемный» характер, а оказывать влияние на их развитие в нужной траектории. От этого, в том числе, будет зависеть конфронтационный или кооперационный характер взаимодействия приобретут ключевые акторы новой формирующейся полицентричной системы международных отношений.

Таким образом, распад Советского Союза послужил катализатором трансформации системы международных отношений, в созданных условиях которой стали разрабатываться различные методологические подходы к оценке современного миропорядка. Очевидно, что мир находится в постбиполярной эре, однако конфигурация все еще четко не обозначена. В настоящее время существует мнение, что система находится на стадии переходного периода, в частности, применимо к исследованию принято говорить о таких понятиях, как полицентричность или бесполярность, а также хаотичность.

В методологической основе изучения трансформации как процесса эволюционных изменений и современной системы международных отношений автор предложил использовать комплекс социетального, институционального и модельного подходов. Каждый из данных подходов позволил не только изучить сам процесс трансформации системы, но и индивидуализировать его относительно образа действий конкретных акторов в международной среде. Благодаря модельному подходу виды акторов и их характеристики, представленные в работе, служат в качестве исходных переменных в исследовании системы. Указанное актуально для проводимого авторского исследования относительно методологии исследования внешнеполитического курса Турецкой Республики в контексте формирования и укрепления идейно-ценностного фактора в современной системе международных отношений.

В рамках комплекса данных подходов предлагаются различные модели, отражающие траектории развития международных отношений. Современная система сохраняет многие черты и институты Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, – от биполяряности к моноцентричности, «плюралистической однополярности», а теперь находится в состоянии хаотизации и перехода к полицентричности[204] или бесполярности.

В рамках неоинституционального подхода верно сказать, что бесполюсная модель мира может спровоцировать острые конфликты, но вместе с этим может быть управляемой благодаря глобальной интеграции. Кроме того, есть теория о том, что международной системы не существует. Другими словами, элементы такой системы хаотично взаимодействуют и не представляют собой целое.

Выявленный новый характер полицентричной модели формирует определенные центры силы за счет увеличения значимости субъектов международных отношений. Кроме того, важно учитывать, что полицентричная система несет в себе определенный конфликтный потенциал благодаря столкновению нескольких акторов между собой. Также следует отметить, что в современной международной среде появляется тенденция к регионализации международных отношений и, как следствие, происходит формирование региональных кластеров. Во многом наблюдается тенденция к стремлению стать «мировой державой» со стороны государств-региональных лидеров, что порождает новые центры силы в современной системе международных отношений.

[204] Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика, 2020. Т. 11. №4. С. 10.

1.2. Методология исследования внешнеполитического курса Турецкой Республики в контексте укрепления идейно-ценностного фактора в современной системе международных отношений

Прежде чем вести речь о методологии исследования внешнеполитического курса Турецкой Республики в современной трансформирующейся системе международных отношений, автор считает уместным обратиться к некоторым не описанным в представленной рукописи положениям.

Последние десятилетия экономическое начало преобладает над глобальными целями и идеями. Потребительское сознание цивилизации переживает кризисное пороговое состояние, когда на первый план выходит ценностный фактор и именно он в мировой политике начинает приобретать все большее значение. Общество не может долго существовать без цели, ориентира, куда двигаться. Набор ценностей и идей при этом не обязательно должен быть документально закреплен или где-то зафиксирован.

Поиск ориентиров и идеологем существования цивилизации привел к возвращению к традиционным ценностям, яркими проявлениями которых являются религиозность и национализм. Несмотря на то, что ценности развиваются внутри страны, они неизбежно сказываются и на внешнеполитическом курсе государств[205]. Как внутри своей страны люди, принимающие решения, руководствуются определенным набором ценностей, так и на внешнеполитической арене они мотивируют их на действия. Все это приводит к дестабилизации международной системы.

Учитывая возрастающую роль ценностного фактора[206], представляется необходимым изучать и анализировать ценности стран. Понимая идейные

---

[205] Дегтерев Д.А. Содействие цивилизационному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 2. С. 53.
[206] Рыхтик М.И. Ценности в современной мировой политике: новая повестка дня // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016. С. 173.

концепты, которыми руководствуется государство, экспертное сообщество может спрогнозировать его действия и скорректировать внешнеполитический курс. А это, в свою очередь, может повлиять на трансформацию всей международной среды. Любая система ценностей и маркеров, структурирующая идентичность, в то же время является существенной составляющей системы власти, организующей и поддерживающей порядок в рамках того или иного сообщества[207].

Также следует помнить, что отсутствие глобальных идеологий не означает отсутствия идейных концептов вовсе. Они могут проявляться по-разному – даже движение «феминисток» и «зеленых» можно отнести к микро-идейному комплексу. Такие явления происходят в ответ на запрос об идейной составляющей от международных акторов и самой системы. Изменились масштабы, вместо глобальных идей появились микроидеи, набор концептов и идеологем. Именно они формируют мировосприятие, самоидентификацию и самоопределение государств.

В системе международных отношений, несмотря на имевшиеся мысли о «конце истории», происходит усиление идейно-ценностных факторов, хотя противостояния двух макро-идей больше не существует. При реализации внешнеполитического курса у многих государств во главе угла находятся не только интересы, но и идеологемы, чаще всего объединяемые в неписанную внешнеполитическую идеологию. При этом активно применяется инструментарий «мягкой силы», направленный – на самом деле – на формирование подконтрольного лобби в других странах.

Традиционные виды воздействия на внешнюю среду методом «жесткой силы» становятся все менее актуальными в связи с появлением новых вызовов и угроз, имеющих трансграничный характер. Однако, несмотря на это, за инструментом «жесткой силы» все еще сохраняется функция механизма поддержания существующего порядка.

---

[207] Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ, 2013. Сер. 6. Вып. 4. С.73.

На протяжении всего развития и трансформации системы международных отношений ключевая роль механизмов «силы» оставалась неизменной. В современных условиях тесного взаимодействия и взаимосвязанности государств, что является прямым следствием глобализационных процессов, претерпели трансформацию и принципы функционирования политической системы государств, подходы к их формированию и инструментарий внешней политики.

Авторское видение проблемы заключается в том, что именно в этом контексте и следует рассматривать турецкую внешнюю политику.

В современном внешнеполитическом курсе Турецкой Республики наиболее эффективным, выверенным и признанным механизмом достижения поставленных целей является «мягкая сила» – термин, употребляющийся с конца XX в.[208].

В XXI в. именно использование «мягкой силы» обеспечивает не только процветание страны, но и ее безопасность, экономические интересы, внешнеполитический имидж, а также усиление международного влияния[209]. С. Макинда в свою очередь определяет безопасность как «сохранение норм, правил, институтов и ценностей общества»[210].

Эффективность и методология ненасильственного влияния на общественное и политическое сознание были описаны в труде итальянского политического философа Никколо Макиавелли «Государь». Однако практическая смысловая нагрузка и оформление концепта «мягкой силы» произошло в рамках идей неолиберализма, в трудах Р. Кеохейна и Дж. Ная «Транснациональные отношения и мировая политика»[211] (1927 г.) и «Власть и взаимозависимость: мировая политика в развитии»[212] (1978 г.).

---

[208] Жильцов С.С. «Мягкая сила» в мировой политике // Современная Европа, 2018. № 2. С. 152

[209] Рогожина Н.Г. «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 24.

[210] Osisanya S. National Security versus Global Security [Электронный ресурс] // UNChronicle. – Режим доступа: https://unchronicle.un.org/article/national-security-versus-global-security (дата обращения:18.01.2020).

[211] Keohane R., Nye J. Transnational Relations and World Politics // Center for International Affairs, 1972. 428 p.

[212] Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition // Political Science Quarterly, 1978. Vol. 93. No. 1. 273 p.

Впоследствии, основываясь на собственных теоретических исследованиях и практическом опыте, в 1990 г. Джозефом Наем была представлена концепция «мягкой силы».

«Мягкая сила» или «soft power», описанная в концепции Дж. Ная, заключает в себе «способность государства достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение, а не подавление, что характерно для «hard power»[213]. Она «побуждает других следовать определенной модели поведения в международных отношениях, что и приводит к желаемому результату фактически без принуждения»[214]. «Мягкая сила» – это альтернативный метод достижения поставленных целей, «способность убедить других хотеть того же, чего желаешь ты»[215], «способность влиять на поведение людей, опосредованно заставляя их делать то, что в ином случае они никогда не сделали бы»[216].

Суть «мягкой силы» сводится к созданию привлекательного имиджа власти, социально-политического строя, совокупности идеологических ценностей и принципов, политических институтов, образа жизни в целом какого-либо государства (или социально-политической системы) для информационного воздействия на какую-либо страну с целью формирования в ней группы активных сторонников данных ценностей, готовых к борьбе за их внедрение в собственном государстве[217]. При этом говоря об информационном воздействии, стоит упомянуть информационное противоборство. В зарубежном научном дискурсе информационное воздействие рассматриватся исключительно с точки зрения конфликтов в киберпространстве[218]. Благодаря проведению пропагандистской информационной кампании в различных сферах акторы могут обосновать

---

[213] Nye J.S. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power, 1990. 307 p.
[214] Nye J.S., Owen W. America's Information Edge // Foreign Affairs, 1996. P. 21.
[215] Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone // Oxford: Oxford University Press, 2002. P.182.
[216] Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако, 2013. №6. С.20.
[217] Вилков А.А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 2014. Т.14. №2. С. 66.
[218] Lin H. Cyber conflict and international humanitarian law // New Technologies and Warfare, Vol. 94, Issue 886, 2013. P. 526.

свои внешнеполитические планы, контролировать уровень угроз, а также добиваться стратегических интересов в долгосрочной перспективе[219].

Основой мягкой силы являются неисчисляемые или нематериальные, поддающиеся сутевой трансформации ресурсы – культурные ценности, идеи, символика и мифология государства. Таким образом, путем конструирования определенного образца для подражания[220] происходит легитимация оказываемого влияния[221]. Исходя из этого наполнения и фундамента, феномен «мягкой силы» противопоставляется Дж. Наем «жесткой силе», базирующейся на материальной ресурсной базе в виде военной и экономической мощи[222].

Концепция и механизмы практического применения «мягкой силы» достаточно широко описаны в исследованиях российских ученых[223].

Субъектами, встраивающими во внешнеполитический инструментарий концепт «мягкой силы», на мировой арене выступают как крупные государства (центры силы), так и малые страны. На современном этапе это касается и возвышающихся держав, закрепляющих свое влияние на мировой арене посредством «мягкой силы». Примером такого государства может служить и Турецкая Республика.

При имплементации «мягкой силы» «малые страны зачастую выигрывают больших»[224] путем повышения своей социальной и экономической привлекательности (качество образовательной системы на

---

[219] Naiguo L. New Theories of Information War. – Beijing, PRC: Academy of Military Science Press, 2004. P. 79.
[220] Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. М.: «Издательские решения», 2016. С. 166.
[221] Наумов А. Фактор «мягкой силы» // Стратегия России, 2010. №1. С. 53.
[222] Кукарцева М.А. Проблемы и вызовы современной мировой политики. // Трансформация международных отношений XXI. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. М.: ДА МИД РФ, 2017. С. 168.
[223] Филимонов Г.Ю. Мягкая сила культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.; Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университет, 2012. № 4. С. 85-93.; Громыко Ан.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского Университета. Международные отношения и Мировая Политика, 2014. № 3. С. 3-19; Лебедева М.М. Мягкая сила в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университет, 2014. № 2. С. 47-55.
[224] Косачев К.И. Мягкая сила и жесткая сила – не сумма, но произведение // Индекс безопасности, 2013. №4. С. 12.

всех уровнях, социальная политика, стабильная экономика, уровень и средняя продолжительность жизни и т.д.).

К объектам влияния «мягкой силы» относят как международные отношения в целом, политическую систему мира, так и отдельные регионы, коалиции и государства. Однако внешнему влиянию подвергается не конструкция или территориальная единица, а непосредственно мотивация заданного объекта. По причине отсутствия оформленных элементов управления и систематизации действий, даже самое эффективное воздействие «мягкой силы» может быть неочевидным. В первую очередь причиной этому служит то, что в отличие от «hard power» реализация концепции не требует географической близости или участия в традиционных политических институтах.

У вовлекаемого в процесс принятия решений объекта формируется ложное представление о мире, о наличии общих ценностей и целей с субъектом воздействия. В результате этого принимаются именно те решения, которые выгодны последнему, пусть зачастую это происходит неосознанно[225]. Интересы субъекта отождествляются объектом с собственными, даже если фактически не совпадают с реальными или же представляют собой полную противоположность[226].

Однако инструментарий «мягкой силы» эффективен и действенен только тогда, когда ценности субъекта находят понимание и определенный отклик у объекта воздействия. Иначе любые формируемые или транслируемые культурные ценности, которые не являются универсальными, способны к порождению конфликтов между акторами и к еще большему разделению и отдалению. В данном контексте стоит отметить широко распространенное представление о существовании концепции о цивилизационном разделении народов мира – дихотомия «Восток-Запад»[227].

---

[225] Михалев А.В. Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи: Научный журнал. 2014. № 1. С. 64.
[226] Там же.
[227] Гуторов В.А. Дихотомия Восток-Запад в структуре сравнительного анализа политических культур // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2015. С. 193.

Она также в определенной степени ограничивает возможности прямого применения концепции «мягкой силы» для реализации внешнеполитических интересов в региональных подсистемах.

К примеру, вне зависимости от способов и механизмов продвижения западных ценностей в их современной составляющей, они вряд ли будут позитивно приняты среди населения стран Ближнего Востока, придерживающихся, в большинстве своем, ценностей Ислама и собственных традиций. В таких случаях субъекты в виде «великих держав» выбирают стратегию действия «чужими руками», опираясь на собственных сателлитов, способных наиболее эффективным образом применить инструменты «мягкой силы».

Таким образом, информация превращается в действенный инструмент противостояния, который формирует в инфопространстве благоприятную внешнеполитическую среду для претворения в жизнь субъектами собственных национальных интересов. Д. Элем понимает инфопространство как «совокупность всех объектов, вступающих друг с другом в информационное взаимодействие, а также сами технологии этого взаимодействия»[228]. Это происходит посредством интерпретации актуальных и исторических событий с «выгодной» для субъекта стороны, а также посредством расстановки «правильных» акцентов.

Как показало проведенное исследование, данный феномен связан с формированием имиджа государства на международной арене, который является одной из основных составляющих концепции «мягкой силы». Таким образом, закрепление имиджа (образа действий) и его признание со стороны других акторов международных отношений расширяет вариативность методов достижения поставленных целей[229]. Данный факт существенно

[228] Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. - М.: МИФИ, 2003. С. 76.
[229] Сидорова Г.М. «Мягкая сила» как инструмент формирования новой ментальности // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ, 2017. С 262.

упрощает использование ненасильственных инструментов и, скорее, открывает новые возможности для их применения.

Государство, успешно реализуя подобную стратегию, становится привлекательным с точки зрения «мягкой силы» и способно стать «центром притяжения людей и инвестиций, иными словами, его конкурентоспособность значительно возрастает»[230].

Руководство государств оказывает прямое влияние на формирование и продвижения не только собственного имиджа, но и представлений о роли страны в системе международных отношений[231]. Проводимая работа на данном поле должна соответствовать национальным и внешнеполитическим интересам государств, транслируя необходимые логики во внешнюю среду. Это происходит также посредством высокой активности на различных международных площадках, оказания услуг посредничества при разрешении проблем международного и регионального характера (кризисные ситуации) и т.д. В этой связи отдельные представители экспертного сообщества, такие как Ю. Гюльтекин, выдвигают идеи о необходимости учреждения специальных органов для контроля и координации процессов формирования и поддержания образа и имиджа государства[232].

Одновременно с этим Д.А. Котоорой была подчеркнута важность контекста использования понятия «имидж», так как от этого будет зависеть и само определение термина. Имидж есть ни что иное, как конкретное имеющееся или же, наоборот, отсутствующее представление об объекте, которое позволяет ему быть признанным, известным и понятным (то есть и сам имидж); и совокупность впечатлений, идей и убеждений человека об объекте (скорее близкое российскому пониманию понятия «образ»)[233].

---

[230] Аникин В.И., Сурма И.В. Глобальная конкуренция: от рейтинга конкурентоспособности к рейтингу «мягкой силы» // XXI век: перекрестки мировой политики. М.: «Канон +», 2014. С. 87.
[231] Сидорова И.С. Государственная политика как инструмент формирования имиджа страны // Государственное управление, 2013. №40. С.153.
[232] Gültekin B. Türkiye'nin uluslararası imajinda yükselen değerler ve eğimler // Selçuk İletişim, 2005. №4 (1). P.126.
[233] Cotîrlea D.A. Country image vs. country brand: differences and similarities // Egoforum, 2015. №4. P.170.

При этом стоит отметить, что в российской науке понятие «имидж» в большинстве случаев не равнозначно понятию «образ», в отличие от западной традиции. К примеру, Е.Б. Шестопал определяет имидж как процесс манипулирования образами, виртуальной, а не объективной реальностью[234].

Одной из главных особенностей имиджа государства является опора на определенный гипертрофированный и идеализируемый образец, которому характерно предписываются необходимые идеологические и психологические качества и ценности[235]. Как правило, такой прообраз носит для каждой страны исторический характер. Например, для Турецкой Республики таким прообразом служит Османская империя.

Методологическое обеспечение исследования указанной в теме проблемы, исходя из авторского понимания, должно эксплуатировать сочетание следующих способов:

— позиционирование (обеспечение благоприятной среды в информационной сфере);
— манипулирование (отвлечение внимания в требуемый момент времени на другую ситуацию или субъект международных отношений);
— мифологизация (создание и использование мифов);
— эмоционализация (изменение направления дискурса в эмоциональное русло);
— вербализация (составление информации для ее дальнейшей трансляции и восприятия)[236]. Други словами: как использовать этот методологический инструментарий для получения научного знания по теме исследования?

В отечественных и зарубежных исследованиях также встречается термин «бренд». Д.А. Котоора отмечает, что бренд связан с непосредственным желанием субъекта относительно того, как именно должны думать о нем

[234] Шестопал, Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования. Под ред. Е. Б. Шестопал // Образы государств, наций и лидеров. М.: Аспект Пресс, 2008. С.211-212.
[235] Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма [Электронный ресурс] // Журнал ПОЛИТЭКС. 2007. № 3. С 253.
[236] Федякин А.В. Политика формирования позитивного образа государства в системе приоритетов государственной политики // Вестник Московского университета. Политические науки, 2010. №3. С. 12.

внешние акторы[237]. Профессором британского университета Й. Фэном вовсе выделяется отдельное явление, такое как «брендинг государства». «Бренд – это общая сумма всех восприятий страны в сознании внешних участников коммуникации, среди элементов которых можно выделить: народ, место, культуру, язык, историю, еду, моду, знаменитостей, ТНК и прочее»[238].

За счет имплементации «мягкой силы» брендирование позволяет эффективно конструировать и управлять имиджевой составляющей государства и поддерживать его конкурентоспособность на мировой арене.

В то же время современная ситуация турбулентности не позволяет ведущим державам ориентироваться исключительно на ненасильственные формы и методы внешней политики[239]. По мнению В.С. Ягьи, Н.Л. Парфененка и Р.С. Чукова, после 11 сентября 2011 г. произошла переоценка силы в принципе, после чего концепция «мягкой силы» перестала носить глобальный характер, а на ее смену пришла «smart power» или «умная сила». В свою очередь, впоследствии стала формироваться так называемая «гибридная сила», включающая себя три вида силы, а также атаки в киберпространстве[240].

Сочетание всего многообразия вышеуказанного инструментария приобретает особую актуальность в формирующейся полицентричной системе международных отношений, характеризующейся как взаимозависимостью[241], так и конфликтным потенциалом старых и новых центров силы. Грамотная и своевременная имплементация «жесткой силы», «мягкой силы», «умной силы» или «гибридной сила» позволяет оказывать эффективное противодействие новым вызовам и угрозам в реальности и

---

[237] Cotîrlea D.A. Country image vs. country brand: differences and similarities // Egoforum, 2015. №4. P.170.
[238] Fan Y. Branding the nation: Towards a better understanding // Place Branding and Public Diplomacy, 2010. №6. P.98-99.
[239] Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States, 2015. Vol. 35. No. 3-4. P. 350.
[240] Ягья В.С., Чуков Р.С., Парфененок Н.Л. БРИКС: эволюция и конвергенция сил // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения», 2016. №1. С. 10-11.
[241] Панин В.Н., Косов Г.В. Мировой порядок в XXI веке: теории и практики построения // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы международной научно-практической конференции в рамках X научно-образовательного форума. Под ред. В.В. Бобылева. М., Издательство «Перо», 2017. С. 28.

киберпространстве, формировать положительный внешний имидж государства, а также занять достойное место в мирополитических и мироэкономических процессах.

Одной из ключевых составляющих концепции «мягкой силы» является фактор идеологии, которая призвана распространять идеалы и ценности субъекта для оказания воздействия на требуемые объекты и для достижения внешнеполитических целей[242]. К инструменту идеологии часто прибегает и Турецкая Республика, распространяя и утверждая свои идеологические концепты кемализма[243], пантюркизма[244] и неоосманизма[245].

Впервые понятие «идеология» употребил на заседании Национального института в 1797 г. французский философ Дестютта де Траси[246]. Он приравнивал идеологию к научному направлению, противопоставлял ее религии как «ложному» сознанию. В качестве объекта исследования этой науки де Траси указывал основы возникающих в природе и социуме идей.

Сама идеология была призвана подтолкнуть каждого члена общества к исполнению нравственного закона, что способствовало бы развитию и улучшению устройства всего социума в целом[247]. По его мнению, она заключала в себе три базовых процесса:

1) Воздействие на общественное сознание определенных идей, хотя «многие соседствующие с ними идеи, притом сами по себе верные, нередко такого воздействия не имеют»[248].

---

[242] Nye J. Propaganda Isn't the Way: Soft Power. [Электронный ресурс] // The New York Times. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2003/01/10/opinion/10iht-ednye_ed3_.html (дата обращения: 03.04.2018)
[243] Вертяев К.В. Исламский фактор в политической жизни Турции. // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. и Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. М.: Крафт+, 2004. С. 83.
[244] Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. Симферополь: ДОЛЯ, 2008. С. 24.
[245] Davutoğlu A. Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2011. P. 172.
[246] Destutt de Tracy A.L.C. Memoire sur la faculte de penser // Memoire de l'Institut National des Sciences et des Arts pour Г an IV de la Republique: Sciences morales et politiques, tome 1-er, Paris, Thermidor an IV. P. 324.
[247] Horkheimer M. and Adorno T. Aspects of Sociology. Heinemann, 1973. P. 7.
[248] Косолапов Н.А. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. №1. М., 1994. С. 4-5.

2) Присутствие в мировоззрении и поведении индивидов и группы индивидов некой психологической специфики морально-нравственных и политических процессов.

3) Контроль разума над мыслительными процессами[249].

В политической науке существует множество подходов к трактовке сути и роли идеологии, которые отличаются в зависимости от того, к какой школе и направлению принадлежит исследователь.

Американский социолог-теоретик Т. Парсонс подходит к анализу феномена идеологии с точки зрения системного подхода. Так, она является одним из важнейших функциональных элементов ценностной системы, поддерживающей существующий общественный порядок и определяющей основополагающие направления развития того или иного общества[250].

Что касается социал-коммунистической научно-философской школы, в изучение проблематики идеологии значительный вклад внесли К. Маркс и Ф. Энгельс. Они не рассматривали идеологию в качестве основного предмета своих трудов, но употребляли этот термин в следующих значениях:

— сознание отдельного класса;

— научно-теоретическое сознание;

— искаженное сознание[251].

Итальянский философ В. Парето, в свою очередь, придавал особое значение чувственному аспекту. Парето считал чувства (иррациональные элементы познания) основой подавляющего большинства идей. В этой связи наиболее эффективный способ управления заключается в апелляции к эмоциям, а не в ресурсозатратных попытках их нейтрализации. Главное, по мнению Парето, добиться создания системы мировоззрения, которая бы исключала противоречия между логическими выводами и реальной ситуацией в социуме, где доминирует иррациональное поведение[252].

---

[249] Туропок С.Г. «Идеология» как проблема социального знания (к постановке вопроса). М.: ИНИОП, 1995. С. 22.
[250] Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. NY: Free Press, 1967. P. 560.
[251] Сирота Н.М. Идеология и политика. М.: Аспект-Пресс, 2011. С. 216.
[252] Pareto V. “Treatise on General Sociology” in Sociological Writings-Blackwell, 1976. P. 185.

М. Вебер, со своей стороны, отмечал взаимосвязь между материальной сферой социума и мировоззрением его представителей.

Основоположник культурологического подхода в исследованиях феномена идеологии К. Манхейм видел природу ее возникновения в ложном сознании, искажающем отражение реальности[253]. Кроме того, К. Манхейм считал, что идеологическую концепцию отчасти раскрывает труд английского мыслителя и основоположника эмпирической философии Ф. Бэкона «Идеология и утопия». В своей работе Бэкон представлял идолы в качестве человеческих предрассудков, которые являются первопричиной ложных выводов и заблуждений. На скрытый политический подтекст идеологии обращает внимание американский ученый С. Зизек. По его мнению, идеология – это система взглядов и идей, созданная для продвижения интересов узкого круга политических деятелей, но претендующая на всеобщую истинность. В исследовательской работе «Идеология и общество» О. Лемберг, в свою очередь, выделил главные черты, характерные для идеологии стран Запада. В его трудах идеология представляет собой сознательное или подсознательное искажение фактов с опорой на неистинные или истинные лишь отчасти утверждения с целью обозначения своей позиции или контраргументации позиции оппонента.

Приверженец критического подхода Р. Арон называл идеологию «политической религией», появляющейся в моменты наиболее острых социальных кризисов с целью содействия сотрудничеству для поиска путей выхода из этого кризиса. Как следствие Р. Ароном, Д. Беллом[254], С. Липсетом[255] и др. была выдвинута концепция «деидеологизации», означающей снижение роли идеологии в жизни общества в результате отсутствия условий для ее развития и роста значимости научного знания[256].

---

[253] Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: «Юрист», 1995. С. 656.
[254] Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge: Harvard University Press, 2000. P. 510.
[255] Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. London: Forgotten Books, 2017. P. 340.
[256] Полякова Н.В. Раймон Арон: интеллектуал в политике и политика интеллектуала // Вестник СПбГУ, 2016. №3. С. 47.

Снижение роли идеологии констатировали представители Франкфуртской школы социальной философии Г. Маркузе и Ю. Хабермас, отводившие место идеологии современной науке и технике. Так, они полагали, что именно наука и техника, обладая неоспоримым авторитетом и логикой, оказывают наиболее сильное влияние на мировоззрение человека.

В то же время подобные подходы имеют свои слабые стороны. Так, они игнорируют факт существования незападных обществ[257], которые не намерены отказываться от приверженности своим традиционным ценностям. Кроме того, отсутствие в обществе глобальных объединяющих идей может само по себе таить в себе угрозу разрастания социальных конфликтов.

Можно с уверенностью утверждать, что на смену «деидеологизации» приходит «реидеологизация», также проводящая черту между идеологией и научным знанием, но подразумевающая, что в краткосрочной перспективе идеологическая сила науки будет заменена социальными идеями. Основным лейтмотивом концепции является возрождение западной цивилизации. Однако новая философская мысль разделена на два подхода: неолиберальный и неоконсервативный.

Неолиберальное направление исходит из теории «взрыва идеологий», имеющей прямое отношение к проблеме глубокого ценностного и духовного кризиса Запада. Решение сторонниками неолиберализма[258] видится в создании всеобщей идеологии глобального масштаба, представляющей собой синтез уже утвердившихся идеологических концепций. Такая идеология создаст новую систему мировоззренческих ориентиров и усилит значение идеологических поведенческих ценностей.

С помощью идеологии человек стремится описать и интерпретировать все происходящие в мире процессы, обобщая знания о природе человека, событиях истории и современности, представления о будущих возможностях. Кроме того, как считал Д. Джост, идеология указывает конкретные пути и

---

[257] Радкевич К.В., Шабага А.В. Оппозиция «запад-незапад» в социальной мысли: Pro et contra // Вестник РУДН. Серия: социология, 2018. Т. 18, № 1. С. 28.
[258] Шабага А.В. Эссе о неолиберализме // Вестник РУДН. Серия: социология, 2019. Т. 19, № 3. С. 554.

способы достижения человеческих идеалов в самых различных сферах жизни – от политической до социальной и экономической[259].

В данном контексте интерес представляют и труды турецких политологов, среди которых можно особо выделить профессора Анкарского Университета Аднана Гюриза, правоведа и бывшего члена партии Refah (запрещенная исламистская Партия Благоденствия) Шюкрю Каратепе[260], специалиста по философии С. Озбека, совместные труды преподавателей Университета Озгюр, а также автора под псевдонимом Юсуфа Акдага, а именно его работу «Религиозный капитализм и Секта Гюлена»[261].

А. Гюризом выделяются два вида идеологий: жесткие (katı) и мягкие (yumuşak). Жесткие идеологии догматичны, неизменны, их характеризует «святость» (марксизм, национал-социализм). Мягкие, напротив, могут быть описаны как достаточно гибкие и прагматичные (социал-демократизм, капитализм).

Смена вех, наступившая в результате прекращения существования биполярной системы международных отношений, привела не к исчезновению идеологии и идеологического противостояния как таковых, а к их преобразованию. Так, Гюриз отмечает появление новых идеологий, имеющих в своей основе систему верований. Вероятно, профессор намекает на новый «мягкий» политический режим в Турции и жесткую идеологию Ирана. Главный вывод автора заключается в том, что идеология не сможет исчезнуть из жизни человека в связи с социальным характером жизни, потребностью в самовыражении и процессом трансформации социальных мыслей в политические действия[262].

Ш. Каратепе, бывший представитель запрещенной исламистской Партии Благоденствия, считает, что идеология является системой мышления в целом, подталкивающая группу (или класс) создавать позиции в обществе

---

[259] Jost J.T., Kay A.C., Thorisdottir H. Social and psychological bases of ideology and system justification. New York: Oxford University Press, 2009. P. 309.
[260] Karatepe Ş. Siyasi ideolojiler. İstanbul: İz Yayıncılık, 2011. P. 169.
[261] Akdağ Y. Din Kapitalizm ve Gülen Cemaati. İstanbul, Evrensel basın yayın, 2011. 114 p.
[262] Güriz A. Kapitalist İdeoloji. Ankara: Phoenix, 2010. P.5

или вести себя определенным образом, а также солидаризироваться по ключевым вопросам[263]. Она имеет социальную природу, так как с момента своего рождения индивид думает и ведет себя идеологически. Трансформация общества и знаний не изменяет сути процессов[264].

Стоит отметить выпуски турецкого журнала «Восток-Запад» 2004 г., четыре номера которого были посвящены исключительно исследованиям на тему идеологий[265]. Кроме того, значительное место в вопросе конкретно идеологического воспитания турецкие эксперты отводят образованию. Рассуждения на эту тему содержатся, в частности, в трудах К. Инала, доцента Университета Гази[266].

Существуют различные подходы к пониманию идеологии и среди отечественных политологов. Ф.Г. Войтоловский представляет идеологию как «систему идей и представлений об организации, развитии и функционировании общества, которая имеет определенную ценностную ориентацию, предполагает связанные с ней гипотезу прошлого развития этого общества, интерпретацию настоящего и идеальную модель будущего социального порядка как внутри ее социального субъекта-носителя, так и в сфере его отношений с другими субъектами»[267].

В.В. Ильин отмечает намеренность, искусственность и предвзятость идеологического сознания. Идеология – эфемерна, то есть мысли и осознание истинных истоков идей в обществе отсутствуют[268].

По мнению Г.И. Мусихина, идеология – это символический порядок, в соответствии с которым индивид облачается в определенную маску, имеющую большее значение в сравнении с истинным лицом политического субъекта[269].

---

[263] Karatepe Ş. Siyasi ideolojiler. İstanbul: İz Yayıncılık, 2011. P. 15.
[264] Karatepe Ş. Siyasi ideolojiler. İstanbul: İz Yayıncılık, 2011. P. 31.
[265] Batı D. Düşünce dergisi. Sayılar, 2005. P. 28-31.
[266] İnal K. Eğitim ve ideoloji. İstanbul: Kalkedon, 2008. 422 p.
[267] Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е. М.: «Крафт+», 2007. С. 32.
[268] Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М.: Издательство МГУ, 1994. 284 с.
[269] Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 178.

Со своей стороны, О.Ю. Малинова характеризует общественную идеологию как совокупность большого числа символических форм, не являющихся идеологическими сами по себе[270].

При этом многих экспертов волнует «вопрос о посткапиталистической идеологии и стратегии России», который «остается на сегодня открытым»[271]. Ясно одно – Россия нуждается в выработке крупных и малых идей, ориентированных как вовнутрь, так и вовне. Главной их целью должно стать развитие собственного государства и нации, а также повышение привлекательности, в первую очередь, за счет усиления гуманитарного сотрудничества[272] на постсоветском пространстве и на пространстве «русского мира»[273].

В контексте предлагаемой автором методологической основы исследования, анализ источников и литературы показал, что несмотря на различия в подходах и взглядах на концепцию идеологии, не вызывает сомнений ее важная роль во всех сферах общественной жизни. Идеология сегодня – это реально существующая организованная система ценностей и регулятивов поведения и мировоззрения, определяющая направление развития общества.

Наиболее явно роль идейного фактора заметна на Востоке, поскольку именно здесь большая часть внешнеполитических моделей в том или ином виде предполагает вовлечение не только интересов, но и идей, ценностей и идеологий.

Тем не менее, понятие «внешнеполитическая идеология», хотя и часто употребляется в различного рода исследованиях, все еще не имеет четкого определения. Сам термин достаточно многогранен и может рассматриваться с точки зрения различных аспектов. На Западе «внешнеполитическая

---

[270]Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука, №4. 2003. С. 10.

[271] Подберезкина О.А. Человеческий капитал и посткапиталистическая идеология // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (26). С.237.

[272] Чечевишников А.Л. Гуманитарное сотрудничество в СНГ //Вестник МГИМО Университета, 2011. № 6. С. 48.

[273] Неймарк М.А. Русский мир в европейском пространстве // Стратегия России, 2009. № 5. С. 45.

идеология» имеет отношение скорее к социально-политическому дискурсу и связана с такими понятиями как «состояния»[274], «диспозиции»[275] и «система верований»[276]. Социологический подход определяет «внешнеполитическую идеологию» в качестве общей теории функционирования международной среды и моделей поведения в ней правительств[277]. Кроме того, она воспринимается как продолжение внутриполитической идеологии, «международное измерение и содержание идеологий»[278].

Ключевым отечественным подходом к пониманию «внешнеполитической идеологии» являются исследования Ф.Г. Войтоловского. Он указывает на тесную взаимосвязь субъектов международных отношений по отношению друг к другу с понятием о внешнеполитической идеологии, которая определяется как составная часть идеологии, устанавливающая цели, мотивы и ценностные основы поведения государства во внешнеполитической среде. Согласно точке зрения Ф.Г. Войтоловского, такая идеология «развивается в сфере специализированного внешнеполитического сознания и мышления»[279].

В данной работе «внешнеполитическая идеология» будет трактоваться как система идей и представлений одного субъекта мировой политики в отношении других субъектов, а также мирополитической среды; набор применяемых в настоящее время и перспективных принципов, ценностных основ поведения в рамках действующей системы международных отношений; целевые и пропагандистские установки, рассчитанные, прежде всего, на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

---

[274] Hurwitz J.., Peffley M. How Are Foreign Policy Attitudes Structured? A Hierarchical Model // The American Political Science Review, 1987. № 81(4). P. 1100.
[275] Herrmann R.K., Keller J.W. Beliefs, Values, and Strategic Choice: U.S. Leaders' Decisions to Engage, Contain, and Use Force in an Era of Globalization // The Journal of Politics. 2004. № 66(2). P. 557.
[276] Converse P.E. The nature of belief systems in mass publics // Ideology and Discontent, 1964. P. 68.
[277] Martini N.F. The Role of Ideology in Foreign Policy Attitude Formation [Электронный ресурс] // University of Iowa official site. Режим доступа: http://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3405&context=etd (дата обращения:18.04.2018)
[278] Haas M.L. The Clash of Ideologies. Middle Eastern Politics and American Security. Oxford, 2012. P. 4.
[279] Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е. М.: «Крафт+», 2007. С. 33.

В ходе исследования выявлено, что по своей сути внешнеполитическая идеология представляет собой набор констант или идеологем во внешней политике государств. Кроме того, это относительно перманентные и редко изменяемые принципы взаимодействия политического режима с внешней средой, представленной государствами, группами государств и негосударственными акторами.

Внешнеполитическая идеология, интерпретируя прошлое, настоящее и будущее государства, формирует его иллюзорный имидж как внутри, так и вовне. Этот процесс, наравне с созданием ценностных основ, и является одной из ключевых задач внешнеполитической идеологии. Будучи идеологией, она всегда стремится к экспансии, требует расширения сферы своего влияния за счет новых подходов, последователей и территорий. Она может преследовать среднесрочные, а чаще всего долгосрочные и перспективные цели, так как имеет инертный характер и отсроченный во времени эффект. Для реализации долгосрочных и перспективных целей она закрепляет идеологические установки – идеологемы, создающие иллюзорный имидж прошлого и будущего страны.

Внешнеполитическая идеология выступает в роли основы любого политического мышления. И политики, и рядовые граждане соотносят все размышления о событиях прошлого и возможностях будущего с имеющимися в обществе идеологемами. Внешнеполитические идеологемы во всей своей совокупности и определяют конкретный внешнеполитический курс.

Радикальная смена режима может привести к достаточно быстрой смене внешнеполитической идеологии. Однако так происходит далеко не всегда. Порой, даже после утверждения у власти нового режима, внешнеполитический курс государства по инерции продолжает осуществляться, исходя из принципов прошлого руководства. Например, Партия справедливости и развития в Турции после своего прихода к власти смогла достаточно быстро изменить правящий режим, но так и не смогла полностью перейти к новой внешнеполитической идеологии.

Выявленными и изученными функциями внешнеполитической идеологии Турецкой Республики как основы дальнейшего исследования являются:

— создание основ внешнеполитического курса;

— формулирование внешнеполитических интересов;

— определение модели идеального будущего;

— конструирование внешнеполитического имиджа;

— утверждение «правил игры»;

— установление рамок для внешнеполитической активности;

— создание мотивации действий политической элиты;

— отражение восприятия общества;

— мобилизация групп населения или населения в целом;

— идентификация;

— и др.

Основы внешнеполитической идеологии могут отражаться в конкретном документе, в совокупности документов или, как часто бывает, оставаться множеством неписанных правил. Среди внешнеполитических документов, содержащих описание черт внешнеполитической идеологии, можно выделить доктрины (среднесрочные и долгосрочные цели) и соответствующие им стратегии[280].

Тем не менее, даже доктрины не дают всей полноты представлений о содержательной части внешнеполитического идеологии государства. Как уже было указанно ранее, в большинстве случаев продолжает существовать неписанный набор правил, идентифицировать который возможно только при помощи детального анализа внешнеполитического курса и образа действия государства.

Наличие и постоянное усиление идейно-ценностного фактора мы можем наблюдать во внешней политике Турецкой Республики сегодня. Это

[280] Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, 2008. С. 51.

отмечается уходом от принципов кемализма, укреплением консервативных тенденций, развитием концептов «неоосманизма» и «неопантюркизма». Проявляется такая политика в стремлении к былому величию, возрождению Империи. Турция активно стремится стать одним из ключевых игроков на международной арене, при этом соблюдая свои национальные интересы. Ключевой идеей является расширение сферы влияния в тюркских государствах и создание так называемого «тюркского мира». Для реализации этих идей Турция активно пользуется инструментами мягкой силы. В рамках идеологии «пантюркизма» Турция должна играть роль «старшего брата» и направлять другие тюркские государства в нужное ей русло, постепенно стирая их культурные коды и навязывая свои правила игры.

Еще одной особенностью турецкого самоопределения является смешение национализма и исламизма, как во внутренней политике, так и во внешней. Поворот сначала на Запад, потом на Восток свидетельствует о переосмыслении Турцией самой себя, о том, что она находится в поиске или создании своего места на международной арене, при этом оно должно соответствовать ее амбициям и идеям. Анкара стремится встать в один ряд с самыми влиятельными акторами системы международных отношений, как в масштабах региона, так и в глобальных. При этом Турция формирует свой внешнеполитический курс переходом к принципам «неоосманизма» и «исламизма».

Таким образом, методологически верным представляется исследование внешнеполитического курса Турции с точки зрения влияния идейно-ценностного поля – как в связи с общемировыми тенденциями, так и в связи с трансформацией политического режима в Анкаре. Отсюда и сформировались основные методологические аспекты исследования внешнеполитического курса Турецкой Республики в современной трансформирующейся системе международных отношений.

Причиной обращения внимания на такую «индивидуальную модель поведения» Турции в международной среде стало наличие предложенных в

первом разделе методологических подходов по исследованию трансформации современной системы международных отношений и авторского видения использования возможностей этих подходов в отношении турецкого внешнеполитического курса. В частности, такие категории, как «мягкая сила», «имидж», «бренд», «умная сила», «внешнеполитическая идеология», «неоосманизм», «неопантюркизм» являются критериями в методологии исследования внешней политики Турции.

Описывая необходимую методологическую составляющую исследования внешнеполитического курса Турецкой Республики, автор считает нужным использовать общенаучный подход в изучении столь сложного международного внешнеполитического феномена: от общего – к частному, от частного – к конкретному. Где в качестве общего следует рассматривать использование комплексности социетального, институционального, модельного подходов исследования внешнеполитического курса Турции в современной трансформирующейся системе международных отношений под влиянием ценностно-идеологического поля Турецкой Республики. В качестве частного, по отношению к теме исследования, в методологическом ключе автором применимы эксплуатационные аспекты в деятельности политического руководства Турецкой Республики упомянутых в предыдущем абзаце научных категорий.

Кроме того, в качестве конкретного в методологии исследования применимо изучение совокупности действий и мероприятий турецкого высшего политического руководства с использованием методов факторного анализа, контент-анализа, ивент-анализа. Факторный анализ позволил изъять из большого количества факторов, влияющих на внешнеполитическую деятельность Турции, и выделить в качестве важнейшего идейно-ценностный.

Контент и ивет-анализ позволили автору с учетом влияния идейно-ценностной среды сформулировать основную суть многовекторности внешней политики Анкары, оценить содержательную составляющую

деятельности Турции в отношении тюркоязычного пространства, выделить перспективы отношений России и Турции в свете перехода от экономического сотрудничества в сферы безопасности и гуманитарной политики. При этом методология изучения подразумевает анализ открытых доктринальных документов, речей ключевых политиков, соотношения интересов и ценностей в действиях и бездействиях Анкары. Встраивание всего вышеописанного во внешнеполитическую идеологию государства позволяет верно оценить перспективы и тенденции и дать правильные прогнозы.

***

Подводя итог первой главы, можно сделать вывод о том, что система международных отношений находится в процессе трансформации, но вместе с этим смена сопровождается переходным периодом от биполярной к постбиполярной. Сегодня по данному вопросу до сих пор ведутся методологические дискуссии. Существуют мнения о том, что мир перешел в постбиполярную эру, что он полицентричен или даже бесполярный, хаотичный. Независимо от того, какую форму он примет, будет усиливаться идейно-ценностный фактор, но преимущественно на микроуровне. При реализации внешнеполитического курса многие государства руководствуются не только интересами, но и идеологемами.

В контексте исследования трансформации международной системы автор задействовал социетальный, институциональный и модельный подходы. При помощи таких показателей, как «мягкая сила», «имидж», «бренд», «умная сила», «внешнеполитическая идеология», «неоосманизм», «неопантюркизм» был проведен разносторонний анализ методологии исследования внешней политики Турции с точки зрения ее идейно-ценностного основания. Автором выявлено, что Турецкая Республика в своем внешнеполитичсеком курсе руководствуется идеологическими концептами кемализма, пантюркизма и неоосманизма, что выражается в стремлении к былому величию. Кроме того,

для реализации этих идей Турция активно пользуется инструментами мягкой силы.

Отсюда следует, что разработанный автором комплекс методологических подходов к оценке трансформации современной системы международных отношений в контексте укрепления идейно-ценностного фактора соответствует этому тренду на стратегическом и региональном уровнях.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

2.1. Законодательная и институциональная база, акторы внешнеполитического процесса Турецкой Республики

За почти сто лет существования Турецкой Республики практически полностью завершился процесс разработки законодательной и институциональной базы внешнеполитического процесса. Основной проблемой с точки зрения анализа внешнеполитического курса Анкары остается нехватка официальных открытых документов, в которых бы отражались интересы и ценности Турции – открытых доктрин и концепций у нее нет. При этом с помощью изучения имеющейся документации, выступлений, действий и бездействий официальной власти, ежегодных совещаний послов, влияния внешних и внутренних акторов можно произвести анализ основ внешнеполитического курса Анкары.

Внешнеполитический процесс современной Турецкой Республики во многом был определен принципами, который заложил ее основатель – М.К. Ататюрк еще при образовании Республики. Именно они стали фундаментальной основой не только внутренней, но и внешней политики. До настоящего времени эти принципы, «шесть стрел» Ататюрка, – республиканизм, этатизм (государственное регулирование в экономике)[281], национализм (унитаризм), лаицизм (светскость), народность и революционность (верность принципам революции) – частично используются государством при осуществлении внешнеполитического курса.

С первой половины XX вв. Турция была ориентирована на Запад. Отличительной чертой турецкой внешней политики являлась реализация прозападного курса, но при этом с частичным сохранением собственных

[281] Киреев Н. Г. История этатизма в Турции // АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1991. С. 28.

традиций. Фактически довольно долгое время Турецкой Республике удавалось совмещать демократические принципы Запада с традициями Востока – с исламскими ценностями, которые на протяжении долгих лет оказывали влияние как на внутриполитическое устройство государства, так и на принципы ведения внешней политики[282]. Она всегда была и остается особо важной частью функционирования Турецкой Республики и ее государственности, поскольку современную Турцию с рядом стран объединяют культурные и экономические связи.

С начала XX в. внешнеполитический курс, явно ориентированный на Запад, долгие годы являлся отличительной чертой Республики и выделял Турцию из традиционных государств мусульманского мира, которые не принимали традиции и установки «западного мира»[283]. За долгие годы проведения подобной политики Турция смогла установить достаточно близкие и крепкие контакты со многими государствами-представители западного мира. Прежде всего, с Соединенными Штатами и странами Европейского Союза – многие из них приобрели статус главных партнеров Турции по многим векторам сотрудничества (политика, экономика, а также ряд других направлений). Однако, несмотря на многовекторное сотрудничество со странами Запада, Турецкая Республика все же постепенно начала отходить от исключительно прозападного курса ведения внешней политики.

В 2002 г. к власти в стране приходит Партия справедливости и развития во главе с действующим на данный момент президентом Р.Т. Эрдоганом. Учитывая свое политическое прошлое и начало политической карьеры с членства в происламистских партиях (впоследствии – закрыты), будущий президент Республики понимал, что политические ориентиры – как партии, так и страны, необходимо изменить. Именно по этой причине программа

[282] Вертяев К.В. Исламский фактор в политической жизни Турции // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. И Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 82.
[283] Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии, 2012. № 4. С. 40.

партии была нацелена на развитие демократических принципов, а также на светскость.

Что же касается региональных ориентиров во внешней политике[284], которые были описаны в программе партии, главное место в ней неизменно занимали Соединенные Штаты и Европейский союз[285]. На тот момент сотрудничество с США было выстроено и оставалось на достаточно высоком уровне, однако с образованным в 1993 г. Европейским союзом выстраивание подобного рода диалога было необходимо, поэтому вступление Турции в ЕС стало одним из главных пунктов политики Партии справедливости и развития.

На протяжении довольно долгого времени Турецкая Республика пыталась подстраиваться под европейские стандарты ведения политики, пытаясь убедить Евросоюз в необходимости своего присутствия в списке стран-участниц. Однако при всех подобных попытках Европа предпочитала действовать в ключе собственных интересов, зачастую игнорируя разного рода заявления Турции о желании ускорить процесс. Использование Анкары для достижения определенных целей было выгодно Западу, особенно в контексте того, что Таможенный союз действовал в штатном режиме, и Турция являлась поставщиком товаров по сниженным ценам в ряд западных европейских стран, а вместе с тем оставалась и выгодным рынком сбыта.

В созданных условиях стало очевидно, что союз в формате Турции и Европейских стран объективно не представляется возможным. Как минимум потому, что Турция уже не стремилась выполнять выдвинутые со стороны ЕС требования и не опасалась антидемократических мер, которые могли испортить ее репутацию в глазах западных стран. Постулатами новой политики Турции стали антиамериканская и антиевропейская риторика, исламизация турецкого общества, стремление укрепить вертикаль власти посредством проведения референдума. Все это являлось отчетливым

---

[284] Панин В.Н., Паниев Г.Э. Геополитические ориентиры Турции в начале XXI века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2002. № 1. С. 86.

[285] Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турции: текущие тенденции и перспективы развития // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. Под. ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 13

показателем того, что более Республика не собирается ориентироваться на Запад. В этой связи Р.Т. Эрдоган не раз заявлял о том, что страна устала и больше не желает быть марионеткой в руках Европейского союза.

Однако поворотным пунктом турецко-европейских противоречий стала ситуация, которая произошла накануне конституционного референдума в 2017 г[286]. «Дипломатический скандал» одновременно с несколькими европейскими странами фактически начал новый этап кризиса. Весной 2017 г. в Европе было запрещено проведение агитационных митингов в поддержку референдума в Турции, в том числе в Германии – в стране, где процент турецкой диаспоры намного выше, чем в других государствах Европейского союза[287].

Наиболее острой ситуацией в данном контексте стало то, что в Нидерландах самолету министра иностранных дел Турции, который должен был выступить перед турецкой общиной, отказали в посадке, что является грубейшим нарушением дипломатического протокола. После этого из страны был выставлен еще один высокопоставленный министр[288]. В связи с этим президент Турции Р.Т. Эрдоган в привычной ему манере разговора, практически не подбирая дипломатических выражений, обвинил вышеупомянутые страны в исламофобии, сравнив их режимы с нацистскими[289].

Необходимо отметить, что в преддверии президентских и парламентских выборов, которые были запланированы на июнь 2018 г., Эрдогану все же удалось посетить Великобританию, а также встретиться с

---

[286] Аватков В. Оборона через лидерство: Турция накануне референдума о конституции [Электронный ресурс] // Валдайские записки, 2017. № 65. С.8. Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/files/15431/ (дата обращения:18.02.2018)

[287] Референдум Эрдогана: как голосуют турки в Германии [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/ референдум-эрдогана-как-голосуют-турки-в-германии/a-38163947 (дата обращения:16.03.2018)

[288] Рар А. Турция – ЕС: начало большого противостояния? [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/turtsiya-es-nachalo-bolshogo-protivostoyaniya/ (дата обращения:16.03.2018)

[289] В чем суть конфликта Эрдогана с властями Германии? [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/в-чем-суть-конфликта-эрдогана-с-властями-германии/a-38062413 (дата обращения:16.03.2018)

турецкой общиной в Сараево[290], где он выступил с речью. Реакция европейского сообщества на данное событие может быть охарактеризована единогласным неприятием.

Президентом Республики Сербия были выдвинуты обвинения в адрес Эрдогана во вмешательстве в боснийскую политику, Германия и Нидерланды высказались против разрешения проведения предвыборных кампаний иностранных политиков на территории их государств, а ранее канцлер Австрии отметил необходимость предотвращения попыток влияния Эрдогана на турецкие диаспоры, проживающие в Европе[291].

Все это говорит о том, что президент Турции не являлся долгожданным гостем на европейском пространстве, а критика политики западных стран, которая была озвучена им с трибуны Королевского института международных отношений[292], в очередной раз свидетельствует о непримиримых противоречиях, подрывающих позитивное развитие двусторонних контактов между Турцией и Европейским союзом.

Ситуация с американским направлением внешней политики Турецкой Республики складывается подобным образом. В рамках концепции неоосманизма президент Турции бросает Соединенным Штатам достаточно смелый вызов, позволяя себе критиковать, казалось бы, неоспоримую по своей сущности американскую политику на международной арене и обвиняя Белый дом в поставках вооружений курдам в Сирии, а также в игнорировании позиции Турции по ряду внешнеполитических вопросов.

Ситуация обострилась после попытки государственного военного переворота, которая была осуществлена в Турции 15 июля 2016 г.[293]. На тот момент Соединенные Штаты отказали Турции в экстрадиции исламского

---

[290] Президент Турции выступил в Сараево [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/президент-турции-выступил-в-сараево/a-43864276 (дата обращения:18.06.2018)

[291] Курц: Эрдоган переносит конфликты из Турции в ЕС [Электронный ресурс] // Вести.ру. Режим доступа: https://www.vesti.ru/doc.html?id=2922905 (дата обращения:17.03.2018)

[292] Эрдоган отправляется с визитом в Великобританию в разгар предвыборной кампании в Турции [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5195071 (дата обращения:22.06.2018)

[293] Perinçek D. FETÖ Darbesi. Kökleri Yükselişi Ezilmesi ve Sonuçları. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2016. P. 15.

общественного деятеля Фетхуллаха Гюлена, который, по мнению Турции, являлся одним из организаторов неудавшегося переворота.

В настоящее время некоторые высокопоставленные лица Турецкой Республики заявляют о желании выйти из Североатлантического альянса и присоединиться к Шанхайской Организации Сотрудничества. Однако даже в условиях трансформации внешнеполитического курса Турции такого рода заявления можно считать серьезными лишь отчасти. Более реалистичной представляется попытка Турции перевооружить собственные вооруженные силы, заменив военную технику Североатлантического альянса аналогами собственного производства, а также российской техникой в виде зенитно-ракетного комплекса С-400 «Триумф», который, по мнению Соединенных Штатов, опасен для безопасности НАТО и несовместим с аналогичными системами Североатлантического альянса, что в определенной степени вызывает недовольство и беспокойство западных коллег.

Достаточно серьезные противоречия между Анкарой и Белым домом возникли также по поводу решения Америки выйти из ядерного соглашения по Ирану, а также по признанию Иерусалима столицей Израиля. Последнее мгновенно стало предметом критики Р.Т. Эрдогана.

Ту самостоятельность, которую Турция стремится продемонстрировать на внешнеполитической арене, Соединенные Штаты не собираются признавать по причине собственной привычки и представления о том, что, несмотря на все существующие противоречия, Турция все еще является посредником Запада на Ближнем Востоке, которому несвойственно иметь собственное мнение. Именно поэтому Белый дом пытается ультимативным образом оказать влияние на переменчивую политику Анкары в отношении выбора внешнеполитического курса. Однако Р.Т. Эрдоган настроен решительно и серьезно в контексте закрепления Турции на геополитической арене как самостоятельного субъекта, которому никто не имеет права

указывать на внешнеполитические приоритеты, на сегодняшний день полностью определенные идеологией неоосманизма[294].

Таким образом, стремление европеизировать и демократизировать Турцию, как со стороны Европейского союза, так и со стороны Соединенных Штатов, привело к обратному процессу, а именно – еще большей консерватизации турецкого общества[295], обращению к догмам Ислама и поднятию националистических настроений. По итогам всех процессов и попыток Турецкой Республики найти признание среди европейских стран Анкара поняла, что не получает и не получит поддержки от государств западного мира, к обретению которой она так стремилась. На Западе не стремятся разделять и учитывать интересы Турции, страну не поддерживают по вопросу вступления в Европейский союз, осуществления сирийской политики и даже по вопросу выдачи одного из главных личных врагов президента Р.Т. Эрдогана – Ф. Гюлена, чье движение было признано на территории страны террористическим.

Безусловно, все перечисленные факторы повлияли на решение Турции отойти от западного внешнеполитического курса. Сегодня политика Турции в отношении стран Запада переживает новый этап – этап перехода от желаемого состояния союзничества в состояние стандартного сотрудничества, которое периодически сменяется конфронтацией по ряду ключевых геополитических вопросов, а также соперничеством за лидерство как в регионе Ближнего Востока, так и в целом на международной арене.

При этом Турецкая Республика отчетливо дает понять, что удовлетворение интересов Запада и зависимость от него больше не являются частью внешнеполитического курса страны, что теперь Турция стремится войти в состав мировых держав уже наряду с этими государствами[296].

---

[294] Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль, 2014. № 3. С.71-78.

[295] Аватков В. Оборона через лидерство: Турция накануне референдума о конституции [Электронный ресурс] // Валдайские записки. 2017. № 65. С. 8. Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/files/15431/ (дата обращения:18.02.2018)

[296] Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель (Observer), 2013. № 6(281). С.77.

Несмотря на уверенность Турции в своих политических возможностях, основной вопрос заключается в том, насколько возможно такое единоличное лидерство страны без поддержки стран Европы или же Соединенных Штатов, которые на данный момент являются одними из важнейших акторов на международной арене.

К настоящему времени Турция пытается проводить политику многовекторного сотрудничества, но до тех пор, пока страна официально является членом Североатлантического альянса и все еще кандидатом на вступление в Европейский союз, то ей так или иначе придется учитывать мнение своих западных коллег, несмотря на уже трансформировавшееся отношение к ним, а повсеместная критика государств, которые еще совсем недавно были ближайшими союзниками Турции, в конечном итоге может привести только к дальнейшей изоляции.

Однако наряду со всем этим не стоит забывать о том, что с 2015 г., с момента инцидента с российским Су-24 и убийства посла А.Г. Карлова в 2016 г., прошло достаточное количество времени и двусторонние отношения между Россией и Турцией претерпели качественные изменения в сторону налаживания положительного политического диалога[297].

В настоящее время процесс переориентации внешнеполитического курса Турции с Запада на Восток становится все очевиднее. И в первую очередь – в сторону России.

Турция, вероятно, все же убедилась в том, что Россия на протяжении всей истории являлась одним из тех немногих партнеров, которые были готовы учитывать не только свои собственные интересы, но и интересы коллег, чего нельзя было сказать о Европейском союзе и Соединенных Штатах, на союзничество с которыми так уповало несколько поколений турецкого руководства. Именно по этой причине потепление двусторонних отношений между Москвой и Анкарой сопровождалось активным

[297] Россия и Турция в новой мировой политической среде. Под ред. А. А.Орлова; В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2015. С. 34.

взаимодействием по ключевым внешнеполитическим вопросам. Понимая, что для стабильного и взаимовыгодного диалога необходимы регулярные политические контакты, Россия и Турция активизировали данное сотрудничество не только в различных областях, но и на различных уровнях государственной власти.

Особенно плодотворное сотрудничество было налажено на таком важном направлении, как обеспечение безопасности в рамках переговоров формата «Астанинской тройки» по вопросам сирийского урегулирования, которые были начаты еще в январе 2017 г.[298]. Существовавший на тот момент Женевский процесс, который осуществлялся под эгидой ООН, не приносил желаемых результатов. Именно поэтому было принято решение о создании переговорного формата с участием глав трех государств – России, Турции и Ирана, который является альтернативной площадкой, но ни в коем случае не стремится заменить собой Женевский процесс. Такой трехсторонний формат был создан с целью обсуждения сирийской проблематики непосредственно властями стран, которые были наиболее вовлечены в данный конфликт.

Помимо этого, площадка является уникальным явлением с точки зрения того, что долгое время являющиеся геополитическими историческими конкурентами Турция и Иран сели за один стол переговоров для достижения консенсуса по одному из важнейших вопросов современного политического мироустройства. Во многом это является успехом дипломатии Российской Федерации. Также, кроме «Астанинского диалога», Россия и Турция обсуждают сирийский кризис и варианты его урегулирования в двустороннем формате[299]. Одним из результатов таких обсуждений стало создание четырех зон деэскалации в Сирии и координация военных действий по окончательному разрешению данного конфликта[300].

---

[298] Астанинский формат по Сирии доказал свою эффективность, считает Лавров [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20190303/1551510640.html (дата обращения:18.05.2019)
[299] Жириновский В.В. Геополитика. Особые отношения // Прямые инвестиции. 2011. № 6 (110). С. 37.
[300] Мир в указанных границах [Электронный ресурс] // Российская Газета. № 98 (7264). Режим доступа: https://rg.ru/2017/05/05/v-sirii-sozdadut-chetyre-zony-deeskalacii.html (дата обращения: 03.02.2019)

Тем не менее, далеко не всех акторов международных отношений устраивает подобное положение дел и активизация российско-турецкого взаимодействия, которому в этой связи активно пытаются помешать. Как уже было упомянуто, доказательством этому служит случай убийства российского посла Карлова в Анкаре в декабре 2016 г., которое было оценено руководством Российской Федерации и Турецкой Республики как провокация, направленная на срыв нормализации двусторонних отношений[301].

Помимо этого, несмотря на активизацию диалога, у России и Турции по-прежнему сохраняются противоречия по различным вопросам – в частности, это касается присоединения к России Крымского полуострова[302], которое Турция до сих пор отказывается признавать и призывает страны Запада не забывать о российской «аннексии». Для России данные заявления, безусловно, являются тревожным сигналом. Более того, как бы ни хотелось Турции, и как бы часто президент Р. Эрдоган ни называл В. Путина другом, в связи с событиями осени 2015 г. уровень доверия упал, возросло стремление России к проведению более осторожной политики в отношении своего партнера.

Таким образом, на протяжении всей истории Турецкая Республика, продолжая настаивать на прозападном внешнеполитическом курсе, не нашла у своих союзников того, чего она так долго пыталась получить от них – поддержки и понимания не только в стремлении Турции войти в состав европейских стран, но и в принятии ее национальных интересов. В конечном итоге Анкара разочаровалась в Соединенных Штатах и их союзниках, и эта данность привела к трансформации как внутренней, так внешней линии страны.

В настоящее время Анкара старается развивать отношения и взаимодействовать с различными государствами в различных регионах мира, устанавливая партнерские контакты с множеством стран, начиная с Востока и

---

[301] Убийство посла Андрея Карлова: в Анкаре начинается суд [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-46525488 (дата обращения: 08.03.2019)

[302] Ирхин А.А., Демешко Н.Э. Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» // Перспективы, 2019. № 2 (18). С. 42.

заканчивая государствами постсоветского пространства, при этом не обходя вниманием и страны Запада.

Такое стремление к проведению многовекторной политики объясняется желанием правящих кругов вывести Турцию на качественно новый уровень на международной арене и представить страну как самостоятельного субъекта международных отношений и мировую державу, с которой необходимо считаться при принятии важных геополитических решений[303]. Также это обусловлено и этнической принадлежностью турок к тюркскому этносу[304], который занимает обширную географическую территорию от Сибири до Балкан[305]. Кроме того, одним из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Турции на сегодняшний момент является создание собственной подсистемы международных отношений – «тюркского мира».

Однако в своем становлении в качестве самостоятельного актора международных отношений Анкаре не стоит забывать о том, что в ситуации вынужденной связи с Европейским союзом в виде членства в Североатлантическом альянсе, а также в контексте экономической составляющей, в ситуации с налаживанием диалога с Российской Федерацией в политической, экономической, энергетической, военно-технической и гуманитарной сферах, необходимо найти баланс, чтобы в очередной раз не совершить стратегической ошибки и не остаться в практической полной международной изоляции без поддержки какой-либо из сторон.

Для наиболее эффективной реализации всех перечисленных целей внешнеполитический процесс государства регулируется и вырабатывается целым рядом компетентных законодательных и исполнительных органов при

---

[303] Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турции: текущие тенденции и перспективы развития // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. Под. ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. М.: МГИМО-Университет, 2014. С.13.

[304] Почта Ю.М. Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора) // Вестник РУДН. Серия: политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 624.

[305] Задохин А.Г. Русское национальное сознание и внешняя политика России // Обозреватель. 2012. № 8. С. 17.

непосредственном участии в этих процессах большей части государственных структур.

Среди всех документальных обоснований и перечня нормативно-правовых актов, которые регулируют внешнеполитический процесс Турецкой Республики, прежде всего, необходимо упомянуть документ, занимающий наивысшие позиции в правовой иерархии любого государства – Конституцию. Учитывая факт ее принятия в 1982 г., стоит отметить, что с того времени изменилась как ситуация на международной арене, так и внешнеполитические ориентиры Турции. Однако принятый в результате военного переворота вариант Конституции до сих пор обладает высшей юридической силой и по-прежнему является основой внешней политики современной Турецкой Республики.

Конституция Турции закрепляет полномочия, которыми обладают государственные структуры и руководство страны в обеспечении, а также реализации внешнеполитической деятельности. Так, за президентом страны закрепляется право ратификации международных договоров, вынесение решения о применении вооруженных сил, а также об отправке представителей государства за рубеж (Статья 104)[306].

Помимо этого, заседание Совета Министров осуществляется исключительно под председательством президента, а в компетенцию самого Совета входят: объявление режима чрезвычайного и военного положений, а также мобилизации страны.

За обеспечение безопасности государства отвечает Совет национальной безопасности, а именно – начальник генерального штаба, начальники видов вооруженных сил и базовые министры[307].

Несмотря на то, что Конституция 1982 г., как и все вышеперечисленные положения, на сегодняшний день все еще является действующей, в 2017 г. в Турции прошел референдум о внесении поправок в данный документ, которые

[306] Türkiye Cumhuriyeti Anayasası [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi Başkanlığı. Режим доступа: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2017.pdf (дата обращения: 04.05.2019)
[307] Ibid.

предполагают значительное расширение полномочий президента и их делегирование. В данный перечень входит: объявление чрезвычайного положения, реформирование министерства, а также издание указов (в том числе в сфере внешнеполитического регулирования), не требующих одобрения со стороны парламента[308].

Основной институцией, отвечающей за формирование и осуществление внешнеполитического курса страны, является Министерство иностранных дел Турецкой Республики. Оно осуществляет свою деятельность на основании Закона о задачах Министерства иностранных дел (№6004)[309]. В качестве одной из основополагающих задач министерства является оказание поддержки формированию и укреплению на региональном и мировом уровнях такой обстановки, которая способствовала бы справедливости и развитию. Данное положение говорит о том, что даже исходя из первого пункта становится ясна суть внешнеполитической политики государства. На официальном уровне Турция заявляет о том, что вполне может стать той силой, которая способна регулировать не только ключевые региональные, но международные процессы в рамках современных международных отношений, тем самым демонстрируя всему мировому сообществу свои амбиции и претензии на роль одной из мировых держав.

Примерно такие же установки можно наблюдать в информационных источниках, которые размещены на официальном сайте Министерства иностранных дел. В них особенно подчеркивается, что современная дипломатия Турции основана на дипломатических установках Османской империи, которая на протяжении нескольких веков имела значительное влияние на обширной географической территории[310].

---

[308] Конституционный референдум в Турции в 2017 году [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/spravka/20170424/1492828175.html (дата обращения: 12.05.2018)

[309] Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf (дата обращения: 27.11.2019)

[310] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Tarihçesi [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cumhuriyeti-disisleri-bakanligi-tarihcesi.tr.mfa (дата обращения: 21.07.2020)

Что касается функционирования структуры Министерства иностранных дел, то дипломатическая служба регулируется и осуществляется на основании Закона № 6004 «О создании и задачах Министерства иностранных дел[311]» и других правовых актов, которые включают в себя: постановление «О процедурах и принципах повышения на посту дипломатических служащих Министерства иностранных дел[312]», а также различные назначения на срочные должности за рубежом, специализации в иностранных делах и т.д.

В структуре министерства работает более 6700 человек, из которых количество карьерных дипломатов превышает 2200 человек. За несколько последних лет в Турецкой Республике министрами иностранных дел государства были: Яшар Якыш (2002-2003 гг.), Абдуллах Гюль (2003-2007 гг.), Али Бабаджан (2007-2009 гг.), Ахмет Давотоглу (2009-2014 гг.), Мевлют Чавушоглу (29.08.2014 г. – 20.08.2015 г.), Феридун Синирлиоглу (29.08.2014 г. – 24.11.2015 г.)[313].

С ноября 2015 г. по настоящее время министром иностранных дел Турции является Мевлют Чавушоглу. В реализации и контроле над внешнеполитической деятельностью ему помогает его заместитель и советник, у которого также есть свои семь заместителей, регулирующих деятельность соответствующих семи департаментов.

Система функционирования департаментов и отделов Министерства иностранных дел является достаточно сложной в связи с их числом, которое в настоящее время превышает 30[314]. Однако, как это количество, так и сами

---

[311] Dışişleri Bakanlığının Kuruluş ve Görevleri Hakkında Kanun [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf (дата обращения: 20.07.2020)

[312] Dışişleri Bakanlığı Diplomatik Kariyer Memurlarının Görevde Yükselme Usul ve Esasları Hakkında Yönetmelik // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/Mevzuat/5-kariyer.pdf (дата обращения: 20.07.2020)

[313] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Dışişleri Bakanları Listesi [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı web-sitesi. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/_disisleri-bakanlari-listesi.tr.mfa (дата обращения: 21.04.2018)

[314] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Merkez Teşkilatımız [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı web-sitesi. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/teskilat-yapisi_.tr.mfa (дата обращения: 21.04.2018)

департаменты, по сути, постоянно меняются. Среди постоянно действующих и наиболее важных можно выделить: департамент по административным вопросам; по общим политическим проблемам, который включает в себя отдел безопасности и разведки; по делам Ближнего Востока и Азии; двусторонним отношениям и Африке; Европейский департамент (куда относится Российская Федерация); двусторонним политическим отношениям в целом; по экономическим вопросам и т.д.

Министерство иностранных дел активно реализует деятельность за рубежом, о чем свидетельствует большое количество дипмиссий, в настоящий момент достигающих 236-ти. 135 из них являются посольствами, 86 – генеральными консульствами, 13 – постоянными правительствами, и кроме того, имеется 1 консульское агентство и торговое представительство. Представительства Турецкой Республики функционируют и на территории Российской Федерации – в настоящее время осуществляют свою деятельность посольства Турции в Москве, а также три генеральных консульства – в Санкт-Петербурге, Казани и Новороссийске.

Кроме того, разведывательные органы вооруженных сил Турции занимают одно из центральных мест в системе государственной безопасности. Обусловлено это не только действующим законодательством Турции, которое определяет главенствующее положение военной разведки среди национальных спецслужб, но и развитой инфраструктурой, достаточным финансированием и широкими техническими возможностями[315]. Главной турецкой спецслужбой является МИТ (Милли Истихбарат Тескилати) – Национальная разведывательная организация, которая выполняет как разведывательные, так и контрразведывательные функции.

Также стоит упомянуть входящее в состав органов военной разведки Главное разведывательное управление генерального штаба вооруженных сил (ГРУ ГШ ВС). В их компетенции – решение задач стратегической разведки.

[315] Задонский С.М. Разведывательное сообщество Турецкой Республики [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=27350 (дата обращения: 11.05.2018)

Среди образовательных учреждений, которые подведомственны Министерству иностранных дел Турции, функционирует Дипломатическая академия, специализирующаяся на проведении обучения будущих дипломатов, а также на повышении квалификации действующих сотрудников министерства[316]. Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Турции имеет контакты и договоры, в том числе и с Дипломатической академией Министерства иностранных дел Российской Федерации, по примеру которой фактически была создана турецкая.

Поскольку одним из векторов внешней политики Турции, помимо выстраивания отношений со странами-соседями, Европой, Азией и Российской Федерацией, является и Африканский континент, со времени прихода к власти Партии справедливости и развития, с 2002 г., Турция начала политику по реализации африканского внешнеполитического курса, запустившую крупномасштабный процесс расширения зоны влияния Турции на территории африканского пространства.

В 2010 г. премьер-министром Р.Т. Эрдоганом был также распространен циркуляр, посвященный Африке, где, в частности, подчеркивалась важность развития этого направления внешнеполитической линии и продолжения сотрудничества с государствами региона и Африканским союзом на основе взаимопонимания и устойчивого партнерства[317]. Следует отметить, что в данном ключе интерес Турции к североафриканским государствам, которые ранее входили в Османскую империю, с точки зрения ценностных ориентиров, обоснован. Объясняется это концепцией «неоосманизма», согласно которой данные государства входили в ориентиры этого плана в рамках их географической близости и исторического аспекта вхождения в состав Османской империи. Однако, что касается государств остальной части

[316] Diplomasi Academisi. Hakkımızda [Электронный ресурс] // Diplomasi Academisi web-sitesi. Режим доступа: http://diab.mfa.gov.tr/hakkimizda.tr.mfa (дата обращения: 13.05.2018)

[317] Genelge [Электронный ресурс] // Resmi Gazete. Режим доступа: https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/03/20100326-16.htm (дата обращения:30.07.2020)

Африки, то здесь прослеживается иной подход влияния во внешнеполитическом курсе Анкары.

Начиная с 1998 г. и на протяжении долгих лет Республика успешно реализует данную цель, но на современном этапе процесс приобрел наибольшую активность[318]. Континент богат природными ресурсами, поэтому большинство проектов, в которые активно инвестирует Турция, являются экономическими. Помимо этого, упор делается также и на образование, а ряд турецких бизнесменов осуществляет поставки гуманитарной и медицинской помощи[319]. Примечательно, что африканское направление является одним из самых стабильных и выгодных в контексте стремления Турции проводить многовекторную политику по укреплению своего влияния.

Несмотря на то, что многие мировые процессы воздействуют на характер турецкой «африканской стратегии», меняя ее, все-таки сохраняется тот факт, что во внешнеполитическом курсе Турции данный континент остается важным с точки зрения упрочения внешнеэкономических связей и закрепления за собой лидирующего положения в регионе, а затем и на международной арене.

Среди других источников права, которые регулируют внешнеполитическую деятельность Турции, необходимо выделить принимаемую каждые пять лет Советом безопасности Республики «Красную книгу» («секретная конституция»), подразумевающую под собой документ, по форме представляющий из себя концепцию национальной безопасности государства. Данный документ принимается военными и рассматривает международные отношения прежде всего с точки зрения безопасности – путем выявления потенциально опасных угроз, как на региональном, так и на мировом уровне. Символичное второе название – «секретная конституция»

---

[318] Мосаки Н. Африканская стратегия Турции [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177674972.html (дата обращения: 13.05.2018)

[319] Инициативы Турции в Африке [Электронный ресурс] // Официальный сайт Телерадиокомпании Турции TRT. Режим доступа: https://www.trt.net.tr/russian/programmy/2018/03/08/initsiativy-turtsii-v-afrikie-924907 (дата обращения: 23.04.2018)

действительно подтверждает тот факт, что данный документ не может быть подвергнут публичной огласке.

Тем не менее, несмотря на это, выдержки из книги иногда появлялись на страницах различных средств массовой информации. Кроме этого, были случаи, когда к составлению данного документа привлекались не только военные, но и представители гражданской администрации. Таким образом, в 2005 г. был принят «Документ о политике в области национальной безопасности»[320]. Он исключал положения об опасности, которая могла исходить от гражданских групп. Такое решение очевидным образом могло быть связано с тем, что в этот список могла попасть правящая Партия справедливости и развития из-за своей деятельности в рамках радикального исламизма. По сравнению с более ранними проектами Концепции национальной безопасности, как пишут различные средства массовой информации, новая исключала такие страны, как Россия, Иран, Ирак и Греция из списка угроз национальной безопасности. Однако в итоге, по имеющимся информационным утечкам, Россия осталась в этом списке[321].

В связи с тем, что доктрины и какие-либо научные работы не являются официально признанными источниками права на территории Турецкой Республики, а официальные внешнеполитические документы находятся в закрытом доступе[322], для анализа внешней политики Турции нередко используются научные труды, которые иногда в качестве исключения признаются государственными структурами.

Подобным примером и исключением из общих правил стала монография Ахмета Давутоглу под названием «Стратегическая глубина». На момент ее написания Давутоглу был профессором Стамбульского университета, а позже занял пост министра иностранных дел Турецкой

---

[320] Гурьев А.А. Новая концепция национальной безопасности Турции [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=3905 (дата обращения: 24.04.2018)

[321] Гурьев А.А. Новая концепция национальной безопасности Турции [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=3905 (дата обращения: 24.04.2018)

[322] Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник [Электронный ресурс] // Комментарии российского законодательства. Режим доступа: https://kommentarii.org/strani_mira_eciklopediy/ (дата обращения: 24.02.2018)

Республики (2009-2014 гг.). Внешнеполитическая стратегия «Ноль проблем с соседями»[323] была принята в 2008 г. под авторством данного министра и долгое время определяла направления внешней политики Турецкой Республики. Основные положения данной концепции заключались в ведении миролюбивой политики по отношению к соседним государствам и в невмешательстве во внутренние дела иных стран в принципе. Документ, который изначально предполагал улучшение отношений с соседними государствами посредством диалога, предусматривал и следующий шаг в виде воздействия Турции на соседние страны, в частности, привития им своей идеологии, в результате чего могло произойти обнуление проблем, чего, однако, не случилось в реальности.

На сегодняшний момент существует довольно много точек зрения по поводу того, насколько правильно в действительности была реализована данная концепция. Учитывая противоречивую политику Турции в Ираке и Сирии, говорить о ее всестороннем и эффективном осуществлении с позиций изначального смысла не представляется возможным. Основной искаженной версией названия данной концепции является «Ноль соседей – ноль проблем»[324].

Анализ источников, литературы и действий властей и структур показал, что в настоящее же время Турецкая Республика руководствуется принципом внедрения «мягкой силы» во внешнюю политику. Это предполагает нарушение второго принципа концепции – невмешательства во внутренние дела других государств. Сама концепция постепенно начинает уступать идеологии неоосманизма, которая укрепляет свои позиции в качестве прообраза основы современного внешнеполитического курса Турции.

Среди других работ Давутоглу важно отметить вышедшую в 2010 г. статью «Внешняя политика Турции и Россия». Примечательным фактом

---

[323] Дергачев В. Турецкая геополитика. Доктрина «ноль проблем с соседями» и Realpolitik [Электронный ресурс] // Институт геополитики профессора Дергачева. Режим доступа: http://dergachev.ru/geop_events/171215-01.html#.WoHJ1q5l-Um (дата обращения: 02.05.2019)

[324] Турция: «Ноль соседей - ноль проблем» [Электронный ресурс] // Информационное агентство «NewsInfo». Режим доступа: http://www.newsinfo.ru/articles/2016-06-15/turky/779559/ (дата обращения: 02.03.2018)

является то, что она была опубликована в журнале «Россия в глобальной политике».

Вышеупомянутые работы базируются на принципах мироустройства Ататюрка «мир в стране – мир во всем мире», которые на сегодняшний день остались в прошлом.

Наравне с «шестью стрелами» Ататюрка, Давутоглу формирует шесть принципов, на которые, по его мнению, должна ориентироваться Турция для достижения справедливого мироустройства:

— Необходимость в достижении баланса сил между свободой и безопасностью – одно не должно противоречить другому.
— Второй, третий и четвертый принцип основаны на достижении общих целей и, прежде всего, эффективного сотрудничества посредством координации совместных усилий государств как на региональном, так и на глобальном уровне в рамках системы международных отношений[325].
— Пятый и шестой отражают позицию Турции по поводу ее места на международной арене. Исходя из данных положений, роль Турции стремительно возрастает, причем как в ряде международных и региональных организаций, так и в мире в целом.

Тремя отличительными особенностями внешней политики Турецкой Республики автор статьи считает стремление решать конфликты вместо ведения «зеркальной» политики на возникающие угрозы, а также ориентация на справедливое мироустройство и системный характер проведения политики.

С точки зрения теории данная концепция представляет собой довольно неплохой вариант гармоничной и взвешенной реализации внешнеполитического курса.

Однако претворение всех вышеперечисленных идей в жизнь оказалось достаточно проблематичной задачей для турецкого руководства.

[325] Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике, 2010. Т.8. № 1. С. 66.

Собственным поведением на международной арене Турция ставила под вопрос эффективность провозглашенных ею внешнеполитических принципов. Это проявилось, в первую очередь, в рамках «арабской весны», когда Турция не смогла найти этот самый «баланс» между свободой и безопасностью[326], проводя политику в Сирии в контексте исключительно собственных интересов и идя вразрез со своими же ранее созданными принципами.

Как уже было отмечено выше, разработка внешнеполитических принципов государства во многом определена его Конституцией, которая регулирует все процессы, связанные с этой деятельностью. На основании этого главная роль распорядителя внешней политики была отведена президенту и премьер-министру. Однако наряду с этим определенные министерства и ведомства также являются неотъемлемой частью формирования внешнеполитического курса.

Исполнительная власть в Турции принадлежит президенту и Совету министров, а законодательная – Великому национальному собранию Турции (ВНСТ).

Функционирующие на территории государства политические партии также в существенной мере влияют на формирование внешнеполитических ориентиров. В программе каждой предусмотрена определенная стратегия внешнеполитических действий, которая призвана обозначить важнейшие направления деятельности на международной арене.

В условиях перемен, которые происходили в общем мировом политическом пространстве, направления внешней политики менялись в соответствии с ними. К примеру, если до событий 2011 г. Турция была ориентирована на достижение собственных интересов и лидерства на международной арене, то в 2015 г. основой внешнеполитического курса стало проведение «эффективной и достойной уважения внешней политики»[327]. На

[326] Глазова А., Иваненко В., Колесников А., Свистунова И. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир, 2015. №4 (274). С. 102.
[327] Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики. Под ред. В.А. Аваткова. М.: ООО «Паблис», 2015. С. 54.

сегодняшний день Турецкая Республика постепенно отходит от этих принципов, возвращаясь к построению национально-ориентированного внешнеполитического дискурса.

Основные внешнеполитические принципы действующей в Турции оппозиции, принципы Народно-республиканской партии, которая стала самой первой партией Республиканской Турции, созданной М.К. Ататюрком, также основываются на необходимости обеспечения безопасности турецких граждан и на развитии контактов на различных уровнях – как на региональном, так и на общемировом. При этом, по мнению представителей данной партии, внешняя политика должна осуществляться на базе демократических ценностей при сохранении традиций и историко-культурного наследия государства. Все это в какой-то степени напоминает ранний этап становления внешнеполитической линии Турции, направленной, прежде всего, на выстраивание взаимодействия с западными странами.

Активное участие в разработке внешнеполитического курса принимают и националистические объединения – Партия национального движения (ПНД). Партия была создана Алпарсланом Тюркешем в 1969 г., и на данный момент является одной из главных оппозиционных сил. По вопросам внешней политики Партия национального движения схожа позициями с современным курсом, который проводит правящая Партии справедливости и развития. Согласно программе партии, Турция рассматривается в качестве влиятельной силы на мировой политической арене, которая способна получить статус мировой державы, а внешнеполитическая деятельность государства должна быть сосредоточена на формировании подсистемы «тюркского мира» при непосредственном осуществлении пантюркистских идей[328].

Одной из самых молодых партий Турецкой Республики считается Демократическая партия народов (ДПН), начавшая свою деятельность только в 2012 г. Наибольший процент членов партии – национальные меньшинства,

[328] Аватков. В, Хрусталева Е. Парламентские выборы в Турции: как программа турецких националистов затрагивает интересы России [Электронный ресурс] // Сайт МГИМО. Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/experts/272609/ (дата обращения: 06.03.2018)

защита прав которых и является основным направлением деятельности[329] партии. Если говорить о внешнеполитических ориентирах, то Демократическая партия народов выступает за расширение связей Турции за рубежом, за координацию действий и решение всех внешнеполитических противоречий, в том числе и армянского вопроса[330].

В современном мире не только политические партии играют ключевую роль в принятии внешнеполитических решений. Наибольшее значение на сегодняшний день представляют негосударственные или аффилированные с государством акторы.

Главная роль в данном процессе в Турецкой Республике отведена аналитическим центрам, которые с начала своего создания в 1990-е гг. все активнее принимают участие разработках внешнеполитических концепций. Подобные организации нередко издают научно-аналитические труды, монографии, а также проводят экспертные заседания и конференции, круглые столы для обсуждения и принятия конкретных решений относительно вариантов ведения внешней политики.

В настоящее время, согласно разным информационным сводкам, на территории Турции функционирует около 50 подобных «мозговых центров» («düşünce kuruluşları»), занимающихся исследованиями в области международных отношений и внешней политики[331]. Наиболее известными и крупными из них являются:

- Центр стратегических исследований, Stratejik Araştırmalar Merkezi (SAM), возникший в 1995 г. при поддержке Министерства иностранных дел Турции, и действующий при нем до сих пор;
- Центр международных отношений и стратегического анализа (TÜRKSAM), созданный в 2002 г.;

[329]Турецкие расклады. Левые защищают национальные меньшинства и получают боевой опыт в Сирии [Электронный ресурс] // Военное обозрение. Режим доступа: https://topwar.ru/98330-tureckie-rasklady-levye-zaschischayut-nacionalnye-menshinstva-i-poluchayut-boevoy-opyt-v-sirii.html (дата обращения:06.03.2018)

[330] Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики. Под ред. В.А. Аваткова. М.: ООО «Паблис», 2015. С. 30.

[331] Аватков В.А. Деятельность аналитических центров в Турции при правлении Партии справедливости и развития // Вестник МГИМО-Университета, 2013. № 3. С. 101.

— Центр Стратегических Исследований Мудрецов (BİLGESAM), созданный в 2008 г., главной целью является разработка прогнозов и отслеживание ситуации в стране и в мире;
— Центр стратегических исследований тюркской Азии, Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi (TASAM), созданный в 2002 г. и на данный момент являющийся одним из самых влиятельных и востребованных аналитических центров в Турции;
— Центр экономических и социальных исследований (ESAM), созданный в 1969 г.;
— Институт внешней политики (DPE), созданный в 1974 г. и т.д.

Стоит отметить, что деятельность организаций осуществляется в соответствии с тем направлениями, на которые центр ориентирован.

С точки зрения законодательного регулирования деятельности подобных центров, основные нормы для некоммерческих организаций (к коей правовой форме и относятся аналитические центры), существующих в современной Турецкой Республике, прописаны в Гражданском Кодексе от 2002 г.[332] В свою очередь, во 2 и 3 статье Кодекса говорится, что в соответствии с современным турецким законодательством, существуют только две основные организационно-правовые формы некоммерческих организаций: товарищества (дернеки) и фонды (вакфы).

Что же касается организационно-правовой формы аналитических центров, то довольно редко можно встретить ее указание в их названии – это необходимо проверять по специальным реестрам, которые находятся либо на сайте Генерального управления по делам некоммерческих товариществ, либо на сайте Генерального управления по делам фондов.

Анализ литературы и источников подтвердил, что специальные нормы, посвященные некоммерческим организациям, находятся в таких нормативно-правовых актах, как:

[332] Türk Medeni Kanunu [Электронный ресурс] // Mevzuat Bilgi Sistemi. Режим доступа: https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.4721.pdf (дата обращения:15.04.2018)

— Закон «О некоммерческих товариществах»[333].

— Закон «О фондах»[334].

— Закон «Об отношениях между некоммерческими товариществами и фондами и публичными образованиями».

Существенное влияние на разработку внешнеполитических решений также оказывают профсоюзы, такие как, например, Турецкая ассоциация промышленности и бизнеса (TÜSİAD), Ассоциация независимых промышленников и предпринимателей (MÜSİAD). Последняя играет важную роль в турецкой экономике, главная цель которой – поддержка мусульманских предпринимателей страны. Руководитель международного отдела организации Адем Вариси утверждает, что у Ассоциации существуют налаженные каналы связи с министром экономики.

Религиозный фактор в Турции, несмотря на все старания Ататюрка, не удалось полностью искоренить, он продолжал играть важную роль в стране. После активизации религиозных движений в Турции в 1990-х гг. на фоне неудачных переговоров о вступлении в ЕС, возникли происламские настроения в политической жизни страны. Одними из представителей таких объединений являются тарикаты – неортодоксальные объединения мусульман, отрицающие любые принципы светскости. Самые известные из них – Накшбенди, Нурджу и Сулейманджи. Нетрудно проследить связь многих политиков и бизнесменов страны с данными объединениями. Некоторые источники утверждают, что Эрдоган и Йылдырым имели связи с тарикатом Накшбенди), многие из парламентариев и членов кабинета министров были членами Партии добродетели (в частности, министр обороны Турции Фикри Ышык), а министр юстиции Бекир Боздаг был членом Партии благоденствия Эрбакана[335].

---

[333] Закон Турецкой Республики «О некоммерческих товариществах» №5253 от 4.11.2004 [Электронный ресурс] // Mevzuat Bilgi Sistemi. Режим доступа: https://www.dernekler.gov.tr/tr/mevzuat/kanun/5253-dernekler-kanunu.aspx (дата обращения:15.04.2018)

[334] Закон Турецкой Республики «О фондах» от 20.02.2008 № 5737 [Электронный ресурс] // Mevzuat Bilgi Sistemi. Режим доступа: http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5737.pdf (дата обращения:15.04.2018)

[335] Аватков В.А., Кочкин М.В. Современные тенденции внутренней политики Турции // Мировая политика, 2017. № 2. С. 99.

Существуют и другие религиозные объединения, влияющие на курс развития страны – джамааты. Самыми влиятельными из них можно назвать «Сулейманджилар», «Исмаил ага» и джамаат Гюлена. В основном они все занимаются образовательной деятельностью, причем не только внутри страны, но и за рубежом. Члены джамаатов в разные времена занимали посты в государственных органах власти Турецкой Республики.

Особым видом некоммерческих организаций являются религиозные объединения, в частности, джемааты и тарикаты. Несмотря на то, что в Конституции страны официально указано, что Турецкая Республика является светским государством, роль религии при этом с каждым годом возрастает.

На современном этапе религиозные правительственные организации довольно активно начинают участвовать во внутренней и внешней политической жизни страны. В частности, это связано с приходом к власти умеренно исламистской Партии справедливости и развития, на данный момент являющейся правящей, и, несмотря на законодательные основы, все еще поддерживающей исламистские настроения в обществе.

Среди представителей этой группы некоммерческих организаций стоит отметить:

- Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи (IHH), который ведет свою деятельность с 1992 г. в рамках таких областей как: образование, здравоохранение, защита прав человека, а также распространение ислама[336];
- Некоммерческое товарищество «Разве больше никого нет?», в основном занимающееся благотворительностью[337];

[336] İHH İnsani Yardım Vakfı. Tarihçe [Электронный ресурс] // İHH web-sitesi. Режим доступа: https://www.ihh.org.tr/tarihce (дата обращения:13.05.2018)

[337] Kimse Yok Mu Derneği'nin yardım toplama yetkisi kaldırıldı [Электронный ресурс] // Hürriyet Gündem Haberleri. Режим доступа: http://www.hurriyet.com.tr/gundem/kimse-yok-mu-derneginin-yardim-toplama-yetkisi-kaldirildi-27314395 (дата обращения:13.05.2018)

— Ассоциация солидарности Cansuyu, направленная на предотвращение нарушения человеческих прав и свобод, а также на их развитие и улучшение в современных условиях[338].
— Некоммерческое товарищество Deniz Feneri (Маяк), являющееся ассоциацией гуманитарной помощи и солидарности[339].

Стоит отметить, что все эти организации занимаются не только активной религиозной и духовной пропагандой на территории Турецкой Республики, но также принимают участие в реализации внешнеполитического курса страны. Так, например, Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи (IHH), занимающийся в том числе оказанием экстренной помощи, преимущественно работает в стратегически важных для Турции мусульманских регионах – Сирии, Ливии, Сомали, Йемене, Индонезии[340], тем самым оказывая содействие в формировании благоприятного имиджа страны на международной арене. Работа других организаций также во многом сосредоточена на Ближнем Востоке и Африке, где Анкара на протяжении последних нескольких лет планомерно укрепляет свое влияние.

Интересным является и тот факт, что все виды некоммерческих организаций так или иначе имеют право на участие во внешнеполитических процессах. По указанным выше законам, которые регулируют их деятельность, существуют прописанные возможности для осуществления деятельности некоммерческих организаций на международном уровне.

Отдельно в контексте формирования внешнеполитического курса стоит упомянуть и институт армии, который на протяжении долгих лет фактически являлся определяющей силой во внешнеполитическом процессе Турецкой Республики. Более того, генералитет имел полноту власти относительно принятия любых видов политических решений – как внутренних (решение

[338] Cansuyu Yardımlaşma Derneği. Mission and Vision [Электронный ресурс] // Cansuyu Yardımlaşma Derneği web-sitesi. Режим доступа: http://cansuyu.org.tr/tr/icerik/983/129/mission-and-vision (дата обращения:14.05.2018)
[339] Deniz Feneri Derneği. Yüzyılın İyilik Hareketi [Электронный ресурс] // Deniz Feneri Derneği web-sitesi. Режим доступа: https://www.denizfeneri.org.tr/faaliyetler/ (дата обращения:14.05.2018)
[340] Acil Yardım Haberleri [Электронный ресурс] // İHH web-sitesi. Режим доступа: https://www.ihh.org.tr/haber/acilyardim?page=4 (дата обращения:31.07.2020)

социально-политических и экономические вопросов, которые касались турецкой общественности), так и внешних.

И если ранее армия всегда была движущим элементом внутренней политики государства, то в условиях проводимой Партией справедливости и развития политики ситуация в современной Турции складывается несколько иначе. Настоящие позиции армии на политической арене можно считать утраченными, как и право влиять на политику государства[341]. Особенно четко такая тенденция была выражена после неудачной попытки переворота в июле 2016 г. В результате этих событий военные, которые потерпели поражение, последовательно лишились прежних привилегий и своих мест в рядах армии[342], в том числе и полномочий в сфере внешнеполитического регулирования.

На современном этапе также нельзя обойтись без изучения вопроса науки, образования и культуры, поскольку на данный момент внешнеполитический потенциал страны напрямую зависит от уровня развития данных сфер внутри государства.

Существующие аналитические центры являются не единственными источниками влияния на реализацию внешнеполитического курса Турецкой Республики. Помимо них, движущей силой в данном контексте являются инструменты «мягкой силы» страны – в том числе культурные центры, организации и созданные студенческие-преподавательские программы по обмену.

Последние реализуют задачи по подчинению Анкаре не только процессов изучения Турции, но и программ обучения в самой стране. Главной целью этого процесса является формирование новых лоббистских групп за рубежом и привлечение на территорию страны иностранных интеллектуальных кадров.

Таким примером является деятельность в рамках обменной академической программы «Мевляна». Официально она нацелена на расширение

---

[341] Армии на современном Востоке. Под ред. Д.В. Стрельцова; МГИМО. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 98.
[342] В Турции в отставку отправили почти 600 полковников [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/army/news/9030299.shtml (дата обращения: 21.03.2018)

взаимодействия между турецкими и иностранными высшими учебными заведениями путем студенческого и профессионального кадрового обмена. «Мевляна» является одной из главных учебных программ образовательной системы Турции и позволяет студентам всех уровней обучаться за границей на протяжении нескольких семестров, а преподавателям предоставляется возможность читать лекции сроком от 1 недели до 3 месяцев[343]. В результате в реальности достигается не только официальная цель программы, но и негласная внутренняя – оказание влияния турецкой стороны на формирование образовательной базы у иностранных студентов путем пропаганды собственных идеологий, а также искажения исторических фактов.

Необходимо отметить, что данная программа с точки зрения стипендиального обеспечения для многих студентов из-за рубежа выглядит довольно привлекательно, что обуславливает успех «Мевляны». Обучение студентов на бюджетном отделении в каком-либо турецком университете предоставляет им стипендию от 750 турецких лир в месяц. Причем за весь семестр студент может получить от 4000 турецких лир, что составляет около 750 долл. США.

В результате исследования установлено, что большое количество различных организаций государственного и негосударственного уровней было создано Турецкой Республикой в качестве механизмов оказания турецкого влияния на иностранные государства.

В список наиболее известных таких организаций входят:

— TÜRKSOY (ТЮРКСОЙ) – международная организация тюркской культуры, которая объединяет 6 тюркоязычных государств: Турцию, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Кыргызстан. Еще 4 стороны имеют статус наблюдателей: Башкортостан, Гагаузия, Северный Кипр и Татарстан. Примечательным является

[343] About Mevlana Exchange Programm [Электронный ресурс] // Ankara University. Режим доступа: http://mevlana.en.ankara.edu.tr/?page_id=47 (дата обращения:10.05.2018)

тот факт, что из всего перечисленного две стороны являются субъектами Российской Федерации.

ТЮРКСОЙ заявляет своей целью «сотрудничество тюркоязычных стран для сохранения и преумножения тюркского культурного и исторического наследия»[344]. Однако в действительности организация имеет протурецкий вектор и на современном этапе в достаточной мере влияет на остальных участников организации.

На сегодняшний день большинство офисов организации находятся в странах Центральной Азии. Задачей ТЮРКСОЙ является социокультурная координация в центрально-азиатском регионе, а также проведение разнообразных культурных мероприятий в виде концертов и т.д. Также организация частично занимается научной деятельностью, периодически организовывает круглые столы, форумы и конференции с участием представителей различных тюркских и тюркоязычных народов.

— TİKA (ТИКА) – турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Было создано после распада Советского Союза для влияния на ряд образовавшихся независимых государств, которые Турецкая Республика восприняла и воспринимает в качестве родственных по этническому («тюркскому») и культурно-историческому фактору. В настоящее время организация осуществляет свою деятельность как минимум в 140 странах мира. Основная деятельность – реализация образовательных проектов, а также воплощение идей по объединению тюркского мира[345]. Агентство поддерживают Казахстан и Туркменистан, которые открыли координационные офисы управления ТИКА на своей территории.

---

[344] TÜRKSOY Hakkında [Электронный ресурс] // TÜRKSOY web-sitesi. Режим доступа: https://www.turksoy.org/tr/turksoy/about (дата обращения:10.05.2018)

[345] Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] // TİKA web-sitesi. Режим доступа: http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649 (дата обращения:10.05.2018)

— Türk Keneşi (Тюркский Совет) или Совет сотрудничества тюркоязычных государств, созданный в 2009 г. в Нахичевани и состоящий на данный момент из Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, а также Венгрии в качестве государства-наблюдателя Тюркского Совета. Главной целью Совета является поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе по вопросам обеспечения безопасности в регионах и в мире в целом[346].

— Культурные центры им. Юнуса Эмре, которые на сегодняшний день располагаются по всему миру и сосредоточены в первую очередь на развитии образовательной научной среды. Центр занимается финансированием различных конференций, посвященных Турции и тюркологии, повышением интереса к турецкому языку и к тюркскому миру в целом.

Таким образом, анализ подтвердил, что на современном этапе внешнеполитическая линия Турецкой Республики не только приобретает новые ориентиры в виде вектора на сотрудничество со странами Востока, но и новые каналы для реализации.

Некоммерческие организации, которые имеют довольно долгую историю своего развития, сегодня начинают приобретать все большую роль в контексте распространения влияния Турции на соседние страны, регионы и мировое сообщество в целом. Это же касается и других видов организаций, которые были созданы Турецкой Республикой в этих же целях. На данный момент аналитические центры обладают широкими возможностями с точки зрения своего финансового обеспечения. Также они играют особую роль в процессе развития всей страны, что указывается в общенациональной стратегии Турецкой Республики «Видение-2023»[347].

---

[346] Türk Keneşi. Organizasyon Tarihçesi [Электронный ресурс] // Türk Keneşi web-sitesi. Режим доступа: https://www.turkkon.org/tr/organizasyon-tarihcesi (дата обращения: 10.05.2018)

[347] Turkey's Strategic Vision 2023 Project [Электронный ресурс] // Türkiyenin Stratejik Vizyonu 2023. Режим доступа: http://www.tsv2023.org/index.php/en/ (дата обращения:17.07.2018)

Подобное развитие обусловлено курсом, который был установлен Партией справедливости и развития в 2000-х гг. В начале XXI в. партией был дан старт новому прозападному курсу, который нередко совмещался с пропагандой исламских ценностей в соответствии с разделяемыми партией позициями[348]. Совмещение таких двух противоположных друг другу принципов не было свойственно и самой Республике, которая за всю историю своего существования старалась придерживаться какого-то одного конкретного направления. Для понимания того, что могут повлечь за собой подобные идеи правящей партии, государство нуждалось не только в налаживании эффективного административного управления (устранение армии как политического института), но и в создании специализированных организаций и центров, работа которых была бы направлена на поиск ответов на поставленные вопросы и на продвижение турецких идеологем за рубежом.

Кроме того, еще одним стимулом к этому процессу стал приход на пост министра иностранных дел Ахмета Давутоглу (2009 г.), который являлся сторонником научно-аналитического подхода к выработке внешнеполитического курса.

Таким образом, можно утверждать то, что на данном этапе у Турецкой Республики сформировалась полноценная законодательная база внешнеполитического процесса, однако имеется проблема с официальными открытыми доктринами и концепциями. Можно вести речь лишь об отдельных составляющих единого целого или документальных планах («Видение-2023»), о выступлениях, действиях и бездействиях представителей власти («мир больше пяти» Р.Т. Эрдогана, «инициативная и гуманитарная внешняя политика» министра иностранных дел Чавушоглу). Кроме того, фундамент внутренней и внешней политики современной Турецкой Республики определен принципами, заложенными М.К. Ататюрком при образовании Республики. Во внутренней политике Турции в первой половине XX в.

[348] Турция остается исламской [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2008/07/30_a_2797315.shtml (дата обращения:19.07.2018)

преобладали западные ориентиры, однако с частичным сохранением собственных традиций. В частности, Турции удавалось совмещать демократические принципы Запада с исламскими ценностями Востока. Позже руководство Турции постепенно отходило от прозападного курса, что привело к консерватизации турецкого общества.

Но в то же время сегодня во внешней политике Турции отмечается проведение политики многовекторного сотрудничества. В контексте взаимодействия с акторами на геополитической арене руководство Турции проявляет активность в качестве самостоятельного субъекта, что определено идеологией неоосманизма. В качестве одного из наиболее значимых направлений внешнеполитической деятельности Турции является создание собственной подсистемы международных отношений – «тюркского мира».

Соединенные Штаты, Европейский союз, Россия, «исламский мир», «тюркский мир» являются основными внешнеполитическими акторами, которые влияют на политику Анкары. С институциональной точки зрения следует обратить особое внимание не только на Министерство иностранных дел, но и действующие фонды, некоммерческие организации, институты «мягкой силы». Например, аналитические центры принимают участие в разработках внешнеполитических концепций с точки зрения издания научно-аналитических трудов, монографий, проведения экспертных заседаний, конференций, круглых столов для обсуждения и принятия решений в ведении внешней политики. На разработку внешнеполитических решений также влияют профсоюзы. Существуют религиозные объединения, влияющие на политический курс развития страны. Например, джамааты, которые занимаются активной религиозной и духовной пропагандой на территории Турецкой Республики и вне ее границ.

Посредством «мягкой силы» культурные центры, организации и программы по обмену для студентов и преподавателей осуществляют свою деятельность. Например, деятельность академической программы «Мевляна». В реальной же плоскости происходит влияние турецкой стороны на

иностранных студентов посредством распространения собственных идеологем.

2.2. Внешнеполитические идеологемы и интересы современной Турецкой Республики

Внешнеполитический курс Турецкой Республики от внешней политики многих других государств отличает приверженность не только интересам, но и целому ряду идеологем. Формально они не объединены в единую идеологию, но представляют собой устойчивые идейно-политические конструкты, которые можно вполне назвать внешнеполитической идеологией. На протяжении всего существования Республики она не менялась, однако после прихода к власти Партии справедливости и развития ставки начали делаться на новые идейные логики, основывающиеся в том числе на истоках в виде дореспубликанского прошлого страны. В результате чего можно говорить о становлении нового консервативного внешнеполитического курса Турции, с большим акцентом на национальные и наднациональные (неоосманизм, пантюркизм) интересы и ценности.

С момента образования Турецкой Республики (1923 г.) официальной доктриной государства являлся кемализм, который основывался на шести принципах, созданных Ататюрком, и в дальнейшем составлявших основу турецкой государственности[349]. На современном же этапе утверждать, что все эти принципы воспринимаются турецким обществом и действующим руководством с таким же уважением, как было ранее, не приходится. На смену кемализму еще во времена правления самого М.К. Ататюрка пришло достаточное количество идеологий, которые, тем не менее, не имели успеха в виду жесткой идейно-политической линии, проводимой основателем республиканской Турции.

В условиях трансформации современной системы международных отношений и изменении роли ключевых акторов, внутри- и внешнеполитические стратегии большей части государств не стоят на месте, а

[349] Надеин-Раевский В.А. Турция на пороге непростого выбора // Международная жизнь, 2014. № 3. С.26.

постоянно развиваются – исключением не стала и Турецкая Республика, занявшая место одного из главных центров силы в рамках региональной ближневосточной подсистемы[350]. Ее внешнеполитические доктрины и идеологии со временем стали приниматься на уровне государства. В свою очередь, принципы кемализма – подвергаться радикальным изменениям, постепенно уходя в прошлое и уступая место новым ориентирам развития на мировой политической арене.

Как уже говорилось ранее, одной из таких альтернатив стала внешнеполитическая доктрина, которая была предложена бывшим министром иностранных дел и премьер-министром Турции Ахметом Давутоглу «Ноль проблем с соседями». Доктрина была принята в 2008 г. и долгое время была определяющим фактором внешнеполитической деятельности Турции[351]. Она была основана на принципе мира и справедливости и отражала всю суть турецкого идеализма. Ключевая идея заключалась в проведении миролюбивой внешней политики и соответствовала главному принципу мироустройства Ататюрка «мир в стране – мир во всем мире». Особое внимание уделялось государствам Ближнего Востока, с которыми Турция налаживала многоуровневые отношения в различных сферах. Несмотря на то, что затрагивались и социокультурные аспекты, главной целью являлось взаимовыгодное экономическое развитие ввиду необходимости снижения противоречий между государствами.

Уже тогда Турецкая Республика фактически заявляла, что готова нести ответственность за обеспечение стабильности на Ближнем Востоке. Однако такие заявления Турции объяснялись ее желанием получить статус лидера, причем как на региональном, так и надрегиональном пространстве. В своей работе «Стратегическая глубина», которая вышла задолго до разработки «Ноль проблем с соседями», А. Давутоглу выделил четыре вида государства

[350] Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник РУДН. Серия: международные отношения, 2014. № 3. С. 15.
[351] Irkhin A., Moskalenko O. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quarterly. 2020. Vol. 15. № 4. P. 116.

и, призывая отказаться от имперского прошлого, писал о том, что политика кемализма практически уничтожила активную позицию Турции на международной арене, тем самым готовя для страны будущее «малого государства»[352], и на самом деле противоречит реальному положению дел и потенциалу, которым Республика обладает в действительности. Уже тогда, с учетом ранее занимаемых Давутоглу государственных должностей, было понятно, в каком направлении собирается двигаться Турция. Официальное принятие доктрины «Ноль проблем с соседями» лишь подтвердило эти догадки, став логическим продолжением пути изменения внешнеполитического курса страны.

Изначально идея данной доктрины реализовывались достаточно успешно. Таким образом, Турция налаживала контакты с арабскими странами, причем как Ближнего Востока, так и Африканского континента, а также уделяла внимание государствам Центральной и Восточной Азии. Несмотря на это, доктрина не смогла стать примером эффективной стратегии по урегулированию конфликтов под эгидой Турции[353], политика которой с годами стала напрямую противоречить принципам, которые государство в лице Давутоглу когда-то выдвинуло. Центральным событием, которое сломило турецкие принципы миропорядка, стала «арабская весна»[354], значительно изменившая баланс сил в ближневосточном регионе. Именно в это время, в 2011 г., Турция, опасаясь за свои позиции на Ближнем Востоке, пересмотрела политические реалии. Страна поняла, что не готова жертвовать региональным лидерством в обмен на установление дружественных отношений с окружающими ее странами. Исходя из логики действующего в то время правительства, второе условие было необязательным для достижения

[352] Ноль проблем с соседями. Как Турция превратилась из «совести Ближнего Востока» в страну-отшельницу [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nol-problem-s-sosedyami-turtsiya/ (дата обращения:12.08.2018)

[353] Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия [Электронный ресурс] // Проблемы национальной стратегии, 2012. № 4. С. 42. Режим доступа: https://riss.ru/bookstore/journal/2012-2/j13/ (дата обращения:12.06.2019)

[354] Глазова А., Иваненко В., Колесников А., Свистунова И. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир, 2015. №4 (274). С. 95.

первого. Союзнические отношения в регионе больше не являлись неотъемлемой частью внешнеполитического курса Республики, а принципы мирного существования перестали считаться залогом успеха. В попытках извлечь максимум выгоды от сложившейся ситуации Турция начала активно вмешиваться в дела соседних государств, проводя там собственную политику и периодически заявляя о том, что от доктрины «Ноль проблем с соседями» никто не отказывается, в то время как одним из основных принципов ее являлось именно невмешательство в дела стран-соседей. Давать объяснения поведению Турции, которое никак не коррелировалось с провозглашенным курсом, на государственном уровне тоже никто не спешил.

На сегодняшний день юридически данная доктрина продолжает существовать, однако прежние методы ее реализации за последние годы претерпели значительные изменения и по факту не исполняются вовсе. Турция постепенно перешла от политики сдерживания к проактивным и экспансионистским методам воздействия на интересующие ее регионы[355].

Еще одним фактором, который повлиял на трансформацию данной концепции, стало отдаление Турции от западных стран, в частности, от одного из своих ближайших союзников в прошлом – Соединенных Штатов Америки. Сегодня в условиях, когда Турецкая Республика стремится к самостановлению в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, воспоминания об имперском прошлом и вера в то, что именно Турция сможет изменить региональное пространство вокруг себя, а может быть даже мир, является единственным напоминанием о некоторых положениях доктрины «Ноль проблем с соседями».

Таким образом, ее положения выглядят эффективными исключительно в теории, однако трудно применимы в практической плоскости[356]. Неудачную реализацию данной идеи можно объяснить несколькими причинами:

---

[355] Dinc C., Yetim M. Transformation of Turkish Foreign Policy Toward the Middle East: From Non-Involvement to a Leading Role // Alternatives. Turkish Journal of International Relations, 2012. Vol. 11. № 1. P. 76.
[356] The Guardian: Политика Турции "ноль проблем с соседями" потерпела фиаско [Электронный ресурс] // ИА Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/1296961.html (дата обращения:09.07.2018)

— Идеи данной доктрины не совсем подходят для реализации на такой территории, как Ближний Восток, где на протяжении довольно долгого времени между странами складывались взаимные притязания, а также противоречия, ликвидировать которые единоличной инициативой одного государства практически невозможно.
— Доктрина не была в достаточной мере продумана с точки зрения того, что не предусматривала таких волнений как «арабская весна» в 2011 г., которая дестабилизировала регион настолько, что на данный момент необходимые условия для реализации принципа мирного существования не в силах установить не только одна страна, но даже и международные организации.
— У доктрины изначально не имелось альтернатив, однако изначально никто и не давал гарантии, что процесс сближения государств пойдет по запланированному пути.
— Турецкая Республика лоббировала попытки создать зону стабильности вокруг государственных границ до достижения собственного регионального лидерства. В итоге она настолько увлеклась самостановлением, что стала противоречить своим же идеям, в конце концов предопределив несостоятельность предложенных в доктрине положений.

В настоящее время внешнеполитический курс Турции окончательно стер рамки данной доктрины, давно вышел за них. Подтверждением этому являются действия, которые предпринимаются руководством государства на территории Ирака и Сирии. Анкара, судя по всему, приняла решение не тратить ресурсы на разработку новых концепций, а взять за основу внешнеполитической деятельности проверенные годами положения[357].

[357] Михеева Н.М. Внешнеполитическая идеология Турции: текущие тенденции и перспективы развития // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. Под. ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 99.

Сегодня в рамках формирования нового курса внешней политики Турции также нередко прослеживается тенденция к объединению тюркских народов. Все это связано идеологическими воззрениями, которые сегодня разделяются руководством государства. Речь идет об идеологии неопантюркизма, которая является одной из центральных идейных направлений, характеризующих внешнюю политику Турецкой Республики на современном этапе.

Неопантюркизм – комплексное идеологическое явление, состоящее из нескольких идеологем. Исторически пантюркизм тесно связан с «пантуранизмом» – Туран является мифологической исторической общностью тюркских народов на всем пространстве их проживания – от Байкала до Балкан[358]. Концепция подразумевает поддержку турками на этой территории мусульман, а также помощь в строительстве инфраструктуры.

При этом пантюркизм, в отличие от пантуранизма, является более определенным и практическим понятием и опирается скорее на идеи будущего, чем на основания прошлого.

Прежде всего, составной его частью является тюркизм, который заложил основу для развития всех перечисленных выше направлений. Данная идеология возникла далеко за пределами Турции, а именно – на территории Российской Империи. Одним из основателей данной концепции стал общественный деятель и основатель газеты «Терджюман» – Исмаил Гаспринский. В частности, он писал о том, что изначально тюркизм являлся просветительским движением, которое предполагало лишь культурное объединение тюрков-мусульман России[359].

Впоследствии явлением тюркизма заинтересовался татарский деятель Юсуф Акчура[360], который внес значительный вклад в развитие этих идей. В 1904 г. в одной из каирских газет была опубликована его статья под названием «Три вида политики», где автор подробно анализировал османизм, тюркизм и

[358] Зареванд. Турция и пантуранизм. М.: Ключ-С, 2015. С. 79.
[359] Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI- XXI веков. М.: Квадрига, 2016. С. 114.
[360] Мейер М.С. Россия и исламский мир // Исторический вестник. 2015. Т. 11. № 158. С. 29.

исламизм как факторы предотвращения развала Османской империи. Уже тогда тюркизм рассматривался как постепенная интеграция тюркских народов на достаточной большой территории: начиная с турок Османской империи до тюркских народов Азии и Восточной Европы. За подобный вывод автора причисляли к основоположникам идей пантюркизма, а его воззрения вскоре распространились и за границы российского государства[361].

Расцвет тюркизма в самой Турции приходится на период правления младотурков (конец XIX вв.) и позже – кемалистов. Таким образом, период нередко именуется временем турецкого национализма за распространение в достаточной мере радикальных идей, которые призывали к созданию особый нации, включающей в себя исключительно турок Турецкой Республики. В какой-то степени тюркизм считался продолжением османизма, который был основан на идее объединения всех народов Османской империи в единую нацию «новых османов». По ряду исследований, основной задачей государства с точки зрения тюркизма являлось полное отуречивание граждан (даже если они не являлись этническими турками) посредством культурно-образовательной и просветительской деятельности. В случае сопротивления подобным насильственным методам обращения в турок, таким же насильственным методом представители сопротивлявшихся наций в буквальном смысле уничтожались.

Исключительно на этом турецкий тюркизм не остановился и получил свое развитие в виде других крайностей – пантюркистских идей. Идеи об образовании Тюркского Союза, которые были выдвинуты российскими пантюркистами, нашли поддержку среди турецких исследователей, которые в значительной мере изучили, развили и распространили их.

С точки зрения современной политики кажется, что вышеизложенные направления крайне далеки от реального воплощения в жизнь и интеграции подобных воззрений в реальную политику государства. Однако рассмотрение современных политических реалий говорит о том, что все эти концепции

[361] Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 89.

подверглись лишь некоторым изменениям, но до сих пор вполне актуальны и действительно применимы на практике.

В ходе исследования выявлено, что на сегодняшний день на смену этим идеологиям начинает приходить упомянутый выше неопантюркизм, который по своей сути основывается на тех же идейных догмах, подверженных современному переосмыслению. Неопантюркизм частично находит свое отражение в политике Турецкой Республики, которую она проводит на территории Центральной Азии и тюркоязычных регионов Российской Федерации. Унаследовав принципы пантюркизма, новая его вариация также стремится достичь этнокультурного объединения тюркских народов, которые населяют перечисленные регионы. Единственное отличие состоит в том, что на сегодняшнем этапе развития Турция в силах осуществлять подобные идеи с помощью инновационных методов – посредством экономических, гуманитарных средств, а также инструментов «мягкой силы»[362].

Идеи пантюркизма приобрели особую актуальность после распада Советского Союза и образования целого ряда новых независимых тюркских государств – Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, и Кыргызстана. Турция стала одной из первых стран, которая признала их независимость и приступила к выстраиванию контактов, основанных на принципах общности этноса и крови, однако намного позже осознала, что исключительно на «старшебратстве» нельзя поддерживать эффективный диалог. По этой причине Турецкая Республика перешла к неопантюркистской стратегии и использованию упомянутых ранее инструментов «мягкой силы», которые применяются ей на пространстве тюркских государств и тюркоязычных субъектов Российской Федерации. Это вполне коррелируется со стратегическими целями Анкары по формированию новой подсистемы международных отношений, которая была названа «Тюркским миром»[363].

---

[362] Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль, 2014. №3. С. 75.

[363] Дружиловский С.Б. Хуторская В.В. Политика Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье // Иран и СНГ. Под ред. Мамедовой Н.М. М., 2003. С. 45.

Турецкое руководство выработало нетипичный путь формирования надидентичности, не принимая за основу опыт и модели интеграции других стран, в частности Запада, который продвигался от решения проблем экономики к политике. Вместо этого Турция приступила к созданию различных «интеграционных полей», нацеленных на объединение тюрок, – культурных, образовательных, экономических, а затем – политических.

В целях объединения Турцией создается сеть государственных, частно-государственных, а также частных организаций, главное предназначение которых заключается в формировании турецкого лобби за рубежом для содействия реализации внешнеполитических интересов Анкары[364].

Основную роль в появлении данных организаций сыграли заявления высшего руководства Турции, которые прозвучали практически сразу после распада Советского Союза. Бывший президент Турции Тургут Озал заявил, что XXI в. является «веком Турции», а премьер-министр Сулейман Демирель рассуждал о «турецком мире» от Адриатики до Великой китайской стены, а также о Турции как о «культурном центре» для новообразованных суверенных тюркских государств[365]. На административном уровне одним из механизмов развития связей между Турцией и центрально-азиатскими государствами, а также республиками Кавказа стали саммиты тюркских государств, которые проводились на регулярной основе.

Помимо данной концепции, при изучении современных внешнеполитических идеологий Турции отдельно стоит выделить исламизм. После эпохи военных переворотов, большинство из которых носили явный антиисламский характер, нельзя было представить, что на сегодняшний день политическая ситуация в стране будет складываться абсолютно противоположным образом. Исламские ценности стали неотъемлемой частью

[364] Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль, 2014. №3. С. 76.
[365] Исаев А. Символы внешней политики Турции [Электронный ресурс] // Журнал «Международная жизнь». Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/22524 (дата обращения:17.06.2019)

негласного внешнеполитического курса государства в лице разделяющей данные позиции Партии справедливости и развития.

Изначально идея исламизма связана с так называемым панисламизмом, уходя своими корнями в далекое прошлое. Ранее упомянутые «новые османы» стали первыми, кто начал пропагандировать происламистских взгляды. Затем им на смену пришли младотурки, считавшие невыполнение норм шариата одной из главных причин крушения Османской империи[366]. Развитие подобных идей продолжилось и после младотурецкой революции. Причем как младотурками, стремившимися сохранить позиции в немусульманских регионах[367], так и теми, кто в тот период революции активно выступал за сохранение власти султана Абдул Хамида II. В свою очередь, последние руководствовались идейным продвижением создания цивилизации, которая призвана объединить исламские государства Востока. Панисламизм рассматривался как фактор сохранения института султаната и самого султана[368], который, в понимании приверженцев данного течения, являлся посланником Бога на земле. Среди принципов исламистов, как правило, выделяют следующие: верность Корану и предписаниям шариата, критику отрицания националистических идеологий (в том числе и тюркизма), а также веру в то, что ислам – это, в первую очередь, образ жизни.

Кроме того, чертой исламизма являлась убеждение в превосходстве над принципами западной цивилизации. Однако при этом приверженцы концепции выступали за заимствование научных и экономических достижений этой цивилизации, но полностью отрицали признание западных ценностей[369].

После прихода к власти М.К. Ататюрка турецкое общество встало на путь реформ, который подразумевал борьбу с исламизацией,

---

[366] Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI- XXI веков. М.: Квадрига, 2016. С. 132.
[367] Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 113.
[368] Вартаньян Э.Г. Идейно-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX-XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма // Историческая и социально-образовательная мысль, 2015. Т.7. №3. С.28.
[369] Вертяев К.В. Исламский фактор в политической жизни Турции // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. И Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 84.

консерватизацией и переход к светскому формату государства. Общество было практически полностью политизировано, а руководство страны делало все возможное для того, чтобы подчинить ислам государству. На протяжении долгого времени данная тенденция сохранялась, и каждая попытка пропаганды религиозных воззрений немедленно подавлялась генералитетом крупными военными переворотами. Однако и армия впоследствии перестала играть роль сдерживающего фактора. К власти в стране постепенно начали приходить такие политические силы, которые были привержены происламским воззрениям, а позиции армии, в свою очередь, отдалялись от властных кругов и политики в целом. Уже с приходом к власти в 1989 г. Т. Озала, начавшего преобразования в сфере укрепления гражданского общества, влияние военных было в значительной степени снижено[370].

В 2000-х гг. к власти пришла умеренно исламистская Партия справедливости и развития, которая на данный момент является правящей партией современной Турецкой Республики. Партия была образована на базе двух других исламистских партий, куда ранее входил действующий президент Р.Т. Эрдоган, который только усилил происламистские настроения. Изначально лидеры партии, если и пытались продвигать исламские ценности, то делали это дипломатично и завуалировано. Тем не менее, турецкая пресса, следившая за деятельностью Партии справедливости и развития на разных этапах, отмечала, что несколько факторов свидетельствовали о сохранении исламистской линии турецкого руководства. Одним из них является то, что в ходе выборов около 70% избирателей, проголосовавших за партию, являлись выходцами из прежних запрещенных исламистских партий. Появление супруги занимавшего тогда пост председателя парламента на важном протокольном мероприятии с платком на голове также вызвало общественный резонанс[371].

---

[370] Шлыков В.И. Турция: формирование новой модели военно-гражданских отношений // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. № 8. 2014. С. 47.

[371] Киреев Н.Г. Новая глава в истории Турции: «мягкий ислам» у власти // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. И Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 45-46.

После прихода к власти Р.Т. Эрдогана ранее существовавший запрет на ношение религиозных одежд в государственных учреждениях был снят. Однако, как выяснилось позже, это объяснялось претворением в жизнь принципов демократии, не имеющих отношения к разделяемым партией принципам исламизма.

Исходя из последних событий, постепенная исламизация турецкого общества наиболее заметна на современном этапе. Все чаще в официальных речах руководства страны прослеживается происламистская пропаганда и попытки внедрения политического ислама в действующую систему турецкой политики. Процветание религиозных организаций (джемаатов и тарикатов) является доказательством того, что процесс исламизации давно запущен, эффективно работает, а также в дальнейшем, возможно, продолжит успешную реализацию. Как уже было отмечено, попытка государственного переворота в июле 2016 г. стала одним из катализаторов данного процесса, открыв путь укреплению происламистских ценностей.

В результате переворота был проведен ряд мер, которые были несвойственны стране с демократическим политическим режимом, к которому ранее стремилась Турецкая Республика в рамках соответствия западным стандартам государственного устройства. Это, прежде всего, касается усиления контроля за средствами массовой информации. Однако, наряду с этим, подтверждением консервативного происламского курса Партии справедливости и развития стало проведение конституционного референдума в апреле 2017 г., в результате которого должны были быть внесены поправки в действующую Конституцию.

По официальным данным, «за» проголосовало чуть больше половины населения, а сами поправки, по сути, предусматривают дальнейшую исламизацию турецкого общества. Вносимые поправки предполагают изменение 18 статей действующей Конституции. Согласно некоторым из них, теперь президент Турции получает безраздельную власть в: единоличном праве назначать министров, соответственно должность премьер-министра

перестала существовать; роспуске парламента; возглавлении политических партий, а также объявлении чрезвычайного положения, что фактически означает переход к президентской форме правления. Поправки также предполагают проведение судебной реформы – упразднение военных судов. По сути, это еще сильнее сокращает влияние армии и генералитета на политическую жизнь страны, хотя до недавнего времени этот институт был гарантом светскости и непримиримым противником исламизации страны.

Заявление президента Турции по поводу возможного возвращения смертной казни является еще одним доказательством проведения политики, нацеленной на сосредоточение власти в руках президента[372]. Разговоры об этом были начаты уже после государственного переворота. В целом конституционные реформы в большей степени были нацелены на реформирование политико-правовой системы государства, не затрагивая внешнеполитическую сферу. Однако некоторые результаты реформ, такие как введение смертной казни, не самым лучшим образом скажутся на внешнеполитическом курсе и имидже государства. Также это отразится и на отношениях Турции с рядом западных стран, которые на данном этапе и так не являются примером идеального сотрудничества.

Все перечисленные изменения дают основания полагать, что на данном этапе, в связи с отдалением армии от основных политических решений, а также в результате проведенных реформ, ограничивать происламистскую риторику официальных лиц, усиливающуюся с каждым днем, больше некому. В целом, вопрос исламизации затрагивает внутриполитический аспект[373], однако, важно понимать, что ситуация в стране прямым образом может отразиться и на внешней политике государства.

В свете методологических оснований первой главы данного исследования все больше становится ясной переориентация Турции в сторону

---

[372] Эрдоган заявил о планах «немедленно» обсудить введение смертной казни [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: http://www.rbc.ru/politics/16/04/2017/58f3cb629a79475c1270b4da (дата обращения:21.07.2018)

[373] Vertigans S. Islamic Roots and Resurgence in Turkey. Praeger, London, 2003. 195 p.

стран Востока и отход от изначальной приверженности позициям построения государства по западным образцам как в контексте внутренней, так и внешней политики. Однако, если раньше Республике удавалось сохранять ценности западного мира при возникающих противоречиях с ним, то сегодня это осталось в прошлом. Уже сейчас заметно, что Турция начинает сближение со странами Ближнего Востока – с Саудовской Аравией в частности, о чем говорят взаимные двусторонние визиты глав государства и других официальных лиц.

Последней идеологической концепцией, которая составляет внешнюю политику Турции, является неоосманизм – совокупность всех идеологических направлений, которые реализует Республика на международной арене[374]. Данный термин был впервые введен Д. Бэрчардом в 1985 г.

История неоосманизма начинает свой путь еще со времен существования Османской империи, с которой, согласно концепции, связывают себя действующие лидеры Республики, отойдя от идей Ататюрка, считавшего, что новую Турцию необходимо строить совершенно на других основаниях.

«Османизм» возник как охранительная доктрина в середине XIX в., когда на территории империи возникла тайная политическая организация «Общество новых османов». Организация была нацелена на укрепление власти путем формирования единого сообщества османских граждан с утверждением конституционных принципов[375]. Как уже было упомянуто выше, многие исследователи рассматривали османизм как один из инструментов, с помощью которого можно было предотвратить развал Османской империи. Задуманный как часть демократизации, на практике османизм был направлен на абсолютно противоположный процесс порабощения народов империи – в первую очередь тех, кто проживал на

[374] Малышева Д.Б. Политическое развитие Турции на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения, 2014. № 9. С.87.
[375] Кудряшова И.В., Матюхин В.В. Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука, 2013. № 3. С. 123.

Востоке страны и на Балканах. Эти задачи были реализованы проведением политики гнета («зулюм»). Сегодня же османизм ассоциируется с борьбой за собственную «имперскость» и возрождением величия[376].

В турецком понимании неоосманизму свойственна приверженность имперскому прошлому государства, а также стремление возродить величие уже несуществующей по факту Османской империи через существующую республиканскую Турцию. Среди главных критериев неоосманского курса, характеризующих современную политику государства, – желание стать мировой державой наряду с ключевыми действующими международными акторами, а также желание занять главенствующие позиции в любой сфере, которая прямо или косвенно затрагивает национальные интересы Турции. Роль «мягкой силы» в данных процессах также не отрицается.

Исходя из этого, можно утверждать, что основными задачами в рамках идеологии неоосманизма являются:

- Возвращение Турции на прежний уровень развития – «имперский». Основными инструментами для этого являются укрепление влияния – прежде всего на тюркские государства мира, а также расширение собственных границ путем возвращения потерянных после распада Османской империи территорий.
- Поэтапное объединение тюркских народов путем интеграции в собственные идеологические конструкции, наряду с формированием новой национальной идентичности[377].

Все остальные задачи, по сути, направлены на достижение первой – возрождение величия прошлого. На государственном уровне Турция не спешит официально заявлять, что внешняя политика преследует подобные идеи, что, однако, предельно ясно и без этого. Негласной внешнеполитической

---

[376] Надеин-Раевский В.А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции [Электронный ресурс] // Сайт Российского совета по международным делам. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-identichnosti-i-vneshnyaya-politika-turtsii/ (дата обращения:15.06.2018)

[377] Федорова М.М. Понятие долга памяти в контексте современных идеологических дискурсов // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2019. № 2 (59). С. 134.

доктриной государства на современном этапе развития Турецкой Республики стал именно неоосманизм.

Сегодня Р.Т. Эрдоган живет имперскими амбициями и вырабатывает в рамках данной концепции новые стратегии реализации своих идей.

В последние годы во внешней политике государства прочно укрепилось явление «евразийства», которое подразумевает под собой политико-экономическое взаимодействие государств и народов Центральной Азии, Кавказа, а также России и Китая[378]. Что же касается первых трех блоков стран, Турция проводит интеграционную политику вовлечения данных государств собственную идеологическую парадигму. Существующие различные форматы воздействия – через государственные и негосударственные организации, культурные центры, образовательные программы, а также через призывы к общности этноса, крови и религии – являются прямым подтверждением проведения Турцией политики воплощения идей пантюркизма или неоосманизма по отношению к данным странам в целях не только распространения собственного влияния, но и возглавления формирующегося благодаря ее попыткам «тюркского мира».

Без внимания не остались и регион Ближнего Востока, и страны Африканского континента, где Турция также старается выстраивать определенные связи, тем самым расширяя свою сферу влияния в рамках концепции неоосманизма.

Турция постепенно становится самостоятельным участником международных отношений и начинает отказываться от прежних контактов и проектов, где сама Республика играла вспомогательную роль, пытаясь показать и доказать свой надрегиональный статус. В частности, осенью 2015 г. Анкарой были продемонстрированы намерения в отношении Российской Федерации (Су-24), а сегодня такая тенденция все чаще проявляется в отношениях со странами Запада.

---

[378] Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) [Электронный ресурс] // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5(32). Режим доступа: https://riss.ru/bookstore/journal/2015-2/problemy-natsionalnoj-strategii-5-32/ (дата обращения:10.05.2018)

Кроме того, по словам президента Турции Р.Т. Эрдогана, развитые страны столкнулись с безысходностью на фоне кризиса. По его мнению, Турция впервые после Второй мировой войны получила возможность принять участие в перестройке мирового порядка[379].

Идеологическая приверженность Турции позициям неоосманизма на современном этапе не должна быть удивлением для большей части мирового сообщества. Все события, которые происходили после 2011 г., безальтернативно вели к установлению именно такого курса, как во внутренней, так и во внешней политике государства.

Вопрос заключается в том, насколько данный курс эффективен для самой Турции, поскольку в последнее время такое поведение приносит лишь геополитические и имиджевые потери. Единственными видимыми результатами претворения в жизнь концепции неоосманизма являются изменения отношений с рядом стран и постепенное отдаление Турецкой Республики от отдельных мировых центров силы.

Таким образом, внешнеполитический курс Турции в период правления Партии справедливости и развития претерпел существенные изменения. Следует говорить об укреплении консервативной составляющей внешней политики, то есть большем акценте на национальные интересы, чем было ранее – во второй половине XX века. В соотношении ценности – интересы следует отметить рост значения ценностного фактора и восточных подходов (роль лидера и пр.) при принятии решений. В частности, внешнеполитический курс Турции отмечается акцентом на национальные и наднациональные (неоосманизм, пантюркизм) интересы и ценности. Неоосманизм подразумевает приверженность имперскому прошлому государства, а также желание возродить величие Османской империи. Истоки концепции «пантюркизма» Турции происходят из стремления играть роль «старшего брата» для тюркских государств, как это было ранее. Впоследствии данная

[379] Эрдоган рассказал об участии в переделе мира [Электронный ресурс] // Lenta.ru. Режим доступа: https://m.lenta.ru/news/2020/04/21/erd/amp/ (дата обращения:07.05.2020)

идеологема трансформировалась с учетом новых реалий в «неопантюркизм» с еще более усиленным желанием распространить свои ценности на тюркские государства и объединить их в единое целое под своим началом.

В настоящее время Турецкая Республика в рамках приверженности идеологемам неоосманизма и неопантюркизма влияет на государства Центральной Азии и тюркоязычные регионы Российской Федерации. Во внешнеполитическом курсе Турции прослеживается тенденция к объединению тюркских народов. Подобные идеи могут быть реализованы посредством экономических, гуманитарных средств, а также инструментов «мягкой силы». Например, создается сеть государственных, частно-государственных, частных организаций, которые призваны сформировать турецкое лобби за рубежом. Кроме того, следует отметить регулярные саммиты тюркских государств.

Что касается расширения влияния на другие территории, Турция, следуя идеологемам, которые были выявлены выше, распространяет свое влияние также на регион Ближнего Востока и страны Африканского континента. Это и концепция «евразийства» во внешней политике Турции, которая предполагает активное политико-экономическое взаимодействие государств и народов Центральной Азии, Кавказа, а также России и Китая.

***

По результатам исследования можно сделать главный вывод, что на данном этапе у Турецкой Республики сформировалась законодательная и институциональная база внешнеполитического процесса. Однако она, в силу закрытости многих источников и отсутствия достаточного количества открытых, представляет сложность для анализа. В рамках методологических подходов, которые были определены в первой главе, эта проблема разрешается через анализ выступлений, открытых документов, действия или бездействия властей. Особого внимания заслуживает анализ инструментов

«мягкой силы» – некоммерческих организаций, религиозных объединений и т.д. Все это встраивается в единый идеологический конструкт, сформированный через множество идеологем, что позволяет проводить полноценный анализ. В частности, доказано, что такие идеологемы, как неоосманизм, неопантюркизм во внешнеполитическом курсе Турции говорят о реализации проактивных и экспансионистских методов воздействия на интересующие регионы. В реальности происходит влияние на территории Центральной Азии[380] и тюркоязычных регионов Российской Федерации. Турция пытается проводить политику по объединению тюркских народов в рамках экономических, гуманитарных средств и инструментов «мягкой силы». Примерами могут служить действующие фонды, некоммерческие организации, институты «мягкой силы», аналитические центры, профсоюзы, религиозные объединения, которые влияют на курс развития страны.

В процессе исследования внешнеполитического курса Турции приходит понимание, что из него формируется стратегия и план действий по выстраиванию отношений с Турецкой Республикой с точки зрения интересов России. На сегодняшний день Турция находится в процессе становления консервативного внешнеполитического курса, что соответствует страновой и общемировой тенденции по укреплению «идейно-ценностного фактора». Об этом также говорит тот факт, что Турция в своих действиях проявляет больше самостоятельности на международной арене, что также является подтверждением ее желания претендовать на роль «великой державы».

[380] Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2010. № 1. С. 100.

Глава 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ТУРЦИИ

3.1. Кризис «образцового партнерства» в отношениях Турции и Запада

Вплоть до недавнего времени (со времен вступления Турции в Североатлантический альянс) речь шла об «образцовом партнерстве» Турции и Запада. Термин формально определял отношения Турецкой Республики и Соединенных Штатов, предполагал усиление роли Анкары в регионе как младшего партнера Соединенных Штатов Америки. Автоматически это подразумевало и укрепление контактов Турции с Европой в рамках процесса интеграции. Однако со времени прихода к власти Партии справедливости и развития произошел перелом в «образцовом партнерстве», который привел к постановке вопроса (с обеих сторон) о необходимости членства в Евросоюзе, о сути и будущем взаимодействии Турции с Соединенными Штатами Америки и Североатлантическим альянсом, особенно – в контексте перехода к более независимой внешнеполитической линии и развития контактов с Востоком.

Следует отметить, что активное взаимодействие Турции и Запада было заложено историей и геополитическим положением Республики (а ранее – империи). Турецкая Республика была основана в 1923 г. – границы нового государства в его современном виде были оговорены участниками Лозаннской конференции, которая состоялась в том же году и подвела черту под многовековым господством Османской империи на пространствах сразу нескольких континентов. Новое республиканское государство было создано в условиях развернувшейся на территории страны младотурецкой революции. Она преследовала реформаторские цели в условиях крушения Османской империи в результате Первой мировой войны, а также образовавшихся вследствие данных событий длительных дискуссий о дальнейшей судьбе

государства. Уже на закате империи в XX в. стало очевидно, что Турция пойдет по новому пути развития, отличному от того, что был характерен для имперских времен. Еще во времена последнего османского правителя Абдул-Хамида II турецкое общество осознало необходимость проведения реформ, которые должны были коснуться как социально-экономической, так и политической сфер жизни Турции.

Младотурецкое движение было нацелено на свержение Абдул-Хамида II и проведение революции под прозападными лозунгами[381]. Революционно настроенные активисты движения стремились добиться максимальной европеизации общества, однако для реализации таких целей у них не было ни необходимых ресурсов, ни власти. На момент распада империи отношения государства с другими странами, если и складывались, то в большинстве случаев носили взаимовыгодный характер.

Так, например, во время Первой мировой войны Османская империя была союзником военно-политического блока европейских государств, противостоявших «Антанте». При этом по завершении военных действий каждый из «союзников» стремился выйти из войны, сохранив для себя наиболее выгодные условия. Согласно секретному соглашению Сайкс-Пико 1916 г., между Великобританией, Францией, Италией, Российской империей были разграничены сферы влияния на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. Таким образом, между странами происходило активное «деление» бывших владений Османской империи.

Однако дальнейшая большевистская политика привела к отказу от своих прав по соглашению Сайкс-Пико. В этом ключе представители западного мира установили новые границы Турции. В частности, речь идет о Лозаннском мирном договоре 1923 г., который заменил Севрский мирный договор 1920 г. – именно Лозаннский договор юридически оформил распад Османской империи, а также провозглашал мир между Турцией и державами Антанты.

[381] Киреев, Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 76.

Положение дел на восточном направлении также складывалось не самым благоприятным для Турции образом. Многие из государств Востока на протяжении всей истории существования Османской империи видели в ней конкурента и опасались ее влияния. Ввиду того, что к эпохе консерватизма, централизации власти в руках одного правителя и отсутствия ряда прав и свобод возвращаться было нереалистично – пришедший к власти Мустафа Кемаль Ататюрк понимал необходимость проведения реформ.

Новый лидер взял курс ориентированности на Запад в условиях терпящей крах империи в Первой мировой войне. Однако стоит отметить, что в 1918-1923 гг. кемалисты ориентировались на Советскую Россию в борьбе с «западным имперализмом», выбрав в качестве цели – получение необходимой помощи от большевиков, в частности, дипломатической поддержки, гуманитарной помощи, оружия и денег. Этот политический ход был необходим для проведения борьбы за сохранение стратегических территорий под своим контролем.

29 октября 1923 г., в день основания Турецкой Республики, М.К. Ататюрк заявил, что Турция будет европейской страной[382]. Озвученные главой государства намерения по приближению Турции к западным ценностям вскоре нашли свое отражение в провозглашенной лидером официальной идеологии государства, названной – в честь «отца-основателя» Республики – кемализмом[383].

При этом стоит отметить, что принцип лаицизма скорее касался внутренней политики государства. Наряду с кемализмом Турция решительно ступила на путь демократизации общественной жизни и отказа от османских ценностей. М.К. Ататюрк начал так называемую «политическую модернизацию» Турции, выразившуюся в принятии Гражданского кодекса в 1926 г., предоставлении женщинам избирательного права в 1934 г., а также в переносе столицы государства в Анкару и в переходе с арабской письменности

[382] Киреев, Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 157.
[383] Надеин-Раевский В.А. Турция на пороге непростого выбора [Электронный ресурс] // Международная жизнь. Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1040 (дата обращения:04.08.2018)

на латиницу[384]. Лидер государства вынужденно отказался от ислама как государственной религии, что в своем роде является проявлением лаицизма[385], поскольку это было условием Запада, которое он не мог проигнорировать. Вместе с тем, это означало желание лидера сделать из Турции светское государство, которое откажется от свойственных османским временам пережитков прошлого и найдет новые политические ориентиры.

Однако, несмотря на фактическое объявление приверженности западным идеалам, контакты Турецкой Республики с Западом изначально складывались непросто. Отношения с новым государством на мировой политической арене выстраивались предельно осторожно, что, вероятно, стало причиной постепенного сближения Турции с Советским Союзом[386], который столкнулся с похожей проблемой. М.К. Ататюрк был в достаточно хороших отношениях с В.И. Лениным, и необходимость такого тесного сотрудничества в первую очередь была продиктована внешнеполитическими реалиями, свойственными для того времени. Оба государства переживали непростой период в своей истории и нуждались в поддержке «извне».

Вместе с тем, Турция не была намерена оставаться в статусе государства, изолированного от международных процессов. По этой причине отличительной чертой внешнеполитического курса Ататюрка была ориентированность на Запад при сохранении контактов с другими странами, что, однако, не всегда адекватно воспринималось государствами западного мира. Так, например, почти никто из стран Европы, а также Соединенные Штаты, не приветствовали советско-турецкое взаимодействие, опасаясь распространения на территорию Турции социалистических воззрений, что являлось одной из причин медленного развития отношений с Западом.

Таким образом, уже в 20-х гг. XX в. Турция стала планомерно отходить от дружественной политики с Советским Союзом, а ее интересы на

---

[384] Zhigulskaya D.V. Development of democratization processes in Turkey in the late ottoman and early republican periods // Historical and social-educational ideas, 2017. Vol. 9. № 2/2. P. 38.
[385] Baran Z. Torn Country. Turkey Between Secularism and Islamism. Stanford: Hoover Institution Press, 2010. 173 p.
[386] Akyol T. Sovyet Rus stratejisi ve Türkiye. İstanbul: Ötüken neşriyat, 1979. P. 120.

внешнеполитической арене все больше стали смещаться в сторону Запада. Особенно четко данная тенденция стала прослеживаться после Лозаннского мира 1923 г.

В феврале 1927 г. Турция и Америка предприняли попытку наладить контакты на дипломатическом уровне, и даже обменялись нотами, что, однако, в то время не помогло развить эти контакты до уровня стратегического партнерства[387].

В рамках расширения западного вектора отмечается вынужденный союз Турции с Англией в контексте разрешения мосульского вопроса и подавления курдского сопротивления в 1920-х гг. А также такие пакты, как Балканский пакт от 1934 г. как военно-политический союз Греции, Румынии, Турции и Югославии, заключенный в Афинах с целью сохранения на Балканах послеверсальского соотношения сил под контролем Великобритании и Саадабадский пакт 1937 г.[388], который в период «странной войны» приобрел большое значение в антисоветских планах англо-французской группировки и стран-участниц Саадабадского пакта. После присоединения Турции к англо-французскому блоку и особенно во время советско-финского конфликта по инициативе Лондона и Парижа велись переговоры о превращении пакта в прямой военный союз, связанный посредством англо-франко-турецкого н англо-иракского договоров с западными союзниками, о создании «мусульманского фронта против большевизма», объединяющего Ближний и Средний Восток «от Каира до Кабула»[389].

Конвенция Монтре по Черноморским проливам 1936 г. заменила собой Лозаннскую конвенцию 1923 года и восстановила суверенитет Турции над проливами Босфор и Дарданеллы из Черного моря в Средиземное море. Важно отметить, что на конференции в Монтре именно Великобритания выступила с

---

[387] Gübrüz A. Diplomatik İlişkilerin Kesilmesinden Stratejik Ortaklığa Giden Süreçte Türk-Amerikan İlişkileri (1917-1945) // Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi, 2018. Vol. 3. № 2. P. 19.

[388] Белокреницкий В.Я. Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств Средне-Западной Азии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2012. № 7. С.12.

[389] Бабинцев В. А. Саадабадский пакт в период "странной войны" (октябрь 1939 - март 1940) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск: УрГУ, 1977. № 6. С. 124.

предложением уравнять права черноморских и нечерноморских держав на проход их военных кораблей через проливы.

Кроме того, следует вспомнить получение Александретского санджака от Сирии при посредничестве Великобритании и Франции в 1939 г., что говорит о повороте на Запад во внешнеполитическом курсе Турции.

Изменения в политике Анкары в особенности проявились в 1939 г., когда Турция объявила о политике нейтралитета (вошедшего в историю как «недружественный»), означавший, что Турция не собиралась вступать в войну с Германией. Такое решение, с одной стороны, в целом соответствовало интересам союзников в лице Великобритании и Франции на начальном этапе войны[390], с другой – вовлечение Турции в военные действия стало необходимым в более поздний период, и позиция турецкого руководства стала поводом для недовольства ряда европейских стран.

Вместе с тем стоит отметить, что такие условия, сложившиеся для страны на западном направлении, поставили Турцию перед серьезным выбором. Государство, которое фактически только начинало свое становление в качестве полноправного актора международных отношений, было обеспокоено международной напряженностью в начале 40-х гг. XX вв. Не до конца восстановившаяся после событий Первой мировой войны ни в экономическом, ни в военном плане, Турция понимала, что итоги Второй мировой войны приведут к не менее разрушительным для нее последствиям. По этой причине она приняла решение сблизиться с Германией в целях получения некоторых гарантий, что в значительной степени осложнило советско-турецкие отношения. В 1941 г. стороны заключили пакт о дружбе и ненападении, а Турция активно пыталась сохранить контакты как с

[390] Сотниченко А.А. Пролог «холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945-1950 гг. в условиях формирования ялтинской системы международных отношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, 2010. № 2. С. 219.

Великобританией и Соединенными Штатами, так и с Германией[391], что, однако, не всегда получалось.

Уже в 1943 г. государства Европы стремились вовлечь Турцию в войну, однако косвенно сделать это удалось лишь к окончанию военных действий в 1945 г.[392] Кроме того, в 1944 г. стало известно о достаточно тесном сотрудничестве Турции с Германией вопреки заявлениям государства о нейтралитете: Турецкая Республика не только пропускала под видом торговых грузов немецкие корабли с военной техникой через Черноморские проливы, но и осуществляла поставки в Германию хрома[393].

По завершении войны Европа стала относиться к Турции более настороженно. Однако при этом политика Турецкой Республики по-прежнему была устремлена на Запад, в частности, ориентиры государства сместились в сторону Соединенных Штатов. Информация, размещенная на официальном сайте Министерства иностранных дел Турецкой Республики, констатирует данный факт: в соответствии с ней, турецко-американские отношения сложились еще в конце XVIII вв., однако импульс к развитию получили лишь после Второй мировой войны[394].

В послевоенное время Турция, будто опасаясь вновь оказаться в изоляции, действительно поддерживала практически любые идеи, выдвигаемые американским руководством. Соединенные Штаты, в свою очередь, добившись ослабления советского влияния, стремились укрепить позиции в регионе и были заинтересованы в Турции как в важной со стратегической точки зрения стране на Ближнем Востоке. Так, например, в 1947 г. на территории Турции особую популярность приобрела «Доктрина

---

[391] Сотниченко А.А. Пролог «холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945-1950 гг. в условиях формирования ялтинской системы международных отношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, 2010. № 2. С. 219.

[392] Поцхверия Б.М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2010. № 5. С. 362.

[393] Поцхверия Б.М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. С. 361.

[394] Türkiye – Amerika Birleşik Devletleri Siyasi ve Ekonomik İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-amerika-birlesik-devletleri-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:21.08.2018)

Трумэна». В целом, само провозглашение данной доктрины Соединенными Штатами можно расценивать в качестве недвусмысленного жеста в отношении Советского Союза, демонстрирующего явное желание западных коллег обрести новых «союзников» на Востоке.

В рамках данной доктрины, которая, по замыслу ее создателей, представляла собой план ограничения распространения коммунизма, в русле оказания экономической и военной помощи Турции (а также Греции) правительством США выделялось 400 млн. долл.[395] Еще одной инициативой Америки являлся план Маршалла, в рамках которого в 1948 г. Турция и Соединенные Штаты Америки подписали Соглашение об экономическом сотрудничестве, а Турецкая Республика получила денежную помощь в размере 10 млн. долл.[396]

При этом интересно, что Турция, которой так и не довелось принять участие в военных действиях, в отличие от Советского Союза, наименьшим образом пострадала от войны. Однако финансовая помощь была предложена именно ей, что является очередным доказательством продуманной политики Соединенных Штатов в отношении Турецкой Республики. Фактически американское руководство подкупило Турцию, которая после такой достаточно щедрой поддержки уже в какой-то степени находилась под американским влиянием и постепенно стала зависима от этого государства. В таких условиях дальнейшее динамичное развитие турецко-американских отношений не представляется удивительным.

В 1952 г. произошло знаменательное как для Соединенных Штатов, так и для Турции событие – государство присоединилось к военно-политическому блоку Североатлантического альянса, а в 1955 г. к Организации Центрального Договора (СЕНТО)[397].

---

[395] Глазунова Е.Н. У истоков содействия международному развитию: американская программа технической помощи развивающимся странам // Вестник Московского университета, 2012. № 2. С. 132.
[396] Киреев, Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 278.
[397] Durmuş R. Geçmişten günümüze Türk-Amerikan ilişkileri [Электронный ресурс] // TASAM. Режим доступа: http://tasam.org/Files/Icerik/File/gecmisten_gunumuze_turk_-_amerikan_iliskileri__cff226c0-9cc8-4b1b-95a1-a352e377de84.pdf (дата обращения:14.03.2019)

Важность вступления Турции в Североатлантический альянс для Белого дома объяснялась тем, что это означало прямое закрепление государства в регионе, в том числе и в военном смысле. Турецкая Республика придавала сотрудничеству со странами альянса особое значение ввиду того, что постепенно начала выходить из изоляции и приобретать статус довольно важного игрока на международной арене в глазах Запада. Руководство Соединенных Штатов, принимая Турцию в альянс, сделало серьезную ставку на безопасность. Уже в 1955 г. в Турции появилась авиабаза американских вооруженных сил «Инджирлик», которая также активно использовалась силами НАТО в период войны в Персидском заливе в 1990-1991 гг.[398], а в 2012 г. в г. Измире разместилось Командование сухопутных сил (LANDCOM)[399].

Особую роль сыграло сотрудничество Турции и Америки в области безопасности в период «холодной войны». Так, например, не без причастности Турции, которая в 1961 г. разместила на своей территории американские ракеты[400], начался Карибский кризис. Вместе с тем Турецкая Республика сама достаточно неплохо вооружалась западными партнерами, и за годы своего членства в Североатлантическом альянсе армия государства стала второй по численности армией в его составе, уступив в этом плане лишь боеспособности вооруженных сил Соединенных Штатов[401].

Кроме того, стоит упомянуть Кипрский кризис 70-х гг. и его влияние на взаимоотношения Соединенных Штатов Америки и Турецкой Республики.

Для Турции позиция США в кипрском вопросе явилась главной причиной пересмотра ее внешнеполитического курса, именно поэтому Турция начала проводить многостороннюю политику, связанную с поиском новых союзников в ближневосточном регионе. Тогда США стали применять угрозу

---

[398] Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета, 2016. Т. 47. № 2. С. 54.

[399] Allied Land Command. History [Электронный ресурс] // NATO. Режим доступа: https://lc.nato.int/about-us/history (дата обращения: 04.05.2018)

[400] Воробьев С.В., Каширина Т.В. Карибские события 1962 года как успешная модель управления кризисом. О силовом балансе в советско-американских отношениях // Обозреватель. 2018. № 7 (324). С. 40.

[401] Наумов М. Сравнительный анализ вооруженных сил России и Турции [Электронный ресурс] // Центр стратегических оценок и прогнозов. Режим доступа: http://csef.ru/oborona-i-bezopasnost/340/sravnitelnyj-analiz-vooruzhennyh-sil-rossii-i-turczii-8104 (дата обращения:21.08.2018)

введения санкций в случае несогласия Турции с их позицией относительно кипрского вопроса[402]. Как следствие США наложили эмбарго по военным поставкам в Турцию. В США частичная отмена эмбарго стала причиной выработки правовой основы двусторонних отношений в военной области. Позже состоялось подписание в 1976 г. нового «оборонительного» соглашения. Однако двустороннее сотрудничество в области обороны и функционирования объектов ограничивалось рамками обязательств по договору НАТО. Примечательно, что данное соглашение не связано с кипрской проблемой и проблемой греко-турецких отношений.

При этом можно предположить, что действия американского руководства по укреплению Турции являлись недостаточно обдуманными и дальновидными, и в каком-то смысле могут расцениваться как военный и дипломатический просчет Америки на восточном направлении. В годы советско-американского противостояния Вашингтон получил большое количество преференций от взаимодействия с Турцией.

Однако с крушением биполярной системы в 1991 г. в значительной степени изменилась и расстановка сил на международной арене, где практически каждый из акторов мировой политики взглянул на политические реалии по-новому. Эти изменения затронули в том числе и вопрос турецко-американского сотрудничества. Даже А. Давутоглу, бывший министр иностранных дел Турецкой Республики, в своей книге «Стратегическая глубина» отметил, что если в разгар «холодной войны» Турция была искренне заинтересована в развитии контактов как с Соединенными Штатами, так и в рамках Североатлантического альянса, то по окончании этого периода военно-политический блок, возглавляемый Америкой, стал расцениваться лишь как логическое продолжение отношений Турции и Америки[403].

После распада Советского Союза отношения Турции с Западом действительно стали меняться, однако постепенно. На перемены во

---

[402] Смолняк И. В. Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американо-турецких отношениях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2016. Вып. 12. С. 47.
[403] Davutoğlu A. Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2011. C. 234.

внешнеполитическом курсе Анкары в том числе повлияли изменения во внутренней политике. В начале 2000-х гг. победу на выборах в Турции одержала Партия справедливости и развития (ПСР), возглавляемая действующим президентом Р.Т. Эрдоганом. На заре своей карьеры будущий глава Турции, после ряда неудачных попыток реализовать свой потенциал в рамках консервативно-исламских партий, подобно М.К. Ататюрку, осознал, что для Турции наступило время реформ. Он принял решение создать умеренно-исламистскую Партию справедливости и развития, программа которой в те годы носила прозападный характер. Отличительной чертой политики Анкары при правлении Партии справедливости и развития в 2000-х гг. стало смещение интересов в сторону Европы, в особенности – Европейского союза.

Отношениям с Соединенными Штатами также придавалось особое значение, однако главной целью турецкие политики называли вступление в Европейский союз. Подобное желание Турции объясняется несколькими причинами. Во-первых, Турция, как когда-то провозгласил М.К. Ататюрк, видела себя наиболее европеизированной страной среди всех ее окружающих. Это отчасти правда – именно Турции удалось привнести в сферу общественно-политической жизни несвойственные другим восточным странам изменения, и успешно сочетать их с неизменными турецкими традициями. Во-вторых, Турция, объясняя свое стремление приблизиться к европейскому миру, нередко ссылается на свое географическое расположение сразу на двух континентах – европейском и азиатском. По мнению властей государства, это дает ей право относить себя к странам Европы.

Несмотря на то, что курс на вступление в Европейский Союз стал особенно актуальным после прихода к власти Партии справедливости и развития, данный вопрос не раз поднимался турецким руководством ранее, и являлся одним из главных в европейско-турецкой повестке дня. Таким образом, в послевоенные годы внешнеполитический курс Турции стал ориентироваться на Европу, которая территориально находится ближе в

отличие от США. Вместе с тем экономическая ситуация[404], преобладающая в данный период в стране, вынуждала многих граждан Турции отправляться за границу в поисках достойной и высокооплачиваемой работы.

Выбор многих из них пал на страны Западной Европы, которые также были заинтересованы в притоке рабочей силы, необходимой для восстановления разрушенной войной инфраструктуры[405]. Изначально Турция пыталась выстроить отношения с существовавшем в те годы Европейским экономическим сообществом, однако практических результатов эти попытки тогда не принесли. В 1963 г. было подписано соглашение об ассоциации Турции с Европейским экономическим сообществом, однако все вопросы трудовой миграции в основном регулировались двусторонними межправительственными соглашениями Турецкой Республики с некоторыми европейскими государствами, в числе которых оказались Германия, Нидерланды, Бельгия, Австрия, Франция и другие[406].

После того как европейские страны подписали Маастрихтский договор о создании Европейского союза в современном его виде, Турецкая Республика начала проявлять к нему интерес. Первый успех Турции на этом направлении пришелся на 1995 г., когда стороны заключили соглашение о таможенном союзе, а спустя четыре года, в 1999 г., Турецкая Республика официально приобрела статус кандидата на вступление в Европейский Союз[407], на чем процесс евроинтеграции Турции на время завершился.

Возобновление европоориентированного дискурса в эпоху правления ПСР стало поводом для начала активных переговоров по этому вопросу, которым был дан старт в 2005 г[408]. До этого времени данный вопрос постоянно откладывался европейской стороной. В 2002-2003 гг. Турция представила

---

[404] Ульченко Н.Ю. Перспективы экономического развития Турции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 3. С. 92.
[405] Масумова Н.Р. Современные тенденции турецкой трудовой миграции в страны Западной Европы // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2012. № 7. С. 111.
[406] Там же.
[407] Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. Под ред. А.Н. Голикова. М., 2010. С. 6.
[408] Cicioğlu F., Taş Yetim H. Uyumdan güven bunalımına Türkiye-AB ilişkileri // İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. C. 173.

парламенту пакет специальных мер, нацеленных на гармонизацию с Европейским союзом[409], однако в Европе вновь довольно сдержанно отнеслись к попыткам Турции. Одна из наиболее важных встреч по данному вопросу состоялась в 2010 г. в Стамбуле, где впервые прошло заседание в формате «Турция – Европейский союз» на уровне министров иностранных дел[410].

Стоит отметить, что вплоть до 2015 г. страны Европейского союза не проявляли особого интереса к интенсификации переговорного процесса с Турецкой Республикой, а их реальные двусторонние отношения в большинстве случаев сводились к экономике[411]. Любые встречи и заседания, проводимые по вопросу интеграции, воспринимались в Турции с надеждой на достижение прогресса. Для Европейского союза, в свою очередь, они являлись удобным предлогом для создания видимости активной работы, в которой на самом деле никто не был заинтересован. Вместе с тем отказы во вступлении и затягивание переговоров объяснялись в Европе тем, что Турция не соответствует Копенгагенским критериям – списку необходимых условий для вступления государства в Евросоюз. Так, одним из главных выявленных пунктов несоответствия нередко называется нарушение прав человека, которое, по мнению Европы, в Турции процветает. Упрекая Турцию в несоблюдении основных прав и свобод, европейские лидеры, как правило, вспоминают массовые аресты журналистов, приравниваемые ими к ограничению свободы слова. Также упоминается неразрешенный курдский вопрос[412], в рамках которого власти Турции, по версии Европейского союза, ущемляют права проживающих на территории государства национальных меньшинств.

---

[409] Шлыков П.Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса // Современная Европа, 2016. № 3 (69). С. 56.
[410] Гаджиев А.Г. Перспективы вступления Турции в ЕС и Россия // Вестник РУДН, 2012. №. 3. С. 48.
[411] Гаджиев А.Г. Особенности развития отношения между Турцией и ЕС в период правления Партии справедливости и развития // Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы (2002-2015). Под ред. Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова. ИВ РАН. М.: ИВ РАН, 2017. С. 170.
[412] Жигалина О.Г. Ситуация в этническом Курдистане и перспективы ее развития // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 51.

Понять позицию государств Европы несложно: как бы Турция ни старалась соответствовать западным ценностям, особенности общественно-политической жизни данной страны слабо сочетались с европейскими идеалами. Так, например, немаловажную роль в процессе турецкой интеграции играл свойственный мусульманской Турции исламский фактор, который всегда рассматривался европейскими государствами скорее как дезинтегрирующий[413]. Кроме того, в ЕС отчетливо понимали, что, несмотря на свое геостратегическое положение, Турецкая Республика фактически окружена ближневосточными странами, на территории которых постоянно вспыхивают вооруженные конфликты. Вместе с тем Турция имеет неразрешенные территориальные противоречия с рядом государств, два из которых являются членами Евросоюза (Греция и Кипр).

В этом контексте присоединение Турции может стать усугубляющим и деструктивным фактором не только для двусторонних отношений между этими странами, но и для целостности и сплоченности самого Европейского союза. Тем не менее, в ноябре 2015 г. Европейский союз впервые за несколько лет обратился к Турции с «взаимовыгодным» предложением. Ввиду обострения ситуации на Ближнем Востоке, Европа стала жертвой миграционного кризиса[414], и помощь Турции в разрешении этого вопроса представлялась как никогда своевременной. Осенью 2015 г. стороны договорились об обмене беженцами, а в марте 2016 г. подписали соглашение об урегулировании миграционного кризиса.

Суть соглашения заключалась в следующем: все нелегальные мигранты, которые прибывали в Грецию из Турции, должны были быть возвращены обратно. На содержание беженцев Евросоюз обещал выделить Турецкой Республике сумму в размере 6 млрд. евро, существенно упростить процесс вступления Турции в Европейский союз, а также отменить существующий

[413] Шабага А.В. Идентичность исторического субъекта как социальный феномен // Вестник РУДН. Серия: социология. 2009. № 2. С. 20.
[414] Сатановский Е.Я. Между кризисом и катастрофой // Россия и мусульманский мир. 2016. № 5 (287). С. 15.

визовый режим[415], во что Турция, после долгих лет отсутствия инициатив со стороны Европы, по какой-то причине поверила. Турецкая Республика, у которой в тот период времени были достаточно напряженные отношения с Россией после инцидента с Су-24, вероятно, решила, что укрепление отношений с Соединенными Штатами, а также заключение выгодной сделки с Европой станет своеобразной гарантией вечного партнерства и отсутствия разногласий. Посчитав такой вариант развития событий жизнеспособным, Турция допустила серьезную ошибку, которую осознала уже в скором времени.

Истинные намерения западных коллег прояснились для Турции в тот момент, когда ей была необходима их поддержка. В июле 2016 г. в Турции была осуществлена попытка государственного переворота. К удивлению правящей элиты Турецкой Республики, ни государства Европы, ни Соединенные Штаты не поспешили поддержать Турцию в данной ситуации, отреагировав на это событие, в свойственной им манере, достаточно спокойно. Поддержку Турция тогда получила в большей степени от России и других государств. Особенно лидера Турции Р.Т. Эрдогана тогда возмутила позиция Соединенных Штатов, которые впоследствии отказали Турции в экстрадиции Ф. Гюлена – предполагаемого организатора переворота, проживающего в Пенсильвании[416]. К этому пункту также добавились внешнеполитические разногласия по вопросу арабо-израильского конфликта, урегулирования сирийского кризиса, осложненного союзом Белого дома и сирийских курдских сил, а также по аспектам нереализованных экономических проектов, в том числе по созданию турецко-американской зоны свободной торговли[417].

Немного позже проблемы начались и на европейском направлении: Турция стала замечать одностороннюю выгоду от договоренностей с

---

[415] ЕС выделит €1,5 млрд. сирийским беженцам в Турции [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6215811 (дата обращения:16.05.2019)

[416] Flanagan S.J., Larrabee F.S., Binnedijk A., Costello K., Efron S., Hoobler J., Kirchner M., Martini J., Nader A., Wilson P.A. Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020. – С. 9.

[417] Шлыков П.В. Турецко-американские отношения в зеркале ближневосточного и евро-атлантического измерений // Актуальные проблемы Европы, 2019. № 1. С. 186.

Европейским союзом по беженцам. Визовый режим по-прежнему действовал, обещанные средства финансирования, по словам президента страны, в полном размере так и не были выделены, а переговоры относительно турецкой евроинтеграции так и не сдвинулись с места, учитывая, что по состоянию на лето 2018 г., Турция приняла более 3 миллионов сирийских беженцев[418] и выполняла взятые на себя обязательства.

При этом по прошествии лет в значительной степени изменилась политика лидера правящей партии Р.Т. Эрдогана, который все чаще стал говорить о сближении с Востоком и все чаще обвинял Запад в отсутствии какой-либо поддержки. Идеи о взаимодействии в формате Анкара – Вашингтон и Анкара – ЕС постепенно сменяют концепции евразийства, предполагающие в первую очередь сотрудничество Турции с Россией и Китаем[419]. Со временем Турецкая Республика стала отходить от ориентированного исключительно на Запад внешнеполитического курса, в конечном итоге начав придерживаться политики неоосманизма[420], которую в контексте отношений с западным миром можно трактовать как проведение политики, независимой от мнений и взглядов Соединенных Штатов и стран Европы. В рамках данной политики в последние несколько лет Турция пропагандирует отказ от западных ценностей и возвращение к консерватизму и всеобщей исламизации.

Ярким проявлением таких тенденций стало проведение в 2017 г. референдума о внесении поправок в Конституцию страны, фактически предусматривающих переход к президентской форме правления и укреплении вертикали власти. Не стоит и пояснять, что референдум вызвал негативную реакцию на Западе. В некоторых странах Европы – Германии и Нидерландах – вопрос его проведения закончился обвинениями Р.Т. Эрдогана в адрес

---

[418] Türkiye'deki Suriyeli sığınmacıların sayısı açıklandı [Электронный ресурс] // Hürriyet. Режим доступа: http://www.hurriyet.com.tr/gundem/turkiyedeki-suriyeli-siginmacilarin-sayisi-aciklandi-40895241 (дата обращения:14.09.2018)

[419] Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1(105). С. 121.

[420] Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль, 2014. № 3. С. 71.

Европы в исламофобии в ответ на запрет проведения митингов, поощряющих голосование, а также полноценным дипломатическим скандалом. Это привело к еще большему ухудшению отношений в формате «Турция – Европейский союз».

В настоящее время отношения Турции с Европой по-прежнему нельзя назвать дружественными – помимо вопроса о будущем составе Евросоюза, других точек соприкосновения у сторон нет. Если Турция действительно планомерно отходит от проведения политики в интересах Соединенных Штатов, то Европа все еще опасается потерять партнера в лице Вашингтона, что в значительной степени осложняет двустороннее взаимодействие.

За период с 2015 по 2016 г. Турция осознала, что все это время являлась как для Соединенных Штатов, так и для Европейского союза лишь выгодным партнером для реализации своих целей. В последние несколько лет Турция открыто говорит о том, что именно ее не устраивает в политике Вашингтона, а также европейских государств, однако в Белом Доме Анкару не желают слышать. Ситуация не изменилась даже с приходом к власти в Штатах новой администрации во главе с Д. Трампом.

Напротив – отношения двух государств, переживающие «кризис доверия»[421], стали характеризоваться еще большей конфликтностью, чем при Б. Обаме, а все двусторонние контакты в последнее время почти не приносят результатов и становятся формальностью. Вместе с тем, президент Р.Т. Эрдоган, смирившийся с существующими политическими реалиями, уже не раз отказывался от вступления в Евросоюз, прямо заявляя о том, что Турцию там не ждут. Так, например, президент Р.Т. Эрдоган 9 мая 2019 г. заявил, что Европейский союз нуждается в Турции гораздо больше, чем она в нем. Однако, несмотря на это, Турция продолжит усилия по вступлению в ЕС в рамках выполнения копенгагенских критериев, которые необходимы для

[421] Свистунова И.А. Турецко-американские отношения после прихода к власти в США нового президента // Труды Института востоковедения РАН, 2019. № 20. С. 160.

вступления[422]. К тому же политика Турции в Сирии вызывает ответную реакцию у европейских стран. В частности, в октябре 2019 г. в ходе заседания Совета ЕС страны Европы приняли решение ввести против Турции санкции, напомнив о проведении буровых работ в пределах исключительной экономической зоны Кипра. Руководство Турции в ответ напомнило о возможности открытия границы для беженцев, которые хотят попасть в Европу.

Кроме того, имели место быть заявления о бессмысленности продолжения сотрудничества по линии Анкара – Североатлантический альянс и даже о выходе Турецкой Республики из альянса. И если речи лидера Турции относительно ЕС обусловлены отсутствием прогресса по все тому же вопросу о вступлении государства в Союз, то в Североатлантическом альянсе президент усомнился по другим причинам.

Кризис с Североатлантическим альянсом, а в широком смысле – с Америкой, был вызван активизацией российско-турецкого сотрудничества после долгого перерыва. Также этому способствовало достижение договоренностей по поводу закупки Турцией зенитных ракетных систем С-400 у России в тот период, когда Запад проводил особенно недружественную политику в отношении Российской Федерации. Стоит подчеркнуть, что данный вопрос вплоть до настоящего времени является камнем преткновения в двусторонних отношениях Вашингтона и Анкары. Связано это с тем, что руководство США продолжает высказывать опасения по поводу российско-турецкого контракта. Однако 10 января 2019 г. глава МИД Турции обозначил свою позицию, согласно которой Турция не возражает против закупки ЗРК Patriot, с условием, что в заключении контракта не будет обозначен отказ от С-400. Лидер государства Р.Т. Эрдоган придерживается позиции, что данная покупка не связана с безопасностью НАТО. Тем не менее, США 1 апреля 2019 г. приостановили поставки Турции материалов для F-35, а уже в июле 2019 г.

[422] Аватков В.А., Сбитнева А.И., Останин-Головня В.Д., Крылов Д.С. Турция и арабские страны // Ежегодник 2019 г. Коллективная монография. М: Грин Принт, 2020. С. 35.

руководство США объявило о прекращении продажи Турции новых истребителей F-35. В ответ на это Турция заявила, что ее невозможно исключить из НАТО, а также напомнила о возможности закрытия авиабазы Инджирлик.

Кроме того, говоря о американо-турецких отношениях, стоит упомянуть выступление президента Турецкой Республики 25 сентября 2019 г. на открытии 74-й сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке. Ряд мировых СМИ соотнесли данное выступление президента Турции как «вызов США». В частности, основные положения речи Р.Т. Эрдогана прозвучали с точки зрения проводимого внешнеполитчиеского курса в рамках «неоосманизма» – например, президент Турции символично начал выступление с прочтения цитаты Мевляны, упомянул концепцию «Мир больше пяти», а также говорил о позиционировании Турцией себя в качестве главного мировторца, который призван остановить войну в Сирии. Помимо этого, Р.Т. Эрдоган представил план по созданию зоны безопасности на севере Сирии[423].

В целом, отношения Турецкой Республики и Североатлантического альянса сводились к тому, что члены альянса (в большей степени Соединенные Штаты) использовали ее в своих целях – США активно пользовались военными базами, размещенными на территории данной страны, вооруженные силы Турции принимали активное участие в миссиях альянса в Афганистане[424].

Сама Турция при этом могла рассчитывать на приобретение американских вооружений, которые, однако, практически перестали поставляться в Турцию в период обострения турецко-американских отношений. Нашедшая замену американским системам Турция столкнулась с резкой критикой официальных лиц Североатлантического альянса и Вашингтона, которые в один голос твердили о несовместимости техники

[423] Аватков В.А., Сбитнева А.И., Останин-Головня В.Д., Крылов Д.С. Турция и арабские страны // Ежегодник 2019 г. Коллективная монография. М: Грин Принт, 2020. С. 56.
[424] Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета, 2016. Т. 47. № 2. С. 55.

военно-политического блока с зенитно-ракетными комплексами, которые Турция намеревается купить у России. Ситуация обострилась до такой степени, что Соединенные Штаты предпринимают попытки поставить Турцию перед выбором под угрозой отказа от поставок систем Patriot и истребителей F-16. На что Турецкая Республика теперь лишь спокойно отвечает о желании сохранить контракт с Россией. Кроме того, усиливающаяся самостоятельность Турции подтверждается тем, что в ноябре 2019 г. она отказалась принимать план Североатлантического альянса по защите стран Балтии и Польши от так называемой «российской угрозы»[425].

Особую важность в контексте внешней политики Турции приобретает тот факт, что в последнее время Анкара все чаще конфликтует именно со своими европейскими партнерами по НАТО. Так, например, из-за геологоразведочной деятельности Турецкой Республики в исключительной экономической зоне Кипра достаточно напряженными остаются отношения Турции и Греции, которые и так никогда не отличались стабильностью по причине неразрешенного вопроса эгейских островов. Сегодня Греция решительно осуждает действия Анкары, призывая ее прекратить бурение в Восточном Средиземноморье, апеллируя к нормам международного морского права и необходимости уважения суверенитета Кипра[426].

Помимо этого, летом 2020 г. на грани полномасштабного конфликта оказались Турция и Франция. Причиной для разногласий послужил инцидент, произошедший в Средиземном море, когда в ответ на запрос участвующих в региональной операции ВМС Франции досмотреть грузовое судно Турции турецкая сторона не только проигнорировала просьбу, но и взяла на прицел французский фрегат, что в Париже охарактеризовали не иначе как проявление аргессии и обратились за поддержкой в НАТО[427]. Конфликт получил развитие

---

[425] Эрдоган пригрозил бойкотировать планы НАТО по защите Польши и Балтии [Электронный ресурс] // Ведомости. Режим доступа: https://ria.ru/20191203/1561886968.html (дата обращения: 02.05.2020)

[426] Греция потребовала от Турции прекратить бурение в водах Кипра [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20190709/1556367021.html (дата обращения: 02.08.2020)

[427] «Смерть мозга» НАТО: почему поссорились Франция и Турция [Электронный ресурс] // Федеральное агентстсво ноовстей. Режим доступа: https://riafan.ru/1292231-smert-mozga-nato-pochemu-possorilis-franciya-i-turciya (дата обращения: 02.08.2020)

осенью 2020 года, когда в ответ на вооруженное нападение на школьного учителя за демонстрацию религиозных карикатур издания «Charlie Hebdo» Э. Макрон объявил о намерении бороться с радикальным исламизмом, что встретило резкую критику лидера Турции, который поспешил заступиться за представителей мусульманского сообщества. Так, Р.Т. Эрдоган сравнил положение мусульман во Франции с положением при нацистах, а Генеральная прокуратура Турции, в свою очередь, возбудила уголовное дело против сотрудников французского журнала за опубликованную впоследствии карикатуру на президента Турецкой Республики[428].

Тем не менее, стоит учитывать, что вероятность выхода Турции из Североатлантического альянса, несмотря на все факторы и инциденты, остается предельно мала, что осознают обе стороны. Соединенные Штаты все еще заинтересованы в Турции как в ключевом союзнике на Ближнем Востоке, особенно в тот момент, когда в среднесрочной перспективе станет возможным урегулирование кризиса в Сирии и начнется неизбежный процесс ее федерализации. Турция, в свою очередь, также не намерена всерьез покидать военно-политический блок, однако по другим причинам: на данный период времени достойной альтернативы для Турции в этом плане не существует. Кроме того, в современных политических условиях Турция в каком-то смысле поменялась местами с Соединенными Штатами, и теперь сама использует свое членство в Североатлантическом альянсе в качестве инструмента давления на Вашингтон и весомого аргумента при возникающих разногласиях. Президент страны периодически напоминает Белому Дому о важности Турции, спекулируя высказываниями о том, что государство больше не боится оказаться за пределами альянса, при этом прекрасно понимая, что ни одна, ни другая сторона на такой шаг в действительности не пойдут.

Следует учитывать, что помимо проблем в области военно-технического сотрудничества, отношения Турции и Соединенных Штатов

[428] Французская карикатура на Эрдогана расстроила Турцию. Она обещает ответить [Электронный ресурс] // BBC. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-54725127 (дата обращения: 03.11.2020)

перестали развиваться и в экономической сфере. Так, например, в начале августа 2018 г. Белый дом повысил пошлины на ввозимые из Турецкой Республики сталь и алюминий. Причин для такого решения было как минимум несколько.

Во-первых, Турция отказывалась поддержать антииранские санкции ввиду сближения с данной страной по вопросам урегулирования сирийского кризиса. Во-вторых, накануне у сторон произошел конфликт по вопросу Э. Брансона – американского пастора, который был арестован по подозрениям в связях с Ф. Гюленом, и экстрадиции которого добивались в Америке. Спустя несколько дней Турция также ввела торговые ограничения, что еще больше усугубило хрупкие отношения с Вашингтоном[429]. С Европой отношения складываются приблизительно по такому же сценарию – европейской и турецкой сторонам выгодно сохранение текущего положения дел и минимальное поддержание контактов. Единственное, что волнует Турцию в данной ситуации – проблема нескончаемого потока беженцев, которую она фактически по собственной воле вызвалась разделить с Европейским союзом.

Таким образом, на протяжении второй половины XX века Турция была ключевым партнером Запада в регионе. Ввиду активного взаимодействия Турции и Запада, которое было заложено исторически, во взаимоотношениях между Турцией и странами Запада отмечается исторический период «образцового партнерства». Это предполагало тот факт, что Турция выступала в качестве младшего партнера США. Например, во времена, когда у власти был Мустафа Кемаль Ататюрк, внешнеполитический курс был ориентирован на Запад.

Но вместе с этим сотрудничество подразумевало установление контактов Турции и с Европой. Примером такого рода контактов является вынужденный союз Турции с Англией в рамках разрешения мосульского вопроса и подавления курдского сопротивления в 1920-х гг., Балканский пакт

[429] США решили повысить вдвое пошлины на алюминий и сталь из Турции [Электронный ресурс] // Ведомости. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/08/10/777890-ssha (дата обращения:18.10.2018)

от 1934 г., Саадабадский пакт 1937 г. Кроме того, особая популярность на территории Турции «Доктрины Трумэна» в 1947 г., сотрудничество Турции и Америки в области безопасности в период «холодной войны», а также присоединение Турции в 1952 г. к военно-политическому блоку Североатлантического альянса – также говорит об активном прозападном внешнеполитическом векторе Турции.

Однако с приходом к власти Партии справедливости и развития, которая спровоцировала перелом в «образцовом партнерстве», на первое место встал вопрос о необходимости членства в Евросоюзе и дальнейших перспективах сотрудничества с США. Таким образом, в последнее время в отношениях между Турцией и Западом наметился кризис, причины которого во многом лежат в увеличении самостоятельности во внешнеполитическом курсе Анкары.

Вместе с тем, современная Турция встраивается в формируемую Великобританией западоцентричную ось Лондон–Анкара–Токио, где Турция и Япония представляют собой наиболее ориентированные на Запад государства двух частей Востока – Среднего и Дальнего. Анкара нужна Западу либо в качестве стороны, в рамках данной оси продвигающей хаос и нестабильность на Кавказ и в страны Центральной Азии, а также подрывающей интересы России и Китая; либо как часть этого хаоса, который распространяется с Севера Африки на Ближний Восток. При этом Турецкая Республика пытается избежать обоих вышеописанных сценариев: Турция использует Великобританию и США для продвижения собственных интересов во всех интересующих ее регионах мира – на постсоветском пространсве и в центральноазиатском регионе, а также на Ближнем Востоке и Кавказе.

В настоящий период времени Турецкая Республика активно продолжает развивать свой курс в отношении стран Востока, показывая, что способна действовать без существенной поддержки со стороны Запада, однако никаких гарантий по поводу того, что такая политика будет однозначно выигрышной

для Анкары нет, равно как и нет гарантий, что такая политика продолжится после смены власти в Турции или даже при имеющемся правительстве.

3.2. Ближневосточный вектор в рамках перехода к наступательной политике во внешнеполитическом курсе Анкары

Особое место во внешней политике Турции всегда было отведено восточным государствам, со многими из которых Турецкую Республику связывают не только схожие восточные традиции и уклад общественно-политической жизни, но и многовековая история. События Первой и Второй мировых войн, изменивших расстановку сил в мире, также в значительной степени перекроили карту ближневосточной арены[430]. Несмотря на то, что после образования Турецкой Республики в 1923 г. связи с некоторыми из таких стран были фактически утрачены, в условиях обновленного внешнеполитического курса Анкары правительство Турецкой Республики в последние несколько лет все больше обращает внимание на государства Ближнего Востока. После пересмотра двусторонних отношений со странами западного мира Турции стало понятно, что настоящих союзников на Западе у нее почти не осталось. В то же время данная проблема существовала и на региональном пространстве. Недостаточное количество дружественно настроенных государств, а также процесс формирования полицентричной системы международных отношений, в рамках которой большое значение придается региональным акторам, подталкивают Турцию к активному выстраиванию отношений с ближневосточными странами, политика которых в последнее время оказывает влияние на многие международные процессы.

Для современной Турецкой Республики Ближний Восток является не только регионом, играющим особую роль в современной мировой политике, но и пространством для реализации собственных интересов. В рамках политики неоосманизма на ближневосточной арене и своих неоимперских амбиций, Турция делает особый акцент на государствах, которые когда-то были частью Османской империи, по-прежнему считая их зоной своего

[430] Çeçen A. Türkiye ve Ortadoğu. İstanbul: Destek Yayınları, 2018. P. 151

влияния. Возросшая степень влияния Турции на мировые процессы в действительности дает ей право причислять себя к важнейшим странам региона наряду с Ираном, Саудовской Аравией и другими. При этом стоит отметить, что политика Турецкой Республики на Ближнем Востоке не всегда являлась такой проактивной. На протяжении долгих лет Турция стремилась выстраивать контакты с Западом, а ее интерес к Востоку стал проявляться только в последние несколько лет.

Принципы кемализма, разработанные М.К. Ататюрком вскоре после провозглашения Республики, к началу XXI вв. начали изживать себя. Турецкое общество ждало реформ, и появление новых игроков и партий на политической арене Турецкой Республики обусловило начало нового этапа в турецкой внешней политике. О нежизнеспособности кемализма для современной Турции говорил политик А. Давутоглу в своей монографии «Стратегическая глубина», опубликованной еще в начале 2000-х гг. Автор подчеркивает, что принципы кемализма, построенные на отказе от наследия Османской империи, обернулись для Турецкой Республики в равной степени отказом от участия в ключевых международных процессах[431]. В этом же труде Давутоглу выделил несколько основополагающих принципов, в соответствии с которыми Турецкая Республика, по его мнению, должна реализовывать политику на Ближнем Востоке. Среди них: выработка особого подхода к разрешению региональных проблем; создание проектов, куда должны вовлекаться страны региона; укрепление имиджа Турции в регионе, а также расширение двусторонних связей[432].

В 2002 г. после прихода к власти Партии справедливости и развития Турция, помимо курса на Запад, провозгласила дружественную политику по отношению к соседним странам региона. Особую роль в реализации такой политики играла принятая впоследствии Министерством иностранных дел

---

[431] Дергачев В. Турецкая геополитика. Доктрина «ноль проблем с соседями» и Realpolitik. [Электронный ресурс] // Институт геополитики профессора Дергачева. Режим доступа: http://dergachev.ru/geop_events/171215-01.html#.WoHJ1q5l-Um (дата обращения:02.05.2019)

[432] Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии, 2012. № 4. С. 40.

государства доктрина «Ноль проблем с соседями», разработанная бывшим главой внешнеполитического ведомства Турции А. Давутоглу. Доктрина представляет собой комплекс идей, направленных на активное развитие отношений с государствами мира (в особенности с региональными акторами). Турция преследовала идею создать вокруг себя «пояс мира и стабильности»[433] за счет расширения экономических, культурных, социальных и других связей, которые, по замыслу сторонников данной доктрины, должны были преодолеть все существующие разногласия между странами и предотвратить возникновение новых конфликтов.

С самого начала политика «Ноль проблем с соседями» подразумевала несбыточное целеполагание. Данная политико-философская концепция определяла внешнеполитический курс Анкары в двух ракурсах: миролюбивость и при этом формирование подконтрольного лобби через «мягкую силу».

Следует отметить, что в начале деятельности Партии справедливости и развития политика государства в действительности соответствовала провозглашенным на официальном уровне концепциям. Турция активно выстраивала отношения с региональными государствами, даже с теми, с кем у нее исторически существовали разногласия. Одной из таких стран стала Сирийская Арабская Республика. В 2000-х гг. турецко-сирийские отношения переживали один из лучших в истории двустороннего взаимодействия периодов: помимо того, что между лидерами Турции и Сирии – Р.Т. Эрдоганом и Б.Асадом – сложились приятельские отношения, главы государств проводили переговоры по ключевым вопросам, находящимся на повестке дня, а другие высокопоставленные лица двух стран с заметной регулярностью наносили официальные визиты[434]. В 2004 г. состоялся исторический визит главы Сирии Б. Асада в Турцию, а в конце года ответный

[433] Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии, 2012. № 4. С. 42.
[434] Глазова А., Иваненко В., Колесников А., Свистунова И. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир, 2015. №4 (274). С.98.

визит нанес Р.Т. Эрдоган[435]. Кроме того, достаточно успешно развивались отношения в сфере экономики и торговли, что подтверждают количественные показатели. Так, например, если в 2003 г. размер экспорта Турции в Сирию составлял лишь 411 млн. долл., то к 2011 г. эта цифра в значительной степени изменилась, составив 1,6 млрд. долл.[436] При этом повышению объемов товарооборота тогда в значительной степени способствовало вступившее в силу в начале 2007 г. соглашение о свободной торговле[437]. Вместе с тем страны даже предпринимали попытки совместно развивать инфраструктуру. Олицетворением данных попыток стал запуск в 2010 г. ежедневного железнодорожного сообщения между турецким городом Газиантепом, располагающимся вблизи турецко-сирийской границы, и сирийским Алеппо[438].

Вместе с тем, принимая во внимание последующие события, произошедшие на ближневосточной арене, стоит подчеркнуть, что вышеописанный проект, вероятно, стал одной из последних совместных инициатив Турции и Сирии на ближайшие годы. В 2010 г. пространство Ближнего Востока охватили демонстрации, путчи и другие волнения, большинство из которых стали причиной ряда начала вооруженных конфликтов, фактически окруживших Турецкую Республику и поставивших под угрозу безопасность государства. Начавшееся восстание в Тунисе, не без вмешательства западных стран, за достаточно короткий период перебросилось на другие страны региона. В их числе в 2011 г. оказались Сирия, а также Египет, который в годы, предшествовавшие массовым волнениям, являлся одним из главных союзников Турции в регионе.

В контексте начала демонстраций в этих двух странах особенно интересной представляется реакция на данные события официальных властей

---

[435] Erdağ R. Normalleşmeden gerilim ve çatışmaya: Türkiye-Suriye ilişkileri // İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. İstanbul: SETA Kitapları, 2018. S. 320-321.
[436] Balcı A. Türkiye Dış Politiikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar // 3. Baskı. İstanbul: ALFA, 2017. S. 337.
[437] Erdağ R. Normalleşmeden gerilim ve çatışmaya: Türkiye-Suriye ilişkileri // İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika 2. Baskı. İstanbul: SETA Kitapları, 2018. S. 322.
[438] Balcı A. Türkiye Dış Politiikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar // 3. Baskı. İstanbul: ALFA, 2017. S. 337.

Турции. Так, например, когда волна протестов охватила Египет в 2011 г., Р.Т. Эрдоган не только с воодушевлением воспринял данное известие, но и занял абсолютно четкую позицию, которая заключалась в требованиях учесть пожелания народа. Причина, по которой президент Турецкой Республики решил не поддерживать официальное правительство Арабской Республики Египет, заключается в том, что Р.Т. Эрдоган рассчитывал на то, что после свержения Х. Мубарака властные позиции смогут занять его союзники в лице Братьев-мусульман*. Тогда президент Турции верно оценил ситуацию – Египет тогда действительно возглавил кандидат от Братьев-мусульман М. Мурси. Тем не менее, реакция Турецкой Республики на начало волнений в соседней Сирии, с которой государство делит общую границу протяженностью более 900 километров, во многом отличалась.

С самого начала протестных выступлений в Сирийской Арабской Республике Турция, как и многие страны Запада, сдержанно комментировала эти события, намеренно не занимая позицию ни одной из сторон[439]. Фактически «арабская весна», распространившаяся на территорию Сирии, застала Турцию врасплох и поставила руководителей государства перед серьезным выбором. С одной стороны, Турция не стремилась разрушать дружественные отношения с Сирийской Арабской Республикой и лично с Б. Асадом. С другой – жертвовать собственной безопасностью и предавать национальные интересы страны ради союзничества с сирийским правительством, положение которого было и так не слишком устойчивым, также не входило в ее планы. В качестве национальных интересов в данном случае стоит рассматривать желание Турции разрешить имеющиеся с Сирией территориальные противоречия с извлечением из этого собственной выгоды.

На заре турецкой политики неоосманизма, которая во многом укрепилась в период «арабской весны», Турция стала озвучивать

---

*Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации

[439] Шлыков П. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» [Электронный ресурс] // Перспективы. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения:05.02.2019)

предположения о том, что она является наследницей Османской империи, а значит и территорий, которые когда-то входили в ее состав. В данном случае речь идет о провинции Хатай (бывший Александреттский санджак) – приграничной территории, которая на протяжении многих лет являлась частью Сирии, однако в 1939 г., в соответствии с турецко-французским соглашением, была передана Турции[440]. При этом курдский вопрос также постоянно находится на турецко-иракской повестке дня[441]. В Ираке Турция отстаивает свои права на нефтеносный район Мосул[442], расположенный на севере страны, а также выступает против независимости Иракского Курдистана. Стоит отметить, что одно время Турция, понимая неизбежность обострения курдской проблемы в приграничном государстве, пыталась выстроить неофициальные контакты с лидерами курдских групп[443]. В 2005 г., после того как Иракский Курдистан официально получил новый конституционно закрепленный статус, Анкара задумалась и об официальных контактах[444]. Однако проведение в 2017 г. референдума о независимости курдской автономии в Ираке, положительные результаты которого Турция по понятным причинам не признала, вызвало негативную реакцию Анкары, которая к тому же возобновила свои территориальные претензии.

Помимо территории севера Ирака, сегодня Турция всерьез претендует и на другие приграничные районы в соседней Сирии, которые на данный момент заняты курдскими формированиями[445]. Беспокойство Турции объясняется высокой долей вероятности того, что после окончания войны в Сирии на этих территориях может образоваться курдский анклав или, что еще хуже для Турецкой Республики, – объединенный Курдистан, что не соответствует

---

[440] Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век // Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. С. 55.
[441] Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М.: Российская газета, 2006. С. 310.
[442] Аватков В. А. и др. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2013. С. 287.
[443] Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 201.
[444] Свистунова И.А. Отношения Турции с Иракским Курдистаном в контексте процесса трансформации понятия национальной идентичности в Турции // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2015. № 9. С. 404.
[445] Шангараев Р.Н. Курдский вопрос во внешней политике Турции на Ближнем Востоке // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 128.

интересам Турции. Вместе с тем лидера государства Р.Т. Эрдогана не совсем устраивали тесные связи Сирии с Ираном – одним из главных конкурентов Турции на региональном пространстве[446], по причине чего политическое ослабление своего «соседа» по большому счету было выгодно турецкому государству.

По этим и другим причинам Турецкая Республика в конечном итоге приняла решение пренебречь «дружбой» с Б. Асадом и вскоре начала активно оказывать всестороннюю поддержку оппозиции, призывая властные круги охваченных волнениями стран учитывать законные требования народа[447]. Вполне вероятно, что на окончательное решение Турецкой Республики также повлиял «инцидент», произошедший в 2009 г. Катар предложил достаточно выгодный для Турции проект так называемого катаро-турецкого газопровода, призванного обеспечить поставки природных ресурсов с территорий стран-экспортеров Персидского залива в Европу. Согласно проекту, он должен был охватывать несколько суннитских стран-основных конкурентов шиитских государств во главе с Ираном, среди которых были Саудовская Аравия, Катар, Иордания, а также Сирия[448]. Последняя, однако, от реализации проекта, по словам официальных лиц Катара, впоследствии отказалась, чем оттолкнула от себя суннитских «единомышленников». Данное решение Сирии, которая в тот момент руководствовалась своими национальными интересами, властям государства припомнили уже в период возникновения на территории данной страны вооруженного конфликта. Это стало очередным поводом отказать Сирийской Арабской Республике в поддержке.

Показательным для понимания процесса трансформации внешнеполитических ориентиров Турции стало выступление-обращение Р.Т. Эрдогана в начале 2011 г. к гражданам стран Персидского залива. В нем,

---

[446] Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). Под ред. В.В.Наумкина, Д.Б.Малышевой; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. С. 283.

[447] Свистунова И.А. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия [Электронный ресурс] // РИСИ. Режим доступа: https://riss.ru/analitycs/2431/ (дата обращения:17.10.2018)

[448] Robert F. Kennedy, Jr. Why Arabs Don't Want Us in Syria // Politico. Режим доступа: https://www.politico.com/magazine/story/2016/02/rfk-jr-why-arabs-dont-trust-america-213601 (дата обращения:17.10.2018)

намекая на наличие общей истории и общих ценностей, президент заявил о необходимости формирования турецко-арабского союза на основе ислама, а также о том, что эти народы будут оказывать влияние на весь мир[449].

В августе 2011 г. министр иностранных дел Турции А. Давутоглу отправился в Дамаск с целью убедить Б. Асада провести необходимые демократические реформы. Однако после того, как сделать этого не удалось, Турция объявила «режим Асада» незаконным. В сентябре того же года она присоединилась к инициированному Североатлантическим альянсом эмбарго на поставки оружия, а в декабре начала применять в отношении Сирии экономические санкции[450]. Спустя год Турция отозвала своего посла из Сирии, приостановила дипломатические контакты с Дамаском.

Затем, присоединившись к группе государств, враждебно настроенных по отношению к действующему сирийскому правительству, в числе которых были западные страны, Саудовская Аравия и Кувейт, Турция начала оказывать военную поддержку сирийской оппозиции[451]. Окончательно турецко-сирийские отношения обострились в 2012 г. В июне на сирийском побережье Средиземного моря был сбит военный самолет вооруженных сил Турции, а в октябре того же года в результате взорванной сирийцами бомбы в Акчакале погибли 5 граждан Турции[452].

Вместе с тем, к 2013-2014 гг. безопасности Турецкой Республики начали угрожать организации, считающиеся в Турции террористическими и распространившиеся на территорию Сирийской Арабской Республики, в числе которых главные позиции занимала группировка «Исламское государство Ирака и Леванта*». Изначально Турция пыталась поддерживать оппозицию и решать проблемы безопасности с помощью Запада и Североатлантического альянса – государство присоединилось к

---

[449] Фролов А. Турция – Сирия: метаморфозы ближневосточной политики // Россия и мусульманский мир, 2016. № 2 (284). С. 90.
[450] Balcı A. Türkiye Dış Politiikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar. 3. Baskı. İstanbul: ALFA, 2017. S. 338.
[451] Ibid.
[452] Balcı A. Türkiye Dış Politiikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar. 3. Baskı. İstanbul: ALFA, 2017. S. 339.
*Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации

антитеррористической коалиции. Однако их интересы в контексте сирийского кризиса не всегда совпадали. В этой связи в 2016 г., на фоне своей независимой от других стран политики, Турция начала решать проблемы своей безопасности с помощью проведения военных операций. При этом стоит отметить, что почти все они проводились против курдских формирований, а не общепризнанной в качестве террористической «Исламского государства*». Первая из военных компаний Турции началась в августе того же года после теракта, организованного боевиками в приграничном городе Газиантепе, в результате которого погибли люди[453]. Операция «Щит Евфрата», несогласованная с официальным правительством Сирии, завершилась весной 2017 г., когда Турция захватила Эль-Баб, оттеснив курдов от своих границ. Следующая военная кампания Турецкой Республики – «Оливковая ветвь» – была начата в январе 2018 г., и ее целью было взятие Африна, захваченного курдскими формированиями партий Демократического союза и Отрядом национальной самообороны.

9 октября 2019 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган объявил о начале военной операции под названием «Источник мира», направленной против запрещенных в Турции Рабочей партии Курдистана (РПК) и ИГИЛ*. 22 октября 2019 г. операция была завершена в результате переговоров лидеров России и Турции. Важно подчеркнуть, что операцию Турции «Источник мира» не поддержали как на Западе, так и на Ближнем Востоке.

Кроме того, все это время Турция продолжала оказывать поддержку другим оппозиционным структурам. Существенную роль в этом вопросе также сыграли союзники Турции в лице Египта и Катара. К примеру, при посредничестве Катара и Турции была создана «Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил» (НКОРС), территориально расположенная в Турции[454] и выполнявшая роль переправочного пункта

*Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации

[453] Erdağ R. Normalleşmeden gerilim ve çatışmaya: Türkiye-Suriye ilişkileri // İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. İstanbul: SETA Kitapları, 2018. S. 333.

*Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации

боевиков из одного государство в другое. В этой связи стоит отметить, что внешнеполитические курсы Турции и Катара во многом совпадают по ряду причин. Впоследствии, в 2013 г., Турецкая Республика и Катар активно поддерживали М. Мурси в Египте и достаточно негативно высказывались по поводу его отставки[455], в то время как Саудовская Аравия и монархии Персидского залива единогласно заняли сторону президента А. Ф. ас-Сиси[456].

М. Мурси действительно был одним из немногих правителей, разделявших внешнеполитические воззрения двух стран, и потеря такого союзника в сложный период политической нестабильности Ближнего Востока была для Турции несвоевременной. Вместе с тем, помимо М. Мурси, в 2013 г. Турция, не признав новое правительство, фактически утратила другие связи с Египтом. Помимо проведения схожей политики в Сирии и Египте, Турция активно поддерживала Катар во время дипломатического кризиса, обострившегося летом 2017 г., когда восемь государств разорвали дипломатические отношения с Дохой[457]. Был оглашен список из 13 условий, которые государство должно выполнить для того, чтобы нормализовать отношения[458].

Среди главных из них: отказ от сотрудничества с шиитским Ираном, а также прекращение военного сотрудничества с Турцией – на территории Катара Анкара имеет военную базу. Почти единственной страной, которая поддержала Катар в непростой для нее период, оказалась Турция, которая в какой-то момент взяла на себя роль посредника между конфликтующими сторонами, пытаясь их примирить. Спустя несколько лет не оставил Турцию в беде и сам Катар – после «торговой войны» с Соединенными Штатами,

---

[454] Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). Под ред. В.В.Наумкина, Д.Б.Малышевой; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. С. 411.
[455] Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011- 2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. Под. ред. И.Д. Звягельской. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 59.
[456] Erboğa.A. Rekabet ve iş birliği sarkacında Türkiye-Körfez ilişkileri // İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. İstanbul: SETA Kitapları, 2018. S. 292.
[457] Çeçen A. Türkiye ve Ortadoğu. İstanbul: Destek Yayınları, 2018. P. 182.
[458] Миронов В., Соколов И. Обязательно к выполнению: Катар получил новый список требований от блока арабских государств [Электронный ресурс] // RT. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/402673-katar-trebovaniya-saudovskaya-aravia (дата обращения: 23.10.2018)

объявленной Анкаре в конце августа 2018 г., Катар подписал с Турцией экономическое соглашение по обмену валют, предусматривающее инвестирование в турецкую экономику 15 млрд. долл.[459]

При этом стоит отметить, что союзничество с Катаром также не является гарантией того, что оно будет продолжаться вечно. Доха и Анкара развивают отношения не потому что настолько этого хотят, а скорее потому, что это соответствует их национальным интересам, и каждая из стран видит в таком сотрудничестве свою выгоду. Если взглянуть на союз Катар – Турция шире, то становится очевидно, что в настоящий период времени в нем больше заинтересована Турция, переживающая тяжелый экономический кризис и ухудшение отношений со своими прежними союзниками. Катар, представляющий из себя газовую монархию, заинтересован в Турции лишь с политической точки зрения и видит в ней страну, с помощью которой на пространстве Ближнего Востока можно продвигать свои идеи и проекты.

Аналогичная ситуация складывается у Турции с Саудовской Аравией. Религиозный фактор и желание добиться свержения Б. Асада в Сирии[460] – два условия, на которых основано «сотрудничество» этих государств. При этом, говоря о религиозной составляющей сотрудничества, стоит сделать оговорку – данное сотрудничество работает только лишь в отношении шиитских государств. Однако в реальности Саудовская Аравия, на территории которой расположены главные святыни – Мекка и Медина[461], – рассматривает себя в качестве регионального лидера и центра исламского мира, что явно не соответствует провозглашенным Турцией неоосманским принципам.

В этот список двусторонних интересов также можно было бы добавить экономическое взаимодействие. Даже несмотря на то, что Министерство

---

[459] Турция и Катар подписали своповое соглашение в рамках инвестпроекта на $15 млрд [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/5470749 (дата обращения: 23.10.2018)

[460] Türkiye-Suudi Arabıstan ilişkileri: Ankara-Riyad dostluk hattı [Электронный ресурс] // Politika Akademisi. Режим доступа: http://politikaakademisi.org/2013/04/10/turkiye-suudi-arabistan-iliskileri-ankara-riyad-dostluk-hatti/ (дата обращения:24.10.2018)

[461] Нейматов А.Я. Внешняя политика и дипломатия Саудовской Аравии в контексте цветных революций «Арабской весны». М.: Горячая линия – Телеком, 2015. С. 138.

иностранных дел Турецкой Республики со ссылкой на Генеральное инвестиционное управление Саудовской Аравии (SAGIA) сообщает, что объем инвестиций государства в Королевство Саудовская Аравия варьируется в пределах 660 млн. долл., а инвестиции Саудовской Аравии составляют приблизительно 2 млрд. долл.[462], говорить об очень прочных связах нельзя. Кроме того, как и в случае с Катаром, один из крупнейших поставщиков нефти – Эр-Рияд, в случае возникновения непримиримых разногласий, вполне сможет существовать и без партнерства с Турцией, чего нельзя сказать об Анкаре.

Вместе с тем, в результате исследования доказано, что такого рода разногласия фактически уже существуют. Отношения между Турцией и Королевством Саудовская Аравия пошатнулись после резонансного дела о пропаже, а затем и об убийстве оппозиционного саудовского журналиста Дж. Хашогги. Журналист, пишущий в основном для проамериканских изданий, пропал в октябре 2018 г. после посещения консульства Саудовской Аравии в Стамбуле. После череды разбирательств стало понятно, что здание консульства журналист покинуть не мог, а долгое отсутствие какой-либо реакции со стороны главных защитников прав человека – западных стран – только подкрепили всеобщее убеждение в том, что Эр-Рияду есть что скрывать. Турецкая Республика быстро сориентировалась в данной ситуации, обвинив Саудовскую Аравию во главе с наследным принцем в бесчеловечном убийстве. Такие жесткие заявления Анкара себе позволила по нескольким причинам.

Во-первых, Турция в очередной раз воспользовалась шансом обвинить Запад в проведении политики двойных стандартов – в частности, в Анкаре заявили, что западные страны покрывают убийство из-за денег[463]. Во-вторых,

[462] Türkiye- Suudi Arabistan Ekonomik ve Ticari İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/suudi-arabistan-ekonomisi.tr.mfa (дата обращения:11.12.2018)
[463] Фролов А. Дело Хашогги – тест для американо-саудовских отношений // Обозреватель, 2019. № 2 (349). С. 35.

у Турецкой Республики появилась реальная возможность оказать давление на Эр-Рияд и понизить авторитет государства в глазах мирового сообщества.

Помимо этого, прочным нельзя назвать двусторонние отношения стран на политическом направлении. К примеру, не до конца понятны будущие действия государств в Сирии в том случае, если Б. Асад покинет свой пост. Учитывая амбиции обеих стран, они с наименьшей долей вероятности станут уступать друг другу в «сирийском вопросе», в связи с чем представляется вероятным возникновение серьезных разногласий между двумя региональными центрами. При этом важно понимать, что в случае любого саудовско-турецкого спора интересы Саудовской Аравии будут отстаивать практически все монархии Аравийского полуострова, заинтересованные в развитии отношений с Эр-Риядом. В то время как Турция, несмотря на свои амбиции объективно не обладающая таким авторитетом, окажется в изоляции. По этой причине Турция начинает искать новых единомышленников в регионе, в числе которых в последнее время все чаще оказывается Иран, также претендующий на роль регионального лидера[464].

Турецкая Республика начала осознавать, что сотрудничество с Ираном, с которым Анкара на протяжении многих лет соперничала за первенство в регионе, может быть выгоднее обеим сторонам, чем постоянная конкуренция. К тому же, если ранее Турция осторожно относилась к Тегерану ввиду угрозы экспорта протестных и революционных настроений и не могла объективно оценивать возможные перспективы сотрудничества по причине достаточно сильной зависимости от Запада во главе с США, то теперь подобные осложняющие факторы отчасти утратили свою актуальность. Несмотря на то, что Иран не отказался от идеи распространения своих ценностей[465], в условиях ухудшения турецко-американских отношений и постепенного перехода к

[464] Юртаев В.И. Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века // Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, А.И. Полищука. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ. 2017. С. 35.

[465] Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 141.

турецко-иранскому сотрудничеству при обострении идеалогических противоречий такого рода вопросы вполне могут стать предметом переговорного процесса двух стран и быть урегулированы на двусторонней основе.

В Анкаре, вероятно, также понимают, что и решение сирийского кризиса, и создание системы региональной безопасности, в которой окруженная конфликтными зонами Турция заинтересована в особенности, невозможно без вовлечения в данный процесс Ирана[466], по причине чего курс на взаимодействие с Тегераном приобрел особую актуальность. Именно по этой причине между правительствами двух государств еще в 2004 г. было подписано соглашение в области безопасности и налажено сотрудничество в сфере обмена разведданными[467]. Иран при этом также заинтересован в такого рода сотрудничестве в сфере безопасности и данное направление внешнеполитического курса государства, вероятно, останется для него одним из самых приоритетных[468]. Большим достижением в этой области уже стало взаимодействие сторон в области безопасности в рамках Астанинского переговорного процесса. Кроме того, Турция долгое время поддерживала Тегеран в таком важном для него вопросе, как импорт иранской нефти. Несмотря на сокращение объема закупок после антииранских санкций США, Турция остается заинтересована в такого рода поставках, и президент государства неоднократно озвучивал намерение Анкары продолжать процесс поставок энергоресурсов из Ирана[469].

Однако при этом важно понимать, что налаженное взаимодействие Анкары и Тегерана в отдельных сферах не означает, что Турецкая Республика готова идти на уступки в других областях. На сирийском треке, например,

---

[466] İnat K., Caner M. Suriye savaşı ve ABD'nin gölgesinde Türkiye-İran ilişkileri // İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan Bugüne AK Parti. Dış Politika. İstanbul: SETA Kitapları, 2018. C. 262.

[467] Akkoyunlu K. Turkey's Iranian Conundrum: A Delicate Balancing Act // Öktem. K., Kadıoğlu A., Karlı M. Another Empire? A Decade of Turkey's Foreign Policy Under the Justice and Development Party. İstanbul: İstanbul Bilgi University Press, 2012. P. 18.

[468] Юртаев В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Контуры глобальных трансформаций, 2017. Т 10. № 2. С. 79.

[469] Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 2(24). С. 166.

Турция в любом случае останется верна своим национальным интересам, в которые лидерство Ирана в результате урегулирования в регионе военных действий не входит. В связи с этим основная задача сторон заключается в дальнейшем развитии контактов и поиске компромиссов при распределении регионального баланса сил в целях предотвращения новых разногласий, способных разрушить пока еще хрупкое турецко-иранское взаимодействие.

В контексте политики Турции на Ближнем Востоке нельзя не упомянуть арабо-израильский вопрос и отношение турецкого государства к данной проблеме. В свете турецкой политики неоосманизма данная проблема приобретает особую актуальность. В риторике властей Турции, которая в последние годы переживает исламизацию на внутри- и внешнеполитическом направлениях, нередко прослеживается мысль о том, что Турецкая Республика, несмотря на свою светскость, готова взять на себя вопрос защиты не только региона, но и всего исламского мира от внешнего влияния. Религиозный фактор все чаще возникает на повестке дня государства. Руководство страны во главе с президентом Р.Т. Эрдоганом все чаще акцентируют на данном вопросе внимание, стараясь сконцентрировать исламский, а также арабский мир вокруг себя[470], что проявляется во многих действиях Турции. Так, в 2009 г. в Стамбуле состоялся симпозиум по турецко-арабским отношениям, куда в качестве почетного гостя был приглашен генеральный секретарь Организации Исламской Конференции[471], в 2011 г., на фоне начавшихся протестов, Р.Т. Эрдоган совершил «ближневосточное турне», посетив Египет и несколько арабских государств Северной Африки – Тунис и Ливию[472].

Сегодня поддержку исламскому миру на Ближнем Востоке Турция предпочитает оказывать, защищая интересы мусульман в Палестине и отправляя туда конвои с гуманитарной помощью. Стоит отметить, что

---

[470] Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток: состояние и перспективы развития региональной ситуации // Россия и мусульманский мир, 2016. № 10 (292). С. 102.
[471] Фролов А. Турция vs арабский мир: прагматичное партнерство // Обозреватель, 2018. № 5 (340). С. 81.
[472] Свистунова И.А. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия [Электронный ресурс] // РИСИ. Режим доступа: https://riss.ru/analitycs/2431/ (дата обращения:24.10.2018)

Турецкая Республика с самого начала арабо-израильского конфликта оставалась на стороне арабского населения[473]. В качестве протеста в 1979 г. Турция даже открыла в Анкаре представительство Организации освобождения Палестины (ООП)[474].

В настоящий период времени официальные власти Турции нередко защищают права палестинцев и достаточно резко высказываются в адрес Израиля. Президент Турецкой Республики Р.Т. Эрдоган, например, не раз обвинял израильские власти в осуществлении государственного терроризма[475]. Ситуация в значительной степени осложняется противоречивыми турецко-израильскими отношениями. Ввиду противостояния, существующего между арабским миром и Израилем, двустороннее взаимодействие всегда было непростым по причине того, что взгляды Израиля и Анкары по данному вопросу никогда не совпадали. Кроме того, между сторонами всегда существовала негласная конкуренция за внимание Соединенных Штатов, поскольку Израиль, наряду с Турецкой Республикой, является одним из ближайших союзников Вашингтона в регионе. Негативным фактором, влияющим на ход двусторонних отношений, также всегда было сотрудничество Тель-Авива с курдами, в частности, с Иракским Курдистаном и М. Барзани[476], что в основном вызывало негативную реакцию Анкары.

Вместе с тем, несмотря на вполне серьезные противоречия, государствам долгое время удавалось сохранять нейтральные отношения. Ситуация изменилась к 2010 г., когда произошел инцидент, значительно усложнивший двусторонние отношения – во время очередной попытки Турции прорвать морскую блокаду сектора Газа состоялся перехват

---

[473] Шлыков П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции: сравнительный анализ концепций и попыток их реализации в 2000-е годы // Сравнительная политика, 2019. Т.10. №4. С. 40-41.
[474] Пиляева М.А. Израиль – Турция: противоречивое партнерство // Азия и Африка сегодня, 2009. № 1 (618). С.26.
[475] Эрдоган обвинил Израиль в государственном терроре в отношении палестинцев [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20181223/1548518712.html (дата обращения: 04.05.2019)
[476] Пиляева М.А. Израиль – Турция: противоречивое партнерство // Азия и Африка сегодня, 2009. № 1 (618). С.26.

израильскими военными судов «Флотилии свободы». После отказа выполнить требования военных на борту «Мави Мармара» произошли кровопролитные вооруженные столкновения, в результате которых погибли 9 человек, а многие получили ранения[477]. При этом стоит отметить, что Совет Безопасности ООН, как и некоторые представители международного сообщества, включая Россию, осудили действия Израиля[478]. Тем не менее, наиболее жесткой оказалась реакция Турецкой Республики: помимо массовых демонстраций простых граждан, официальные лица и дипломатические представители всерьез заявляли о разрыве отношений с Израилем. Однако в конечном итоге ограничились отзывом своего посла из Тель-Авива, отменой совместных военных учений, а также приостановлением взаимовыгодных проектов, в том числе поставок в Израиль воды из Антальи[479].

В настоящее время нельзя утверждать, что турецко-израильские отношения вышли из затянувшегося кризиса. Ввиду ухудшения отношений с Соединенными Штатами и Западом в целом, у Турции появляется все больше претензий к сторонам. Одна из последних, например, была высказана по поводу провокационного решения Д. Трампа о переносе посольства США в Иерусалим. Президент Турции Р.Т. Эрдоган, обсудивший данную ситуацию и последующие за этим столкновения с лидером Палестины М. Аббасом, охарактеризовал это решение как «красную линию для мусульман»[480]. Вместе с тем, достаточно негативно на отношения с данной страной влияет сближение Турецкой Республики с Ираном. Здесь подразумеваются их совместные с Россией попытки урегулировать сирийский кризис в «Астанинском формате» без вовлечения в данный процесс других сторон, желающих извлечь выгоду из грядущей федерализации государства.

---

[477] Гасратян С. Отношения Израиля и Турции на современном этапе и исламский фактор [Электронный ресурс] // Международная жизнь. Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1474 (дата обращения: 26.10.2018)

[478] Там же.

[479] Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения, 2013. № 2. С. 87.

[480] Заквасин А. «Я осуждаю этот геноцид»: готов ли президент Турции разорвать дипотношения с Израилем [Электронный ресурс] // RT. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/513242-erdogan-izrail-sektor-gaza (дата обращения:26.10.2018)

Таким образом, в настоящее время Ближний Восток представляет собой принципиально важный регион для Турции. Власти государства осознали, что события, происходящие сегодня на ближневосточной арене, безусловно повлияют на исход всемирно значимых процессов, и окажут наиболее благоприятное положение в новой системе международных отношений, которая будет сформирована в том числе по итогам урегулирования столкновений на Ближнем Востоке, где займут позиции наиболее активные акторы.

Тем не менее, придя к власти, Партия справедливости и развития столкнулась с проблемой отсутствия региональных союзников, а в условиях ухудшения отношений с Западом она стала еще ощутимее. Несмотря на попытки установить дружеские контакты с помощью доктрины «Ноль проблем с соседями», Турция в конечном итоге сделала ставку на национальные интересы страны, отказавшись от провозглашенных принципов. Политика государства в Сирии, а также неоосманские амбиции Турции не соответствуют концепции мирного сосуществования с соседями.

Вместе с тем, стоит отметить, что формально (с юридической точки зрения) доктрина продолжает действовать – провозглашенные в рамках нее идеи размещены на сайте Министерства иностранных дел Турции и, кроме того, никто из официальных лиц от нее также не отказывался.

Турция проводит проактивную политику в отношении стран Ближнего Востока. Наступательность внешнеполитического курса Анкары во многом базируется на стремлении доминировать в регионе в рамках неписанной доктрины неоосманизма. Для реализации планов применяются, в первую очередь, инструменты «мягкой силы» и дипломатии, однако в последнее время Турция демонстрирует и свою способность действовать военными методами – это и операции на севере Ирака, и ввод войск в Сирию. При этом следует отметить ухудшение отношений с Саудовской Аравией и Израилем, что во многом связано с переходом Турции к более самостоятельному

внешнеполитическому курсу и ее позицией по поддержанию тактического союза Россия-Турция-Иран по решению сирийской проблемы.

3.3. Азия и Африка во внешней политике Турции

В свете изменения баланса сил на международной арене и формирования полицентричной системы международных отношений[481] Турецкая Республика пришла к пониманию того, что не сможет стать мировой (надрегиональной) державой, усилившись только лишь на пространстве Ближнего Востока. В этой связи она начала активно распространять свое влияние и укреплять отношения со странами Азии и Африки.

Без установления необходимых контактов в других регионах мира, в том числе в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии, которые в последнее время имеют тенденцию оказывать большое влияние на международные процессы, Турция рискует упустить из своего внимания особенно важный регион на карте мира, так и не обретя там союзников. Так, например, о важности Китая и Японии, которые названы автором «гигантами Восточной Азии[482]», говорил в своей статье «Внешняя политика Турции и Россия» А. Давутоглу. В настоящий период времени пространство Азии приобретает особую значимость для Турции, в том числе с точки зрения реализации себя как исламского посредника между Ближним Востоком и Азиатско-Тихоокеанском регионом. Турция активно поддерживает мусульманское население региона и нередко отстаивает их интересы на международной арене. При этом представляется необходимым отметить, что некоторые из стран Азиатско-Тихоокеанского региона не приветствуют желание Турции укрепиться в Азии[483]. По этой причине далеко не все начинания Турецкой Республики на азиатском пространстве реализуются успешно.

В настоящее время среди основных партнеров Турции в Азии можно выделить Китай, Японию и Пакистан. Учитывая экономический потенциал и влияние на международной арене Китайской Народной Республики, неудивительно, что акцент при развитии отношений со странами Восточной

---

[481] Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке. Под ред. Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова. М.: Дашков и К°, 2017. С. 7.
[482] Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике, 2010. Т.8. № 1. С. 66.
[483] Уйгуры между Пекином и Анкарой [Электронный ресурс] // Информационное агентство Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/2571012.html (дата обращения:18.04.2019)

Азии Турецкая Республика делает именно на это государство. При этом стоит отметить, что история двусторонних отношений у государств относительно небольшая. Такое положение дел в первую очередь объясняется разными взглядами на политические реалии и принадлежностью к разным идеологическим воззрениям – Турция долгое время разделяла интересы Запада на внешнеполитической арене, в то время как Китай оставался приверженцем социалистических взглядов.

В информационной справке, размещенной на официальном сайте Министерства иностранных дел Турецкой Республики, дается достаточно краткое описание взаимодействия китайско-турецких отношений. В частности, там отмечается, что дипломатические отношения между сторонами были установлены в 1971 г. Однако активно начали развиваться только с начала 1980-х гг., а к 2010 г. государства вывели свои отношения на уровень «стратегического сотрудничества»[484]. Под «стратегическим» в данном контексте, вероятно, имеется ввиду взаимодействие в экономической области, которое действительно развивалось с 1990-х гг. К примеру, в то время как в начале 2000-х гг. товарооборот между странами насчитывал 1 млрд долл., в 2015 г. данная цифра возросла до 27 млрд. долл[485]. По состоянию на 2018 г. объем товарооборота составил 23,63 млрд. долл[486]. В 2020 г. стороны планируют увеличить экономические показатели взаимной торговли до 100 млрд. долл.[487]

Активное сотрудничество государств именно в эти годы началось не случайно – стремление Турции объяснялось политикой пришедшей в 2002 г. к

[484] Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cin-halk-cumhuriyeti-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения: 04.04.2019)

[485] Türkiye-Çin İlişkileri [Электронный ресурс] // SETA. № 196. P. 9. Режим доступа: https://setav.org/assets/uploads/2017/04/TRCin.pdf (дата обращения:05.04.2019)

[486] Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti Ekonomik İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cin-halk-cumhuriyeti-ekonomik-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:05.04.2019)

[487] Флегентова А.А. Ближневосточный вектор внешней политики КНР (на примере китайско-турецких отношений) // Актуальные проблемы современных международных отношений, 2017. № 9. С. 139.

власти Партии справедливости и развития[488]. Она планомерно выстраивала отношения не только с «соседями» по региону, но и была нацелена на многовекторное сотрудничество с другими странами мира. Период с 2009 г. вплоть до настоящего времени отмечен частыми визитами официальных лиц Турции в Китай и высокопоставленных лиц последнего в Турецкую Республику.

Так, например, большое значение придавалось визиту в 2012 г. Р.Т. Эрдогана, занимавшего в то время пост премьер-министра Турции, который приобрел статус первой зарубежной командировки в Китай турецкого премьера за последние 27 лет[489]. За годы странам действительно удалось установить дружественные отношения. Кроме того, стоит отметить, что китайско-турецкие отношения прошли «испытание» в виде попытки осуществления государственного переворота в Турции в июле 2016 г., что поспособствовало дальнейшему развитию двустороннего взаимодействия. Большинство экспертов из Турции отмечают, что Китай стал одной из тех стран, которые поддержали официальное правительство Турецкой Республики во главе с действующим президентом Р.Т. Эрдоганом. В том же году между странами был налажен консультационный механизм на уровне министров[490].

При этом следует подчеркнуть, что, по сравнению с некоторыми государствами Ближнего Востока, например, с Саудовской Аравией, партнерство Турции с Китаем был в равной степени взаимовыгодным, однако в первую очередь с экономической точки зрения. Китайская Народная Республика искренне заинтересована в партнерстве с Турцией по одной причине – данное государство представляет для Китая геостратегический интерес в рамках проекта Пекина под названием «Один пояс – один путь».

---

[488] Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5 (32). С. 69.

[489] Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cin-halk-cumhuriyeti-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:05.04.2019)

[490] Türkiye-Çin İlişkileri [Электронный ресурс] // SETA. № 196. S. 9. Режим доступа: https://setav.org/assets/uploads/2017/04/TRCin.pdf (дата обращения:05.04.2019)

Турция располагается в зоне «центрального коридора», который, по планам Китая, должен связать ее с Европой, государствами Центральной Азии, а также Афганистаном, Пакистаном – что особенно выгодно для Турецкой Республики – и с Китаем[491]. Новый Шелковый путь для Турции – это, прежде всего, попытка приобрести статус более богатой и развитой в экономическом плане страны, а также установить более тесные контакты со странами, вовлеченными в проект[492]. В этой области стороны подписали Меморандум о взаимопонимании и координации усилий для реализации Экономического пояса Шелкового пути, Морского Шелкового пути XXI вв., а также Центрального коридора[493].

Что касается аспектов политического сотрудничества двух стран, то Китай в целом благосклонно относится к внешнеполитической активности Анкары в Сирии, тем более в союзе с Российской Федерацией. Турция, в свою очередь, старается не вмешиваться во внешнюю политику КНР, за исключением тех случаев, когда это противоречит интересам государства. Речь в данном случае идет о соперничестве Турции и Китая в Центральной Азии, где Анкара пытается влиять на расположенные там тюркские государства, стараясь не допустить закрепления в регионе других игроков, в том числе и Пекина. Тем не менее, стоит отметить, что в настоящий период времени внешнеполитические курсы двух стран в некоторых вопросах пересекаются: и Китай, и Турция переживают сложный период с Соединенными Штатами. Оба государства стали жертвами «торговой войны» Вашингтона, которая в сложившихся условиях, вероятно, только подтолкнет КНР и Турецкую Республику к более тесному экономическому взаимодействию в целях противостояния наносящей ущерб экономическому потенциалу двух стран политике Соединенных Штатов. Стоит отметить, что еще до этих событий Турция заключила с Китаем соглашение об

---

[491] Флегентова А.А. Ближневосточный вектор внешней политики КНР (на примере китайско-турецких отношений) // Актуальные проблемы современных международных отношений, 2017. № 9. С. 138.
[492] Çeçen A. Türkiye ve Ortadoğu. İstanbul: Destek Yayınları, 2018. P. 425.
[493] Флегентова А.А. Ближневосточный вектор внешней политики КНР (на примере китайско-турецких отношений) // Актуальные проблемы современных международных отношений, 2017. № 9. С. 138.

осуществлении расчетов, производимых в рамках двусторонней торговли, в национальных валютах[494]. Данное соглашение, которое ранее Турция уже подписывала с Россией и Ираном, должно ослабить зависимость экономических отношений двух государств от доллара.

Вместе с тем в последнее время Турецкая Республика проявляет особый интерес к региональным объединениям, где Китай активно проявляет себя в качестве страны-участника. Так, Турецкая Республика интересуется Шанхайской Организацией Сотрудничества (ШОС), а президент Р.Т. Эрдоган иногда позволяет себе высказывания о необходимости выхода из Североатлантического альянса и присоединения к Шанхайской Организации Сотрудничества несмотря на то, что данное региональное объединение военно-политическим блоком не является. Организация действительно открывает перед Турцией достаточно много перспектив в случае ее присоединения. Во-первых, Анкара активно взаимодействует со странами-членами организации, особенно в экономической сфере – импорт Турции из стран-членов организации ежегодно растет. Во-вторых, Турецкая Республика видит особую выгоду в Шанхайской Организации Сотрудничества с точки зрения обеспечения безопасности – в последнее время государство активно развивает свою военную политику в соответствии со стандартами некоторых государств, входящих в объединение[495].

Помимо имеющихся контактов у Турецкой Республики с Россией, которые касаются закупок у нее систем С-400, Турция развивает военное сотрудничество с Китаем. Основой двусторонних отношений в этой области стал ряд двусторонних соглашений, заключенных сторонами в конце 1990-х годов. Так, в 1997 г. было подписано Соглашение между правительством Турецкой Республики и правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области оборонной промышленности. В 1999 г. – Протокол

[494] Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5 (32). С. 75.
[495] Хас К. Подход Турции к ШОС: возможный вклад в региональную безопасность и экономическое процветание // Ежегодник ИМИ, 2015. № 2 (12). С. 104.

между Генштабом Турции и Народно-освободительной армией Китая о сотрудничестве в сфере военного образования. В 2003 г. – Меморандум о взаимопонимании между Генштабом Турецкой Республики и Генштабом Народно-освободительной армии Китайской Народной Республики по вопросу организации специализированных курсов по подводному наступлению[496]. В период с 2001 по 2009 гг. между сторонами произошло 12 основных военных обменов между Вооруженными силами Китая и Турции. Это в значительной степени превышает количество таких обменов Пекина с другими странами, в том числе с Грецией, Болгарией, Сирией, Арменией, Ираном, Грузией и Азербайджаном[497].

Кроме того, страны проводят совместные учения. Например, в 2010 г. в Конье прошли турецко-китайские воздушные военные учения[498], в которых впервые приняла участие страна-член Североатлантического альянса[499]. При этом необходимо подчеркнуть, что такого рода учения и взаимодействие с Китаем на Западе, в том числе в странах-участницах Североатлантического альянса, одобрения не вызывают. Учения на авиабазе в Конье – важной для Военно-воздушных сил альянса – подверглись резкой критике Вашингтона[500], однако недовольство западных коллег не остановило совместные учения Анкары и Пекина – впоследствии стороны совместно отрабатывали военные навыки на земле. Военно-техническое сотрудничество государств продолжилось в 2013 г., когда Турция объявила победителя тендера на поставки ракет HQ-9, который выиграла китайская оборонная компания (China Precision Machinery Import-Export Corporation). В конечном итоге

---

[496] Ersoy E. Türkiye-Çin askeri ilişkileri: yeni bir analitik çerçeve içinde değerlendirme // Avrasya Dosyası, 2009. T. 14. № 2. C. 143.
[497] Ersoy E. Türkiye-Çin askeri ilişkileri: yeni bir analitik çerçeve içinde değerlendirme // Avrasya Dosyası, 2009. T. 14. № 2. C. 145.
[498] Temiz K. Türkiye-Çin İlişkileri [Электронный ресурс] // SETA. 2017. № 196. S.13. Режим доступа: https://setav.org/assets/uploads/2017/04/TRCin.pdf (дата обращения:16.04.2019)
[499] Yılmaz S. Türkiye-Çin Askeri Tatbikatı [Электронный ресурс] // Academia.edu. S. 3. Режим доступа: https://www.academia.edu/7647999/T%C3%BCrkiye-%C3%87in_Askeri_Tatbikat%C4%B1 (дата обращения:16.04.2019)
[500] Турецко-китайские отношения [Электронный ресурс] // Центр стратегических оценок и прогнозов. Режим доступа: http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/tureczko-kitajskie-otnosheniya-883 (дата обращения:16.04.2019)

история с тендером, несмотря на тесное китайско-турецкое сотрудничество, закончилась не совсем благополучно. Турецкая Республика отказалась от реализации тендера по причине давления со стороны Вашингтона, который впоследствии включил данную компанию в свой санкционный список[501].

Поведение Белого дома в данной ситуации было вполне предсказуемым. Соединенные Штаты, привыкшие видеть в Турции рынок сбыта для своих вооружений, к примеру, систем Patriot, увидели в китайско-турецком сотрудничестве угрозу. Турция в будущем сможет переориентироваться на другие военные рынки, что не соответствовало интересам Вашингтона. При этом аргументы, высказываемые американской стороной, были почти такими же, как и в случае начала военного сотрудничества с Российской Федерацией. И ракеты HQ-9, и ЗРК С-400, по мнению западных специалистов, не соответствуют аналогичным видам вооружений, используемых странами-членами Североатлантического альянса, а поэтому не могут быть интегрированы в альянс и, следовательно, нежелательны для использования членами военно-политического блока.

Тогда Турецкая Республика, которая на тот момент только начинала задумываться о том, насколько ей выгодны отношения с Соединенными Штатами, решила не пренебрегать многолетним прозападным сотрудничеством. Также не исключено, что отказ Турции от поставок китайских вооружений в 2013 г. был вызван опасениями Анкары по поводу того, что американские санкции могли затронуть и ее неустойчивую экономику. Современная Турция, напротив, заявляет о том, что не боится давления со стороны Запада и, более того, открыто говорит о своих намерениях развивать свои собственные вооружения с новыми союзниками. Такую мысль высказал в 2016 г. заместитель начальника Секретариата оборонной промышленности Турции И. Демир. Он заявил о том, что переговоры с Китаем на тему совместного производства систем

[501] Günçiner E. Ticaret savaşı ve Türkiye (XX) Türkiye'nin zor seçimi [Электронный ресурс] // Başkent. Режим доступа: https://www.baskentgazete.com.tr/arsiv/ticaret-savasi-ve-turkiye-xx-turkiye-nin-zor-secimi/haber-1237 (дата обращения:19.04.2019)

противоракетной обороны уже велись и закончились пониманием общей выгоды от реализации этой идеи[502].

Таким образом, китайско-турецкие отношения развиваются во многих областях, начиная от политической и экономической, заканчивая военно-технической. Тем не менее, в двусторонних отношениях также имеется ряд разногласий, негативно влияющих на взаимодействие этих стран. Как известно, межнациональные отношения многих стран нередко бывают осложнены этническими проблемами. В турецко-китайском случае в качестве одной из таких проблем выступает уйгурский вопрос, который имеет исторических характер и находится на двусторонней повестке дня уже много лет. Камнем преткновения в турецко-китайских отношениях является Синьцзянь-Уйгурский автономный район (СУАР), расположенный на северо-западе Китайской Народной Республики.

Говоря об истории района, необходимо упомянуть, что территория Синьцзяна была захвачена и заселена китайцами еще в середине XVIII века. При этом в современных массовых китайских средствах массовой информации данное событие называют «мирным вхождением»[503], что, по данным некоторых историков, противоречит действительности. Автономный район в его современном виде был образован гораздо позже, после массовых восстаний коренного населения данной территории – в 1955 г.[504] Главная проблема при этом заключается в том, что большую часть данного региона населяют уйгуры – тюркоязычный мусульманский народ[505].

Уйгурская проблема, которая изначально заключалась в вопросе добровольности присоединения региона к Китайской Народной Республике, а также в разном с точки зрения экономики уровне жизни китайских и

---

[502] Бовдунов А. В обход НАТО: зачем Турция создает национальную систему ПРО при поддержке России и Европы [Электронный ресурс] // RT. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/409323-turciya-sozdanie-nacionalnaia-protivovozdushnaia-sistema (дата обращения: 21.04.2019)

[503] Гельбрас В.Г. Китай. Чем недовольны уйгуры // Азия и Африка сегодня, 2010. № 6 (635). С.49.

[504] Гельбрас В.Г. Китай. Чем недовольны уйгуры // Азия и Африка сегодня, 2010. № 6 (635). С.51.

[505] Лазарева Т.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район – проблема терроризма [Электронный ресурс] // Доклады ИДВ РАН,2016. С.64. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/idvran_2016.pdf (дата обращения:02.05.2019)

уйгурских народов, с появлением на пространстве Азиатско-Тихоокеанского Турецкой Республики приобрела международный характер. Турция, в особенности после начальной стадии переориентации своего внешнеполитического курса на Восток и активизации своего участия в процессах, происходящих в Азии, начала активно отстаивать права уйгурского народа, рассматривая Синьцзянь-Уйгурский автономный район в качестве зоны своего влияния.

По понятным причинам это вызывало неодобрение у официального Пекина, который понимал, что при поддержке уйгурского движения со стороны третьих государств протесты уйгур могут стать более масштабными и будут представлять прямую угрозу безопасности страны. При этом стоит отметить, что район не является безопасным регионом и в настоящее время. За годы сопротивления политике официальных властей Китая Синьцзянь стал местом возникновения ряда наиболее опасных сепаратистских групп и организаций, деятельность многих из которых граничит с террористической. Появившиеся там «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламская освободительная организация Восточного Туркестана»[506] и другие группы стали объектом пристального внимания Турции, которая поддерживала их политику.

Таким образом, в настоящее время Турция продолжает отстаивать права уйгурского народа. В частности, это проявляется во внешнеполитическом курсе Турции, которая использует в Синьцзян-Уйгурском автономном районе свои спецслужбы для проведения разведывательно-подрывной деятельности.

Как бы то ни было, Турецкая Республика на официальном уровне начала говорить о поддержке территориальной целостности Китая. В период с 2009 по 2012 гг. с визитом в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе побывали

[506] Даосю Х. Террористические преступления в Китае и противодействие терроризму // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право, 2014. №1 (30). С. 167.

А. Гюль, А. Давутоглу, а также Р.Т. Эрдоган[507], что говорит о возможном снижении напряженности относительно этого вопроса.

Помимо Пекина, еще одним важным игроком во внешней политике Турции на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона является Япония, дипломатические отношения с которой Турецкая Республика установила только в 1924 г.[508] Несмотря на относительно небольшую историю двусторонних отношений, стоит отметить, что если турецко-китайское взаимодействие обусловлено в основном военно-экономическим партнерством, то с Японией Турция выстраивает в том числе политические и культурные контакты. Тем не менее, первое соглашение между двумя сторонами, подписанное еще в 1930 г., касалось именно экономики и регулировало торговлю и мореходство[509]. Благодаря тому, что оба государства на протяжении долгого времени были союзниками Запада, а также ввиду отсутствия исторических споров и противоречий, к началу XXI вв. странам удалось начать полномасштабное сотрудничество[510]. Особый импульс развитию отношений Турции с Японией придало подписание Плана по Совместному Сотрудничеству в 2000 г., который предусматривал развитие не только экономических, но и культурно-политических связей[511]. Вплоть до 2000-х гг. Япония была крупнейшим торговым Турции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, впоследствии уступив свое место Китаю[512], а к 2013 г. страны вышли на уровень стратегического партнерства[513].

---

[507] Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5 (32). С. 71.

[508] Türkiye-Japonya Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-japonya-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:05.05.2019)

[509] Ледовская О.А. Проблемы экономических отношений между Японией и Турцией // Труды Института востоковедения РАН, 2018. № 10. С. 158.

[510] Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5 (32). С. 72.

[511] Ледовская О.А. Проблемы экономических отношений между Японией и Турцией // Труды Института востоковедения РАН, 2018. № 10. С. 158.

[512] Türkiye-Japonya Ticari ve Ekonomik İlişkileri [Электронный ресурс] // DTİK. Режим доступа: http://www.dtik.org.tr/DC/Editor/File/Raporlar/T%C3%BCrkiye-%20Japonya%20Ticari%20ve%20Ekonomik%20%C4%B0li%C5%9Fkileri.pdf (дата обращения:05.05.2019)

[513] Türkiye-Japonya Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-japonya-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:05.05.2019)

О высоком уровне сотрудничества говорит количество официальных визитов на разных уровнях, совершенных первыми лицами государств, которое в период с 2003 по 2015 гг. достигло 30[514]. Сотрудничество в сфере культуры в свою очередь проявляется в проведении ряда мероприятий – так, на 2019 г. в Японии, например, было запланировано проведение года турецкой культуры[515]. Отдельно стоит отметить совместную образовательную деятельность двух стран. Языковые программы японской стороны, как правило, реализуются при помощи посольства Японии в Анкаре, а также через японо-турецкий культурный центр Японского Фонда[516]. Со своей стороны, Турция популяризует турецкую культуру за рубежом, в том числе и в Японии, посредством специализированных центров – одним из главных является Центр имени Юнуса Эмре, расположенный в Токио[517].

Кроме того, как уже отмечалось, Япония стала для Турции одним из тех политических союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которые поддерживали инициативы Турецкой Республики на внешнеполитическом направлении. Так, например, Токио являлся активным сторонником вступления Турции в Европейский союз. Позиция Японии по этому вопросу объяснялась просто – Турецкая Республика, по мнению официальных властей государства, является связующим звеном между западными и исламскими ценностями, следовательно, ее членство в Евросоюзе должно укрепить эту связь[518]. Однако стоит подчеркнуть, что Япония придерживалась идеи присоединения Турции к Европейскому союзу по другой причине. В Токио надеялись за счет Турецкой Республики открыть странам Европы, а также

[514] Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5 (32). С. 72.
[515] Türkiye-Japonya Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-japonya-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:05.05.2019)
[516] Ледовская О.А., Устинова Т.Н. Развитие культурных связей между Японией и Турцией // Восточная аналитика, 2018. № 1-2. С. 98.
[517] Yunus Emre Enstitüsü. Tokyo [Электронный ресурс] // YEE. Режим доступа: https://tokyo.yee.org.tr/tr
[518] Ледовская О.А. Проблемы экономических отношений между Японией и Турцией // Труды Института востоковедения РАН, 2018. № 10. С. 161.

Ближнего Востока (в особенности Ираку), имеющим наиболее тесные контакты с Японией, свободный доступ на рынок японских товаров[519].

В настоящее время турецко-японские отношения продолжают развиваться по тем же направлениям, которые были сформированы двусторонними соглашениями, подписанными в начале 2000-х гг. С одной стороны, Турция и Япония имеют точки соприкосновения по некоторым политическим вопросам. Так, например, оба государства имеют схожую позицию относительно вопроса реформирования Совета Безопасности ООН. И Турецкая Республика, президент которой повсеместно заявляет о том, что «мир больше пяти», и Токио выступают за расширение числа постоянных членов Совета Безопасности. Вместе с тем необходимо учитывать, что при современной расстановке сил на международной политической арене в будущем Турция и Япония, скорее всего, будут находиться по разные стороны баррикад. Главным образом по причине того, что Токио уже давно является ближайшим союзником Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и от сотрудничества с Вашингтоном отказываться не планирует, а Турция, наоборот, отходит от прозападной политики. В этой связи не исключено, что интересы Турецкой Республики и Японии при посредничестве Белого дома в дальнесрочной перспективе перестанут совпадать, что в конечном итоге может привести к возникновению противоречий.

Помимо Японии, в Восточной Азии в определенной степени развиты отношения Турецкой Республики с Республикой Корея, которые, однако, во многом обусловлены историческими событиями, в частности, участием Турции в Корейской войне. Несмотря на то, что Турция признала Южную Корею в качестве независимого государства в 1949 г., дипломатические отношения с этой страной были установлены лишь в 1957 г. По информации МИД Турции, между современной Турцией и Южной Кореей на регулярной основе проводятся визиты на высшем уровне, государства взаимодействуют в

[519] Diril Y. Türkiye-Japonya İlişkileri: Uzaktaki Yakın Ülke [Электронный ресурс] // Bilgesam Website. Режим доступа: http://www.bilgesam.org/incele/880/-turkiye-japonya-iliskileri--uzaktaki-yakin-ulke/#.XO_i0RYzaUk (дата обращения: 05.05.2019)

рамках международных площадок и объекдинений, в частности, МИКТА, а в 2012 г. отношения двух стран вышли на уровень стратегического партнерства. Важным шагом на пути к межпарламентскому взаимодействию сторон стало создание в Великом национальном собрании Турции и Национальном собраниии Республики Корея межпарламентских групп дружбы[520]. Стоит также отдельно отметить турецко-корейское взаимодействие в области культуры: с 2011 г. в Анкаре функционирует Корейский культурный центр, а в 2013 г. Сеул и Анкара подписали соглашение о культурном сотрудничестве, запустившее процесс турецко-корейского взаимодействия в гуманитарном измерении, в частности, в области образования[521].

Отдельно стоит рассмотреть религиозный фактор в Южной Азии и отношения Турции с государствами, исповедующими ислам. Одной из важнейших стран, отношения с которой Турецкая Республика поддерживает в том числе из-за родственных конфессиональных связей, является Пакистан. Министерство иностранных дел Турции отмечает, что с момента обретения Пакистаном независимости турецко-пакистанские отношения развиваются на основе понимания дружбы и братства[522]. Интересно, что такого рода формулировка применима именно к турецко-пакистанским отношениям, а не, например, к Китаю и Японии, которые также являются союзниками Турции в Азии. При этом на самом деле в отношениях Турции и Пакистана были кризисные моменты, о которых, однако, на официальных ресурсах не всегда упоминается. К примеру, до 1997 г. – когда Исламабад активно поддерживал движение Талибан в Афганистане – двусторонние отношения государств практически не развивались[523].

---

[520] Türkiye-Güney Kore Siyasi ilişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-guney-kore-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:22.07.2020)

[521] Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5 (32). С. 80.

[522] Türkiye-Pakistan Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-pakistan_siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:05.05.2019)

[523] Иванова И.И. Отношения Турции с мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. М: ИВ РАН, 2011. №6. С. 128.

В настоящее время Пакистан приобрел статус одного из важнейших партнеров Турции в регионе. В экономической сфере между сторонами продолжаются переговоры о создании зоны свободной торговли. Ее необходимость вполне объяснима – по состоянию на конец 2017 г. товарооборот двух стран достигал 675 млн. долл.[524] Кроме того, для Турецкой Республики Пакистан является важным партнером в военной сфере и в области безопасности. В 2017 г. страны подписали соглашение, в соответствии с которым Турция должна закупить у Пакистана 52 учебных самолета, а Пакистан, на основе заключенных ранее соглашений, приобрести у Анкары турецкие вертолеты ATAK, а также боевые суда MILGEM[525]. При этом стоит отметить, что военно-технического сотрудничество Турции с Пакистаном является более широким чем, например, со страной-членом Североатлантического альянса – Великобританией[526]. Особую важность для Турции приобретает позиция Исламабада относительно терроризма. Между сторонами заключены двусторонние соглашения в области борьбы с террористической угрозой. При этом Пакистан всесторонне поддерживает Турцию относительно курдского вопроса и оказания сопротивления Рабочей партии Курдистана[527]. Деятельность этой партии в Турции запрещена, более того, власти государства расценивают организацию Fethullahçı Terör Örgütü (Движение Гюлена) как террористическую[528]. Сегодня два государства также активно взаимодействуют в рамках международных организаций, в частности, Организации экономического сотрудничества, а также Организации исламского сотрудничества.

При этом стоит отметить, что хорошие отношения Анкары и Исламабада, в том числе поддержка руководством Турции Пакистана по

---

[524] Türkiye-Pakistan İlişkileri [Электронный ресурс] // İktibas. Режим доступа: http://iktibasdergisi.com/2019/01/03/turkiye-pakistan-iliskileri/ (дата обращения:16.05.2019)
[525] Там же.
[526] Ersoy E. Türkiye-Çin askeri ilişkileri: yeni bir analitik çerçeve içinde değerlendirme // Avrasya Dosyası, 2009. T. 14. № 2. C. 143.
[527] Иванова И.И. Отношения Турции с мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. М.: ИВ РАН, 2011. №6. С 130.
[528] Türkiye-Pakistan İlişkileri [Электронный ресурс] // İktibas. Режим доступа: http://iktibasdergisi.com/2019/01/03/turkiye-pakistan-iliskileri/ (дата обращения:16.05.2019)

кашмирскому вопросу, автоматически обуславливают напряженное взаимодействие Турецкой Республики с Индией. В целом Турция считает Индию дружественным государством, о чем свидетельствует официальная информация, размещенная на сайте Министерства иностранных дел страны, – в частности, турецко-индийские отношения характеризуются высокой интенсивностью взаимных визитов и двусторонних контактов (хотя и не всегда на высшем уровне)[529], однако иногда между странами все же наблюдаются неприятные инциденты.

Так, например, отношения Анкары и Нью-Дели в значительной степени осложнились в 2020 г., когда посол Турции в Нью-Дели был вызван во внешнеполитическое ведомство Индии для разъяснительной беседы. Поводом для выражения протеста стали слова лидера Турции Р.Т. Эрдогана о Кашмире, сказанные им в ходе совершенного накануне визита в Пакистан и носящие пропакистанский характер. Турция тогда была обвинена во вмешательстве во внутренние дела других государств и попытке оправдать пакистанский терроризм[530]. В данном контексте также стоит иметь в виду тот факт, что жесткая реакция Нью-Дели, помимо проблемы Кашмира, могла также быть вызвана другим фактором – Индия как лидер Южной Азии не заинтересована в укреплении на региональном пространстве Анкары, к тому же пропагандирующей там исламские ценности, и таким образом хотела продемонстрировать Турции, что любые неосторожные слова относительно Индии или напрямую затрагивающих ее интересы вопросов, могут иметь реальные дипломатические последствия.

Отношений Турции с Индонезией в целом развиваются по похожему сценарию с Исламабадом – турецко-индонезийские отношения также характеризуются прочным сотрудничеством в различных областях. Кроме того, Взаимодействие с этой страной на дипломатическом уровне было начато

---

[529] Türkiye-Hindistan Siyasi ilişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-hindistan-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:22.07.2020)

[530] Президент Турции открыл «индийский фронт» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/amp/4259363 (дата обращения:22.07.2020)

в 1950 г., а в 2020 г. стороны будут отмечать уже 70 лет со дня установления дипломатических отношений. В 2011 г. после того, как лидеры стран подписали документ под названием «Турция–Индонезия: укрепленное партнерство в новом миропорядке», отношения двух государств вышли на уровень стратегического партнерства. Страны также активно взаимодействуют на полях международных организаций (ООН, ОИС, G20 и т.д.), участниками которых они обе являются[531]. Не стоит на месте и взаимодействие в сфере экономики: известно, что Анкара и Джакарта ведут переговоры о всеобъемлющем экономическом партнерстве[532].

Тем не менее, Индонезия привлекает Турцию не только по той причине, что государство, как ожидается, к 2030 г. войдет в десятку крупнейших экономик мира[533]. Турция также заинтересована в Джакарте с точки зрения общности конфессиональных ценностей с этим регионом. Индонезия является самой многонаселенной страной мира с мусульманским населением[534], поэтому Турция прежде всего видит в ней своего азиатского единомышленника, через которого на пространстве Юго-Восточной Азии можно реализовывать различные инициативы и укреплять влияние в качестве лидера исламского мира, кем себя и считает Турецкая Республика.

Не менее развиты отношения Турции и с другим представителем «исламского мира» в Азии – Малайзией. Между странами налажено сотрудничество в сфере энергетики, страхования и здравоохранения, кроме того, Малайзия рассматривается Турцией в качестве важного регионального партнера в области оборонной промышленности. Особую важность турецко-малайзийским отношениям придает тот факт, что Малайзия стала первой страной-членом АСЕАН, с которым в 2014 г. Турция заключила двустороннее

---

[531] Türkiye-Endonezya Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-endonezya-siyasi-iskileri.tr.mfa (дата обращения:25.07.2020)

[532] Индонезия и Турция идут к всеобъемлющему экономическому партнерству [Электронный ресурс] // Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2684736.html (дата обращения:25.07.2020)

[533] Türkiye-Endonezya Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-endonezya-siyasi-iskileri.tr.mfa (дата обращения:25.07.2020)

[534] Ефимова Л.М. Ислам и политика в мусульманском обществе. Опыт Индонезии // Международные процессы, 2019. Т. 17. № 1 (56). С. 75.

соглашение о свободной торговле[535]. Кроме того, важно, что Малайзия, наряду с Пакистаном, стала одной из государств, поддержавших идею Турции в области борьбы с исламофобией. Страны договорились о создании англоязычного телеканала, нацеленного на борьбу с притесненим мусульманского нацеления, а также выпуске документальных фильмов и иной информационной продкуции, призванной снизить масштабы данной проблемы[536].

Еще одним государством, которому Турция в последнее время старается уделять все больше внимания, является расположенная в Юго-Восточной Азии Мьянма. По сравнению с другими странами региона, взаимодействие с Мьянмой не отличается особой интенсивностью контактов. В этом смысле достаточно показательным является отсутствие дипломатического представительства государства на территории Турецкой Республики, а также отсутствие контактов на высшем уровне – крайне редко визиты в эту страну наносили лишь министр иностранных дел и премьер-министр Турции[537]. При этом интересно, что государство посещала супруга действующего президента – Э. Эрдоган, однако ее визит имел определенную цель – посетить лагерь беженцев-рохинджа, права которых Турция активно отстаивает последние несколько лет.

Этническое мусульманское меньшинство рохинджа в штате Ракхайн подвергается гонениям со стороны властей Мьянмы, которые Турция в лице президента Р.Т. Эрдогана решительно осуждает. Лидер Турции, который периодически выносит данный вопрос на повестку дня Организации

---

[535] Türkiye-Malezya Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-malezya-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:26.07.2020)

[536] Турция, Пакистан и Малайзия усиливают борьбу с исламофобией [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%B8-%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%B7%D0%B8%D1%8F-%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D1%83-%D1%81-%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%B5%D0%B9-/1602093 (дата обращения:26.07.2020)

[537] Türkiye-Myanmar Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-myanmar-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:16.05.2019)

исламского сотрудничества, а также обсуждает положение народа рохинджа с генеральным секретарем ООН, называет происходящее в Мьянме не иначе как геноцид, призывая официальных властей страны покончить с кровопролитием[538]. Кроме того, Турецкая Республика является одной из немногих стран, оказывающих гуманитарную помощь этническому меньшинству штата Ракхайн. Однако стоит отметить, что благородные намерения президента Турции обусловлены не столько истинным желанием помочь, сколько необходимостью консолидировать вокруг себя представителей исламского мира. Для них проникновенные речи Р.Т. Эрдогана о зверствах, происходящих в Мьянме, являются поводом считать его настоящим защитником мусульман, а не политиком, пытающимся превратить данную трагедию в очередную кампанию по формированию имиджа миролюбивой Турции.

Особое внимание стоит также уделить африканскому вектору внешнеполитической линии Анкары, значимость которого в последние годы планомерно увеличивается. Африка занимает важное место во внешней политике современной Турции неслучайно: как и в случае с регионом Ближнего Востока, в силу особенностей исторического развития, африканский континент в каком-то смысле рассматривается действующим руководством страны в качестве зоны турецкого влияния. История турецко-африканского взаимодействия началась еще в IX веке, когда принявшие ислам тюрки распространились на пространство Африки. Во времена Османской империи это взаимодействие отчасти приобрело характер конфликтного – часть африканских земель была завоевана османами и находилась под контролем султана. Тем не менее, как отмечают турецкие исследователи, Османская империя и Африка тогда обрели общие культурно-исторические черты, а присутствие там османов в особенности укоренилось в 1517 г. после того, как

[538] Эрдоган назвал события в Мьянме «геноцидом мусульман» [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа https://ria.ru/20170901/1501608067.html (дата обращения:17.05.2019)

Селимом I был завоеван Египет[539]. После распада империи связи с Африкой во многом были утрачены – Турция была более заинтересована в развитии контактов с ближайшим западным окружением, не уделяя достаточного внимания африканским государствам.

Активизация африканской политики началась в конце 1990-х гг., когда Турция объявила «политику прорыва» в Африке, начала развивать контакты с государствами региона южнее Сахары, а также впервые открыла Главное африканское управление при Министерстве иностранных дел[540]. После прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития инициативы в отношении Африки получили дополнительный импульс к развитию. Активным образом развивались политические и культурные контакты, было налажено взаимодействие в сфере экономики, торговли, инвестиций, а также военное сотрудничество. Турецкие компании постепенно начали проникать на пространство африканского континента, в частности, в Египет, Нигерию, Кению, Эфиопию, Танзанию, Джибути и ряд других стран; Турецкая конфедерация предпринимателей и промышленников (TUSKON), в свою очередь, активизировала усилия по развитию сотрудничества в сфере бизнеса путем организации и проведения совместных турецко-африканских саммитов и конференций[541]. Кроме того, на территории Африки свою деятельность начали активно осуществлять такие правительственные и неправительственные организации, компании и структуры, как «Турецкие авиалинии», информационное агентство «Анадолу», Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA), Министерство по управлению стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями (AFAD), институты

[539] Fırat M. Türkiye-Afrika İlişkilerinin Tarihselarka Planı ve Afrika Açılımında Sivil Toplum Kuruluşlarının rolü [Электронный ресурс] // TASAM. Режим доступа: https://tasam.org/Files/Icerik/File/_13b80a8a-623f-4c1d-b7bd-6e83fddde142.pdf (дата обращения:29.07.2020)

[540] Engin A. Türkiye'nin Afrika Politikası ve Türk Dünyası [Электронный ресурс] // TASAM. Режим доступа: https://tasam.org/tr-TR/Icerik/29884/turkiyenin_afrika_politikasi_ve_turk_dunyasi (дата обращения:29.07.2020)

[541] Мосаки Н. Африканская стратегия Турции [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177674972.html (дата обращения:29.07.2020)

имени Ю. Эмре, а также различные фонды и вакфы, в том числе Религиозный фонд Турции[542].

Подробнее стоит остановиться на деятельности последних из перечисленных организаций, которые внесли значительный вклад в развитие гуманитарного сектора турецко-африканского сотрудничества и в процесс закрепления позиций Турецкой Республики на континенте в целом. В эпоху всеобщего развития «мягкой силы» Анкара, уже имеющая подобный опыт работы на пространстве тюркских государств СНГ, активно начала распространять свое влияние в пределах Африки за счет открытия в ряде стран образовательных и религиозных школ, центров и иных учреждений, занимающихся просветительской деятельностью[543], таким образом взяв на себя роль не только «просветителя», но и проводника Африки в мир ислама и мусульманских ценностей. Кроме того, сегодня Турция предоставляет гражданам Африки стипендии и гранты на обучение, а также осуществляет курсы краткосрочной профильной и дипломатической подготовки, в том числе и в учебном центре внешнеполитического ведомства Турецкой Республики[544]. Вместе с тем важно, что в самой Турции тоже постепенно начали появляться специализированные центры, нацеленные на изучение Африки – в 2008 г., например, при Университете Анкары был открыт Африканский центр прикладных исследований[545], что говорит о повышенном интересе Турции к региону и потребности государства в детальном исследовании происходящих там процессов.

По мере развития культурно-гуманитарных связей, роста торгового оборота и экономических показателей, которые уже в первые годы взаимодействия достигли впечатляющих цифр, также развивалось

---

[542] Türkiye-Afrika İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-afrika-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:29.07.2020)

[543] Аватков В.А. Томилова Ю.О. Перспективы становления Турции в качестве ведущего игрока на африканском континенте // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4(31). С 230.

[544] Мосаки Н.З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. 2013. №2. С. 58.

[545] Fırat M. Türkiye-Afrika İlişkilerinin Tarihselarka Planı ve Afrika Açılımında Sivil Toplum Kuruluşlarının rolü [Электронный ресурс] // TASAM. Режим доступа: https://tasam.org/Files/Icerik/File/_13b80a8a-623f-4c1d-b7bd-6e83fddde142.pdf (дата обращения:29.07.2020)

политическое и дипломатическое сотрудничество. По состоянию на конец 2019 г. Турция имела 42 посольства на континенте (число представительств африканских стран на территории Турции достигало 36). О важности Африки для Анкары свидетельствовала и интенсивность визитов официальных лиц Турецкой Республики. Так, например, Р.Т. Эрдоган за годы своей работы в качестве премьер-министра государства и президента Турции, в том числе в ходе своих африканских турне, посетил 28 африканских стран, среди которых Алжир, Чад, Нигерия, ЮАР, Танзания, Тунис, Сомали и т.д[546]. Отдельного внимания заслуживает межпарламентское сотрудничество Турецкой Республики с государствами африканского континента. Так, например, ВНСТ Турции в рамках специализированных «групп дружбы» взаимодействует с парламентами 46 государств Африки, включая Алжир, Марокко, Сенегал и другие страны[547].

При этом стоит отметить, что Турецкая Республика ориентируется не только на двустороннее межгосударственное взаимодействие со странами региона, но и на установление связей с межправительственными организациями. Вскоре после начала деятельности ПСР в 2005 г. Турция получила статус наблюдателя при Африканском Союзе (АС), а в 2008 г. стала стратегическим партнером организации. В 2013 г. по причине успешного завершения «политики прорыва» она была заменена политикой африканского партнерства[548], и, стоит отметить, что в условиях укрепления неоосманских настроений, Турция в действительности решительно настроена на развитие такого партнерства и повышение уровня своего присутствия в регионе.

Помимо вышеперечисленного, важным направлением сотрудничества Турции и Африки также является проведение Турецко-африканских саммитов партнерства, первый из которых состоялся в 2008 г, а второй в 2014 г. По

---

[546] Türkiye-Afrika İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-afrika-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:29.07.2020)

[547] Колесникова М.А. Турция и Африка: некоторые аспекты взаимодействия // Вестник КРСУ. 2020. Т20. № 3. С. 183.

[548] Türkiye-Afrika İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-afrika-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:29.07.2020)

итогам второго саммита стороны приняли Совместный план действий, рассчитанный на 2015-2019 гг., в рамках которого подтвердили свое намерение развивать многостороннее сотрудничество в сфере политики, экономики, культуры, образования, безопасности и других международных вопросов[549]. По словам Р.Т. Эрдогана, проведение следующего – третьего по счету – совместного саммита, в котором примут участие представители правительств и частного сектора около 60 африканских стран, запланировано на 2020 г. в Стамбуле[550].

Что касается отдельных стран региона, которым современная Турция уделяет особое внимание, то одним из таких государств является Сомали. История взаимодействия Турции и Сомали фактически началась в 2011 г. с визита Р.Т. Эрдогана, занимавшего тогда пост премьер-министр государства. Визит спровоцировал начало в Сомали, пострадавшим от засухи, крупной гуманитарной операции при участии в ней TİKA, Красного Полумесяца и других неправительственных турецких организаций, что, по информации турецких СМИ, привлекло внимание международного сообщества к проблеме региона[551]. Для Турции Сомали является выгодным партнером с точки зрения его геополитического расположения, благодаря которому государство может контролировать Аденский залив, а также отчасти оказывать влияние на положение дел в Персидском заливе. Именно по этой причине, помимо многомиллиардных инвестиций в сомалийскую экономику, Турция закрепилась там и в военном плане, в 2017 г. открыв в Могадишо военную базу[552]. Известно, что на базе могут одновременно обучаться более 10,5 тысяч военных, а их подготовку будут осуществлять 200 специалистов из Турции[553].

---

[549] Türkiye-Afrika Ortaklık Zirvesi [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. Режим доступа: https://www.tccb.gov.tr/ozeldosyalar/turkiye-afrika/zirve/ (дата обращения:30.07.2020)

[550] Tandoğan M. 3. Türkiye-Afrika Zirvesi 2020'de İstanbul'da [Электронный ресурс] // İstanbul Ticaret Odası. Режим доступа: https://www.itohaber.com/koseyazisi/210671/3_turkiye-afrika_zirvesi_2020_de_istanbul_da.html (дата обращения:30.07.2020)

[551] Türkiye-Afrika İlişkileri 2018'de hız kazandı [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/turkiye-afrika-iliskileri-2018de-hiz-kazandi/1346417(дата обращения:30.07.2020)

[552] Мирзаян Г. Внедрившийся в Сомали «суперхищник» остается в тени [Электронный ресурс] // Взгляд. Режим доступа: https://vz.ru/world/2020/7/2/1047939.html

[553] Колесникова М.А. Военный аспект внешней политики Турции на африканском направлении // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 29.

Помимо военного сотрудничества, между Турцией и Сомали функционирует Смешанная экономическая комиссия, способствующая развитию двусторонних экономических связей, кроме того, на сомалийской земле Турция достаточно прочно закрепилась в качестве посредника в урегулировании актуального для правительства Сомали вопроса отделения Сомалиленда, в одностороннем порядке провозгласившего независимость в 1991 г. Так, например, Турция провела 3 академических семинара между Федеральным правительством Сомали и региональным управлением Сомалиленда[554].

Тем не менее, наиболее важным направлением африканского курса Анкары в последние годы является Северная Африка, а именно Ливия. По причине несовпадающих политических взглядов в эпоху правления в Ливии М. Каддафи турецко-ливийские отношения не получили должного развития. Турция активизировалась на ливийском треке позже – практически со времен очередного этапа гражданской войны 2014 г., начало которой там почти совпало с началом президентства в Турции Р.Т. Эрдогана и процессом укрепления политики, направленной на повышение влияния турецкого государства на международной арене. При этом стоит отметить, что еще в период арабских восстаний в Ливии Турция активно поддерживала оппозицию М. Каддафи и исламистов[555], а после формирования Правительства национального согласия (ПНС) во главе с Ф. Сараджем стала одной из стран, признавших его в качестве легитимной власти. Информация, размещенная на сайте Министерства иностранных дел Турции, гласит, что отношения Турции и Ливии развиваются во всех возможных областях сотрудничества на взаимовыгодной основе в целях обеспечения прочного мира, стабильности и безопасности в Ливии[556].

---

[554] Türkiye-Afrika İlişkileri 2018'de hız kazandı [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/turkiye-afrika-iliskileri-2018de-hiz-kazandi/1346417 (дата обращения:30.07.2020)

[555] Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1(58). С. 149.

[556] Türkiye-Libya Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-libya-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:30.07.2020)

Тем не менее, в последнее время активность Турции на территории Ливии не ограничивается гуманитарной помощью и экономическим содействием. В условиях трансформации системы международных отношений и перерасстановки сил на региональном пространстве Турции стало недостаточно «побед» на Ближнем Востоке – после наступательной операции Ливийской национальной армии (ЛНА) под руководством Х. Хафтара весной 2019 г. Турецкая Республика приняла решение укрепить свое присутствие и на севере Африки. За 2019 г. Турция фактически перешла к активной политике участия во внутригосударственных процессах Ливии. Так, в ноябре 2019 г. между Турцией и Правительством национального согласия было подписано несколько документов, которые встретили неоднозначную реакцию мировой общественности, – Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в военной сфере и о делимитации морских зон в Средиземном море[557]. В начале 2020 г. Турция ввела свои войска в Ливию с целью оказания содействия ПНС в ходе борьбы с силами Хафтара, а также начала оказывать воздушную поддержку армии Сараджа при помощи своих беспилотных летательных аппаратов[558].

Тем не менее, помимо демонстрации своей военной силы в ходе участия в ливийских кампаниях, Турецкая Республика преследует в Ливии собственные экономические интересы, обусловленные наличием природных ресурсов в водах Восточного Средиземноморья. В июне 2020 г. Министр энергетики и природных ресурсов Турции сообщил о том, что турецкая компания Turkish Petroleum запросила у властей Ливии лицензию на осуществление геологоразведочных работ на 7 участках[559], против которых открыто выступают Греция и другие страны-члены ЕС.

---

[557] ЕС не признал меморандум Турции и Ливии по морским зонам [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20191213/1562337742.html (дата обращения:30.07.2020)

[558] Субботин И. Эрдоган открывает в Ливии нефтяной фронт [Электронный ресурс] // Независимая газета. Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2020-05-17/2_7862_libya.html (дата обращения:30.07.2020)

[559] Турция определила 7 участков для разведки нефти в Ливии [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/мир/турция-определила-7-участков-для-разведки-нефти-в-ливии/1869351 (дата обращения:30.07.2020)

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что в настоящее время азиатский и африканский вектор представляет для Турции особый интерес. Турецкая Республика стремится развивать двусторонние отношения с крупнейшими игроками Азии – Китаем, Японией, а также со странами с мусульманским населением – в первую очередь, с Пакистаном. Однако, несмотря на тесное взаимодействие с азиатскими государствами, чаще всего оно в большей степени основано на экономическом партнерстве. Кроме того, Турецкой Республике, которая к тому же удалена от указанных государств территориально, будет достаточно сложно закрепиться в регионе в качестве полноценного игрока – в настоящий период времени она все-таки играет там роль исключительно партнера. Сложность заключается в том, что на указанном пространстве существуют свои достаточно сильные региональные лидеры в лице Китая, Индии, Японии и других, с которыми Турция, ввиду отсутствия ресурсов и влияния, конкурировать пока что не в состоянии. При этом следует отметить сближение Турции и стран данного региона, что приводит к росту потенциала укрепления сотрудничества с ними, а также с региональными организациями, в частности – с Шанхайской Организацией Сотрудничества.

Африканская политика Турецкой Республики, в свою очередь, обусловлена необходимостью распространения своего влияния во всех регионах мира и в большей степени сосредоточена на комплексном взаимодействии почти со всеми странами региона и Африканским Союзом, однако особое внимание при этом уделяется Ливии и Сомали, где Турция имеет собственные политико-экономические интересы.

***

Выявленные ключевые направления внешнеполитического курса Турции в отношении стран Запада и Востока в настоящее время оцениваются с точки зрения укрепления наступательной линии в отношении Ближнего Востока. Современная внешняя политика Турецкой Республики, которая на

протяжении многих лет была ориентирована на Запад, постепенно сменяется провосточным курсом. Раньше руководство Турции в рамках периода «образцового партнерства» поддерживала отношения с Западом в качестве младшего партнера. В частности, Турция развивала плодотворные отношения с Америкой, а также пыталась проводить политику вступления в Европейский союз. Теперь отношения с Соединенными Штатами и Европейским союзом уже не являются основополагающими для Турции, которая видит больше перспектив в сотрудничестве с государствами Ближнего Востока, а также Восточной и Юго-Восточной Азии. В качестве причины отмечается увеличение самостоятельности во внешнеполитическом курсе Турции.

Так, на Ближнем Востоке Турция предпринимает попытки урегулировать сирийский кризис. В частности, Турция сближается с Ираном, однако при этом по-прежнему пытается самоутвердиться в Сирии за счет проведения военных операций. В этом контексте проявляется наступательность внешней политики Турции, что означает стремление доминировать в регионе в рамках неоосманизма. Кроме того, это является следствием ухудшения отношений с Саудовской Аравией и Израилем.

Отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона являются в большей степени партнерскими. В частности, Турция стремится развивать двусторонние отношения с Китаем, Японией и Пакистаном. Особенно важным в этом контексте представляется стремление Турции выстраивать контакты с мусульманскими государствами Юго-Восточной Азии. Следует отметить в том числе экономическую плоскость развития отношений с данными странами. Однако о многовекторном сотрудничестве говорить преждевременно ввиду того, что Турция в данном регионе имеет ряд сложностей по закреплению себя в качестве глобального партнера.

Гораздо лучше складываются отношения Турецкой Республики со странами Африки, которую современная Турция рассматривает как неотъемлемую часть своего внешнеполитического курса, без которой ее формирование в качестве надрегионального лидера практически невозможно.

В этом контексте можно предположить, что влияние Анкары на территориях африканских стран в будущем с наибольшей степенью вероятности будет только расти.

Вместе с тем наличие имеющихся сегодня у Турции контактов на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Азии говорит о том, что государство действительно ориентировано на Восток гораздо больше, чем на Запад, и выгодная для России внешнеполитическая переориентация Анкары, даже в контексте неоосманизма, действительно реализуется, пусть и не без проблем и вопросов с точки зрения российских интересов.

ГЛАВА 4. «ТЮРКСКИЙ МИР» КАК ТУРКОЦЕНТРИЧНАЯ ПОДСИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

4.1. Исторические аспекты функционирования идеи «тюркского мира» в рамках идеологии пантюркизма

На современном этапе во внешней политике Турция действует широким фронтом: страна имеет собственные внешнеполитические интересы в Европе, Азии, Ближнем и Среднем Востоке, Африке, Северной и Южной Америке. Однако одним из ключевых направлений, где Турецкая Республика сосредотачивает значительную часть собственных дипломатических ресурсов и ресурсов влияния, является регион «тюркский мир». Любое усиление националистических элементов в турецких властных кругах или вовлечение в официальный дискурс националистических оттенков вызывает рост внимания к этому направлению внешнеполитической деятельности. Термин «тюркский мир» в его нынешнем социально-политическом понимании был создан в Турции для описания региональной общности тюркоязычных стран Центральной Азии, Азербайджана, а также некоторых регионов Российской Федерации с тюркским большинством населения. Фактически термин «тюркский мир» является эволюцией термина «Туран», по происхождению персидского, противоположного собственно «Ирану» и обозначавшего изначально те земли, на которых проживают не-иранцы, а любые кочевники, но в дальнейшем воспринимаемым как пространство обитания именно тюрок. При этом «тюркский мир» в турецком понимании – туркоцентричная подсистема международных отношений.

Хотя в некоторых работах границы «тюркского мира» сужаются до границ Центральной Азии, это не вполне верно, поскольку он включает в себя

все области, населенные тюркоязычными народами, а это автономные тюркские республики (автономное территориальное образование Гагаузия на юге Молдавии, Синьцзян-Уйгурский автономный район на северо-западе Китая), Азербайджан, Кавказ, Закавказье, тюркоязычные регионы Российской Федерации (Чувашия, Башкирия, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Тува, Республика Саха, Республика Алтай, Кабардино-Балкария, Хакасия)[560].

Сначала распад Советского Союза, а в дальнейшем и формирование новой полицентричной системы международных отношений только подстегнули ее амбиции на этом направлении. Проводя активную политику в культурно-гуманитарной, экономической и военной сфере, Турция укрепляет собственное влияние в регионе и формирует, учитывая в первую очередь собственные интересы, контуры новой подсистемы международных отношений – вышеупомянутого «тюркского мира». Себя Турецкая Республика выводит в этой подсистеме на передний план, утверждает собственное лидерство, якобы поддерживаемое исторической, идущей с османских времен традицией возглавлять крупные многонациональные объединения.

Для Турции тюркоязычные страны представляются собственной сферой влияния, интересы же других традиционных акторов этого региона, в первую очередь Российской Федерации, не принимаются турецким правящим классом во внимание. Корни этого явления могут крыться в увлечении элит Турции различными идеологическими программами, которые способны поддержать претензии страны на региональное или мировое лидерство. Примером является идея неоосманизма, в которую сегодня нередко вводятся и националистические тона, отражения которых легко можно обнаружить в текущей политике Турецкой Республики по отношению к тюркоязычному пространству.

Та часть внешнеполитической линии Турции, которая касается Востока, находится под значительным влиянием идеологемы неоосманизма, не

---

[560] Türk dunyası ne demek [Электронный ресурс] // MİLLİYET.COM. Режим доступа: http://www.milliyet.com.tr/yazarlar/taha-akyol/-turk-dunyasi--ne-demek--1116027/ (дата обращения:21. 05.2019)

зафиксированной ни в каких официальных документах. Однако она является основообразующей для всего внешнеполитического курса государства на протяжении последних практически двадцати лет. Хотя из названия этой концепции следует, что она, казалось бы, должна касаться только территорий, прежде входивших в состав Османской империи, внутри нее также инкорпорированы представления пантюркизма и исламизма. Это, так или иначе, ведет к идее интеграции в единое пространство, если даже не государство, всех тюркских народов мира[561].

Корни идеи неоосманизма можно проследить еще со времен поздней Османской империи, когда государство, раздираемое изнутри возникновением национального сознания у входивших в его состав народов, постаралось выработать некую наднациональную концепцию. Эта концепция должна была удержать империю от развала и дать новую идентичность или же над-идентичность всем народам ее населяющим. Интересно, что продолжительное время османы сами не знали термина «турок» в его национальном значении, и именовали себя мусульманами или поддаными Порты. Турками их обозначали только европейцы, впрочем не совершая различий между собственно турками и другими мусульманами-подданными Османской империи. Рост же контактов с внешним миром дал возможность османским интеллектуалам задуматься о собственной идентификации[562]. Начальная идея османизма, разработанная османскими интеллектуалами еще во времена Танзимата, как, в том числе, и реакция на уравнивание прав между составляющими империю миллетами, на официальном уровне проявлялась во время начала правления Абдулахамида II и сразу после младотурецкой революции.

Однако, как в первом, так и во втором случаях, по ряду причин, включавших восстания на территориях, населенных христианскими народами, а, следовательно, утрату властями доверия к значительной, но все же не

[561]Аватков В. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль, 2014. № 3. С. 75.
[562] Kushner D. The Rise of Turkish Nationalism, 1876-1908, Routledge: 1977. P. 8.

основной части населения, вскоре следовал дрейф в сторону идеи иной — идеи панисламизма. Во времена Абдулхамида II эта идея стала на продолжительное время главенствующей, пусть и не артикулированной четкой идеологией империи. В особенности она проявилась после младотурецкой революции, когда состоялось проявление арабской идентичности из-под идентичности общемусульманской и оказалось, что и сами мусульмане выделяют внутри себя разные группы не только на конфессиональном уровне, но и на национальном. В связи с этим стамбульскому триумвирату пришлось пойти дальше и взять на вооружение доктрину пантюркизма.

Однако, несмотря на то, что эти идеи оказывались противопоставлены друг другу в прошлом, нынешний неоосманизм является фактически синкретическим явлением, объединяющем их в одну неписанную идеологию. Таким образом, генезис ее можно свести к трем этапам:

1. Времена поздней Османской империи и младотурецкой революции (конец XIX – начало XX вв.);
2. Подъем агрессивных националистических идей после смерти Ататюрка (30-е – 40-е гг. XX вв.);
3. Реакция на возникновение «вакуума» на постсоветском пространстве Центральной Азии (конец XX вв.);

Турецкий ученый Танер Акчам выводит следующие причины позднего зарождения национализма в Османской империи:

- будущие турки продолжительное время выстраивали свою идентичность только вокруг ислама;
- многонациональность страны и статус империи прививали «страсть к глобальности». Национализм не может вырасти на основе глобализма, а арабское слово «vatan», обозначающее родину, еще в XIX вв. означало просто место рождения или проживания;
- правящие элиты понимали, насколько сложно выработать общую идеологию для такой многонациональной страны, поэтому

сознательно удерживали себя от попыток ее сформировать. Основной их задачей было удержать империю от распада, а производство тюркской националистической мысли только бы его ускорило. К тому же, все турки империи уже определяли себя мусульманами;

- поскольку турки поздно усваивали националистическую мысль, они принимали ее уже с наслоениями из расовой и социал-дарвинистской теории, что и привело к появлению теорий, провозглашающих превосходство турецкой нации над другими[563]. И это одна из причин генетического родства националистических и пантюркистских идей.

В течение нескольких столетий Османская империя являлась одной из крупнейших мировых держав, имевших значительное влияние на ход мировой истории. Однако к середине XIX вв. империя впала в продолжительный структурный кризис, венцом которому стала Первая мировая война и ее окончание. В результате Мудросского перемирия и Севрского договора Высокая Порта полностью утратила суверенитет на международной и внутренней арене, превратившись фактически в геополитического карлика – государство, управляемое исключительно волей внешних сил.

Османская династия и близкие к ней элиты не смогли выработать проект дальнейшего существования страны как независимого образования. Своим созданием современная Республика Турция обязана османскому генералу Мустафе Кемалю, который в дальнейшем получил фамилию Ататюрк, что в переводе означает «Отец [всех] турок / тюрок».

Мустафа Кемаль встал во главе национально-освободительного движения, довольно разнородного по политическим воззрениям участников, но объединенного желанием сохранения независимого турецкого национального государства. В дальнейшем Мустафе Кемалю за счет как

[563] Akçam T. Türk Ulusal Kimliği Üzerine Bazı Tezler // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce: Milliyetçilik, 2002. P. 54.

собственного высокого авторитета, так и откровенно репрессивных мер, удалось сформировать новое государство на основании собственных идеологических представлений.

Мустафа Кемаль получил прекрасное светское образование в системе османских военных школ. Он находился под влиянием европейских идей о нации-государстве, но также учитывал и разработанную османским интеллектуалом Зией Гекальпом доктрину турецкой нации. Однако в представлении Мустафы Кемаля нация строилась на основе территории, а территория, где, по его мнению, обитают турки, была ограничена Национальным обетом. Это документ, принятый во время Национально-освободительной войны и включавший в себя бывшие территории Османской империи, населенные значительным количеством турок. Хотя фактически Мустафа Кемаль и был продуктом поздней системы, доказавшей свою несостоятельность, он смог взять лучшее от нее и с учетом европейского опыта создать современное национальное государство, отвечающее интересам турок Анатолии.

Но в это же время примерно в той же среде были популярны и иные идеи – как сохранения Османской империи, так и создания великого государства тюрок, то есть пантюркизма. Со временем сторонники «османизма» стали приобретать черты все более строгих националистов[564].

В итоге в 1923 г. на международной арене появилось новое государство – Турецкая Республика, в качестве внутриполитической доктрины которой был провозглашен «кемализм». Интересно, что нельзя найти ни одной книги, которую можно было бы считать настольной книгой кемалиста, за исключением разве что сборника речей Ататюрка. Первоочередным для него являлось создание национального государства, республики западного типа, а также искоренение отсталости, религиозного консерватизма и пережитков имперских времен. Внутри страны логичным образом возникала оппозиция его взглядам, явная часть которой подавлялась, но тайная продолжала

[564]Киреев, Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С.87.

существовать, в том числе и в кругу интеллектуалов. Особую важность имели пантюркистские идеи, однако большого влияния на действия правящих групп они оказать не могли. Слишком велика была поддержка идей Ататюрка, создателя государственности и нации, которого, к слову, также часто обвиняют в особых формах продвижения пантюркизма.

На самом деле, идеи общности всех тюрок не канули в лету, а возродились и вышли на передний план в конце 30-х гг. XX вв. после смерти Ататюрка. Однако прежде стоит упомянуть об их происхождении.

Обычно национальная идея «ядра» империи зарождается позже, чем национальная идея у малых народов в нее входящих. Им проще сформулировать себя в противопоставлении могущественному центральному аппарату, не обладающему рефлексией на тему самоидентификации. Идея общности всех тюрок также зародилась не совсем в недрах Османской империи, а скорее на окраинах империи Российской.

Одной из ключевых фигур раннего прото-пантюркизма, а если вернее, то тюркизма, являлся крымско-татарский просветитель второй половины XIX – начала XX вв. Исмаил Гаспринский[565]. В центре ряда его работ стояла идея объединения народов России, в том числе и тюрков[566]. По Гаспринскому, тюркизм совершенно не включал в себя идею создания исключительной тюркской нации, во главе которой должны встать именно турки[567].

Развитие его идеи получили в работах Юсуфа Акчурина (Акчуры), выходца из симбирских татар, но выросшего и состоявшегося как ученый в Османской империи. В его работах подробно расписываются причины развала империи Османов, как этому мог помешать пантюркизм и почему идеи османизма и исламизма изначально не имели никаких шансов на существование.

---

[565] Зайцев И.В. Письма Исмаил-бея Гаспринского А.С. Суворину и П.П. Вяземскому // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 175.

[566]Пантюркистский проект (Туран) [Электронный ресурс] // Геополитика. Режим доступа: http://www.geopolitics.ru/2012/09/pantyurkistskij-proekt-turan/ (дата обращения:05.06.2019)

[567]Зареванд. Турция и пантуранизм. М.: Ключ-С, 2015. С. 79.

Подобного рода борьба между идеями панисламизма, османизма и пантюркизма была характерна для того времени. Сам Ю. Акчура считал воплощение принципов османизма с точки зрения создания одной нации из разноплеменных народностей Турции фактически невозможным. Этому было несколько объяснений:

1) Провозглашение равенства всех народов Турции лишает турок положения господствующей нации[568], а значит не согласуется с желаниями турок.

2) Османизм противоречит интересам России (дискуссия о противостоянии трех основных идей была распространена далеко за пределы самой Турции), которая на тот момент претендовала на роль защитницы восточных христиан[569].

3) Османизм не согласуется с общественным мнением европейских стран, которые требуют изгнания турок, являющихся для большей части Европы «восточными варварами».

Панисламизм же, по мнению Акчуры, сталкивается с двумя тенденциями: с усиливающимися националистическими общественными и государственными настроениями во всех мусульманских странах; с интересами колониальным держав.

Пантюркизм же представляется Акчуре гораздо более реалистичной идеей, которая может способствовать постепенной интеграции тюркоязычных народов мира в одно государство. В дальнейшем – приглашение в него всех, кто готов добровольно присоединиться и стать частью тюркской нации[570].

С точки зрения внутренних интересов Османской империи, единственным элементом являются турки – только опираясь на эту нацию, государство сможет встать на путь возрождения былого величия.

Идеи пантюркизма затрагивают, прежде всего, Россию, т.к., по мнению Ю. Акчуры, страны Европы из-за существующих расхождений интересов на

---

[568] Турция и пантуранизм. М.: Ключ-С, 2015. С. 50.
[569] Там же.
[570]Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI- XXI веков. М.: Квадрига, 2016. С. 132.

восточном направлении будут не противодействовать, а, скорее, даже будут способствовать осуществлению пантюркистских планов Турции[571].

Интересно, что именно Акчуре принадлежит идея, которая и сейчас определяет действия турецкой политики по отношению к тюркоязычным народам. Юсуф Акчура первым высказал мысль о том, что «Турция – это сердце и разум тюркости», которую в дальнейшем повторяли многие турецкие интеллектуалы, обосновывая права Турции на лидерство в «тюркском мире»[572].

На схожих с Акчурой позициях стоял и упомянутый выше Зия Гекальп – человек, которого считают отцом турецкой социологии и главным теоретиком турецкого национализма. В своем труде «Основы тюркизма» он попытался изучить и исследовать основы этого понятия. Для него процесс создания пантюркистского государства опять же разделен на несколько этапов. Сначала должны объединиться турки, населяющие Анатолию и – шире – земли всей Османской империи, а затем к ним должны присоединиться и другие тюркоязычные народы всего мира, которые все вместе формируют отдельное крупное государство Туран[573].

Несмотря на то, что Ататюрк испытывал глубокую симпатию к Гекальпу как к создателю идеи турецкого национального государства, которую ему удалось воплотить в жизнь, и даже дал ему пост в Министерстве образования, его идеалистические идеи об общетюркском государстве не принимались прагматическими лидерами молодой Турецкой Республики всерьез. Поскольку на ранних этапах ее становления иными были как идеологическая атмосфера внутри страны, так и внешнеполитические условия.

Кроме того, в качестве основоположников идеологии панттюркизма можно выделить Моиса Кохена, Арминиуса Вамбери, Эмануэля Карасу, Лумли Давида, Примо Леви.

---

[571] Турция и пантуранизм. М.: Ключ-С, 2015. С. 51.
[572] Uzer U. An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity. Salt Lake City: 2016. P. 43.
[573]Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI- XXI веков. М.: Квадрига, 2016. С. 132.

Также важно подчеркнуть, что воплощения идей пантюркизма не были бы возможны без вступления в конфронтацию с Советским государством, которое в то время было редким, если не единственным влиятельным союзником Турции. Если же рассматривать подход к созданию Великого Турана с позиции современной науки международных отношений, где в основе лежат суверенные государства как основные субъекты международных отношений, то образование новых единиц возможно скорее в рамках дезинтеграции, чем предполагающейся в туранизме интеграции.

В тридцатые годы XX в. общеевропейский интеллектуальный климат привносит в пантюркизм-пантуранизм и идеи расовой теории. Этот синтез широко разрабатывается в работах публицистов и ученых Нихаля Атсыза, Рехи Огуза Тюрккана и Рызы Нура[574]. В своих журналах, например, в журнале «Бозкурт», выходившим со слоганом «Тюркская раса превыше всех других рас», они утверждают о превосходстве турок и всех тюрков над другими народами, заявляя, что тюркам свойственно править. Тогда же на недолгое время в пантюркизм входит и идея антисемитизма, что приводит к погромам во Фракии в 1934 г.

В том же ряду может стоять введение налога на имущество для граждан страны нетурецкого происхождения, которое якобы должно было поддержать государство в сложный военный период, но фактически являлось формой подавления национальных меньшинств.

На официальном уровне пантюркистские симпатии турецких элит особенно ярко проявились в деятельности министра иностранных дел Турецкой Республики Шюкрю Сараджоглу. В годы Второй мировой войны Турецкая Республика официально занимала позицию нейтралитета, но фактически большая часть турецкого руководства ставку на союз с гитлеровской Германией. Стоит отметить, что после того, как Германия начала наступление на Советский Союз, турецкие эмиссары перемещались

[574] Ertekin O. Cumhuriyet Döneminde Türkçülüğün Çatallanan Yolları // Modern Türkiye'de Siyasi Düşence. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul: 2009. P. 369.

между немецкими лагерями, которые были предназначены для советских военнопленных, проводили там подрывную деятельность среди тюркоязычных советских граждан.

В разговорах с послом Германии Францем фон Папеном Ш. Сараджоглу открыто заявлял, что как турок не может не желать уничтожения России. «Уничтожение России является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие. Оно является также вековой мечтой турецкого народа»[575]. Однако победа во Второй мировой войне антигитлеровской коалиции и поражение фашистской Германии разрушили мечты Сараджоглу.

В годы войны идеологи пантюркизма, отреагировав на изменившуюся ситуацию в мире на международной арене, активизировали свою деятельность. Так, летом 1941 г. в журнале «Бозкурт» была напечатана статья под названием «Тюркизм идет», в которой была опубликована карта «Великой Турции», территории которой включали Среднюю Азию, Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь и Крым. После этого случая такого рода публикации стали появляться все чаще.

Стоит отметить, что в отношении территорий, на которые претендовали приверженцы пантюркизма, единогласия не было. А. Агаев – один из основателей идеологии – причислял к «тюркскому миру» территории от Балканского хребта до Манчжурии[576], а А. Гусейн-заде придерживался позиций, что все территории, где когда-либо проживали или просто находились тюрки, должны принадлежать туркам. Относившие себя к ученым пантюркисты под понятием «тюркский мир» понимали территории, на которых проживают турки, относящиеся к туранской группе народов. Что же касается турецкого видения данного вопроса, то вариации были самыми различными.

Также в обозначенный период на территории Турции были созданы многочисленные секретные общества, одним из которых являлось общество

---

[575] Документы министерства иностранных дел Германии // Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). М.: Госполитиздат, 1946. С. 98.
[576] Stoddard L. «Pan-Turanism». // American Political Science Review,1917. №11. P. 17.

«Гювен» (организаторы – А. Тоган и А. Карадаглы). Члены данного сообщества выступали за сотрудничество с Германией и ликвидацию Советского Союза именно через национальный фактор.

В 1940 г. было основано другое общество – «Бозкурт» («Серый волк»), активное участие в деятельности которого принимал А. Тюркеш, который в дальнейшем возглавил Партию националистического движения (Milliyetçi Hareket Partisi), созданную в 1969 г. Партия является выразителем пантюркистских устремлений Турции и значимым игроком с точки зрения внутренней политики государства[577]. ПНД включила в свою идеологию ислам как неотъемлемую часть национализма. Националистический режим и идеи партии активно внедрялись на всех уровнях турецкого общества. Руководители Партии создавали лагеря для тренировки боевиков, которые стали основой молодежной организации «Серые волки» («Bozkurtlar»). Их влияние на современном этапе на социальные процессы в Турции в связи с усилением националистических настроений в государстве становится все очевиднее.

Идея общности всех тюрок зародилась далеко не на территории Османской империи или Турецкой Республики. Также, основываясь на вышеперечисленном, можно сделать вывод, что политическая доктрина пантюркизма была первоначально сформулирована татарскими деятелями и мыслителями. Они, в свою очередь, преследовали цель освобождения собственных народов от «русского гнета».

Идеологи пантюркисткого движения, основываясь на доводах истории, политики и этнологии, требовали освобождения туранских народов из-под иностранного гнета, а также культурного и политического объединения в рамках одного государства. Подобные идеи были взяты из исследований

[577] Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // Нации и национализм на мусульманском Востоке. Под ред. В.Я. Белокреницкого, Н.Ю. Ульченко; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. С.235.

зарубежных ученых – М. Мюллера[578] и А. Вамбери[579], по мнению которых, все тюркско-татарские народы являются отдельными элементами одной нации, что проявляется в общности с точки зрения происхождения и языка. Кроме того, по мнению мыслителей-пантюркистов, часть этих народностей находится под жестким влиянием российской власти. Единолично татары не в состоянии объединиться, поэтому им нужна помощь туранского собрата – турка, который, несмотря на все исторические противоречия и пройденный путь, сохранил свое независимое существование. Эти идеи нашли довольно широкое распространение и среди нового поколения граждан Турецкой Республики.

Основная идея данной концепции строилась на том, что тюркские народы (турки, татары, монголы, узбеки, туркмены) имеют общую «кровь», происхождение, и именно поэтому являются «братскими народами» или просто «братьями». Помимо этого, представители большей части тюркских народностей имеют схожие обычаи, религию, язык, а также бытовые привычки, черты характера и менталитет.

Перенесенный же на турецкую землю пантюркизм стал для турок одним из средств возрождения и усиления Турции. Третий вариант данной доктрины имеет две части в виде «политических программ» минимума и максимума – огузианизма с целью объединения тюрок-огузов, то есть анатолийских турок и закавказских азербайджанцев для выхода Турции на Каспий и далее в Туркестан (Туран), что в свою очередь является задачей в большей степени географической, геополитической и геостратегической из-за географической расколотости Турции и остального «тюркского мира», а также туранизма – объединения всех тюркских народов соответственно.

Таким образом, политическая идеология пантюркизма, зародившаяся на территории России в начале XX в., перекочевала в Турцию, где нашла отклик у представителей политической элиты страны.

---

[578] Мюллер Ф. М. Введение в науку о религии. Под ред. А. Н. Красикова. М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. 264 с.
[579] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003. 319 с.

Возобновление распространения пантюркистских идей в Турции произошло после развала СССР, и особенно отчетливо это проявляется на создании новых общетюркских институтов. Такими институтами, например, являются Международная организация тюркской культуры TÜRKSOY (ТЮРКСОЙ), а также Турецкое агентство по сотрудничеству и координации TİKA (ТИКА)[580], которое было создано в 1992 г. при президенте Тургуте Озале с целью предоставления технической помощи развивающимся странам и развития с ними отношений в сфере экономики, торговли, техники, культуры, образования и социального развития с помощью проектов и программ.

Кроме того, в настоящее время важно упомянуть политику Партии справедливости и развития, которая была основана в 2002 г. и направлена на взаимодействие со странами Востока, в частности, с государствами «тюркского мира»[581], однако при этом отметить, что так было не всегда. С точки зрения истории можно выделить три этапа развития деятельности партии:

1) Происламский период формирования (до создания партии в 2002 г.). Лидерами партии открыто пропагандировались принципы политического ислама (период существования Партии благоденствия и Партии добродетели, на основе которых позже и будет образована современная Партия справедливости и развития)

2) Прозападный период. Отход от исключительно исламских принципов, разворот в сторону стран Запада и западных ценностей (2002-2016 гг.)

3) Период консервативного развития. Возвращение к исламским ценностям, «неоосманизм» (современный этап).

Понимание того, что после демократических свобод, введенных еще Ататюрком, исключительно происламские ценности не подходят турецкому

---

[580] Уразова Е.И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012. С. 265.

[581] Киреев Н.Г. Новая глава в истории Турции: «мягкий ислам» у власти // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. И Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 45-46.

обществу, а прозападная политика долгого периода также потерпела неудачу, правящие круги Турецкой Республики, очевидно, пришли к выводу о необходимости идеологического переосмысления и поиска новых ориентиров, которые на современном этапе отражаются прежде всего на внешней политики Турции и в частности проявляются в ее действиях в отношении тюркских государств.

Это не было ошибкой: с распадом Советского Союза у Турецкой Республики действительно появилась широкое «поле» для деятельности. За все время существования Турция не имела возможности вести публично пропаганду влияния на советские регионы и на государство в целом по причине высокой степени национального самосознания. Разрушенные в годы «перестройки», данные факторы оставили после себя пустоты, которые, в достаточной степени быстро, были заполнены новыми принципами. Был открыт путь к инакомыслию, конфликтам власти и интеллигенции, что стало катализатором не только ликвидации Советского Союза, но и причиной упразднения таких понятий как «советская нация». Существовало собирательное понятие «советский человек», а советская принадлежность в какой-то мере заменяла этнопринадлежность[582]. Политика «стирания различий между нациями», начатая в 1960-х гг. в рамках курса на построение коммунизма, вместе с этим принесла с собой процесс формирования национальной советской общности, которая бы характеризовалась общей культурой и содружеством всех наций[583]. Несмотря на то, что многонациональный советский народ не отказывался от своих этнических корней, каждый гражданин считал себя частью советского общества и населению зачастую были чужды националистические настроения, т.к. необходимости формирования отдельных этнических групп не было вовсе. Именно поэтому пантюркисткая идея Турции в те времена просто не была бы

[582] Барбашин М.Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития, 2012. № 7. С. 47.
[583] Суздалева Т. Р. Советская империя или содружество наций? // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2013. №6. С. 27.

воспринята всерьез ни населением Советского Союза, ни политическими деятелями.

Однако в период «перестройки», пропаганды «десоветизации» произошло искажение мировоззрения народов и в обществе все чаще стали появляться националистические позиции по необходимости выделения этносов из советского общества. Турецкая Республика уже тогда понимала, что настал момент, когда ее собственные идеологии все же смогут найти отклик.

После распада Советского Союза на 15 независимых государств, Турецкая Республика была первой страной, которая признала их независимость, а все представители тюркских народов, проживающие на территории данного государства, стали именоваться «внешними турками». Руководство Турции всеми силами пыталось продемонстрировать свою поддержку тюркским народам и стать представителем их интересов на международной арене, что первое время у Турецкой Республики получалось довольно успешно.

До недавнего времени основной акцент во внешней политике Турции был все же сделан на взаимодействии именно с западными партнерами, а постсоветское пространство рассматривалось, скорее, в качестве «запасного варианта» на случай возможных проблем в отношениях со странами Запада. Однако при этом Турция никогда не забывала о существовании тюркского фактора на территории бывшего Советского Союза, активно проводя политику по распространению там своего влияния.

Таким образом, во внешней политике Турецкой Республики термин «тюркский мир» приобретает свое значение, поскольку исторически обозначает общность тюркоязычных стран Центральной Азии, Азербайджана, а также некоторых регионов Российской Федерации с большинством тюркоязычного населения. Во многом это связано с тем, что данные страны являются собственной сферой влияния Турции, что отражается на идеологическом воздействии посредством «мягкой силы». «Мягкая сила», как

довольно часто определяют политику вмешательства одних государств в дела других без применения насильственных методов, четко характеризует действия Турции на тюркском пространстве. Вновь были активизированы идеи пантюркизма, исламизма, национализма и частичного воссоздания Османской империи, возрождения былого величия, что в совокупности образовало «неоосманизм»[584] в современном его понимании, в рамках которого Турция предпочитает на сегодняшний день проводить свою внешнюю политику.

Например, идеология пантюркизма подразумевала с самого начала туркоцентричность, стремление воздействовать и вовлекать других акторов. В большей степени идеология носила деструктивный характер с точки зрения государственности других акторов международных отношений. Сегодня в рамках идеи неоосманизма, внутри которой также заложены представления идеи пантюркизма и исламизма, Турция видит интеграцию всех тюркских народов мира в единое целое под своим началом. Важно, что политика Партии справедливости и развития направлена на взаимодействие со странами Востока, в частности, с государствами «тюркского мира» в том числе.

Несмотря на то, что все вышеперечисленные идеи возникли практически столетие назад, они до сих пор накладывают свой отпечаток на внешнеполитическую стратегию Турецкой Республики, и в несколько измененном виде используются ею для продвижения собственных интересов в государствах «тюркского мира».

[584] Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль, 2014. № 3. С.76.

4.2. Содержание внешнеполитической деятельности Турции в отношении тюркоязычного пространства СНГ на современном этапе

На современном этапе внешнеполитическая деятельность Анкары в отношении тюркоязычного пространства подразумевает усиление влияния через наднациональные механизмы, часто – интеграцию, иногда – экспансию. Осуществляется указанное при участии некоммерческих организаций, Фондов, религиозных структур. Основная неписанная цель деятельности – формирование наднационального единства, поэтапное слияние сил и потенциалов во всех сферах, при том что во главе тюркского ставится турецкое.

В связи с тем, что Турция, по заветам Ататюрка, все же придерживалась прозападного пути, описанные выше идеологические течения на протяжении большей части XX в. оставались преимущественно лишь теориями. Широкое распространение турецкого влияния на тюркоязычные народы было осложнено закрытостью Советского Союза для внешнего воздействия. Отношения между двумя странами были напряжены в послевоенный период из-за ситуации у советской границы в дни Сталинградской битвы.

После распада Советского Союза в 1991 г. открылись новые возможности для Турции в выстраивании отношений с тюркоязычными народами Центральной Азии и Азербайджана. В то время, как Россия была сконцентрировала на себе и центральноазиатское пространство было отодвинуто на второй план, Турецкая Республика активно выстраивала взаимоотношения с новыми тюркскими государствами.

На протяжении всех 1990-х гг. Россия переживала глубокий внутриполитический и внешнеполитический кризис, усугублявшийся не всегда последовательной политикой руководства страны. Россия в тот момент находилась в процессе выбора нового пути для развития. Тогда правящие элиты решили сделать выбор в сторону Запада, интересы же собственных

российских регионов и стран постсоветского пространства оказались на периферии.

Создание в 1991 г. Содружества Независимых Государств, а также некоторые другие достигнутые договоренности по интеграции, тем не менее, не выполнили главной цели, не сохранили российские ценности и не защитили российские интересы в регионе. Фактически страны региона Центральной Азии и Азербайджан в столь важное время оказались на периферии внимания российской внешней политики. Турция же понимала, что образовавшиеся страны впервые в собственной истории получили полный суверенитет, и формулирование истории и традиций своей государственности займет достаточно продолжительный срок, и поэтому направила все свои силы на насыщение местной интеллектуальной атмосферы своими собственными идеями.

Одновременно с этим Турция обладала крайне выгодным имиджем. В 1980-х гг. страна совершила настолько значительный экономический рывок, что он даже сподвиг мировое сообщество заговорить о «турецком чуде»; такие серьезные темпы развития и столь резкий подъем уровня жизни не могли не вызвать симпатий и интереса у центральноазиатских государств[585]. Более того, им хотелось перенять столь же стабильную работу государственных органов и – пережиток советских комплексов – состоять в столь же тесной связи с западными державами[586].

Турция же позиционировала себя в качестве примера успешного модернизационного проекта, проведенного по западному образцу. Конкретно для центральноазиатских стран помогали апелляции не только к общему этническому происхождению, но и к сходству в религии — Турция, как и большинство стран этого региона, исповедуют ислам со значительными элементами народных верований; тенденциям развития социально-

[585] Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их деятельность // Вестник МГИМО Университета, 2014. №2. С. 48.
[586] Международные отношения в Центральной Азии. Под ред. А.Д. Богатурова. М.: «Аспект Пресс», 2014. С. 273.

экономической жизни на протяжении истории — как в Турции, так и в странах Центральной Азии и Азербайджана до самых поздних стадий исторического развития одновременно существовали и оседлый, и кочевой образы жизни; даже сама модернизация происходила во многом насильственно, насаждалась Мустафой Кемалем Ататюрком: отказ от идентификации себя через ислам, взращивание национализма, значительная роль государства в экономике, моноцентричная система.

Так, в турецких СМИ, а особенно в открытом в 1992 г. и рассчитанном на жителей тюркоязычных республик Содружества Независимых Государств телеканале TRT-Avrasya, представители тюркоязычных народов стали именоваться не собственными этнонимами, а просто турками. Отличить же одну национальность от другой можно было только по страновому определению. Например, узбеков именовали не иначе как «узбекскими турками», другие национальности назывались подобным же образом[587].

Однако уже тогда Турция совершила крупную ошибку, в дальнейшем ставшую причиной неуспеха ее политики в регионе Центральной Азии. Турция сосредоточилась исключительно на примордиалистском подходе и не справилась с различением «тюркского» и «тюркоязычного». Тюркские народы являются этническими тюрками по происхождению и в этом случае данное определение описывает их национальную принадлежность. Представители же тюркоязычного населения могут и не быть тюрками по происхождению, но в результате процесса этногенеза разговаривают на языках тюркской группы, что, скорее, является социокультурным фактором, имеющим мало общего с таким понятием, как «национальность».

Разговаривая на тюркских языках, являясь носителями тюркской культуры, они могут относить себя к иным национальным группам. Турецкая Республика же манкировала и продолжает манкировать этими различиями, из-за чего не всегда оказывается в состоянии понять, почему тюркоязычные

[587]Дружиловский С. Б. Турция: привычка управлять [Электронный ресурс] // Журнал «Россия в глобальной политике», 2005. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5965 (дата обращения:10.06.2019)

народы не всегда идут навстречу ее пантюркистским туркоцентричным устремлениям.

Фактически первые противоречия выявились уже в 1992 г., когда осенью в Анкаре собрались главы новообразовавшихся тюркских держав: президент Азербайджана А. Эльчибей, президент Казахстана Н. Назарбаев, президент Киргизстана А. Акаев, президент Туркменистана С. Ниязов и президент Узбекистана И. Каримов. Тогда предложения турецкой стороны по унификации тюркского мира, а именно созданию общего тюркского экономического пространства, единой региональной энергосистемы и системы транспортировки энергоресурсов, введению свободного передвижения граждан и капитала, а также созданию общего языка, встретили крайне холодную реакцию со стороны Казахстана и Узбекистана.

Как отмечает российский исследователь доктор политических наук Д.Б. Малышева, «культурно-языковое влияние Турции в Центральной Азии остается сильным, и это в немалой степени обусловлено государственной политикой тех центральноазиатских правящих элит, которые в своем стремлении дистанцироваться от России запустили процесс поиска пути цивилизационного развития. В рамках этого процесса идея «тюркского единства» часто выдается за более привлекательную альтернативу, нежели сохранение общего с Россией культурно-исторического пространства[588]».

Главную роль «посредника» Турции на постсоветском пространстве и одновременно на пространстве тюркского мира, с самого начала деятельности по распространению «мягкой силы» в регионе, сыграли тюркские организации. Это инструменты, посредством которых реализовывались выгодные для Турции политические установки по усилению своих позиций в регионе. За долгие годы подобной деятельности было создано более 10 крупных организаций, которые осуществляют как экономическую, социально-

[588] Малышева Д.Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии, 2017. № 3 (36). С.48.

политическую, так и культурно-образовательную деятельность[589]. Важным моментом является то, что на организациях, работающих в сфере культуры, зачастую лежат более ответственные задачи в рамках реализации внешнеполитической линии Анкары, чем на тех, что несут ответственность за экономическое или межпарламентское взаимодействие.

Миссия каждой из них, по канонам пантюркистских идей начала XX в., заключается в интеграции тюркских народов. Особенностью являются методологии – перечень методов, посредством которых эта задача осуществляется. По понятным историческим причинам, которые были упомянуты выше, основоположники пантюркизма были ограничены в своей деятельности. По причинам существовавших на тот момент государственных режимов, отсутствия передовых технологий и других коммуникативно-интеграционных средств, которые в современном мире являются важнейшими каналами для формирования общественного сознания и идеологий[590].

Помимо достаточно широкой сети организаций на постсоветском пространстве, Турецкой Республикой реализуется деятельность Интернет-порталов и ряда других средств массовой информации, которые занимаются пропагандой выгодных для турецкой стороны воззрений. В качестве примера достаточно привести наиболее популярную в России на постсоветском пространстве социальную сеть «Вконтакте». Там на современном этапе зарегистрировано большое количество протурецких сообществ, созданных как сторонниками идей пантюркизма, так и теми, кто только начинает знакомство с истории собственных народов. Некоторые из подобных сообществ граничат с национализмом или даже с шовинизмом[591].

Несмотря на это, масштабы деятельности средств массовой информаци все же несравнимы с тем, что проводится тюркскими организациями, самыми

---

[589] Аватков В.А., Бадранов А.Ш. "Мягкая сила" Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI, 2013. № 2(27). С. 6.
[590] Аватков В.А., Иванова Н.А. Коммуникативная интеграция в СНГ // Международные процессы, 2012. Т.10. № 29. С. 165.
[591] Аватков В.А., Бадранов А.Ш. "Мягкая сила" Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI, 2013. № 2 (27). С. 7.

крупными из которых, как правило, являются те, что были образованы по инициативе государства. В настоящий период времени одними из самых крупных организаций остаются Международная организация тюркской культуры TÜRKSOY (ТЮРКСОЙ), а также Турецкое агентство по сотрудничеству и координации TİKA (ТИКА).

Последняя была образована в 1992 г. сразу после распада Советского Союза. Несмотря на то, что в настоящее время центры данной организации можно встретить во многих странах мира, первый координационный офис был открыт Туркменистане. Это еще раз доказывает необходимость закрепления Турецкой Республикой своих позиций сначала именно на постсоветском пространстве, где находится большая часть (согласно позициям пантюркизма) «братских» туркам народов, а только затем – в остальном мире.

В рамках деятельности организации ведется активная пропаганда тюркских ценностей и интеграции, что можно понять уже на уровне официального сайта организации. Так, страница, которая изначально должна рассказывать о деятельности организации, в первую очередь рассказывает не об истории создания и задачах агентства, а о распаде Советского Союза и его итогах виде образования целого ряда суверенных государств[592]. Далее акцент делается на том, что именно Турция была первым государством, которое признало независимость образованных республик. Помимо этого, в исторической справке расписаны принципы единства тюркских наций, необходимость в многостороннем сотрудничестве, общие закономерности развития со всеми странами Содружества Независимых Государств, а также заслуги Турции, которая оказала поддержку государства начиная с 1990-х гг. XX в.[593]

Таким образом, только к концу второго абзаца можно увидеть информацию о том, что из себя представляет организация и какие задачи в рамках своей деятельности она преследует.

---

[592] Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] // TİKA web-sitesi. Режим доступа: http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649 (дата обращения:10.06.2019)
[593] Ibid.

В соответствии с официальными данными, деятельность Турецкого агентства по сотрудничеству и координации достаточно обширна, но основная ее часть, как уже упоминалось, преимущественно сосредоточена на социальной, политической, культурно-образовательной и уже в последнюю очередь экономической деятельности, в рамках которой агентством проводятся разнообразные совместные проекты с организациями-партнерами (зарубежными в том числе), финансируемые государством. Так, например, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и ООН находятся в списке стран-партнеров Турецкого агентства по сотрудничеству и координации по развитию, а в Кыргызской Республике находится Агентство по международному сотрудничеству и развитию. Агентство ведет вполне результативную деятельность на территории Киргизии. Если верить официальной статистике, «Кыргызстан занимает одно из ведущих мест в рейтинге активности деятельности Турецкого агентства по сотрудничеству и координации в странах Евразии»[594].

Следующая не менее важная организация – Международная организация тюркской культуры была основана в 1993 г., ее штаб-квартира находится в Анкаре. В отличие от других организаций, она не имеет официальных представительств за пределами Турецкой Республики. Основателями Организации являются Турция, Азербайджан и тюркские страны Содружества Независимых Государств. Исходя из названия – Международная организация тюркской культуры, – становится ясно, что ее деятельность связана в основном с сохранением культурных традиций, укреплением положительного и продуктивного диалога между тюркскими народами и их сотрудничеством.

Организация не ограничивается исключительно проведением выставок, концертов и фестивалей, как может показаться на первый взгляд. Деятельность Международной организации тюркской культуры несколько

[594] Координационный совет партнеров по развитию в КР. Агентства [Электронный ресурс] // Ресурс о деятельности международных донорских организаций в Кыргызской Республике. Режим доступа: http://www.donors.kg/ru/agentstva/90-tica#.W W VV44TyiUk (дата обращения:12.06.2019)

более узкая, чем у Турецкого агентства по сотрудничеству и координации. Однако научная деятельность, участие в общественно-значимых конгрессах, организация лекций, круглых столов и форумов также является неотъемлемой частью социокультурного влияния, которое осуществляет организация.

Кроме того, в отличие от многих других агентств и центров, Организация имеет обширную географию. Кроме стран-участниц в нее также входят 8 стран-наблюдателей, в том числе и регионы России с преобладающим тюркским населением (Алтай, Башкоркостан, Татарстан, Тыва, Саха), а также Северный Кипр и Гагаузия (этническое тюркоязычное ввтономное образование на юге Молдавии).

До 2015 г. организация довольно тесно взаимодействовала с регионами Российской Федерации. Однако после начала кризиса российско-турецких отношений, спровоцированного инцидентом с российским Су-24, Министерство культуры РФ направило рекомендательные письма во все тюркоязычные регионы страны с просьбой приостановить взаимодействие с Международной организацией тюркской культуры в рамках санкций, предпринимаемых против Турции[595]. После этого в ряде источников появилась информация о приостановлении деятельности организации на территории Республики Башкортостан[596]. Однако, несмотря на это, все тюркские республики, входящие в состав РФ, по-прежнему являются участниками-наблюдателями на официальном портале организации.

Деятельность данных двух крупных организаций является ключевой в рамках реализации внешнеполитического курса Турецкой Республики по распространению своего влияния не только на мировое сообщество в целом, но и, прежде всего, на государства «тюркского мира». Они являются одними из самых крупных площадок по созданию «турецкого лобби» на территориях стран, включенных в их функционирование. Однако помимо этого

[595] Международная организация тюркской культуры ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/spravka/20151127/1330086290.html (дата обращения:12.06.2019)
[596] Башкирия приостановила взаимодействие с организацией ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/culture/20151130/1332657502.html (дата обращения:17.06.2019)

существуют целые сети различных государственных, негосударственных и частно-государственных организаций, центров и агентств, которые способствуют данному процессу. В список таковых входит Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТЮРКПА), Тюркский совет и многие другие. Еще одним достижением Турции в данном регионе стало создание военно-политических блоков – Вооруженных сил тюркоязычных стран и Тюркского военного совета.

Парламентская ассамблея тюркоязычных стран представляет собой парламентское объединение Республики Азербайджан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Турецкой Республики. Ассамблея была созданна 21 ноября 2008 г. на основе соглашения, подписанного главами парламентов четырех стран в Стамбуле, во дворце Долмабахче[597].

Деятельность в рамках Ассамблеи реализуется на основе принципов независимости, суверенитета, равенства и уважения ее участников, территориальной целостности и нерушимости государственных границ, а также невмешательства во внутренние дела других государств. В число общих целей организации входят укрепление политической и экономической безопасности государств, развитие новых связей в области парламентской дипломатии, установление новых отношений с парламентами других стран и другими международными организациями[598]. Основными же целями организации являются:

— Способствование развитию диалога между государствами при помощи инструментов парламентской дипломатии на политическом уровне;
— Проведение деятельности по улучшению отношений между странами в различных областях;
— Сближение национального законодательства на основе исторической, культурной и языковой общности;

[597] Türk Dili Konuşan Ülkeler Parlamenter Asamblesi [Электронный ресурс] // TÜRKPA Website. Режим доступа: https://www.turk-pa.org/tr/content/about_turkpa/history (дата обращения: 25.07.2019)
[598] Ibid.

— Выработка рекомендаций по защите и передаче общих ценностей тюркоязычных стран в сфере истории, искусства, литературы и др., а также по сближению законодательных мер.

Интересным является тот факт, что на современном этапе Парламентская ассамблея тюркоязычных стран тесно сотрудничает с целым рядом международных организаций, с каждым годом расширяя свое влияние. На данный момент связи установлены с Союзом муниципалитетов тюркского мира (TDBB), Международным казахско-турецким университетом имени Ахмеда Ясеви и киргизско-турецким университетом Манас, Парламентской Ассамблеей Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организацией Исламского Сотрудничества, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и т.д.

В настоящее время особенно важное место в контексте распространения турецкой «мягкой силы» занимают фонды, институты и другие образовательные учреждения.

В качестве примера стоит привести всемирно известные культурные центры имени Юнуса Эмре, которые действуют на достаточно широком пространстве – на Западе и Центральной Азии[599], на территории Африканского континента и на Ближнем Востоке. Примечательно, что центры действуют и в государствах, которые фактически являются одними из главных исторических соперников Турции в регионе – в Иране, Омане, Египте и т.д. На территории России также находится данный центр.

Вместе с этим определенную известность получило и движение «Хизмет», деятельность которого часто связывают с Фетхуллахом Гюленом. Он является известным турецким просветителем и общественным деятелем, имамом, писателем и врагом номер один для действующего главы Турции – Р.Т. Эрдогана.

Для России существование «Хизмет» приобретает особую значимость, поскольку субъекты Российской Федерации, в особенности Республики

[599] Аватков В.А. Россия и Турция: вместе или порознь? М. Международные отношения, 2015. С. 37.

Башкортостан и Татарстан в свое время были наиболее подвержены влиянию данного движения[600].

«Хизмет» или «Нурджулар», по официальной информации, занимается культурно-просветительской деятельностью. Движение осуществляет ее посредством специализированных школ и лицеев, активно финансируемых турецкими компаниями. Помимо этого, «Хизмет» тесно сотрудничает с общеобразовательными школами и даже университетами (также за рубежом), реализуя при них собственные программы и различные курсы.

Известно, что деятельность движения сконцентрирована, прежде всего, на изучении ислама, традиций, духовных ценностей и мусульманских обычаев. В 2008 г., в соответствии с решением Верховного суда Российской Федерации, функционирование движения «Хизмет» было приостановлено по обвинению в осуществлении незаконной деятельности и пропаганде гюленизма (хотя сам Ф. Гюлен категорически отрицал свою связь с последователями данного движения), которая проводилась под видом культурно-образовательной деятельности.

После этого деятельность Турецкой Республики в области социокультурного влияния снизилась, но, несмотря на это, закрытие религиозных школ все равно не смогло обеспечить полную уверенность в том, что влияние Турции на территории России прекращено.

За долгие годы Турецкой Республике удалось наладить механизмы влияния по укреплению собственных позиций в различных регионах России, а «Хизмет» был лишь одним из инструментов, пусть и одним из самых важных.

После этого инцидента никаких особых действий со стороны руководства Российской Федерации по предотвращению возникновения новых «очагов» турецкой экспансии не проводилось.

---

[600] Сулейманов Р.Р. Татаро-турецкие лицеи в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллаха Гюлена // Современные евразийские исследования, 2016. №1. С. 78.

Через определенное время ряд культурных центров возобновил свою работу, более того, открылись новые, а также было положено начало сотрудничества тюркских республик с международными организациями. Этот процесс продолжается до настоящего времени, хотя, по сравнению с началом XXI в., ситуация кардинально изменилась, и сегодня Россия старается контролировать деятельность внешних акторов на своем внутриполитическом пространстве.

Современный этап турецкой истории начался в 2002 г., когда к власти в результате парламентских выборов пришла основанная годом раньше Партия справедливости и развития, которая вплоть до настоящего момента продолжает стоять во главе страны.

В первые годы своего существования ПСР придерживалась прежнего турецкого прозападного курса, хотя оппозиция уже тогда обвиняла ее в скрытом желании исламизировать турецкое общество. Такой поворот произошел значительно позже и во многом был обусловлен историей политической эволюции ее создателей. Они во главе с лидером партии и действующим президентом Республики Реджепом Тайипом Эрдоганом, вышли из движения «Национальное видение» политика-исламиста Неджметтина Эрбакана – человека, который фактически создал политический ислам в Турции.

Так, в начале своей политической карьеры Эрдоган состоял в возглавляемой Эрбаканом партии Благоденствия (Рефах), чьей электоральной базой были выходцы из консервативной восточной Турции. Рефах исповедовала исламистские взгляды, но одновременно также и выступала с антикапиталистических позиций[601].

После запрета партии Благоденствия Эрбакан создал новую партию — партию Добродетели, однако и она была вскоре запрещена властями. Эрдоган, к тому моменту крайне популярный молодой политик и мэр Стамбула, вместе

[601] Вертяев К.В. Исламский фактор в политической жизни Турции // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. И Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 82.

с реформистским крылом партии Добродетели решается создать новую партию — Партию справедливости и развития. Новую партию сформировали молодые, амбициозные умеренные исламисты. Они понимали, что современные условия делают невозможным прямое проведение в жизнь требований шариата, но при этом не были готовы полностью отказаться от определенных проявлений религии в политике. Однако чем дольше партия оставалась у власти, тем больше ее руководство увлекалось националистической идеологией, что достигло своего максимума в 2017-2019 гг.

Внушительный рост экономики в 2000-е гг. предоставил Турецкой Республике новые возможности для активизации собственной политики в тюркоязычных государствах. Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан — пространство этих стран Турция считала и продолжает считать сферой собственного влияния, а саму себя она рассматривает как лидера этой группы государств. Однако тюркский регион входит в сферу интересов не только Турецкой Республики, но и других стран, с которыми Турции приходится выстраивать взаимодействие на этой траектории.

Одной из таких стран, например, является Исламская Республика Иран, чье присутствие в Центральной Азии и на Кавказе вынуждает Турцию укрепляться даже в ираноязычном Таджикистане путем создания там турецко-таджикских учебных заведений[602]. Так она пытается не только насадить собственные взгляды, но и сдержать распространение шиитских ценностей среди молодежи.

Турция активно действует на Кавказе, где главным проводником ее интересов и объектом воздействия является Азербайджан. Внутри этих стран часто используется фраза, которая передает их близость — «два государства, одна нация». Но, несмотря на такие громкие заявления, среди населения двух стран есть и те, кто с подозрением смотрит на своего соседа. Азербайджан

[602]Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект Пресс, 2016. С.83.

активно работает с Турцией в сфере экономики и техническом секторе, закупая у турок оружие для собственных вооруженных сил. В последние годы растет и влияние Турции в приграничных областях Грузии, где активно работает турецкий бизнес и вновь возрождается забытый в советские годы ислам.

На сегодняшний день можно наблюдать усиление турецкого влияния на внешнеполитический курс Азербайджана. Это связано с активной политикой Анкары по использованию «мягкой силы» в отношении своих партнеров по «тюркскому миру» в рамках «неоосманизма» и «неопантюркизма». Особого внимания в этом контексте заслуживают именно инфраструктурные коридоры по линии Азербайджан-Турция через Грузию. Во многом Турция пытается влиять и на формирование образования и науки в Азербайджане, что рано или поздно может привести к созданию подконтрольного Анкаре лобби.

Азербайджан является одним из пяти государств постсоветского пространства, которые были и на данный момент подвержены влиянию Турецкой Республики. Для Анкары Азербайджан представляет собой своего рода «опорную точку» на территории постсоветского пространства по причине сложившегося на протяжении истории прочного диалога по ряду политических и стратегических вопросов (Нагорно-Карабахский конфликт и т.д.). Также Республика является своего рода «проводником» идей пантюркизма на постсоветское пространство, что для Турецкой Республики остается наиболее важным с точки зрения собственного закрепления в регионе в качестве «старшего брата» и того государства, на которое будут ориентироваться тюркские республики.

В результате такой политики в Баку была поддержана идея о необходимости интеграции тюркских государств и, в этой связи, создания «организаций-посредников» по распространению турецкой «мягкой силы», которые были упомянуты выше.

На современном этапе сотрудничество налажено и с двумя субъектами Российской Федерации, наиболее подверженными турецкому влиянию и

распространяемым националистическим идеям: с Республикой Татарстан и Республикой Башкортостан.

Сотрудничество Азербайджана с Республикой Татарстан было официально закреплено в 1996 г. – незадолго до наиболее активной фазы деятельности Турецкой Республики по направлению распространения собственного влияния[603]. Диалог в сфере гуманитарного сотрудничества начался с 1997 г. – было заключено Соглашение о культурном сотрудничестве между Министерствами культуры Республики Азербайджан и Республики Татарстан. Что касается сотрудничества в сфере образования – с 2003 г. действует Договор о научном и образовательном сотрудничестве (продлен в 2012 г.), а в 2006 г. в Баку было принята программа о совместном сотрудничестве в области образования между Министерствами образования.

Республика Башкортостан также стала объектом интереса в рамках развития гуманитарных связей. По результатам Пятого российско-азербайджанского форума «Межрегиональное сотрудничество: новые точки роста», который был проведен в 2014 г., руководством Азербайджана была отмечена необходимость развития межрегионального диалога с Республикой Башкортостан[604], в том числе и в гуманитарной сфере. В частности, с 2015 г. обе стороны начали сотрудничество в сфере высшего образования в рамках программ обмена и стажировок[605].

Кроме того, с 2018 г., по итогам Девятого российско-азербайджанского форума, в области образования со стороны Башкирии также делается упор на изучение самой системы образования Республики Азербайджан, а также на освоение и адаптацию программ среднего и дошкольного образования.

---

[603] Двустороннее сотрудничество Республики Татарстан и Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Республики Татарстан в Азербайджанской Республике. Режим доступа: http://az.tatarstan.ru/rus/sotrud.htm (дата обращения:07.07.2019)

[604] Азербайджан и Башкортостан: начало долгого диалога [Электронный ресурс] // Информационное агентство «UfacityNews». Режим доступа: http://ufacitynews.ru/news/2014/06/26/azerbajdzhan-i-bashkortostan-nachalo-dolgogo-dialoga/ (дата обращения:07.07.2019)

[605] Башкирия и Азербайджан продолжат сотрудничество в области образования [Электронный ресурс] // БашИнформ. Режим доступа: http://www.bashinform.ru/news/1217162-bashkiriya-i-azerbaydzhan-prodolzhat-sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovaniya-/ (дата обращения:10.07.2019)

Возвращаясь к Центральной Азии, стоит отметить, что еще одним важным актором в этом регионе, с которым Турции приходится выстраивать особую линию поведения, является Китайская Народная Республика. Главной проблемой в отношениях между двумя странами выступает вопрос Синьцзян-Уйгурского автономного района. Прежде известный как Восточный Туркестан, район стал подконтрольной Китаю территорией совсем недавно — в начале XX века, но до настоящего времени входит в его состав.

В настоящее время главной проблемой Синьцзян-Уйгурского автономного района являются сильные центробежные сепаратистские тенденции. Они вызывают беспокойство Центрального комитета Коммунистической партии Китая и дают ему право проводить жесткую репрессивную политику по отношению к населению района. Поскольку уйгуры являются тюркоязычным народом, исповедующим ислам, то район автоматически рассматривается турками как часть сферы собственных интересов.

Двусторонние отношения между Турцией и Китаем обостряет также то, что турецкая сторона до последнего времени оказывала плотную поддержку уйгурским политическим движениям[606], многие из которых считаются в Китае террористическими.

Сейчас Турция в отношении уйгур находится в своеобразной ловушке: с одной стороны, турки не хотят портить отношения с Китаем — крупнейшей мировой экономической силой, с другой стороны, страна уже создала себе на внешней арене имидж заступника страдающих мусульман, а, следовательно, ей следует занимать твердую позицию по вопросу репрессий в отношении уйгуров, факты по которым все активнее вскрываются международными журналистскими и правозащитными организациями.

[606] Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) [Электронный ресурс] // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5(32). Режим доступа: https://riss.ru/bookstore/journal/2015-2/problemy-natsionalnoj-strategii-5-32/ (дата обращения:10.05.2018)

Запрос на подобное поведение есть и среди основного электората правящей партии, однако пока у Турции нет рычагов давления на Китай и любые действия остаются на уровне риторики.

Также довольно сложно складываются отношения у Турции с Узбекистаном. В основе их противоречий не только претензии самого Узбекистана на региональное лидерство, подкрепляемые мощным историческим и культурным бэкграундом — в состав Узбекистана входят такие важные для Турции и для всей исламской цивилизации города, как Бухара и Самарканд, — но и недальновидной политикой Турецкой Республики, укрывшей у себя известного узбекского поэта и политического деятеля Мухаммада Салиха, главного политического соперника Ислама Каримова, что вызвало мгновенную реакцию официального Ташкента, понизившего дипломатический статус Турции до недружественного государства. Такое положение дел сохранялось до 2016 г., когда Турция из-за нового конфликта с западными державами начала вновь смотреть в сторону Востока, а президент страны посетил Узбекистан с визитом.

Еще две тюркоязычные страны Центральной Азии — Казахстан и Кыргызстан — давно являются хорошими партнерами Турции. Казахско-турецкие отношения строятся вокруг реализации совместных экономических проектов и взаимодействия в области культуры и искусства[607]. Однако между Казахстаном и Турцией присутствуют определенного рода трения, поскольку Казахстан также претендует на лидерство в тюркском мире, выстраивая свою линию на основе евразийской концепции. Именно поэтому такое внимание Астаной уделяется проекту Евразийского экономического союза, а одним из крупнейших вузов страны является Евразийский национальный университет имени Гумилева.

[607] Сотрудничество Республики Казахстан с Турецкой Республикой [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Режим доступа: http://www.mfa.gov.kz/ru/content-view/sotrudnichestvo-respubliki-kazakhstan-s-turetskoj-respublikoj (дата обращения:19.07.2019)

Отношения Кыргызстана и Турции также выстраиваются на экономической и культурной базе, однако есть и еще один аспект, отсутствующий в турецко-казахских отношениях, — военный[608].

Не стоит также забывать и про Туркменистан, который, несмотря на свою закрытость, также выстраивает взаимодействие с Турцией по ряду направлений. Так, например, наблюдается большой прирост туркменской трудовой миграции в Турцию. Президент Туркменистана заявил о том, что Турция занимает ключевое место в формировании внешней политики страны, а также что два государства являются объединенными через исторические и культурные связи[609].

Интерес Турции к Туркменистану возрос не только потому, что их объединяет общее культурное наследие, но и из-за транспортировки газовых ресурсов. На территории Туркменистана сосредоточены одни из крупнейших запасов природного газа в мире. Несмотря на то, что страны являются партнерами в Организации Исламского Сотрудничества и взаимодействуют в рамках ООН, в 2008 году была организована турецко-туркменская комиссия по экономическому сотрудничеству[610].

Таким образом, тюркские государства СНГ являются одним из приоритетных направлений внешнеполитического курса Турецкой Республики. Активную политику по воздействию на эти страны она начала после распада Советского Союза, который открыл возможности к установлению двусторонних отношений. Основная деятельность по формированию единого «тюрского мира», а точнее – наднационального единства, ведется через различные некоммерческие организации, Фонды, религиозные структуры и т.д.

---

[608]Дипломатическим отношениям Кыргызстана и Турции 20 лет [Электронный ресурс] // КНИА КАБАР. Режим доступа: http://old.kabar.kg/rus/analytics/full/18990 (дата обращения:19.07.2019)

[609] Relations between Turkey and Turkmenistan [Электронный ресурс] // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa (дата обращения:19.07.2019)

[610] Арамедова А. Туркменистан — Турецкая Республика: дорогой долгосрочного партнерства [Электронный ресурс] // Правительство Туркменистана. Туркменистан: Золотой век // Управление международной информации МИД Туркменистана. Режим доступа: http://turkmenistan.gov.tm/?id=4134 (дата обращения:19.07.2019)

Турция в этом контексте была привлекательна для стран Центральной Азии и Азербайджана ввиду таких факторов, как позиционирование себя в качестве примера успешного модернизационного проекта по западному образцу, общности в этническом происхождении, единой религии. Однако на начальном этапе Турция не была в состоянии основательно закрепиться в данном регионе. Тем не менее, во внешней политике Турции отмечается усиление политики «мягкой силы» и задействование при этом различных механизмов влияния. В частности, проведение активной пропаганды тюркских ценностей в рамках пантюркизма – распространения ценностей и идей через фонды, институты и другие образовательные учреждения, а также сотрудничество в рамках туркоцентричных организаций, например, Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТЮРКПА), Тюркского совета, ТЮРКСА, ТЮРКСОЙ. Важно, что при этом во главе тюркского ставится турецкое и является туркоцентричным. Участие в деятельности организаций является ключевым фактором в рамках реализации идеологического влияния Турецкой Республики во внешней политике. Приоритетная сфера влияния – образовательная, базис – туркоцентричный, целеполагание связано с созданием новой подсистемы международных отношений – «тюркский мир».

4.3. Особенности и перспективы реализации «мягкой силы» Турции в «тюркском мире»

Одним из главных инструментов влияния государств друг на друга на современном этапе является «мягкая сила» — инструмент дипломатии, позволяющий независимому государству вынуждать другие государства принимать выгодные ему решения не путем жесткого принуждения, а, наоборот, расположением к себе и выстраиванием позитивного образа собственной политики, которому возникает желание следовать. Турция вполне освоила механизмы «мягкой силы» и успешно реализует их на практике в своей внешнеполитической деятельности, в том числе и в Центральной Азии, Азербайджане[611]. Свою «мягкую силу» Турция реализует через ряд различных организаций, прямо или косвенно относящихся к турецкому правительству.

Анализ источников и литературы позволяет выделить наиболее известные структуры, через которые распространяется турецкое влияние: Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию, Международная организация тюркской культуры, Тюркский совет, Институт имени Юнуса Эмре. Центральной же из этих организаций можно назвать именно Международную организацию тюркской культуры, поскольку через нее реализуются самые крупные проекты.

Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) была основана в 1993 г., по формальным данным, Турцией и тюркскими странами Содружества Независимых Государств с главным офисом в Анкаре. Официальные каналы утверждают, что деятельность организации сконцентрирована вокруг культурных и творческих мероприятий, концертов, сохранения культурного наследия. Примечательно, что в основном имя Организации можно увидеть в качестве одного из соорганизаторов в различных мероприятиях по тюркской тематике.

[611] Erşen E. Turkey and Russia: an emerging “strategic axis” in Eurasia? // EurOrient. 2011. № 35-36. С. 265.

Турецкое агентство по международному сотрудничеству (ТИКА) было основано в 1992 г. с первым зарубежным офисом в Туркменистане. Оно было создано для выстраивания выгодных турецкой стороне связей с зарубежными странами. На данный момент таким важным партнером является Кыргызстан. Организация занимается реализацией различных образовательных программ, а также реализацией идей, нацеленных на объединение тюркского мира[612]. В составе Организации существуют регионы-наблюдатели. В их число входили Башкортостан, Татарстан, Алтай, Саха, Тыва, Турецкая Республика Северного Кипра, Автономное территориальное образование Гагаузия.

Институт Юнуса Эмре – организация с большим уклоном в сторону образовательной деятельности, распространенная практически во всем мире. Центры финансируют и осуществляют различные образовательные мероприятия, посвященные турецкой культуре, проводят занятия по турецкому языку для начинающих и продолжающих, выдают стипендии для обучения в Турции и проводят различные летние школы, на которых молодые люди со всего мира в качестве лингва франка используют турецкий язык.

Может показаться, что все усилия «мягкой силы» Турции сосредоточены только на культурно-образовательной сфере, но это не так – экономические каналы также являются эффективным инструментом для насаждения «мягкой силы». Для контроля улучшения взаимодействия на высшем уровне также были созданы специальные органы. Во-первых, это Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, созданная в 2008 г. после собрания лидеров государств в Баку для улучшения взаимодействия на межпарламентском уровне, а также выработки общих позиций по международной проблематике. Во-вторых, это созданный в 2009 году Совет сотрудничества тюркских государств. Структурно он состоит из пяти органов: Совета глав государств, Совета министров иностранных дел, Совета старейшин, Совета заслуженных деятелей внешнеполитических ведомств и

[612]Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] // TİKA web-sitesi. Режим доступа: http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649 (дата обращения: 18.06.2019)

Постоянного секретариата. Программа действий у организации весьма широкая и амбициозная. Предполагается, что в ее рамках будут проводиться мероприятия по укреплению взаимного доверия, формированию и продвижению общей внешнеполитической повестки, консультации по торговым и экономическим вопросам, а также координироваться борьба с международным терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком. Происходят и попытки формирования военно-политических блоков на основе Вооруженных сил тюркских стран и Тюркского военного совета.

Главный успех турецкой «мягкой силы»[613] состоит в том, что организации, которые ее проводят, не дублируют друг друга, хотя и действуют в смежных областях. Именно работа в смежных областях позволяет им координировать действия друг с другом, выступать единым фронтом, но не единым монолитом. Одну организацию, полностью отвечающую за «мягкую силу», очень легко контролировать: это может быть контроль внешними агентами или просто отсутствие нужных компетенций у лиц, стоящих на ответственных постах.

Турция хорошо понимает, что существование нескольких организаций, действующих в сопредельных областях, вместе с кооперацией создает и необходимую конкуренцию, которая дает толчок для развития. Несмотря на то, что турецкие организации «мягкой силы» лишены какой-либо формальной надструктуры-«зонтика», которая управляет их деятельностью, следует понимать, что стратегия и тактика их деятельности формируется напрямую турецким руководством, и преследуют они не цели, якобы отвечающие интересам всех тюркоязычных государств, а в первую очередь цели свои собственные, направленные на упрочение своего статуса как регионального лидера.

[613] Аватков В.А., Бадранов А.Ш. "Мягкая сила" Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI, 2013. № 2(27). С. 6.

Еще одним важным проводником «мягкой силы» Турции были школы движения «Хизмет», чьим лидером до сих пор является известный писатель, религиозный ученый и проповедник Фетхуллах Гюлен[614].

Школы, аффилированные с Гюленом, располагались по всему миру[615], много их было и в Центральной Азии, и в тюркоязычных регионах Российской Федерации, а также в городах федерального значения – Москве и Санкт-Петербурге. По сути, эти школы были интернатами, где образование основывалось на идеологической и религиозной обработке более или менее способных учеников.

В рамках системы к каждому ученику был приставлен свой наставник – либо выходец из Турции, либо выпускник лицея предыдущих лет, который занимался вопросами воспитания и прививания исламских ценностей и мусульманских традиций в их турецком восприятии. Фактически формировался круг людей, лично преданных движению и не представляющих жизни вне его ценностей.

Самым талантливым из студентов оказывали постоянную протекцию, оплачивали образование в лучших университетах мира, чтобы в дальнейшем выпускники лицеев могли становиться влиятельными и успешными людьми в своей страны и продвигать как общие турецко-исламские интересы, так и личные интересы Фетхуллаха Гюлена.

В России школы движения Хизмет были закрыты или переформатированы в 2008 г., когда их деятельностью заинтересовалась прокуратура Российской Федерации[616]. Связано это было с тем, что часть преподавателей не имела педагогического образования, а вся программа гуманитарного образования была противороссийской. В Узбекистане их закрыли еще раньше, Ислам Каримов подозревал выпускников лицея в попытке захватить власть в стране. Основным же мировым катализатором

---

[614] Надеин-Раевский В.А. Идеологическая борьба в Турции и российско-турецкие отношения // Человеческий капитал, 2016. №2 (86). С. 48.
[615] Bayraklı E., Ulutaş U. FETÖ'nün anatomisi. 3. Baskı. İstanbul: SETA Kitapları, 2017. С. 18.
[616] Сулейманов Р.Р. Татаро-турецкие лицеи в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллаха Гюлена // Современные евразийские исследования, 2016. №1. С. 81.

закрытия лицеев, либо перевода их под прямое управление Турецкой Республики стал разлад между Реджепом Тайипом Эрдоганом и Фетхуллахом Гюленом, произошедший в начале 2010-х годов.

После этого в стране начались гонения на всех причастных к движению, которое уже крепко было укоренено в самой структуре государства — гюленовские лицеи действовали также и на территории самой Турции. Ответственность за попытку переворота 2016 г. Эрдоган также возложил на Гюлена и верных ему людей, запустив механизм жестких репрессий против всех, кто подозревался даже в сотрудничестве с движением «Хизмет».

Несмотря на то, что сейчас большинство гюленовских лицеев на территории бывшего Советского Союза закрыты, созданные ими сети личных контактов остаются действующими, а, следовательно, могут нести определенную опасность для действующего государственного строя. В самой Турции уже давно существовало представление о так называемом параллельном или глубинном государстве и хотя в разные десятилетия под этим понятием подразумевали совершенно разные образования, реальное параллельное государство удалось построить именно Фетхуллаху Гюлену. Если верить утверждениям турецкой стороны, то турецкие выпускники гюленовских лицеев внедрялись в различные государственные и общественные органы, формируя в них собственные патронажные сети, через которые в дальнейшем продвигались нужные люди на нужные посты[617]. После попытки переворота правоохранительным органам Турции понадобилось значительное время, чтобы выявить всех сторонников опального имама и отправить их под суд. Однако этот процесс продолжается до сих пор, и каждую неделю приходят новости о новых задержаниях «гюленистов». Фактически нынешняя власть Турции столкнулась с тем, что сама пыталась проводить в других странах.

Стремясь сохранить свое влияние и отсрочить закат действующей системы, Реджеп Тайип Эрдоган и его окружение будут использовать любые

[617] Şık A. İmamın ordusu. – İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2017. C. 122-123.

внешнеполитические возможности, которые смогут вернуть им симпатии электората. В силу разворачивающегося в стране экономического кризиса сделать это будет сложнее, чем прежде, но тем ожесточенней будет ее позиция на внешнеполитической арене.

Турция не отказывается от своих неоосманских имперских амбиций даже несмотря на то, что ее возможности в арабском мире сейчас значительно ограничены, поскольку концепция «ноль проблем с соседями» потерпела неудачу и отношения практически со всеми близлежащими странами оказались испорченными.

Тем более притягательной может оказаться возвращение к идее создания новой системы международных отношений – «тюркского мира». Дополнительный вклад в этот процесс способна внести изменившаяся риторика Реджепа Тайипа Эрдогана. С 2015 г. он начал использовать этнонационалистический дискурс и в итоге пошел на союз с ультранационалистической Партией националистического движения (ПНД), как когда-то, например, сделал С. Демирель, которого во время его визитов в тюркские государства в 1990-х гг. сопровождал лидер ПНД и теоретик пантюркизма А. Тюркеш[618]. Молодежное движение этой партии носит название «Очаги идеала», где под словом идеал подразумевается «Туран».

Распространение турецкого влияния происходит посредством мероприятий, обменных программ или же воздействия через целый ряд организаций – государственных (Институты Ю. Эмре), полугосударственных и частных. Основной спецификой «мягкой силы» Турецкой Республики является то, что Турция пытается не просто подменить, а заменить ключевые особенности и «культурные коды» народов. Происходит это путем мифологизации и пропаганды «турецких» позиций, ценностей, традиций и установок.

[618] Шлыков П.В. Евразийство и Евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика, 2017. Т.8. № 1. С. 61.

В Турции на протяжении многих веков вели свою деятельность различные религиозные ордена, схожие с сегодняшними некоммерческими организациями. Можно сказать, что на современном этапе в Турецкой Республике к ним сформирован особый подход – некое слияние западного и традиционного. Еще во времена Османской империи в 1909 г. появился закон «О джамаатах». Сейчас же нормативно-правовые акты, посвященные некоммерческим организациям, носят названия: «О некоммерческих товариществах», «О фондах», «Об отношениях между некоммерческими организациями». Следует отметить, что в этих законах закреплена возможность осуществления деятельности некоммерческих организаций на международном уровне[619]. Важно отметить, что финансирование происходит по трем каналам – государственное, иностранное (основные источники – Евросоюз и США) и частное.

Деятельность некоммерческих организаций в виде благотворительных фондов и организаций гуманитарной помощи (Kimse Yok Mu, Deniz Feneri), религиозных организаций (Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи (IHH), а также де-юре упраздненные школы им. Ф. Гюлена) направлена на более «точечное воздействие». Это воздействие на уровне общечеловеческих ценностей, личных убеждений и субъективных моральных основ. В то время как работа крупных государственных и полугосударственных образований (Международная организация тюркской культуры, Тюркский совет) направлена на массовость как в плане количественном, так и в качественном. Задействуя административные рычаги, Турецкая Республика проводит за рубежом огромное количество мероприятий.

Во-первых, они направлены на формирование политического сознания у руководства государств (в случае с деятельностью Тюркского совета). Во-вторых, на продвижение собственных идеологических установок путем

[619] О некоммерческих товариществах: Закон Турецкой Республики от 4.11.2004. № 5253. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.dernekler.gov.tr/tr/mevzuat/kanun/5253-dernekler-kanunu.aspx (дата обращения: 15.04.2018)

воздействия на массовое сознание за счет привлекательного «самопозиционирования» страны и условий жизни. В-третьих, довольно привлекательными условиями в виде предоставления различного рода преференций для заинтересованных в Турецкой Республике и во всем турецком иностранных граждан (как пример – предоставление высоких стипендий обучающимся по обменным программам) и т.д.

За счет такого рода всестороннего воздействия (экономика, политика и образование – деятельность в этих сферах стала практически взаимосвязанной и представляет собой единую структуру) на различных уровнях Турецкая Республика старается вовлечь в свою орбиту влияния как можно большее количество государств.

Все перечисленные способы влияния имеют под собой одну единственную цель – формирование идеологически верного с точки зрения Анкары сознания у населения тюркских и тюркоязычных государств, что и осуществляется путем обучения, культурных обменов и т.д. Таким образом, происходит не только становление научного сознания, зачастую также протурецкого, но и определенного этнического определения данных народов.

Формируется миф о том, что тюрки – это турки, в то время как с исторической точки зрения именно турки являются ассимилированными тюрками, такие как тюркизированные армяне, греки, болгары, арабы, курды, лазы. Современная Анкара пытается стереть культурные коды тюркских народов для формирования подконтрольного ей лобби, в особенности на территории тех стран, где такие народы проживают[620]. В частности, это касается и Российской Федерации, тюркские народы в составе которой сохранили свою самобытность именно благодаря существованию в рамках российской цивилизации.

[620] Аватков В.А. Идейно-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (4). С. 113.

Такое восприятие «тюркского» через призму турецких позиций не только зачастую не соответствует исторической реальности, но и не всегда находит отклик у тюркских народов.

Тем не менее, турецкий «идеал» не разделяется многими тюркоязычными государствами. В Центральной Азии страны готовы на политическое и экономическое сотрудничество с Анкарой, но ее идеология воспринимается далеко не всеми. Именно этого и не могут понять турецкие элиты. Для них привычна точка зрения, что все выгодное им должно автоматически быть выгодно и «младшим братьям», но интересы «младших братьев» могут существенно расходиться с интересами Турции или даже быть для нее непонятными. Однако Турецкая Республика вновь и вновь продолжает попытки встроить интеграционные процессы, основываясь не на реальных региональных экономических и политических интересах, а на абстрактных убеждениях о кровном и языковом родстве, которое, однако, рассматривается под приматом Турции. Множество разнообразных народов и наций со схожими, но все же различными культурами должны, по мнению Турции, слиться в один огромный суперэтнос. Однако при этом на вопрос, что в таком суперэтносе должно быть центрально-азиатского, а не турецкого, Анкара затрудняется дать ответ. Такая позиция с наименьшей долей вероятности может найти понимание у других тюркоязычных народов – вряд ли они могут дать согласие на создание государства для подобного суперэтноса.

Такого рода стратегия «отуречивания»[621], «присваивания», а также «подмены» ключевых внутренних и идеологических основ государств не находит поддержки среди тюркоязычных государств и потому, что вопреки желаниям руководства данных стран выстраивать взаимовыгодное сотрудничество в сфере экономики, с политической и поведенческой точки зрения они все же остаются верными национальным интересам. Постсоветские режимы в тюркоязычных странах зачастую имеют довольно

[621] Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика: Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама, 2017. С 128.

эгоцентричный характер, что является свойственным для восточных государств в соответствии с их менталитетом.

Именно поэтому становление и прививание чужих ценностей и одновременно с этим уничтожение исконного – того, что формировалось и проводилось (если говорить о внутри- и внешнеполитическом курсе государств) – не является приемлемым. В данном контексте Турецкая Республика должна понимать подобные позиции как никто другой с учетом многолетних попыток трансформации собственных ценностей и принципов под западные стандарты для соответствия чужим ожиданиям, в результате которых не произошло ни восприятия Западом Турции как полноправного союзника и государства, входящего в европейский союз, ни внутреннего принятия подобных установок как турецкой общественностью, так и государственными структурами и руководством страны. Поэтому, исходя из данной тенденции, вполне логичным выводом является то, что как Турецкая Республика не смогла интегрировать в собственный политический процесс чужие принципы (а потом и вовсе во всеуслышание мирового сообщества категорически их отрицала), так и тюркоязычные и тюркские государства в связи с этой же спецификой на данном этапе не смогут принять подобного «старшего брата» в лице Анкары.

Помимо этого, власти Турецкой Республики не в полной мере учитывают специфику соотношения сил в международных отношениях[622]. Реджеп Тайип Эрдоган на заседаниях различных международных организаций регулярно повторяет, что «Мир больше пяти», тем самым указывая на необходимость реформы Совета Безопасности ООН. Однако это не значит, что Турецкая Республика двигается в русле идей многополярного мира. Скорее наоборот – ее внешнеполитическое сознание остается на уровне XIX в., когда мировую политику определял ряд государств-гегемонов, устанавливавших правила на международной арене для других стран, и она стремится стать

[622] Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель (Observer), 2013. № 6 (281). С.73.

одним из таких гегемонистских держав. Для реализации этого желания она стремится окружить себя рядом государств-сателлитов, в число которых в первую очередь должны войти государства Центральной Азии. Для Турции они являются объектами, через которые она стремится воплощать собственное лидерство вместо того, чтобы выстраивать конструктивные и дружеские отношения на долгосрочной основе.

В целом, все вышеперечисленное заставляет с сомнением смотреть на возможность реализации в ближайшее время идеи «тюркского мира». Несмотря на то, что Турция имеет большие амбиции на этом направлении, а текущая внутриполитическая обстановка только создает дополнительные стимулы к ее реализации, стратегически Анкара не всегда способна выстраивать свою внешнюю политику[623]. В ее поведении куда больше идеализма, чем здорового прагматизма. С другой стороны, идеализм на внешнеполитической арене ведет именно к консолидации нации внутри страны, а, следовательно, может выступать и инструментом внутренней политики. Также идеализм во внешней политике способен создавать агентов влияния внутри других стран, которые, принимая красивые лозунги на веру, способны распространять эти идеи среди своего окружения, формируя позитивный образ другой страны.

Таким образом, ключевые особенности «мягкой силы» Турции в «тюркском мире» построены вокруг тюркского единства при доминировании турецкого начала. Это подразумевает попытки создание туркоцентричных тюркских структур и формаций – попытку латинизации (отуречивания) тюркских алфавитов для создания в перспективе единого языкового поля, единых наднациональных структур. Активно используются возможности не только государства, но и частных образований – фондов и некоммерческих организаций, с привлечением религиозных и экономических механизмов. Например, «мягкая сила» Анкары уже дает свои плоды в виде туркоизации

[623] Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО-Университета, 2010. №1(10). С.123.

многих политических процессов стран СНГ, поскольку постепенно укрепляется турецкое лобби, а также снижается влияние России. В перспективе потенциал турецкого влияния на тюркоязычное пространство будет расти при сохранении современных тенденций.

***

Подводя итог, следует отметить, что проанализированные подходы Турции к формированию так называемой подсистемы международных отношений «тюркский мир» говорят о том, что Турецкая Республика проводит многовекторную внешнюю политику, при этом основное внимание сосредотачивая на тюркоязычных странах. В этом контексте термин «тюркский мир» для Турции предстает в качестве региональной общности тюркских стран Центральной Азии, Азербайджана, а также некоторых тюркоязычных регионов Российской Федерации.

Турецкая Республика исторически имеет ряд идентичных факторов, которые в большинстве своем способствуют активизации сотрудничества Турции и тюркоязычных стран в благоприятном продвижении влияния в регион Центральной Азии и Азербайджан. Например, общность в этническом происхождении и единая религия.

В то же время под термином «тюркский мир» следует понимать туркоцентричную подсистему международных отношений. Идеология пантюркизма включала в себя эту идею. Важно, что она несет в себе опасность для других участников международных отношений, так как действует через национальный фактор.

С помощью инструментов мягкой силы Турция стремится закрепиться на своем приоритетном направлении – тюркоязычных странах. Например, посредством идей неоосманизма и неопантюркизма, которые вобрали в себя идеи пантюркизма и исламизма, происходит идеологическое влияние на тюркские государства постсоветского пространства. Такая стратегия нужна для формирования «тюркского мира», причем во главе тюркского обычно ставится турецкое. Свою «мягкую силу» Турция реализует через ряд

различных организаций, прямо или косвенно относящихся к турецкому правительству. В этом контексте стоит говорить о туркоцентричном распространяющемся начале в сотрудничестве между странами.

ГЛАВА 5. ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ В СВЕТЕ ПЕРЕХОДА ОТ ЭКОНОМИКОЦЕНТРИЗМА К СОТРУДНИЧЕСТВУ В СФЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ И ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ

5.1. Исторические и политико-правовые основы российско-турецких отношений

Двустороннее сотрудничество России и Турции в их исторической периодизации можно охарактеризовать как в достаточной мере противоречивое. Большое количество вооруженных столкновений и иного рода конфликты сопровождали российско-турецкий диалог на протяжении всего времени существования отношений, были и короткие периоды союзничества, возможностей для укрепления взаимодействия. После развала СССР сложилась новая политико-правовая основа контактов Москвы и Анкары.

Во времена Османской империи двустороннее сотрудничество с Российской империей характеризовались взаимными территориальными претензиями, что зачастую являлось причиной для частых вооруженных столкновений и крупномасштабных войн. Несмотря на это, история российско-турецких отношений насчитывает более пяти веков, поскольку первые дипломатические контакты были налажены еще в XV вв. – во времена правления русского князя Ивана III. В качестве подтверждающего документа стоит привести послание от 1492 г., направленное Иваном III османскому султану Баязиду II по вопросам морской торговли[624].

Фактором, который во многом являлся препятствием для стабильного развития отношений Российской и Османской империй, было вовлечение последней в процесс формирования системы международных отношений и

[624] Политические отношения [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. Режим доступа: https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/ (дата обращения: 04.07.2019)

повышения роли османского государства на мировой арене за счет усилий европейских стран. Последние, в свою очередь, стремились извлечь из российско-турецкого взаимодействия (в частности, столкновений на почве территориальных противоречий) собственную выгоду.

Годы противостояния империй закончились на первых этапах Первой мировой войны. В ней Россия как часть Антанты и Османская империя как государство, присоединившееся к Четверному союзу, вели боевые действия из разных военно-политических и геостратегических лагерей. По результатам войны обе страны были ослаблены собственными внутренними и внешнеполитическими вызовами, которые на тот момент ставились выше необходимости налаживания двустороннего диалога[625].

Однако после Первой мировой войны ситуация перешла в другую плоскость. Закрепившееся у власти советское правительство провозгласило внешнеполитический курс России с частичной переориентацией на Восток. Данная политика была продиктована послевоенными обстоятельствами. На момент окончания Первой мировой войны сложившаяся международная обстановка ввела Советскую Россию в положение изоляции по причине обеспокоенности западных держав произошедшей в России Октябрьской революцией и провозглашением социализма. В этой связи признание новообразованного государства со стороны большей части мирового сообщества считалось невозможным. Советская Россия нуждалась в поддержке – ориентация на страны Востока, которые переживали экспансию западных государств и всплеск национально-освободительного движения, казалась логичным в контексте стремления к поиску союзников. На данном принципе была выстроена ближневосточная политика Советского Союза, а также с учетом необходимости экспорта революционных настроений.

Образованная в 1923 г. Турецкая Республика по итогам распада Османской империи в равной степени была заинтересована в иностранной

[625] Орешкова С.Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения [Электронный ресурс] // Вопросы истории. 2005. №3. С. 42. Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Orechkova_00.pdf (дата обращения: 06.07.2019)

поддержке, в связи с чем была настроена на выстраивание диалога с Советским Союзом. 2 июня 1920 г. – дата установления дипломатических отношений между Россией и Турцией, день, когда Народным комиссаром по иностранным делам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Г.В. Чичериным был составлен ответ на послание Председателя Великого Народного Собрания Турции К. Ататюрка[626]. В 1921 г. страны подписали основополагающий документ, заложивший основу для многостороннего взаимодействия – Договор о дружбе и братстве[627]. Данный документ стал своеобразным толчком к дальнейшему развитию отношений России и Турции[628].

Документом закреплялись принципы мореплавания, экономические основы взаимодействия, а также на его основе были урегулированы вопросы установления границ. Для Советской России наиболее важной считалась Статья 5, закрепляющая статус Черноморских проливов. В свою очередь для турецкой стороны основополагающими статьями стали 6 и 7[629], освобождающая Турецкую Республику от капитуляций и денежных обязательств.

Весной 1922 г. в подготовительный этап генерального наступления турок против оккупационных войск по приглашению Мустафы Кемаля Ататюрка в Турцию прибыла советская делегация во главе с С.А. Араловым (в дальнейшем – уполномоченный представитель Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в Турции).

Необходимо отметить, что в складывавшихся обстоятельствах Турция рассматривалась Советской Россией наряду с союзником в борьбе с западной гегемонией и колониализмом как геостратегический партнер. Однако,

---

[626] Турецкая Республика [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/tr?currentpage=main-country (дата обращения: 16.08.2019)
[627] Моисеев П., Розалиев Ю. К истории советско-турецких отношений. М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1958. С. 20.
[628] Гасратян М. А., Моисеев П. СССР и Турция 1917-1979 // Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. С. 43.
[629] Московский договор между Россией и Турцией [Электронный ресурс] // Документы XX века. Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19210316ru_tur.html (дата обращения: 19.08.2019)

несмотря на высокий уровень двусторонних отношений, первые межгосударственные противоречия были отмечены в истории в 1936 г.

Именно во время международной конференции по подготовке Конвенции Монтре между советской и английской стороной обсуждался вопрос режима Черноморских проливов, по итогам рассмотрения которого выяснилась приверженность Турции взглядам Англии. Турция активно сотрудничала с Советским Союзом – использование К. Ататюрком коммунистических лозунгов и принятие со стороны советского правительства поддержки как в сфере поставок оружия (39 тыс. винтовок, 63 млн. патронов были направлены в Турцию В.И. Лениным в надежде на поддержку Турцией антиимпериалистического движения), так и в экономическом аспекте (тем же В.И. Лениным было направлено около 10 млн. руб.). Именно финансовая и военная помощь, оказанная революционной Россией кемалистской Турции, помогла последней одержать победу в Национально-освободительной войне 1919–1922 гг. И позднее Мустафа Кемаль Ататюрк не уставал напоминать о важности дружбы с северным соседом[630].

Однако с момента создания Турецкой Республики параллельно с этим началось укрепление отношений и с западными странами. В контексте подписания конвенции Монтре Советской России стали ясны подобные настроения. Турция добивалась ограничения тоннажа военных кораблей, которые проходили через проливы, так как страну в первую очередь интересовала ремилитаризация проливов, что не могло ни в какой степени устраивать российскую сторону[631]. Несмотря на это, открытого межгосударственного конфликта удалось избежать – данный договор стал фактором, сформировавшим стратегическую стабильность в отношениях Советского Союза и Турецкой Республики.

---

[630] Ачкасов В.А. Европа – Россия – Турция: треугольник взаимозависимости // Ученые записки. Политические уроки истории и актуальные проблемы современных международных отношений. СПб.: ИВЭСЭП. Знание, 2015. Т.27. С.13.

[631] СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. Под ред. В.В.Наумкина. М., 2010. С. 369.

Другой фактор характеризовался негласной договоренностью турецкой и советской сторон о невмешательстве Турецкой Республики в дела тюркских регионов Советского Союза. Турецкий народ и турецкое правительство в лице нового лидера Мустафы Кемаля Ататюрка отказались от принципов преемственности и «имперскости», выбрав иной путь по созданию абсолютно нового государства, основанного на других принципах. С точки зрения современной политики Турецкой Республики в отношении тюркских государств постсоветского пространства и тюркоязычных народов России, данная договоренность не является действующей.

В 1938 г. после смерти Мустафы Кемаля Ататюрка внешняя политика Турции претерпела значительные изменения, приобретая все более прозападные черты. Ататюрк был одним из тех государственных деятелей Турецкой Республики, кто развивал и поддерживал в достаточной мере положительный российско-турецкий диалог, даже несмотря на параллельное выстраивание западного вектора внешнеполитической линии страны. Великобритания еще во время подписания конвенции Монтре пыталась склонить Турецкую Республику к более тесному сотрудничеству. Причем не только с ней самой, как с одной из самых крупных колониальных держав того времени, но и с западным блоком в целом, что через с несколько лет накануне Второй мировой войны у нее стало получаться.

Позиция нейтралитета, которая была занята Турцией на первых этапах войны, когда Советскому Союзу требовалась поддержка от всех своих союзников и, в первую очередь, от турецкой стороны с учетом исторической памяти о помощи советского правительства в процессе национально-освободительной войны в Турецкой Республике, а также поведение Турции на протяжении всех военных лет как идеологически, так и стратегически, отделили ее от Советского Союза. С завершением Второй мировой войны отношения между государствами с течением времени ступили на путь конструктивного и положительного диалога. Однако в связи с возрастанием авторитета Советского Союза на мировой политической арене Турецкая

Республика, как большинство не только европейских, но и восточных стран, опасалась данного явления [632]. В том числе поэтому страна наиболее активно проводила прозападную внешнеполитическую линию, сближаясь с определенными странами западного блока. Это и стало еще одним фактором стратегической стабильности в отношениях России и Турции – фактором границ безопасности.

В 1952 г. Турецкая Республика вступила в Североатлантический альянс[633] и стала своеобразным региональным игроком на Ближнем Востоке, подчиненным Соединенным Штатам Америки. Практически сразу же советским правительством была направлена нота протеста Турецкой Республике. Ее содержание сводилось к тому, что включение последней в блок НАТО при условии того, что Турция не имеет никакого отношения к Северной Атлантике с точки зрения географии, в первую очередь преследует цель империалистических государств. То есть использовать страну и ее территорию для проведения агрессивной политики против Советского Союза, в частности – для создания военных баз близи его границ. Советскому руководству были необходимы объяснения данного процесса, поскольку это напрямую касалось вопросов национальной безопасности СССР как соседствующего с Турцией государства.

Однако в дальнейшем обсуждение данного вопроса было сведено к минимуму, Турецкая Республика утвердилась как активный член Североатлантического альянса, а со временем стала второй по численности страной среди участниц этой организации.

Вступление Турции в Североатлантический альянс и содействие Соединенным Штатам в 60-х гг. XX в. в период «холодной войны»[634], в одном из ключевых системных кризисов времен биполярной конфронтации –

---

[632] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // «Международные процессы», 2011. Т. 9. № 2. С. 34.

[633] Организация Североатлантического договора (НАТО) [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20170525/1494986382.html (дата обращения: 20.08.2019)

[634] Oğuzlu T. NATO ve Türkiye: Dönüşen İttifakın Sorgulayan Üyesi // Uluslararası İlişkiler, 2012. T. 9. № 34. C. 101-102.

Карибском кризисе 1962 г., оставило определенный след в истории российско-турецкого двустороннего взаимодействия. Оно перешло в плоскость активизации только спустя несколько лет после развала Советского Союза.

В частности, еще одной причиной, препятствующей активному развитию двустороннего диалога, стала не только разница в идеологической приверженности Советского Союза и Турции, но и фактор наличествующего «железного занавеса».

В экономической сфере взаимоотношения между Москвой и Анкарой также характеризовались своеобразным установлением статуса-кво, в определенной степени по причине вышеуказанного «железного занавеса». Экономические двусторонние контакты практически отсутствовали, однако наличествовали некоторые исключения, как, например, подписание Соглашения об экономическом и технологическом сотрудничестве в 1967 г.[635] Данное соглашение дало старт строительству на территории Турции целого ряда промышленных объектов по переработке нефти сталелитейный алюминиевой промышленности. В 1976 г. начала свое действие Совместная советско-турецкая комиссия для регулярного обсуждения вопросов экономического и технологического сотрудничества[636].

Распад Советского Союза и образование 15 независимых государств стало событием, которое изменило не только вход общественно-политических процессов, но и саму архитектуру международных отношений. Это событие поставило перед большинством мировых акторов вопрос о дальнейшем выстраивании внешнеполитического курса[637]. Сохраняющееся на протяжении большей части XX в. биполярное противостояние социалистического и капиталистического блоков в лице Советского Союза и Соединенных Штатов Америки соответственно было разрушено. На смену Советскому Союзу пришла Российской Федерация. Поскольку идеологическое противостояние

---

[635] Торгово-экономические связи между Россией и Турцией [Электронный источник] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/504794 (дата обращения: 20.08.2019)
[636] Там же.
[637] Кортунов С.В. Становление нового мирового порядка // Международная жизнь, 2002. № 6. С. 78.

исторически осталось в биполярной системе международных отношений, большей части стран «антисоветского блока» уже не было необходимо выстраивать свою внешнеполитическую линию исключительно исходя из своей принадлежности к одной стороне конфликта времен «холодной войны» и прозападных интересов. В частности, это касалось и Турецкой Республики, которая одна из первых попыталась наладить контакты с новой Россией.

Политика России в то время находилась в процессе поиска необходимой линии развития межгосударственного взаимодействия на мировой арене, находясь между Востоком и Западом, при этом нередко склоняясь в сторону последнего по целому ряду причин. Подобного рода неопределенность не позволяла Российской Федерации выработать четкую внешнеполитическую стратегию и план действий в отношении развития как многосторонних, так и двусторонних отношений. Это касается и стран Востока, которые на том этапе были готовы на построение диалога с новообразовавшейся страной.

Российская Федерация с 1990-х и 2000-х гг., в особенности те регионы, в которых проживают тюркоязычные народы (алтайцы, башкиры, татары, тувинцы, хакасы, чуваши и т.д.), стали рассматриваться Турецкой Республикой как собственная сфера влияния. Что касается новообразованных независимых государств с преимущественно тюркским населением (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и т.д), то Турецкая Республика была в числе первых стран, признавших их независимость[638]. Подобная политика стала основой для возникновения феномена «пантюркизма». Данная идея по объединению всех существующих тюркских и тюркоязычных элементов под собственной идеологической эгидой является одной из основ негласного политического курса Турецкой Республики, а также прямой угрозой национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе[639]. В целях объединения «братских тюркских народов»

[638] Бурашникова А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета, 2013. Т.13. №2. С. 66.
[639] Дружиловский С.Б. Угрозы и вызовы во внешней политике Турции в контексте российских интересов // Россия и Турция в новой мировой политической среде. М., «ИМИ МГИМО МИД России», 2015. С. 89.

был запущен ряд проектов, которые имели цель в первую очередь укрепить связи Турецкой Республики с тюркскими центральноазиатскими и кавказскими республиками, что вызвало неоднозначную негативную реакцию со стороны России[640]. В данном контексте недовольство Российской Федерации проведением подобной политики со стороны Турции было связано также и с болезненным историческим этапом в виде чеченской проблемы. В 1990-х годах, когда произошло обострение конфликта, Москва выдвинула официальные обвинения в адрес Анкары, осуществлявшей, по мнению Кремля, вмешательство во внутренние дела российского государства.

Несмотря на отсутствие прямых официальных заявлений со стороны турецкого правительства о поддержке чеченских сепаратистов, нельзя было отрицать и сложившихся связей Турции с влиятельной мусульманской диаспорой. В ответ на обвинения, помимо критики действий российских властей на Северном Кавказе, Анкара выразила недовольство в оказании поддержки курдским сепаратистам, а именно Рабочей Партии Курдистана (РПК), признанной на территории Турции террористической организацией. Подобные настроения были вызваны пребыванием в Москве лидера РПК Абдуллы Оджалана, а также деятельностью курдских общественных организаций в определенных субъектах Российской Федерации. Позитивно в данном ключе на дальнейшее развитие российско-турецких отношений сыграл отказ со стороны Кремля предоставить курдскому лидеру статус политического беженца.

Еще одним фактором, который являлся препятствием для стабильного развития двусторонних политических связей между Россией и Турцией стала активизация турецкого курса на установление суверенитета над Черноморскими проливами. С предложениями об ужесточении требований к исполнению положений конвенции Монтре 1936 г. о статусе проливов Турецкая Республика выступила в Международной морской организации, и впоследствии, уже в 1994 г., были введены новые правила, которые

[640] Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002. С.146.

регламентировали судоходство в районе проливов Босфор и Дарданеллы. Закрепленный порядок прохода судов официально имел целью обеспечение безопасности зоны проливов и повышение гарантий этой безопасности. Однако при этом Турция по принятым правилам наделялась расширенными полномочиями по регулированию судоходства в районе проливов[641].

В этой связи, по причине прямого воздействия данных ограничений на российскую сторону, Москва была вынуждена настаивать на том, что обеспечение безопасности может быть реализовано не введением ограничений, нарушающих конвенцию Монтре, а посредством технических механизмов. К концу последнего десятилетия XX в. произошло смягчение определенных положений данного регламента в пользу России. Даже с учетом неудавшихся попыток о внесении в текст пункта о «неправомерности действий государства по ограничению свободы судоходства международных проливах» со стороны оформлявшейся в то время Хартии европейской безопасности в рамках Организации по безопасности и сотрудничества в Европе.

Что касается непосредственно выстраивания двустороннего курса межгосударственного сотрудничества, то отношения России и Турции были практически полностью основаны на экономическом взаимодействии по целому ряду причин.

Первой из них является экономическая ослабленность Российской Федерации в 1990-е годы. Это требовало от правительства поиска прочных внешнеэкономических связей и согласования решений по выгодным проектам, которые могла предложить Турецкая Республика. В свою очередь Турция, с учетом ресурсного потенциала России, стремилась закрепиться в качестве основного экономического партнера последней. Затем по итогам данного процесса открыть для себя качественно новое направление развития экономики, получая достаточно широкий рынок сбыта. Стоит отметить, что

[641] Дружиловский С.Б. История формирования международного статуса Черноморских проливов и их значение для российского судоходства // Проблемы водопользования в истории международных отношений. М., «Аспект-Пресс», 2013. С 80.

налаживание контакта на основе исключительно единственной сферы сотрудничества, в отличие от современного состояния российско-турецких отношений, на тот момент было наиболее выгодно обеим странам.

Экономические контакты между Россией и Турцией в большей мере были активизированы по понятным причинам. Во-первых, за счет «челночного бизнеса» россиян на территории Республики. Во-вторых, из-за популяризации турецких курортов среди российского населения. В-третьих, с помощью активной деятельности частных строительных турецких компаний на территории Российской Федерации, реализовывавших крупные проекты как в Москве, так и в Санкт-Петербурге, и в других городах России. Примером такой компании является турецкие холдинги «Renaissance Construction», «Ant Yapi» и «Enka». Последняя является застройщиком части комплекса зданий «Москвы-Сити» или «Башня на набережной» (2007 г.)[642], имеющих статус одних из самых высоких зданий Европы[643], а также многих других крупных строительных проектов, в том числе реконструкций Белого дома в Москве[644] и зданий Государственной Думы Российской Федерации[645].

На основе подобной интенсификации торгово-экономических отношений, между Россией и Турцией начала постепенно выстраиваться база для дальнейшего позитивного развития двусторонних отношений и в других сферах.

Базовым документом, который заложил основу двустороннего диалога, стал Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики, который был подписан сторонами в 1992 г. Согласно данному договору, обе страны рассматривают друг друга в качестве дружественных

---

[642] Башня «На набережной» [Электронный ресурс] // ENKA. Режим доступа: https://www.enka.com/ru/portfolio-item/naberezhnaya-tower/ (дата обращения: 04.07.2019)

[643] Топ-10 самых высоких небоскребов Москвы [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: https://realty.rbc.ru/news/577d251a9a7947a78ce91fba (дата обращения: 04.07.2019)

[644] Реконструкция Дома Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] // ENKA. Режим доступа: https://www.enka.com/ru/portfolio-item/russian-federation-government-house-white-house-reconstruction/ (дата обращения: 04.07.2019)

[645] Реконструкция зданий Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс] // ENKA. Режим доступа: https://www.enka.com/ru/portfolio-item/russian-federation-parliament-buildings-duma-reconstruction/ (дата обращения: 04.07.2019)

государств и обязуются выстраивать сотрудничество по ключевым вопросам в сферах политики, экономики, культуры и т.д.

Также в 1997 г. в Анкаре был подписан Договор между Российской Федерацией с Турецкой Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам.

Если говорить о сотрудничестве России и Турции в период с начала XXI в., то данный процесс можно условно разделить на несколько этапов, первый из которых был упомянут в контексте развития взаимовыгодного диалога в экономической сфере:

1) Экономикоцентричное взаимодействие, которое характеризуется подписанием выгодных контрактов и соглашений, а также началом политического взаимодействия с достаточно низким уровнем сотрудничества в сфере безопасности (2000-2015 г.)

2) Активизация взаимодействия в области безопасности после кризиса российско-турецких отношений (2015 г. – по настоящее время).

В 1997 г. между Россией и Турцией было подписано межправительственное соглашение, согласно которому компания «Газпром» заключила коммерческий контракт с турецкой фирмой «Боташ» (BOTAŞ) на поставку 365 млрд. кубометров газа в Турцию по газопроводу «Голубой поток» в течение 25 лет. Морской участок «Голубого потока» был проложен по дну Черного моря в 2002 г. – он составлял 396 км и был сдан в эксплуатацию, а промышленные поставки газа начались в феврале 2003 г. Проектная мощность газопровода составляет 16 млрд. кубометров газа в год.

В 1999 г. по инициативе Турецкой Республики было создана Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС)[646], которая объединила в себе 12 государств Причерноморского региона, вкоючая Россию. Организация была создана на основе Договора о черноморском

[646] Charter of the Organization of The Black Sea Economic Cooperation [Электронный ресурс] // BSEC Website. Режим доступа: http://www.bsec-organization.org/UploadedDocuments/StatutoryDocumentsAgreements/CHARTERFourthEdition.pdf (дата обращения: 06.07.2019)

экономическом сотрудничестве 1992 г., куда также включена Парламентская ассамблея черноморского экономического сотрудничества (ПАЧЭС). Штаб-квартира Организации черноморского экономического сотрудничества на данный момент располагается в Стамбуле, и большая часть финансирования приходится на бюджет Турецкой Республики. Помимо Парламентской ассамблеи, органом управления этой Организации является Постоянный международный секретариат и 17 рабочих групп по основным направлениям сотрудничества.

Российская сторона выдвинула предложение о создании Межведомственной комиссии Российской Федерации по делам Организации черноморского экономического сотрудничества[647] в целях продвижения российских внешнеполитических и экономических интересов в Причерноморском регионе. Также это было сделано и для повышения эффективности российского участия в Организации (при том, что Россия четырежды председательствовала в ней).

В 2001 г. Турецкой Республикой была выдвинута идея создания группы сотрудничества черноморских флотов BLACKSEAFOR[648], куда, помимо непосредственно Турции, включались Россия, Грузия, Болгария, Румыния и Украина. Основной задачей группы являлось повышение кооперации черноморских флотов для сохранения продвижения мира и стабильности в Черноморском регионе[649], для чего регулярно проводятся учения BLACKSEAFOR.

14 января 2002 г. началось укрепление военно-технического сотрудничества между двумя странами[650]. Было подписано Соглашение между

---

[647] Черноморское экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/cernomorskoe-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-ces-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/590920 (дата обращения: 17.08.2019)

[648] BLACKSEAFOR [Электронный ресурс] // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa (дата обращения: 17.08.2019)

[649] Савичева Е.М. Россия-СНГ-Турция: сотрудничество в формате ОЧЭС // Интересы и позиции России в Азии и Африке в начале XXI века: Сборник статей, посвященный 80-летию доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН А.М. Хазанова / ИВ РАН. М.: Издатель Воробьев А.В. 2011. С. 142.

[650] Озбай Ф. Турецко-российские военно-технические отношения: история и эволюция. Рабочий доклад // Нижний Новгород: ИСИ ННГУ им. Лобачевского, 2004. С. 26.

Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в военной области и подготовки военных кадров[651]. Данное Соглашение соответствует принципам и целям ООН, Договору об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992 г.[652] и Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве по военно-техническим вопросам в области оборонной промышленности от 2 апреля 1994 г. Также сторонами была заключена негласная договоренность об обеспечении защиты информации, полученной в ходе подготовки и реализации мероприятий, осуществляемых в рамках данного Соглашения.

Сотрудничество в области безопасности продолжилось после подписания Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о взаимной защите секретной информации и материалов, передаваемых или образовавшихся в ходе двустороннего сотрудничества в области оборонной промышленности от 6 декабря 2004 г.[653] Каждая страна обязалась при получении секретной информации и материалов предоставить им определенную степень секретности в соответствии сопоставимостью, которая приводится в статье 5 данного Соглашения. Использование данной секретной информации допускается лишь в целях, которые связаны с выполнением Соглашений или условий контракта, а также эта информация не может быть передана третьей

---

[651] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в военной области и подготовки военных кадров [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-197/46386 (дата обращения: 17.08.2019)

[652] Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992 г. [Электронный ресурс] // Профессиональная справочная система «Кодекс». Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901926138 (дата обращения: 26.08.2019)

[653] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о взаимной защите секретных информации и материалов, передаваемых или образовавшихся в ходе двустороннего сотрудничества в области оборонной промышленности [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-155/46148 (дата обращения: 26.08.2019)

стороне без предварительного письменного согласия другой, передающей страны.

Непосредственный политический диалог между Россией и Турцией развился в начале XXI в. Во многом это было связано с активизацией контактов между первыми лицами обоих государств – наиболее заметно это выразилось после трансформации внешнеполитического курса Турции с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. В ходе первого в истории российско-турецких отношений обмена визитами, президент Российской Федерации совершил официальную поездку в Анкару в 2004 г.[654] и с ответным визитом Москву посетил президент Турецкой Республики А.Н. Сезер в 2006 г.[655] По итогам обеих встреч руководители государств отмечали необходимость расширения уже существующих экономических и культурных связей, создания для них необходимой политической основы и юридической базы. В частности, указывалось на существование объективных положительных перспектив для взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, в 2004 г. была подписана Совместная Декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой[656].

Тем не менее, несмотря на активизацию политического взаимодействия, в результате межгосударственное сотрудничество в большей степени все равно свелось к экономической кооперации, которая была зафиксирована в ряде заключенных соглашений.

С точки зрения усиления тенденции к взаимному культурному сотрудничеству показательным является успешное проведение мероприятий в

---

[654] Владимир Путин встретился в Анкаре с Президентом Турции Ахметом Неджетом Сезером [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/32320 (дата обращения: 26.08.2019)

[655] Начало встречи с Президентом Турции Ахметом Неджетом Сезером [Электронный ресурс] //Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23672 (дата обращения: 26.08.2019)

[656] Совместная Декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/3933 (дата обращения: 26.08.2019)

рамках Года российской культуры в Турции 2007 г. и ответного Года турецкой культуры в России в 2008 г.

После южноосетинского конфликта 2008 г. премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган предложил создать кавказскую платформу мира и стабильности. Этот формат охватывал бы и Турцию, и Россию, а также Азербайджан, Армению и Грузию, и, таким образом, привел бы их к равноправному сотрудничеству на благо региона. Подобные идеи высказывались после распада Советского Союза, в частности, президентом Турции Сулейманом Демирелем. Однако, как и на протяжении истории, Республика сталкивалась со сложностями, которые были связаны с неурегулированностью турецко-армянских отношений, а также с нежеланием России играть не главенствующую роль в региональной политике. Недовольство Российской Федерации было связано также и с тем, что подобного рода политика велась в рамках объединения перечисленных стран по «тюркскому фактору» не только с целью объединить, но и с целью отделить тюркоязычные народы России от их исторической принадлежности к славянскому этногенезу.

В 2009 г. была подписана Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой, а также дальнейшему углублению дружбы и многопланового партнерства[657].

Следующим не менее значимым событием стало создание Совета сотрудничества на высшем уровне (ССВУ) между России и Турцией в 2010 г.[658] Сопредседателями данного совета были определены действующие на тот момент турецкий премьер-министр Р.Т. Эрдоган и российский президент Д.А. Медведев. Данный орган включал в себя целый ряд профильных комитетов: Смешанную межправительственную российско-турецкая комиссию по

[657] Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа http://kremlin.ru/supplement/172 (дата обращения: 03.09.2019)

[658] Türkiye-Rusya Federasyonu ikili ilişkileri (Двусторонние отношения между Турецкой Республикой и Российской Федерацией) [Электронный ресурс] // Türkiye cumhuriyeti Moskova büyükelçiligi. Режим доступа: http://moscow.emb.mfa.gov.tr/Mission/ShowInfoNote/219910 (дата обращения: 03.09.2019)

торгово-экономическому сотрудничеству (МПК), которая занимается прежде всего развитием экономического взаимодействия; Совместную группу стратегического планирования (СГСП), деятельность которой направлена на решение вопросов внешней политики; Социальный форум или Форум общественности, который рассматривает вопросы культурного, религиозного и образовательного характера, где также представлены различные общественные организации[659].

Наряду с одной из наиболее успешных сфер двустороннего сотрудничества России и Турции – экономической, взаимодействие сторон также продолжилось в области безопасности. В 2009 г. было заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. В дальнейшем для укрепления взаимодействия в данной сфере было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о ядерных установках. В 2010 г. странами было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке «Аккую» в Турецкой Республике[660]. На современном этапе АЭС «Аккую» является самым перспективным энергетическим двусторонним проектом.

В 2011 г. Турция выдала разрешение на строительство газопровода «Южный поток» в своей исключительной экономической зоне. В дальнейшем, в связи с позицией Европейского Союза и соответствующим давлением с его стороны на Болгарию, было принято решение о замораживании проекта и

---

[659] Кудряшова Ю.С. Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы // Вестник МГИМО-Университета, 2012. №5(26). С. 38-39.

[660] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке "Аккую" в Турецкой Республике [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-109/45077 (дата обращения: 04.09.2019)

изменении его плана. По итогам газопровод прошел через Турцию и получил название «Турецкий поток»[661].

3 декабря 2012 г. президент Российской Федерации В.В. Путин посетил Турцию с рабочим визитом. В Стамбуле были проведены переговоры с премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом. Лидеры государств также приняли участие в заседании российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня, по итогам которого было подписано 11 документов, в том числе среднесрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества двух стран в период 2012-2015 гг., а также ряд соглашений в энергетической, кредитно-финансовой и культурной сферах.

Одним из основополагающих соглашений можно назвать Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики об условиях взаимных поездок граждан обеих стран[662]. В нем оговариваются пункты о пребывании на территории другой страны и об ограничении продолжительности непрерывного пребывания граждан на территории государства 30 днями с даты въезда. Оговорены и исключительные ситуации. Во-первых, направления граждан на работу в дипломатические представительства, консульские учреждения, находящиеся на территории другого государства, весь срок аккредитации указанных граждан (данное положение также распространяется на членов их семей). Во-вторых, ситуация наличия разрешения у граждан одного государства на временное проживание или вид на жительство на территории другого государства и права свободного выезда и въезда в страну. В-третьих, в случае, если продолжительность пребывания на территории другого государства превышает 30 дней и вызвано осуществлением трудовой и учебной

---

[661] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики по проекту газопровода "Турецкий поток" [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-7/51663 (дата обращения: 04.09.2019)

[662] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Турецкой Республики [Электронный ресурс] // Консульский информационный портал КД МИД РФ. Режим доступа: https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/Соглашение%20об%20условиях%20взаимных%20поездок%20(Анкара%2012%20мая%202010%20года).aspx (дата обращения: 07.09.2019)

деятельности, пребывание граждан осуществляется на основании действительных документов и виз.

17 апреля 2013 г. под председательством министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова и министра иностранных дел Турецкой Республики А. Давотоглу состоялось третье заседание российско-турецкой Совместной группы стратегического планирования (СГПС)[663]. Она действует в рамках российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ). По итогам заседания было принято совместное заявление, в котором сторонами был отмечен факт продвижения контактов между Россией и Турцией по многим направлениям на качественно новый уровень многопланового продвинутого взаимодействия, а в ряде областей – и стратегического партнерства.

Двенадцатое заседание российско-турецкой смешанной межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству состоялось 20 апреля 2013 г. Глава российской делегации – министр энергетики Российской Федерации – обсудил со своим коллегой – министром энергетики и природных ресурсов Турецкой Республики – актуальные вопросы двустороннего сотрудничества, в том числе и в энергетической сфере. По итогам работы комиссии была достигнута договоренность о дальнейших действиях по наращиванию торгово-экономического сотрудничества между двумя странами в различных областях, что было зафиксировано в итоговом протоколе[664].

После августа 2014 г., когда подавляющее большинство крымчан в ходе референдума проголосовало за воссоединение с Россией, среди турецкого руководства увеличилась антироссийская риторика. Активная позиция

---

[663] О третьем заседании российско-турецкой Совместной группы стратегического планирования под председательством Министра иностранных дел России С.В.Лаврова и Министра иностранных дел Турции А.Давутоглу [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/113866 (дата обращения: 08.09.2019)

[664] Межгосударственные и межправительственные соглашения в области ТЭК (ответственный орган – Минэнерго России) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства энергетики Российской Федерации. Режим доступа: https://minenergo.gov.ru/node/11212 (дата обращения: 10.09.2019)

Москвы по сирийскому конфликту и кавказским вопросам способствовала их усилению. Внешнеполитическая стратегия России в регионах, окружающих Турцию, также привела к возвращению на повестку дня российско-турецких отношений исторически сложных тем взаимодействия в области геополитики безопасности. Это касается и регулярных саммитов тюркских государств, и конфликтов с Арменией и Грузией, и попыток Турецкой Республики влиять на крупных игроков постсоветского пространства – Азербайджан и Казахстан[665].

Поворотным этапом российской политики в отношении Турции, как уже отмечалось ранее, стала ситуация, когда осенью 2015 г. в небе над Сирией был сбит российский военный самолет Су-24. Данный шаг со стороны турецких ВВС был охарактеризован президентом российской федерации В.В. Путиным как «удар в спину». После произошедшего Россия ввела в отношении Анкары санкции, в частности наложила эмбарго на поставки турецких товаров и радикально сократила туристические потоки. Кроме того, выражение санкционной политики нашло отражение и в сокращении турецкой культурно-образовательной деятельности, которая способствовала формированию лоббистских групп в России.

На протяжении долгого времени турецкая политика была стандартизирована под западные, а если быть точнее – под американские стандарты[666]. Несмотря на все договоры, условно подтверждающие российско-турецкое сотрудничество, Турецкая Республика зачастую руководствовалась национальными интересами и была готова отстаивать факт союзничества с Россией ради поддержки со стороны Соединенных Штатов. Из-за событий, которые произошли в 2015 г., в частности из-за инцидента с российским самолетом, многие из вышеперечисленных российско-турецких проектов были остановлены и возобновились только в 2016 г.

---

[665] Кудряшова И.В., Матюхин В.В. Турция: национальные интересы и имперскость // «Политическая наука», 2013. № 3. С. 117.

[666] В.А. Надеин-Раевский. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции [Электронный ресурс] // Сайт Российского совета по международным делам. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-identichnosti-i-vneshnyaya-politika-turtsii/ (дата обращения: 10.09.2019)

К настоящему времени Россия и Турция выстроили взаимовыгодную стратегию взаимодействия и являются относительно надежными партнерами в политической и экономической сферах[667].

Во многом подобный дискурс был достигнут благодаря формированию крупных экономических проектов, которые в процессе и по итогам реализации принесут и России, и Турции не только экономическое и энергетическое, но и геостратегическое преимущество. Речь идет как о газопроводе «Голубой поток» и «Турецкий поток», так и об АЭС «Аккую». Создание подобной базы для прочного партнерства в перечисленных сферах радикально трансформировало российско-турецкое взаимодействие в положительном ключе.

Таким образом, построение вазимовыгодных отношений на протяжении долгого времени являлось и является приоритетным для России и Турции. В частности, после установления дипломатических отношений между Россией и Турцией в 1920 г. странами был подписан основополагающий документ (Договор о дружбе и братстве), который послужил катализатором дальнейшего развития российско-турецких отношений. Важно, что Советская Россия рассматривала Турцию как геостратегического партнера. Кроме того, революционная Россия оказывала всестороннюю поддержку кемалистской Турции, в частности финансовую и военную помощь. Следует также упомянуть негласную договоренность между странами о невмешательстве Турецкой Республики во внутренние дела тюркских регионов Советского Союза. Однако в рамках современных реалий Турция не следует данному консенсусу в своей внешней политике.

Несмотря на это, существовал ряд факторов, который усложнял развитие отношений. Например, вступление Турции в Североатлантический альянс и содействие Соединенным Штатам в 60-х гг. XX в. в период

[667] Россия и Турция в новой мировой политической среде. Под ред. А. А.Орлова; В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2015. С. 89.

«холодной войны», фактор «железного занавеса», активизация турецкого курса на установление суверенитета над Черноморскими проливами.

Однако после развала Советского Союза сложилась новая политико-правовая основа контактов России и Турции, а также произошло восстановление взаимоотношений практически во всех сферах, обновление договорной базы с учетом новых реалий. Помимо этого, проявляется активный интерес Турции к тюркоязычным регионам. В отношении тюркских государств постсоветского пространства реализуется политика в контексте идеи пантюркизма. После чего наблюдалось усиление в одной сфере – экономической, что привело к недопониманию в двустороннем диалоге. Например, как было в случае со сбитым российским военным самолетом в Сирии. По причине инцидента государства пришли к выводу о необходимости укрепления контактов во всех сферах и на всех уровнях, что в частности привело к активному сотрудничеству и в области безопасности.

5.2. Курс на сотрудничество России и Турции в сфере безопасности после кризиса 2015 г.

Акцент, который был сделан Российской Федерацией и Турецкой Республикой преимущественно на выстраивании экономических отношений, а также недостаточность положительных контактов в целом ряде сфер и на целом ряде уровней, дали о себе знать в 2015 г., когда произошел инцидент, изменивший архитектуру российско-турецкого взаимодействия.

24 ноября 2015 г. на турецко-сирийской границе ракетой, выпущенной турецкими истребителями, был сбит российский бомбардировщик Су-24, пилот которого в дальнейшем был расстрелян с земли. По официальным заявлениям Анкары, такое решение было принято исключительно после того, как самолет пересек воздушное пространство Турецкой Республики. Он, несмотря на предупреждение со стороны турецких военных, продолжил траекторию полета, вследствие чего и был сбит. Турецкие власти неоднократно подчеркивали, что им не была предоставлена информация о том, что бомбардировщик принадлежал российской стороне, а в дальнейшем начали путаться в показаниях, так окончательно и не определившись, кто именно отдал приказ о нанесении удара[668].

Министерством обороны Российской Федерации, в свою очередь, было заявлено, что российское воздушное судно не нарушало турецкой границы. Это подтверждается тем фактом, что разбившийся Су-24 был найден на сирийской территории в нескольких километрах от турецко-сирийской границы[669]. Более того, согласно данным Министерства, пилотом бомбардировщика и российской стороной в целом не было получено предупреждений от Турции. В.В. Путин охарактеризовал случившееся как «удар в спину» и подчеркнул, что такого рода действия не останутся без ответа

[668] Крушение российского Су-24 в Сирии. Хроника событий [Электронный ресурс] // Сайт РИА-Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20151124/1327468413.html (дата обращения: 16.09.2019)

[669] Российский Су-24 при возвращении на авиабазу «Хмеймим» был сбит турецким истребителем F-16 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства обороны Российской Федерации. Режим доступа: https://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12066651@egNews (дата обращения: 16.09.2019)

и последствий как для Турецкой Республики в целом, так и для российско-турецких от отношений.

В тот период времени Россия могла ожидать подобных действий от любого государства, однако вовсе не от Турции как от одного из своих стратегических партнеров на Ближнем Востоке. В частности, учитывая встречу глав двух стран на саммите G20 в Анталье за несколько месяцев до инцидента, где лидер Турции особо приветствовал президента Российской Федерации[670], а договоренности по долгосрочным экономическим проектам казались прочным фундаментом для взаимовыгодного сотрудничества.

Однако в тот момент Р.Т. Эрдоган, параллельно с выстраиванием «российской части» внешнеполитической линии Турецкой Республики, разрабатывал иную, наиболее выгодную стратегию развития страны, где не было места Российской Федерации. Несмотря на прошествие довольно большого промежутка времени с момента инцидента, трудно определить истинные «мотивы» турецкого руководства, которое пошло на подобный противоречивый с точки зрения канонов разумной внешней политики шаг. Фактически, по итогам подобных действий, Турция добровольно лишилась как минимум одного из своих основных партнеров на евразийском континенте и державы мирового уровня, влияние и потенциал которой заметно возросли по сравнению с началом XXI в.

Если рассматривать данный аспект с другой точки зрения, то вполне вероятно, что Турецкая Республика могла вновь стать одним из механизмов реализации западной внешнеполитической линии во главе с Соединенными Штатами, которым такой в достаточной мере серьезный конфликт в укрепляющихся российско-турецких отношениях был выгоден как никогда прежде. К тому же, инцидент произошел спустя чуть больше года после того, как Р.Т. Эрдоган занял пост президента Турецкой Республики, на тот момент еще придерживаясь прозападной политики. Турции в лице Эрдогана

[670] Саммит G20 в Анталье. Хроника событий [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2438217 (дата обращения: 20.09.2019)

необходимо было завоевать не только уважение и авторитет среди западных стран, но и начать укреплять независимый внешнеполитический курс, и лучшей возможности, кроме как нанести военный удар по российскому самолету, на тот момент придумать было действительно сложно.

В тоже время, после того как Российская Федерация стала принимать участие в разрешении конфликтов в ближневосточном регионе, турецкую сторону перестала устраивать российская внешняя политика: решение о введении военного контингента российским руководством на территорию Сирии, нанесение ударов по богатым нефтью объектам ИГИЛ*, с которой, как выяснится в дальнейшем, у Турции были установлены торговые связи[671], а также продолжающиеся контакты Москвы с курдскими формированиями. Все это решительно не соответствовало интересам Анкары, которая желала показать и доказать лидерство Республики в регионе.

Ситуацию также во многом усугублял и тот факт, что турецкое правительство не имело в планах приносить извинения за свои действия по Су-24. Более того, Турция решила обсудить данный инцидент со своими союзниками по Североатлантическому альянсу, не ведя при этом никакого диалога с Российской Федерацией. Помимо этого, глава государства в лице Р.Т. Эрдогана заявлял о своей готовности приостановить контакты с Россией, таким образом демонстрируя мировому сообществу и Соединенным Штатам серьезность намерений турецкого государства и готовность отказаться от своего главного исторического и стратегического союзника в виде Кремля.

По итогам данного процесса Турецкая Республика не получила практически никаких привилегий со стороны западных стран, кроме как освещения данной новости практически во всех мировых средствах массовой информации. Такое поведение Запада могло быть вызвано несколькими причинами, в том числе тем, что доверять Эрдогану союзники по

---

* Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации

[671] Связь Турции с боевиками ИГИЛ [Электронный ресурс] // Russia Today. Режим доступа: https://russian.rt.com/article/156373 (дата обращения: 20.09.2019)

Североатлантическому альянсу и Соединенные Штаты в частности изначально не были склонны.

Большинство руководителей и представителей западной части мирового сообщества сошлись во мнении, что проблема, связанная с Турецкой Республикой – это внутреннее дело самой Турции и именно по этой причине предпочитали не вмешиваться в образовавшийся конфликт. В этот момент Соединенные Штаты, вероятнее всего, получили от Анкары тот максимум, который она могла им дать с точки зрения как политической, так и ресурсной, а поэтому интерес, который был проявлен Вашингтоном в отношении Турецкой Республики, в достаточной мере быстро был потерян. Однако, несмотря на разрушенные ожидания турецкого руководства по поводу реакции Запада, отношения с Российской Федерацией вернуть на прежний этап было уже невозможно. Осознание того, что Турция совершила одну из самых серьезных ошибок с точки зрения принятия внешнеполитических решений и выбора союзников, пришло слишком поздно, когда на восстановление контактов с Россией требовалось намного больше ресурсов и времени, чем предполагалось руководством вначале. Ответными мерами со стороны России на действия Турции было приостановление ряда масштабных экономических проектов, а также введение торгового эмбарго на ряд товаров из турецкого экспорта, в числе которых находилась и сельскохозяйственная продукция (томаты)[672].

На протяжении большого промежутка времени Турецкая Республика не стремилась восстанавливать отношения с Российской Федерацией. Однако с течением времени, не найдя поддержки со стороны своих западных коллег, турецкое руководство сделало первый шаг к примирению с Россией. Вероятно, причиной в том числе стала критика действующего президента Р.Т. Эрдогана со стороны общественности, в особенности тех турецких граждан,

[672] История торговых ограничений Турции и России с 2015 года. [Электронный ресурс] // Досье Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/info/5169894 (дата обращения: 22.09.2019)

кто был занят в сфере сельского хозяйства и бизнеса, и больше всего пострадал в результате введения турецких экономических санкций[673].

В июне 2016 г. президентом Турции было направлено послание президенту Российской Федерации. В нем было выражено желание восстановить российско-турецкие отношения в прежнем дружественном ключе[674], а также готовность к урегулированию ситуации, связанной с гибелью российского воздушного судна. Через несколько дней, 29 июня, были проведены телефонные переговоры между Р.Т. Эрдоганом и В.В. Путиным, которые дали старт возобновлению двустороннего сотрудничества. Буквально через несколько дней, в июле 2016 г., в Турции произошла попытка государственного переворота, в ходе которой Р.Т. Эрдоган не добился содействия Соединенных Штатов, однако был поддержан президентом Российской Федерации, который осудил действия организаторов данного внутреннего конфликта, а именно – военных. Данная ситуация в очередной раз показала Турции реальное положение дел на международной арене, незаинтересованность в ней стран Запада, а также готовность Российской Федерации к установлению стабильного и прочного диалога несмотря на кризисные моменты в двусторонних отношениях.

Через месяц, в августе 2016 г., состоялась первая встреча лидеров России и Турции с момента начала кризиса. Р.Т. Эрдоган нанес визит в Санкт-Петербург[675]. В ходе двусторонней беседы глав государств ими были затронуты ключевые вопросы, находящиеся на повестке дня в российско-турецких отношениях. По итогам переговоров было объявлено о решимости и стремлении обеих стран вывести двустороннее сотрудничество на докризисный уровень, а также возобновить реализацию крупнейших

---

[673] Компании, контролируемые турецкими гражданами, попали под санкции РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20151228/1350462434.html (дата обращения: 22.09.2019)

[674] Владимиром Путиным получено послание Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52282 (дата обращения: 22.09.2019)

[675] Встреча с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52671 (дата обращения: 22.09.2019)

совместных экономических проектов – газопровода «Турецкий поток» и атомной электростанции «Аккую». С этого момента главы Турции достаточно часто пересекались на различных международных форумах и переговорных площадках. В частности, они встретились на полях саммита G20 в Китае[676], на Мировом энергетическом конгрессе в Стамбуле[677], а также в ходе многочисленных двусторонних переговоров в Москве.

Необходимо отметить, что практически на всех подобных мероприятиях турецкой стороной поднималась тема введенных Россией санкций против Республики. В особенности, ключевым вопросом являлись экономические ограничения, в частности на сельскохозяйственной сектор. Однако, несмотря на обеспокоенность Анкары, Россия не стремилась в ближайшей перспективе снимать их. Ответными мерами Турция отменила беспошлинный ввоз в страну российской пшеницы, такой же крупнейшей статьи экспорта России в Турцию, какой являются для Анкары томаты, вывозимые из Турции в Россию[678]. Фактически в рамках этого шага данные поставки стали невыгодными и невозможными для российской стороны. Подобные действия Республики не могли трактоваться как разумные с точки зрения принятия внешнеполитических решений, в особенности при том, что двусторонние отношения только ступили на путь восстановления и такие действия могли только усугубить данный процесс. Единственным объяснением такого поведения со стороны турецкого правительства было сохранение желания показать России свою независимость, заставив ее таким образом снять оставшиеся ограничения, однако подобные провокации не смогли вынудить Кремль отступить от жесткой экономической политики в отношении Турции.

---

[676] Бремя больших надежд: в Ханчжоу завершился саммит G20 [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20160905/1476140670.html (дата обращения: 25.09.2019)

[677] Мировой энергетический конгресс в Стамбуле [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/53062 (дата обращения: 25.09.2019)

[678] Турция ограничила поставки зерна из РФ из-за недопуска турецких томатов [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/4115085 (дата обращения: 25.09.2019)

Отмена санкций на все товары, кроме томатов, была достигнута на встрече президентов двух стран в Сочи в мае 2017 г.[679], одновременно с этим Турция отменила введенные ранее пошлины на пшеницу[680]. Ограничения на ввозимые томаты снимались российской стороной с течением времени и окончательно были отменены в мае 2018 г.[681]

Таким образом, главная цель была достигнута и отношения двух стран вышли на докризисный уровень даже по показателям доли России в совокупном обороте Турции по состоянию на 2017 г. (5,7%, в 2016 – 4,9%)[682] – Российская Федерация переместилась с шестого на третье место в списке внешнеторговых партнеров Турции. В настоящее время Россия и Турция активно реализуют совместные проекты в области экономики и энергетики.

Однако, несмотря на интенсификацию двустороннего сотрудничества в области экономики в последние годы, деятельность Турецкой Республики в этой сфере не ограничивается исключительно диалогом с российской стороной и зачастую результаты данного взаимодействия носят для интересов России негативный характер. В частности, речь идет о запуске железнодорожного сообщения по маршруту Баку-Тбилиси-Карс (30 октября 2017 г.)[683], который станет частью китайской инициативы «Нового шелкового пути» и соединит Китай и весь восточный регион с Европой, – в том числе и через оперативно построенный турецкий тоннель под Босфором[684] и, что важно, в обход Российской Федерации, фактически исключая ее из

---

[679] Туристы, визы, Сирия и помидоры: что обсудили Путин и Эрдоган в Сочи [Электронный ресурс] // Russia Today. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/385601-press-konferenciya-putin-erdogan-sochi (дата обращения: 25.09.2019)

[680] Хлебный путь: в Турции сняли ограничения на поставки российской пшеницы [Электронный ресурс] // Russia Today. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/386032-turciya-postavka-pshenica-rossiya (дата обращения: 25.09.2019)

[681] История торговых ограничений Турции и России с 2015 года. [Электронный ресурс] // Досье. Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/info/5169894 (дата обращения: 22.09.2019)

[682] Семь месяцев в ссоре: сколько Россия и Турция потеряли на конфликте [Электронный ресурс] // РБК Новости. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/28/06/2016/577157b89a7947239346aba3 (дата обращения: 22.09.2019)

[683] Проекты. Дорога Баку-Тбилиси-Карс [Электронный ресурс] // KDY Logistics. Режим доступа: https://www.kdylogistics.com/2019/03/17/железная-дорога-баку-тбилиси-карс/ (дата обращения: 25.09.2019)

[684] В Стамбуле открыт автомобильный тоннель под проливом Босфор [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/3891174 (дата обращения: 25.09.2019)

экономического проекта Китая по данному направлению. Более того, в начале ноября 2018 г. было сообщено о том, что по данному железнодорожном маршруту в третьем квартале 2019 г. будут запущены и пассажирские поезда[685].

Экономические последствия для России также будут ощутимы при реализации проекта строительства Турецкой Республикой канала «Стамбул»[686]. В теории он призван увеличить транспортный поток между Черным и Мраморным морем и, по официальным заявлениям Анкары, – снизить нагрузку на пролив Босфор, который на данный момент не справляется с потоком идущих через него грузовых судов. Завершить строительство канала планируется также символично – к 2023 г., к столетию основания Турецкой Республики. Фактически «Стамбул» станет альтернативой Босфору и пройдет практически параллельно ему[687].

Однако не только перспектива экономической нестабильности вызывает напряжение в дискурсе мирового сообщества. Существующая и действующая конвенция Монтре регулирует проход военных судов через пролив Босфор, однако при реализации и начале функционирования «Стамбула» эти международные нормы не будут распространяться на новообразованный канал. Для Российской Федерации это является вопросом стратегической и национальной безопасности, учитывая статус Турецкой Республики как члена Североатлантического альянса (даже несмотря на фактический отход Анкары от прозападной линии).

Что касается энергетической сферы, то с момента подписания обеими странами Соглашения от 2009 г. об использовании атомной энергии в мирных

---

[685] С начала года по ж/д Баку — Тбилиси — Карс в Грузию въехало 369 человек [Электронный ресурс]// EurAsia Daily. Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2018/09/06/s-nachala-goda-po-zhd-baku-tbilisi-kars-v-gruziyu-vehalo-369-chelovek (дата обращения: 27.09.2019)

[686] Ирхин А.А. Эволюция внешней политики Турецкой Республики в 2002-2019 гг. // Лазаревские чтения. Причерноморье: история, политика, география, культура. Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова, И.Л. Прыгуновой, С.И. Рубцовой. М., 2019. С. 145.

[687] İstanbul'a ikinci boğaz: "Kanal İstanbul" (Второй Стамбульский пролив: «Канал Стамбул») [Электронный ресурс] // CNNTürk. Режим доступа: http://web.archive.org/web/20141210022103/http://www.cnnturk.com/2011/turkiye/04/27/istanbula.ikincibogaz.kanal.istanbul/614661.0/index.html (дата обращения: 27.09.2019)

целях, определились основные направления сотрудничества по данному вопросу. Это научные исследования и разработки, проектирование и строительство энергетических исследовательских реакторов, их эксплуатация и модернизация, а также регулирование ядерной и радиационной безопасности.

В 2018 г. завершилась укладка морского участка газопровода «Турецкий поток»[688] и было начато строительство сухопутной ветки, которая реализуется совместной российско-турецкой компанией[689]. При этом уже в январе 2020 г. газопровод «Турецкий поток» был официально открыт лидерами России и Турции на торжественной церемонии в Стамбуле.

Также в апреле 2018 г. президентами государств был дан старт строительству атомной электростанции «Аккую»[690], первый энергоблок которой планируется запустить к 2023 г. (символично – в год столетия Турецкой Республики). При учреждении проектной компании на строительство станции 100% акций прямо или косвенно владеют компании, учрежденные российской стороной, а при дальнейшей реализации их совокупный пакет акций не должен быть ниже 51%.

Вопросы, касающиеся корпоративного управления, решаются российской стороной при согласовании с турецкими коллегами. Особый акцент в Соглашении делается на то, что полученные при реализации ядерные материалы будут использованы исключительно в мирных целях. Поскольку и Российская Федерация, и Турецкая Республика являются членами Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ)[691], а также

---

[688] Газопровод «Турецкий поток» [Электронный ресурс] // Сайт ПАО «Газпром». Режим доступа: http://www.gazprom.ru/projects/turk-stream / (дата обращения: 27.09.2019)

[689] Эрдоган рассказал о ходе строительства сухопутной части "Турецкого потока" [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20190408/1552481588.html (дата обращения: 27.09.2019)

[690] Путин и Эрдоган дали старт началу строительства АЭС "Аккую" в Турции [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/5091399 (дата обращения: 27.09.2019)

[691] Список государств-членов МАГАТЭ [Электронный ресурс] // Международное агентство по атомной энергии. Режим доступа: https://www.iaea.org/ru/o-nas/spisok-gosudarstv-chlenov (дата обращения: 27.09.2019)

подписали Договор о нераспространении ядерного оружия (1 июля 1968 г.)[692]. С учетом наличия в ближневосточном регионе Исламской Республики Иран, вопрос о ядерной программе, который на международной арене в современных политических реалиях находится в фокусе ключевых мировых акторов, а также с учетом напряженности между основными сторонами, вовлеченными в разрешение данного вопроса (Иран, Соединенные Штаты, Российская Федерация, Турция, Европейский Союз)[693], необходимость соблюдения договоренностей по мирному атому между Россией и Турцией повышается.

На данном этапе двусторонних отношений активно развивается взаимодействие в военной сфере. Ярким примером этому служат поставки российских зенитных ракетных систем С-400. Переговоры о поставках начались еще с 2016 г. и длились несколько месяцев, однако основные этапы сделки удалось согласовать к лету 2017 г. В средствах массовой информации часто проходили новости то о проблемах с поставками, то о нерешенных вопросах по кредиту[694]. Однако, уже в декабре кредитное соглашение было подписано. В апреле 2019 г. в ходе заседания российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня президент России В.В. Путин и глава Турции Р.Т. Эрдоган обсуждали вопросы экономического и политического характера – военно-техническое сотрудничество двух стран и покупку Турцией российских комплексов С-400.

Стоит отметить, что Турция является первой страной Североатлантического альянса, приобретающей российские системы противовоздушной обороны. Соединенные Штаты пытались помешать сделке по С-400 (Турции было предложено закупить противоракетные комплексы Patriot), а также угрожали негативными последствиями в программе по

---

[692] Договор о нераспространении ядерного оружия [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных наций. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 27.09.2019)

[693] Мамедова Н.М. Вокруг иранской ядерной программы. Позиции прагматических политических сил // «Север-Юг-Россия. С.156.

[694] История контракта на поставку С-400 в Турцию [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/info/6658162 (дата обращения: 27.09.2019)

созданию истребителей F-35. Несмотря на все уловки и угрозы, а также призыв к санкциям, Турция все же не отступила от своего соглашения – старт реализации контракта был дан летом 2019 г., когда в Турцию были осуществлены первые поставки компонентов ЗРК С-400. Более того, в августе 2020 г., в ходе форума «Армия-2020», между Россией и Турцией был заключен контракт на поставку второго комплекта систем С-400[695].

Укрепление военно-технического партнерства Турции России на современном этапе считается наиболее важным с точки зрения стратегического сотрудничества. Подписанный контракт на поставки российских зенитно-ракетных комплексов С-400 «Триумф», несовместимыми с существующими комплексами стран НАТО и в принципе с членством Турции в Североатлантическом альянсе[696], говорит о том, что Турецкая Республика переживает переломный этап с точки зрения своего исторического пути становления на международной арене. Годами ориентированная на Запад внешняя политика трансформируется в условиях неудовлетворенности Республики существующими договоренностями с союзниками западного проамериканского блока и с Соединенными Штатами в частности[697].

С пониманием того, что для взаимовыгодных отношений необходимы регулярные политические дискуссии и контакты, Россия и Турция активизировали политический диалог в различных областях.

В настоящее время, в связи с изменением внешнеполитического курса Турецкой Республики после попытки военного переворота 2016 г., переориентация страны с Запада на Восток становится все более явной[698]. Поиск собственной идентичности и места среди ключевых международных игроков, желание сформироваться как региональный центр силы, а также

---

[695] Россия и Турция заключили контракт на поставку второго полка С-400 [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20200823/s400-1576196578.html (дата обращения: 29.08.2020)

[696] Турция недовольна ажиотажем вокруг покупки Анкарой С-400 [Электронный ресурс] // Российская Газета. Режим доступа: https://rg.ru/2019/05/06/turciia-nedovolna-azhiotazhem-vokrug-pokupki-ankaroj-s-400.html (дата обращения: 27.09.2019)

[697] Эрдоган признался, что разочарован в США [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3796947 (дата обращения: 29.09.2019)

[698] Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турции: ключевые изменения 2016-го // Свободная мысль, 2017. №2 (1662). С. 74.

закрепиться в мировом сообществе как один из акторов принятия основных геополитических решений, приводит Турцию не только к пониманию необходимости сотрудничества с ведущими мировыми державами (прим. Российская Федерация)[699], но и к необходимости решительных действий в рамках национальных интересов[700].

Вероятно, что в условиях всех событий с 2015 г. Турецкая Республика убедилась, что на протяжении всей истории межгосударственных отношений Россия являлась одним из ее немногих стратегических союзников. Помимо собственных интересов, она была готова учитывать и интересы партнеров в рамках не только установления двустороннего сотрудничества, но и многостороннего взаимодействия. Этого нельзя было сказать о Западе во главе с Соединенными Штатами Америки. Именно по этой причине восстановление диалога между Москвой и Анкарой сопровождалось активным взаимодействием по ключевым внешнеполитическим вопросам.

Кейс военно-технического сотрудничества и показательное поведение Турецкой Республики в контексте отстаивания права на покупку у России комплексов С-400 вбирает в себя две тенденции. С одной стороны, при совершении сделки было возможно использование и передача Турцией российских технологий коллегам из-за рубежа, в частности – Соединенным Штатам как союзнику по Североатлантическому альянсу[701]. Необходимость последних в обладании знаниями о российских зенитно-ракетных установках и их системах управления обусловлено наличием технологических сложностей Североатлантического альянса в данной области. С другой же стороны, вопрос С-400 не только является показателем отхода прямой зависимости Турции от американского внешнеполитического влияния, но и

[699] Аватков В.А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2017. № 2. С. 186.
[700] Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель (Observer), 2013. № 6 (281). С.73.
[701] Турция пообещала не отдаляться от НАТО из-за покупки комплексов С-400 [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/турция-пообещала-не-отдаляться-от-нато-из-за-покупки-комплексов-с-400/a-48587116 (дата обращения: 29.09.2019)

показательным жестом для государств, находящихся под этим самым влиянием.

Для Российской Федерации это является определенным шансом не только в сфере налаживания наиболее выгодного для себя военно-технического сотрудничества с Турцией, но и закреплениия на Ближнем Востоке в качестве основного партнера ведущих стран региона. В этом России также помогает налаженное плодотворное сотрудничество по направлению безопасности в рамках переговоров формата «Астанинской тройки» по вопросу сирийского урегулирования.

В процессе телефонного разговора между В.В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом в 2016 г.[702] была достигнута договоренность о предложении конфликтующим сторонам – правительству Сирии и представителям вооруженной оппозиции – продолжить мирные переговоры в новом формате, площадкой для которых стала Астана (совр. Нур-Султан).

Переговоры проходили 23-24 января в 2017 г.[703], сразу после того, как стало ясно, что Женевские мирные переговоры по Сирии, осуществляемые под эгидой ООН, не приносят желаемых результатов ни для одной из сторон конфликта. В данном процессе участвуют главы трех государств – России, Турции и Ирана. Такой трехсторонний формат переговоров был создан с целью конструктивного обсуждения сирийской проблематики непосредственно с теми странами, которые наиболее вовлечены в данный конфликт. Как и любая новая площадка, которая не была создана Соединенными Штатами Америки или странами Запада, «Астанинский процесс» иногда подвергается критике той же западной частью мирового сообщества.

Демонстрация такой реакции обусловлена не только отсутствием большинства европейских стран и Соединенных Штатов в числе инициаторов

---

[702] Телефонный разговор с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52295 (дата обращения: 29.09.2019)

[703] Переговоры в Астане по урегулированию конфликта в Сирии США [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20171030/1507555561.html (дата обращения: 29.09.2019)

данного процесса, но и значительными успехами, которые были достигнуты в рамках проведенных встреч «Астанинской тройки». При том, что в рамках женевского процесса не удалось добиться даже половины договоренностей, которые были достигнуты на полях трехсторонних встреч России, Турции и Ирана.

Уникальность данного формата также заключается и в том, что исторические и геополитические противники в лице Турции и Ирана не только согласились сесть за один стол переговоров, но и смогли прийти к консенсусу по вопросам безопасности. Во многом заслуга успешности «Астанинского процесса» принадлежит Российской Федерации, сумевшей претворить в жизнь данную инициативу[704]. Ведь за стол переговоров удалось усадить не только Иран и Турцию, но и делегацию сирийского официального правительства, и представителей сирийской вооруженной оппозиции, которые обычно предпочитают игнорировать международные попытки урегулирования конфликта. Выступая за мир и сохранение стабильности в ближневосточном регионе, российское руководство исходит из необходимости создания инклюзивной системы безопасности на территории Ближнего Востока[705], и именно формат взаимодействия Россия-Турция-Иран может стать фундаментом для ее формирования.

При этом необходимо понимать, что «Астанинский процесс» не является альтернативой аналогичному процессу в Женеве, в чем, как правило, обвиняются его учредители западными коллегами. Переговоры в Астане – это процесс, который проходит параллельно, но не нацелен на то, чтобы заменить переговоры в Женеве. Вместе с этим, помимо астанинского диалога Россия и Турция обсуждают вопрос сирийского кризиса и варианты его урегулирования и в двустороннем формате. Одним из результатов таких обсуждений стало

[704] Воробьев С.В., Каширина Т.В. Сирийский кризис в контексте российско-американских отношений // Обозреватель. 2017. № 4 (327). С. 49.
[705] Астанинский формат по Сирии доказал свою эффективность, считает Лавров [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20190303/1551510640.html (дата обращения:18.05.2019)

создание четырех зон деэскалации в Сирии[706], и координация военных действий на территории Сирийской арабской республики.

Наиболее острый этап сирийского конфликта был преодолен после уничтожения ИГИЛ* в виде ее стратегических структур, регулярных сил, источников финансирования и основного командования, а также путем захвата у организации некогда подконтрольных ей сирийских территорий. Таким образом, была не только уничтожена самая опасная террористическая организация на территории Ближнего Востока, но и остановлены контрабанда нефти и газа за пределы Сирии, а также процесс разрушения мирового культурного наследия. Все эти факторы устранены в первую очередь усилиями войск Сирийской Арабской Республики и содействием российских военно-воздушных сил.

Однако в некоторых районах все еще продолжается террористическая деятельность. Прежде всего, в Идлибе и на окраинах соседних провинций, а также на территориях к востоку от Евфрата. Этап становления «послевоенной Сирии» наступит только после финального уничтожения всех террористических группировок на территории Сирийской Арабской Республики, для ликвидации которых, как следует из информационной повестки, будут приложены усилия как российской стороной, так и в рамках «Астанинского формата», а также совместных инициатив Турции и Ирана, в частности, по вопросу Идлиба[707]. Этому будет способствовать инициатива России по созданию специальной рабочей группы по Сирии[708], которая будет заниматься окончательной нормализацией ситуации в Сирии после завершения военного этапа конфликта. К данной структуре сможет

---

[706] Путь к политдиалогу: "Астана-6" утвердила четыре зоны деэскалации в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20170915/1504875172.html (дата обращения: 29.09.2019)

* Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации

[707] Turkey, Iran to continue cooperating to find way out of Syrian crisis [Электронный ресурс] // Daily Sabah. Режим доступа: https://www.dailysabah.com/diplomacy/2019/04/18/turkey-iran-to-continue-cooperating-to-find-way-out-of-syrian-crisis (дата обращения: 29.09.2019)

[708] Путин анонсировал создание рабочей группы по Сирии [Электронный ресурс] // ИА Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/2582605.html (дата обращения: 29.09.2019)

присоединиться любая заинтересованная сторона, так или иначе вовлеченная в сирийскую ситуацию.

Что касается политики Турецкой Республики в Сирии, то наблюдается активное российско-турецкое взаимодействие. Так, 14 февраля 2019 г. президенты России, Турции и Ирана встретились в Сочи для обсуждения перспектив урегулирования сирийского конфликта. Особое внимание в ходе переговоров было уделено гуманитарным вопросам, поскольку обсуждались проблемы возвращения беженцев, вырабатывались дальнейшие меры по оказанию помощи населению Сирии[709]. Уже в марте 2019 г. стороны начали совместное патрулирование Идлиба. В начале августа 2019 г. в Нур-Султане состоялись переговоры стран-гарантов Астанинского процесса, где Россия, Турция и Иран договорились принять меры по обеспечению безопасности мирного населения в Идлибе, а также обсудили вопрос запуска Конституционного комитета в Женеве и добровольного возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц в места их проживания. Заверщающей встречей 2019 г. стала 14-я встреча в декабре в Нур-Султане в Астанинском формате, посвященная вопросу урегулирования ситуации в Сирии[710].

Вместе с тем, стоит отметить, что чем реалистичнее становится перспектива возможного скорого завершения конфликта в Сирии, тем более неоднозначные шаги предпринимает Анкара на сирийском треке. Так, например, в феврале 2020 г. Турция и Сирия оказались на грани прямого военного столкновения после того, как, по сообщениям Турции, более 30 турецких военнослужащих погибли от ударов сирийской армии, а Турецкая Республика начала угрожать ответными действиями. При этом, по информации Министрества обороны Российской Федерации, удары в действительности были осуществлены в ходе наступления сирийских

[709] Аватков В.А., Сбитнева А.И., Останин-Головня В.Д., Крылов Д.С. Турция и арабские страны // Ежегодник 2019 г. Коллективная монография. М: Грин Принт, 2020. С. 11.
[710] Аватков В.А., Сбитнева А.И., Останин-Головня В.Д., Крылов Д.С. Турция и арабские страны // Ежегодник 2019 г. Коллективная монография. М: Грин Принт, 2020. С. 102.

военных, однако наносились они по позициям боевиков, среди которых по какой-то причине оказались ВС Турции[711]. При этом ранее, в конце января 2019 г. президент Р.Т. Эрдоган публично обвинил Россию в невыполнении своих обязательств в Идлибе[712], после чего Москва выдвинула встречные претензии, заявив, что Турция оказывает поддержку боевикам вооруженной оппозиции. Ситуация отчасти благополучно звершилась по итогам 6-тичасовых переговоров в москве 5 марта 2020 г., в ходе которых стороны приняли совместный документ о нормализации ситуации в Идлибе[713].

В настоящее время взаимодействие России и Турции в Сирии продолжается, однако вышеупомянутые события служат прямым доказательством того, что Турецкая Республика, похоже, по-прежнему до конца не определилась, что именно она хочет получить от своей политики в соседней Сирии. Более того властные круги иногда, вероятно, сомневаются в правильности такого рода сотрудничества с Россией, поскольку боятся остаться «в тени» внерегиональных государств по окончании в регионе военных действий, что важно учитывать российской стороне при планировании своих внешнеполитических действий в регионе.

Несмотря на постепенное достижение цели регионального мира на Ближнем Востоке, к которому с самого начала сирийского конфликта стремилась большая часть мирового сообщества, далеко не все акторы международных отношений остались довольными подобным положением дел и активизацией российско-турецкого взаимодействия. Доказательством этому служит случай с убийством российского посла А.Г. Карлова в декабре 2016 г. в Анкаре. И российское, и турецкое правительство оценило его как провокацию, которая направлена на срыв нормализации двусторонних отношений между двумя государствами. Помимо этого, несмотря на

---

[711] Турция и Сирия оказались на грани полномасштабной войны [Электронный ресурс] // Первый канал. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2020-02-28/381221-turtsiya_i_siriya_okazalis_na_grani_polnomasshtabnoy_voyny (дата обращения: 01.08.2020)

[712] Эрдоган обвинил Россию в невыполнении договоренностей по Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20200129/1564009041.html (дата обращения: 01.08.2010)

[713] Российско-турецкие переговоры [Электронный ресурс] // Президент России. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/62936 (дата обращения: 01.08.2020)

активизацию диалога, между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и на данный момент сохраняются противоречия по различным вопросам.

Не считая иногда возникающих разногласий по вопросу мирного урегилирования в Сирии, конфликтной ситуацией является также вопрос вхождения в состав Российской Федерации Крымского полуострова в 2014 г. Все еще существующая в рамках имперских амбиций[714], Турция до сих пор отказывается признать эту территорию частью России и призывает страны Запада не забывать о российской «аннексии». Безусловно, это является тревожным сигналом в контексте удержания и сохранения стабильности российско-турецкого политического диалога. Однако уже 22 ноября 2019 г. в двусторонних отношениях отмечается, что Турция впервые с 2014 г. сняла запрет на паромное сообщение между Турецкой Республикой и Крымом. Это означает, что теперь паромы будут ходить по маршруту Керчь-Зонгулдак и обратно[715].

Более того, несмотря на употребление Р.Т. Эрдоганом в своих официальных речах и заявлениях выражения «дорогой друг»[716] по отношению к В.В. Путину, Россия не может доверять лидеру турецкого государства. Хотя бы в той мере, в которой доверяла до событий осени 2015 г., и будет стремиться выстраивать осторожно политическую линию в отношении Анкары.

Проблемным аспектом для сотрудничества России и Турции является и распространение влияния последней на территории Центральной Азии и Кавказа при помощи создания различных «интеграционных полей». В целях осуществления данной политики Турция использует широкий спектр механизмов распространения «мягкой силы». Начиная от сфер культуры

---

[714] Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль, 2014. № 3. С.75.

[715] Аватков В.А., Сбитнева А.И., Останин-Головня В.Д., Крылов Д.С. Турция и арабские страны // Ежегодник 2019 г. Коллективная монография. М: Грин Принт, 2020. С. 70.

[716] Dünya Erdoğan - Putin görüşmesini böyle gördü [Электронный ресурс] // Yeniçağ Gazetesi Website. Режим доступа: https://www.yenicaggazetesi.com.tr/dunya-erdogan-putin-gorusmesini-boyle-gordu-143746h.htm (дата обращения: 29.09.2019)

(массовой в том числе) и образования, интернет-технологий, пропагандирующих тюркское единство, заканчивая созданием международных площадок, объединяющих тюркоязычные государства. При этом важно понимать, что подобные действия также являются не только попытками влияния через науку, культуру и образование, но и способом создания военных коалиций. Так, в рамках Совета Сотрудничества тюркоязычных стран (Türk Konseyi)[717], созданного в Нахичевани в 2009 г., действует Тюркский военный совет[718], а в январе 2013 г. Турцией, Азербайджаном, Киргизией и Монголией было объявлено о плане по созданию Вооруженных сил тюркоязычных стран[719].

Такое взаимодействие турецкой стороны с тюркским населением Центральной Азии и Кавказа привлекает к себе особое внимание, поскольку в процессе происходит наиболее эффективное воздействие на формирование кадрового, а впоследствии и управленческого потенциала иностранного государства.

Это является прямой угрозой не только для двусторонних и многосторонних отношений Российской Федерации со странами постсоветского пространства, но и для национальной безопасности с учетом вовлечения в данный процесс тюркоязычных народов, проживающих на территории России[720].

Российская Федерация со своей стороны прилагает активные усилия для реализации интеграционных проектов с участием стран Центральной Азии и Кавказа. На государственном уровне действуют такие структуры, как Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийский союз, существует зона свободной торговли. Несмотря на интенсивность интеграционных усилий российского руководства в Центральной Азии и на

---

[717] Nakhchivan Agreement on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States [Электронный ресурс] // Turkkon. Режим доступа: https://www.turkkon.org/assets/pdf/temel_belgeler/nakhchivan-agreement-on-the-establishment-of-the-copperation-council-of-turkic-speaking-states-1-en.pdf (дата обращения: 29.09.2019)
[718] Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика, 2018. № 2. С.18.
[719] Там же.
[720] Турция укрепляется в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Новая Газета. Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2016-03-14/11_asia.html (дата обращения: 29.09.2019)

Кавказе, подобные инициативы во многом уступают активности турецких структур и организаций[721]. В частности, по причине сформировавшихся в правительстве ряда стран (Казахстан, Азербайджан) протурецки настроенных политических деятелей[722], которые выстраивают внешнеполитическую линию государств в соответствующем ключе.

Исходя из современных тенденций, можно заключить, что российско-турецкая конкуренция за Кавказ и Центральную Азию в дальнейшем будет только обостряться. Такого рода конкуренция в особенности наблюдалась в период обострения ситуации на Южном Кавказе осенью 2020 года, вызванного эскалацией нагорно-карабахского конфликта. При этом стоит отметить, что в то время как Россия предлагала дипломатические пути урегулирования, Турция активным образом оказывала военно-техническую поддержку азербайджанской стороне, что во многом способствовало дальнейшему углублению противоречий между сторонами конфликта.

Несмотря на то, что в ноябре 2020 года министры обороны России и Турции подписали меморандум о создании российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня, а Р.Т. Эрдоган в ходе телефонного разговора с В.В. Путиным высоко оценил посреднические усилия России[723], дальнейшие заявления Москвы и Анкары относительно данной проблематики существенно отличались. Так, например, не желая уступать России роль главного гаранта стабильности в Закавказье, представители Турции утверждали, что турецкие военные войдут в состав миротворческой миссии в Нагорном Карабахе. Российская сторона, в свою очередь, опровергала данную информацию, подчеркивая, что данный вопрос с турецкими коллегами не обсуждался[724].

---

[721] Троицкий Е.Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992-2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета, 2009. №328. С. 85.

[722] Казахстан в условиях конфликта: между Россией и Турцией [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/казахстан-в-условиях-конфликта-между-россией-и-турцией/a-18982435 (дата обращения: 17.09.2019)

[723] Эрдоган позвонил Путину – Кремль [Электронный ресурс] // Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/3111831.html (дата обращения: 13.11.2020)

[724] Турция заявила об участия в миротворческой миссии в Карабахе [Электронный ресурс] // Взгляд. Режим доступа: https://vz.ru/news/2020/11/12/1070217.html (дата обращения: 13.11.2020)

Таким образом, на данном этапе Россия и Турция пережили кризис 2015 г., сумев нормализовать сотрудничество во всех областях, в том числе и в политической сфере, что в целом демонстрирует положительную динамику развития контактов. Несмотря на то, что Москва и Анкара по-прежнему имеют неурегулированные вопросы в Сирии и на Южном Кавказе, стремление Турции взаимодействовать со странами Востока и с Россией также говорит о новых приоритетах государства, что соответствует российским национальным интересам[725].

В условиях динамичного внутреннего и внешнеполитического развития, в результате приобретения каждой из стран авторитета на международной арене, Россия и Турция добились развития открытого диалога. Несмотря на то, что он был невозможен во времена «холодной войны» по целому ряду причин – в частности, зависимости Турецкой Республики от американских коллег.

Важным фактором «динамической стабильности» также является и сотрудничество в области борьбы с терроризмом, несмотря на то, что Россия и Турция имеют противоположные взгляды касаемо статуса определенных группировок (Рабочая партия Курдистана или движения «ХАМАС»)[726]. Активно идет взаимодействие и в борьбе с нетрадиционными, новыми вызовами безопасности для региональных подсистем и системы международной безопасности в целом – незаконной миграцией, наркоторговлей, экологическими угрозами и угрозами энергетической безопасности.

В условиях существования данной «динамической стабильности» в отношениях между Россией и Турцией ближайшая перспектива двустороннего взаимодействия видится в поиске баланса по большинству аспектов сотрудничества, в связи с осознанием возможных потерь от иного

---

[725] Тезисы статьи Министра иностранных дел России С.В. Лаврова "Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России", опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» № 2, март-апрель 2006 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/404710 (дата обращения: 17.09.2019)

[726] Международные организации и урегулирование конфликтов. Под ред. Т. А. Закаурцевой, Т. В. Кашириной. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. 188 с.

развития диалога. Во многом кризис российско-турецких отношений стал показательным для обеих сторон с точки зрения восприятия государствами друг друга и понимания ценности межгосударственных договоренностей. Несмотря на достаточное количество противоречивых моментов в российско-турецких отношениях и на противоречивое поведение лидеров Турции, Россия все еще остается одним из основных партнеров Анкары[727].

В современной системе международных отношений, сформированной в результате явлений глобализации, взаимосвязанность и взаимозависимость большинства акторов международной арены так или иначе вынуждает мировых игроков принимать во внимание наличие интересов других государств. Однако данный процесс имеет два сценария развития, первым из которых является «тактика подавления» национальных интересов другого государства и проведение политики активного насаждения собственных внешнеполитических идеологем вне зависимости от государственных позиций страны-оппонента. Такой тактики придерживались Соединенные Штаты на протяжении биполярного противостояния XX в. и продолжают придерживаться до настоящего момента времени[728].

Альтернативным вариантом является политика учета национальных интересов и поиск точек соприкосновения во всех потенциальных сферах сотрудничества. Данная тактика применяется Российской Федерацией в отношении Турецкой Республики. На данный момент задача отечественной дипломатии состоит в том, чтобы удержать Турцию на направлении отхода от прозападной политики, переориентации на Восток, не позволив свернуть с нового независимого внешнеполитического курса[729].

Для этого необходимо и дальше всесторонне развивать двусторонние контакты, не делая упор лишь на одну сферу взаимодействия. Практика показала, что, когда не происходит обмен мнениями по внешнеполитическим

---

[727] Аватков В.А. Кризис турецкой идентичности // Политика и Общество, 2017. № 4. С.98.
[728] Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы, 2016. Т.14. №1. С. 20.
[729] Надеин-Раевский В.А. Идейная борьба и «Новая Турция» // Вестник МГИМО университета, 2016. № 2(47). С.29.

вопросам и накапливаются взаимные противоречия, выгодные экономические контракты не спасают положение, а годами налаживаемые контакты рушатся всего лишь одним необдуманным действием.

Для дальнейшей кооперации необходимо взаимное желание и активное участие обеих сторон. Здесь приоритетный выбор остается за Турцией, которая в настоящий период времени находится на распутье не только своего внешнеполитического пути, но и собственного внутреннего понимания[730].

Наиболее перспективной и сложной сферой в отношениях двух стран остается сфера идей – именно гуманитарная составляющая в краткосрочной перспективе будет определять будущее российско-турецкого взаимодействия.

На современном этапе именно сфера гуманитарного сотрудничества становится основным фундаментом для реализации внешнеполитических интересов отдельных субъектов международных отношений. Именно поэтому за последние годы произошла интенсификация межгосударственного диалога между Россией и Турцией в контексте налаживания взаимодействия в общественной и культурной сфере. Показательным с точки зрения является появление площадок, на основе которых российско-турецкое взаимодействие переходит в обозначенные плоскости. Такими примерами могут являться: Российско-турецкий форум «Народная дипломатия без границ»[731], Российско-турецкий медиафорум[732], Молодежный форум «Культурно-гуманитарное сотрудничество Россия-Турция: диалог культур»[733], проект «Россия-Турция.

---

[730] Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI-XXI веков. М.: Квадрига, 2016. С. 167.

[731] Первый российско-турецкий форум общественных организаций состоялся в Стамбуле [Электронный ресурс] // Портал «Русский мир». Режим доступа: https://russkiymir.ru/news/248925/ (дата обращения: 21.09.2019)

[732] В Общественной палате РФ прошло заседание оргкомитета форума СМИ двух стран [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации. Режим доступа: https://www.oprf.ru/ru/press/news/2018/newsitem/47544?PHPSESSID=q6ln9fveoq4h82foqq4ukr9dk7 (дата обращения: 21.09.2019)

[733] О I Молодежном форуме «Культурно-гуманитарное сотрудничество Россия – Турция: диалог культур» в Анкаре [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. Режим доступа: https://turkey.mid.ru//ru/press-centre/news/o_i_molodezhnom_forume_kulturno_gumanitarnoe_sotrudnichestvo_rossiya_turtsiya_dialog_kultur_v_ankare/ (дата обращения: 21.09.2019)

Диалог через молодежь»[734], а также главное мероприятие в рамках гуманитарного сотрудничества – Российско-турецкий форум общественности (РТФО)[735], действующий в рамках Совета сотрудничества высшего уровня, учрежденного в 2010 г.

При этом важно иметь в виду, что в рамках существующих реалий Турецкая Республика, нацеленная прежде всего на воздействие, а не сотрудничество, с наименьшей долей вероятности оставит попытки продвижения своих туркоцентричных идей, в связи с чем идея двустороннего российско-турецкого взаимодействия представляется важной, но не основной. Главная задача Москвы на данном направлении заключается в формировании собственных институтов и механизмов влияния, а также проведении наступательной политики в отношении Анкары.

Таким образом, после длительного экономикоцентризма в российско-турецком взаимодействии произошло смещение акцентов на сотрудничество в сфере безопасности. Во многом это было связано с трагическими инцидентами – сбитым российским самолетом и убийством российского посла А.Г. Карлова. После произошедшего наблюдалась переоценка в двусторонних отношениях. И как следствие через кризис сформировалось понимание того, что существует необходимость в дальнейшем сотрудничестве. Кроме того, страны сотрудничают в области борьбы с терроризмом. В частности, был запущен консультационный механизм России-Турции-Ирана по поводу урегулирования сирийского вопроса, а также произошли беспрецедентные взаимные визиты глав министерств обороны и разведок. Кроме того, начались поставки российских систем С-400 в Турцию.

В качестве проблемы, которая является камнем преткновения в положительном сотрудничестве стран, является распространение влияния на

[734] Россия – Турция. Диалог через молодежь [Электронный ресурс] // Центр востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии. Режим доступа: http://vostis.ru/novosti/rossiya-turciya-dialog-cherez-molodezh.html (дата обращения: 21.09.2019)

[735] Российско-Турецкий Форум общественности [Электронный ресурс] // Российский центр науки и культуры в Анкаре. Представительство Россотрудничества в Турецкой Республике Республике. Режим доступа: http://tur.rs.gov.ru/ru/activities/253/projects/1517 (дата обращения: 21.09.2019)

территории Центральной Азии и Кавказа при помощи создания различных «интеграционных полей» – культурных, образовательных, экономических, а затем и политических. Турция в этом контексте имеет ряд организаций, которые формируют турецкое лобби в данных регионах. Турция использует в качестве основного инструмента влияния «мягкую силу», в частности через культурную сферу – науку, образование и т.д.

Тактика, применяемая Россией в отношении Турции, заключается в приоритете собственных национальных интересов при учете национальных интересов партнера и поиске общего во всех потенциальных сферах сотрудничества. В этом ключе России необходимо и дальше всесторонне развивать двусторонние контакты, при этом формируя собственные механизмы влияния и не делая упор лишь на одну сферу взаимодействия. Гуманитарная сфера остается перспективной и сложной сферой в двусторонних отношениях. Именно поэтому сегодня вектор взаимоотношений сместился в сферу гуманитарного, что привело к усилению взаимодействия в общественной и культурной сфере.

5.3. Гуманитарный вектор российско-турецких отношений в контексте национальной безопасности Российской Федерации

Российско-турецкие отношения можно считать развитыми в сфере экономики, развивающимися в сфере безопасности, однако ключевой для двух сторон сферой взаимодействия, от которой зависят все выше названные, следует считать гуманитарную. Именно от нее зависит долгосрочность и перспективность сотрудничества Москвы и Анкары. Именно из-за этно-территориального фактора между двумя империями и были все ключевые конфликты, подогреваемые внешними силами. Человеческое измерение приобретает все большую роль в международных отношениях, от ценностных, этнических и – шире – гуманитарных вопросов зависит будущее российско-турецких отношений.

Гуманитарное сотрудничество не имеет таких четких рамок регулирования, как остальные сферы. Это дает простор для свободной и эффективной деятельности в области культурных связей, межнационального взаимодействия на разных уровнях и может существенно дополнить двусторонние отношения России и Турции. Более того, гуманитарное сотрудничество является эффективным инструментом «мягкой силы», используя который российская сторона может добиться соблюдения своих интересов и взаимовыгодного сотрудничества в различных областях.

Одна из проблем выстраивания качественных гуманитарных связей заключается в недостаточном количестве каналов связи. Несмотря на попытки совместных проектов газетных изданий («Босфор», «Gazeten» и др.), часто СМИ не доносят достоверную информацию или работают недостаточно качественно.

В 2009 г. Россия и Турция подписали Совместную декларацию о продвижении к новому этапу отношений и дальнейшем углублении дружбы между странами. Затем, в 2010 г. был учрежден Совет Сотрудничества высшего уровня, главная задача которого – разработать стратегию и основные

направления развития отношений. Туда также входят и задачи культурно-гуманитарного сотрудничества.

На данном этапе проходит много мероприятий, посвященных Турции, тюркским народам и двусторонним отношениям. Одним из самых масштабных мероприятий является Российско-Турецкий форум общественности (РТФО). Он организован в рамках Совета Сотрудничества высшего уровня и объединяет на своем пространстве различных представителей практически всех сфер: академических, деловых, туристических, неправительственных и т.д. В 2019 г. на форуме было подписано более 20 соглашений между вузами стран. Также важным является мероприятие Форум «Золото тюрков». Его цель заключается в гармонизации межнациональных отношений и поддержке культурного наследия тюркских народов. Целью проекта является укрепление и активация двустороннего молодежного диалога в межгосударственном сотрудничестве.

Попытки установить контакты в гуманитарной сфере делают и некоммерческие, неправительственные организации, такие как: Центр Востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии, Ассоциация российско-турецкого сотрудничества, дружбы и культуры, Ассоциация русской культуры в Анкаре, Общество изучения русского языка и культуры им. А.И. Солженицина, Московский Турецко-Российский культурный центр и др.

Активно поддерживают проектную и научную деятельность в рамках вопроса взаимодействии Российской Федерации и Турецкой Республики множество организаций. Такие, как Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству; Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова; Федеральное агентство по делам национальностей. Некоммерческие организации также играют важную роль в проведении такого рода мероприятий. Отдельно стоит

отметить межпарламентскую группу дружбы «Россия и Турция» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Помимо крупных мероприятий, проходят различные проекты, круглые столы и конференции по развитию отношений между странами. В конце 2019 г. прошел очень важный проект «Россия-Турция. Диалог через молодежь», организованный Центром Востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии.

8 апреля 2019 г. министрами культуры России и Турции был открыт перекрестный Год культуры и туризма[736]. Главной целью его проведения является реализация культурного наследия, а также развитие туристического потенциала обеих стран и укрепление «человеческих» отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. В рамках первых нескольких месяцев было проведено достаточное количество мероприятий, направленных на взаимное культурное изучение. Более того в последнее время каждый год в крупных городах России проводятся «Дни турецкой культуры», включающие в себя набор различных мероприятий – от фестивалей до творческих встреч. В частности, 4 июля 2019 г. в рамках Московского урбанистического форума состоялась церемония подписания программы сотрудничества между Правительством Москвы и муниципалитетом Анкары на 2019-2021 годы, в которой приняли участие мэр Москвы С.С. Собянин и мэр Анкары М. Яваш. Кроме того, 8 июля 2019 г. на полях Международной промышленной выставки «Иннопром» в Екатеринбурге сотоялось открытие национальной экспозиции Турции, которая приняла участие в мероприятии в качестве страны-партнера[737].

Проведение подобного перекрестного года является первым шагом к выстраиванию качественно нового диалога Российской Федерации с Турецкой

[736] Мединский открыл перекрестный год культуры и туризма России и Турции [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20190408/1552492679.html (дата обращения: 23.09.2019)
[737] Аватков В.А., Сбитнева А.И., Останин-Головня В.Д., Крылов Д.С. Турция и арабские страны. Ежегодник 2019 г. Коллективная монография. М: Грин Принт, 2020. С. 46.

Республикой и предоставляет возможности для реализации внешнеполитической линии России.

Однако на современном этапе продвижение российских идеологем на территории Турции и вовлечение ее в собственную орбиту влияния путем выстраивания гуманитарных связей сталкиваются с целым рядом трудностей.

На протяжении долгого исторического периода Турецкая Республика имела возможность и время для апробирования и формирования механизмов реализации собственной «мягкой силы» – через культуру и язык, через религию, через идеологию общности по этническому и кровному принципу («пантюркизм»)[738], а также через формирование в среде политической элиты отдельно взятых стран протурецких представителей. Зачастую Турция даже не пыталась скрывать свои истинные мотивы по распространению влияния на регионы мира и отдельные государственные образования.

С начала 1990-х гг. в рамках новой концепции внешней политики Турция начала проникновение на территории Центральной Азии и Закавказья сразу по нескольким направлениям, то есть на политическом, идеологическом и культурном, а также экономическом пространстве, что во многом осложнило взаимоотношения Российской Федерации с субъектами данных регионов. Также турецкое влияние распространялось и на отдельно взятые тюркоязычные народы, проживающие на территории России, подрывая внутреннюю общественную стабильность.

Именно наличие отработанных механизмов и схем взаимодействия, влияния на государства в рамках национальных интересов Турецкой Республики делает российско-турецкое сотрудничество в гуманитарной сфере как минимум противоречивой сферой с точки зрения неравных возможностей стран в реализации «мягкой силы» и продвижения собственных идеологем.

На современном этапе турецкое руководство, имеющее довольно широкий инструментарий и опыт в основных сферах гуманитарного

[738] Бурашникова А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета, 2013. Т.13. № 2. С. 68.

сотрудничества, а именно образования, культуры и т.д. переходит к новым принципам внешнеполитического курса, которые напрямую направленны на реализацию данного потенциала.

Неоднократно это было заявлено министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу, который говорил о том, что турецкая политика становится инициативной (прорывной, базирующейся на инициативах) и гуманитарной (человеко-ориентированной). По мнению М. Чавушоглу, эти два слова – girişimci и insani – уже сделали Турцию мировой державой[739]. Эти положения также закреплены на официальной странице Министерства иностранных дел Турецкой Республики[740].

Подвергая сомнению переход Турецкой Республики из числа региональных/надрегиональных акторов в разряд мировых держав, с точки зрения двусторонних отношений с Российской Федерацией, необходимо осознавать значимость данной идеологемы.

Она подразумевает под собой, что на современном этапе Анкара в реализации своей внешней политики будет переходить от слов к делу и ожидает таких же действий от своих партнеров. Кроме того, во внешней политике Турция теперь опирается на интересы человека – гуманитарные вопросы, защиту этнических групп, образование и науку. Для России это может представлять как интерес, так и опасность.

Необходимо понимать, что в реализации внутри- и внешнеполитического курса, Турецкая Республика исходит из довольно консервативных позиций, которые были сформированы в результате тенденции возвращения к традициям. Одновременно с этим усиление имперского сознания может привести к опасным последствиям в рамках традиционной для Анкары линии на укрепление «мягкой силы» за рубежом[741].

---

[739] Çavuşoğlu: Türkiye, dünyada küresel aktör olmuştur [Электронный ресурс] // Sputnik News. Режим доступа: https://tr.sputniknews.com/amp/turkiye/201902171037708847-cavusoglu-turkiye-dunyada-kuresel-aktor-olmustur/ (дата обращения: 21.09.2019)

[740] TÜRKİYE'NİN GİRİŞİMCİ VE İNSANİ DIŞ POLİTİKASI [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa (дата обращения: 21.09.2019)

[741] Аватков В. А., Бадранов А. Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век, 2013. № 2 (27). С.7.

Желание Турции возглавить процессы формирования единого ближневосточного (в глобальном аспекте «тюркского») мира может представлять угрозу не только для региональных, но и внерегиональных акторов, имеющих свои интересы на Ближнем Востоке[742].

На данном этапе в политическом сознании Турции доминирует «тюркский фактор» и с ростом националистических тенденций он может только укрепиться[743].

Анкарой выстроена мощная сеть туркоцентричных интеграционных организаций во всех сферах. Стимулирующую роль в появлении данных структур сыграли высказывания высшего руководства Турции после распада СССР: экс- президент Турции Т. Озал провозгласил XXI в. «веком Турции», а премьер-министр С. Демирель говорил турецком мире от Адриатики до Великой китайской стены и о Турции, как о «культурном центре и историческом магните для новосуверенных государств» (имея в виду при этом тюркские страны постсоветского пространства). И на данном этапе риторика действующего турецкого руководства практически ничем не отличается от подобных высказываний. В конце 2018 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган выступил на площади в Гагаузии – тюркской автономии в Молдове, употребив в своей речи практически повторяющую слова С. Демиреля формулировку: «Мы – это 300-миллионная огромная семья, охватившая пространство от Адриатики до Великой Китайской стены»[744].

Особую роль в процессе развития связей между Турцией и республиками Кавказа и Центральной Азии сыграли саммиты тюркских государств, а также такие структуры, как Совет сотрудничества тюркских государств (Тюркский совет), TİKA (турецкое агентство по сотрудничеству и координации), TÜRKSOY (Международная организация тюркской культуры),

---

[742] Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм: идеология, история, политика: Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама, 2017. С.213.
[743] Политическая трансформация Турции в контексте референдума 16 апреля // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2017. Т. 10. № 2(53). С.172-176.
[744] Erdoğan Gagavuz Türklerine seslendi [Электронный ресурс] // Sözcü Gazetesi. Режим доступа: https://www.sozcu.com.tr/2018/dunya/erdogan-gagavuz-turklerine-seslendi-2688765/ (дата обращения: 22.09.2019)

TÜRKPA (Парламентская ассамблея тюркоязычных стран), Тюркская академия наук и т.д.

Турецкие международные организации пытаются узурпировать сферу изучения культуры тюркских народов России и между тем включаются в образовательный процесс и подготовку кадров. С этой целью создаются кафедры при университетах, «гюленовские» лицеи, инициируются турецкие образовательные гранты.

Примером может являться совещание представителей тюркоязычных общин из Москвы, Крыма, районов Сибири, Татарстана и стран СНГ в Париже (1993 г.).

Единственным официальным языком организации является турецкий. Организация занимается изучением и возрождением культуры и традиций тюркских народов, в связи с чем организовываются различные мероприятия, программы и конкурсы. На практике же посредством финансирования тех или иных программ и мероприятий в каком-либо регионе мира, ТЮРКСОЙ объединяет вокруг себя лояльные национальные элиты и формирует особую группу национальной интеллигенции, ориентированной на объединение тюркских народов вокруг Турции. О желании Организации играть важную роль в тюркских регионах России говорит тот факт, что в сентябре 2012 г. в Башкирском государственном педагогическом университете была открыта кафедра «ТЮРКСОЙ»[745].

Все названные структуры успешно функционируют и способствуют продвижению интересов и ценностей Турции на постсоветском пространстве и это происходит вне зависимости от контактов между Москвой и Анкарой. Влияние последней может быть ослаблено только сформулированными и оформленными в четко разработанную стратегию инициативами России.

На данном этапе таковых наблюдается в недостаточной мере, а поэтому происходит укрепление относительно новых форм взаимодействия.

---

[745] В Башкирском педуниверситете открылась кафедра ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] // Башинформ. Режим доступа: http://www.bashinform.ru/news/490538-v-bashkirskom-peduniversitete-otkrylas-kafedra-tyurksoy/ (дата обращения: 25.09.2019)

Активными игроками культурной экспансии Турецкой Республики являются также и центры культуры института имени Юнуса Эмре. После подписания российско-турецкого Соглашения об открытии культурных центров 3 декабря 2012 г. в Стамбуле[746], институт Юнуса Эмре уже в январе 2013 г. открыл свой центр в Казанском федеральном университете. На современном этапе через деятельность данных культурных центров реализуются задачи подчинения Анкаре не только процессов изучения Турции, но и программ обучения в самой Турции. Делается это, в первую очередь, для формирования новых лоббистских групп и поощрения политики выезда дееспособных граждан с территории собственной страны для работы на другое государство. В качестве примера можно привести деятельность в рамках программы «Мевляна».

Актуальным в связи с усилением религиозного компонента в жизни турецкого общества[747] является упоминание деятельности различных турецких сект на территории постсоветского пространства. Подобным примером является религиозная секта «Нурджулар», которая была создана в Турции после Первой мировой войны богословом Саидом Нурси.

Общая цель последователей данной секты – добиться реального влияния, а также прийти к власти в тюркоязычных мусульманских странах. Для этого практикуется вовлечение в ряды организации новых сторонников, их воспитание в особых учебных заведениях, а также внедрение в государственные, военные, правоохранительной структуры. Наиболее мощным в организационном-финансовом плане ответвлением «Нурджулар» является организация «Фетхуллахчылар», лидером которого является Фетхуллах Гюлен[748]. Среди прочих пантюркистких течений «Нурджулар» отличается строгой дисциплиной, а также иерархичностью.

---

[746] Документы, подписанные по итогам заседания Совета сотрудничества высшего уровня [Электронный ресурс] // Сайт Администрации президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/1355 (дата обращения: 25.09.2019)

[747] Аватков В.А. Турция сегодня. Ключевые тенденции в политическом курсе // Свободная мысль, 2019. №2(1674). С.144.

[748] Давыдов М.Н. Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=6397 (дата обращения: 15.08.2019)

Особое внимание организацией уделяется пропаганде исламских и пантюркистских идей в различных странах путем создания подконтрольных светских и религиозных учебных заведений различного уровня. Такого рода пропаганда длительное время активно действует на территории государств Центральной Азии, в Закавказье и тюркоязычных субъектах Российской Федерации. Всего с начала 1990-х г. за пределами Турции миссионерами «Нурджулар» было развернуто более 500 официально считающихся светскими учебных заведений.

10 апреля 2008 г. Верховный суд Российской Федерации признал течение «Нурджулар» экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории России[749]. Однако нурсисты смогли вырастить последователей организации из числа местного населения, которые, в свою очередь, до сих пор продолжают деятельность, в том числе по привлечению новых последователей. В данных учебных заведениях сохраняется механизм отбора, процесс обучения и проживания в общежитии, организованный турецкими педагогами. Замена турецких педагогов их воспитанниками из числа коренного населения России позволяет им до сих пор пополнять ряды организации.

Если говорить о движении Фетхуллаха Гюлена – FETÖ, то, несмотря на официальное признание Организацией исламского сотрудничества данной организации террористической[750], последователи Гюлена также распространились по территории постсоветского пространства и целого ряда других стран, представляя внутреннюю угрозу для государств, на территории которого находятся представители движения Гюлена.

Кроме того, среди часто используемых Турции инструментов «мягкой силы» в России, в тюркских республиках, в Центральной Азии и на Кавказе, стоит отметить взаимодействие с общественностью посредством интернет-

[749] Верховный суд наложил запрет на деятельность турецкой «Нурджулар» [Электронный ресурс] // Известия. Режим доступа: https://iz.ru/news/422658 (дата обращения: 15.08.2019)
[750] ОИС признала организацию Гюлена террористической [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20161019/1479535195.html (дата обращения: 11.09.2019)

технологий. В частности, действует целый ряд сайтов, пропагандирующих тюркское единство, также используются широко распространенные социальные сети. Сегодня технологии стали важнейшим инструментом борьбы за власть и влияние. Именно посредством социальных сетей координировались действия оппозиции по отношению к властям во время событий «арабской весны». Турецкая Республика хорошо овладела технологической стороной пропаганды и на данный момент активно распространяет идеи пантюркизма в интернет-пространстве.

Что же касается непосредственно влияния через культурную составляющую, то основными инструментами Турецкой Республики в данном контексте можно считать: язык, бытовые привычки, фильмографию, а также популяризацию массовых мероприятий с культурным наполнением, как на территории Турции, так и других государств. Нередко подобного рода мероприятия несут в себе также и религиозный подтекст.

Так, например, в Конье в мае 2019 г. были организованы дни суфийского кино «Sufisin»[751], которые проходят уже во второй раз в рамках мероприятий, посвященных 791-й годовщине прибытия одного из главных философов Турции – Мевляны и его семьи в Конью.

Популяризация турецкого языка среди российского населения происходит зачастую через вовлечение в изучение посредством туристических визитов в Турцию, а также через популярные турецкие фильмы и сериалы.

Активной культурной экспансии Турции в тюркских регионах и на своей территории Россия пытается противопоставить деятельность целого ряда организаций, таких как Россотрудничество, первоочередной задачей которого является налаживание двусторонних диалогов с зарубежными коллегами, содействие гуманитарному сотрудничеству, а также поддержка соответчиков за рубежом. Благодаря усилиям данной организации на сегодняшний момент

[751] В Конье начались Дни суфийского кино [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://www.trt.net.tr/russian/kul-tura-iskusstvo/2019/05/02/v-kon-ie-nachalis-dni-sufiiskogho-kino-1194063#.XMwZtzE8nZQ.facebook (дата обращения: 11.09.2019)

в Турции было создано несколько школ изучения русского языка[752], ежегодным событием также стала написание «Тотального диктанта» в Стамбуле, Анкаре, Аланье, Измире и т.д.[753] Помимо этого, Россотрудничеством были организованы мероприятия в рамках проводимого Российско-турецкого форума общественности (РТФО).

В рамках деятельности Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М Горчакова реализуется научно-образовательные программы для молодого поколения специалистов, в частности Кавказский диалог (с 2013 г.)[754], Школа по Центральной Азии (с 2012 г.)[755], Академия ОДКБ[756].

Таким образом, проведение «гуманитарной» деятельности Турцией на российской территории несет в себе угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Связано это с тем, что Турция имеет механизмы по взаимодействию и как следствие – влиянию на государства, представляющие для нее интерес. В этой связи гуманитарная сфера сотрудничества для двух стран является противоречивой по причине неравных возможностей и «однобоком» усилении инструментария влияния, в том числе в контексте реализации «мягкой силы» с распространением идеологем, которые в Турции являются наиболее экспансионистскими. Турция имеет сеть туркоцентричных интеграционных структур во всех сферах – экономической, политической, культурной и военной.

Одной из ключевых задач на ближайшее время для выстраивания российско-турецкого диалога является развитие отношений в гуманитарной

---

[752] Укрепление позиций русского языка [Электронный ресурс] // Россотрудничество. Режим доступа: http://rs.gov.ru/ru/activities/9 (дата обращения: 22.09.2019)

[753] Что такое Тотальный диктант. География [Электронный ресурс] // Фонд «Тотальный диктант». Режим доступа: https://totaldict.ru/about/geography/ (дата обращения: 22.09.2019)

[754]Фонд Горчакова открывает прием заявок на участие в "Кавказском диалоге – 2013"[Электронный ресурс] // Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Режим доступа: https://gorchakovfund.ru/news/view/fond-gorchakova-otkryvaet-priem-zayavok-na-uchastie-v-kavkazskom-dialoge-2013/ (дата обращения: 22.09.2019)

[755] Школа молодых экспертов по Центральной Азии [Электронный ресурс] // Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Режим доступа: https://gorchakovfund.ru/project/view/shkola-po-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 22.09.2019)

[756] Николай Бордюжа: Академия ОДКБ – эффективный инструмент "мягкой силы [Электронный ресурс]// Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова ". Режим доступа: https://gorchakovfund.ru/news/view/nikolay-bordyuzha-akademiya-odkb-effektivnyy-instrument-myagkoy-sily/ (дата обращения: 22.09.2019)

сфере и продвижение Российской Федерацией собственных идеологем в рамках данного процесса. Несмотря на попытки активизировать их как на государственном, так и на общественном уровне, результативность недостаточна. Тенденции к формированию турецкого лобби необходимо переломить путем формирования долгосрочной внутренней и внешней концепции, а не только проведением отдельных и зачастую нескоординированных с точки зрения организации мероприятий. При этом следует развивать сотрудничество с Анкарой в сфере безопасности, искать компромиссные решения на паритетных основах, не допуская доминирования Турции – только так удастся заложить прочный фундамент будущего российско-турецкого взаимодействия.

***

Подводя итог главе, следует сказать, что в рамках рассмотрения взаимодействия России и Турции был отмечен переход от экономической кооперации к активному сотрудничеству в сфере безопасности и в гуманитарной сфере. В частности, несмотря на западноориентированность во внешней политике Турции и ряд факторов, которые не давали развиваться продуктивно отношениям (политика «железного занавеса», активизация турецкого курса на установление суверенитета над Черноморскими проливами), отношения двух стран, тем не менее, отмечались как стратегически-важные друг для друга.

Однако после распада Советского Союза отмечается обновление договорно-правовой базы России и Турции, а также усиление активности в экономической сфере. Например, сотрудничество в экономической плоскости в рамках крупных проектов – газопровод «Голубой поток» и «Турецкий поток», АЭС «Аккую». Двусторонние отношения отмечаются переломной точкой временного приостановления контактов из-за инцидента, связанного со сбитым российским военным самолетом в Сирии. Этот случай позволил государствам прийти к выводу о необходимости укрепления контактов во всех

сферах, что стало следствием усиления отношений, в том числе в сфере безопасности.

Важно отметить, что гуманитарная сфера сотрудничества России и Турции является противоречивой в связи с неравным положением в возможностях использования инструментария «мягкой силы», а также продвижения собственных идеологем. Нужно понимать, что Турция имеет ряд туркоцентричных организаций, через которые осуществляется распространения влияния, в частности в рамках науки, образования и т.д. Россия же в свою очередь в рамках противостояния турецкому влиянию осуществляет деятельность таких организаций, как Россотрудничество, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М Горчакова, посредством чего реализуются научно-образовательные программы для молодых специалистов в области изучения Центральной Азии, тюркских государств и Турции. А также реализуется предоставление стипендиальных программ университетами России для граждан постсоветского протсранства.

В рамках определения перспектив российско-турецких отношений с учетом диверсификации и активизации внешней политики Анкары и формирования нового баланса сил в современных международных отношениях есть необходимость отметить, что сегодня в качестве приоритетной задачи для России предстает выстраивание двусторонних отношений в гуманитарной плоскости с возможностью проецирования собственных идеологем. Важно, что проводимая Турцией политика распространения своего влияния в рамках гуманитарного вектора влечет за собой неблагоприятные последствия для внешнеполитических интересов России. Для России важно формировать собственные конкурентоспособные идеи и продолжать усиливать сотрудничество с Турцией в сфере безопасности, что также позволит укрепить двусторонние отношения.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено изучению и осмыслению внешнеполитического курса Турецкой Республики в современных международных отношениях. Исследование было сфокусировано на определении ключевых тенденций в рамках трансформации стратегии ведения внешней политики турецким руководством в исторической ретроспективе, а также на выявлении особенностей и факторов, влияющих на ее формирование.

Что касается первой задачи, была разработана теоретико-методологическая основа данного исследования и выработаны основные подходы к оценке трансформации системы современных международных отношений. В частности, разработанные автором методологические подходы к оценке трансформации современной системы международных отношений и внешнеполитического курса Турции в контексте укрепления идейно-ценностного фактора в главе 1 являются значимыми. В большей степени благодаря комплексу социетального, институционального и модельного подходов была проанализирована современная международная среда, которая отмечается усилением идейно-ценностного фактора во внешней политике многих государств. В качестве критериев методологии было определено активное применение руководством Турции в своей внешней политике таких категорий, как «мягкая сила», «имидж», «бренд», «умная сила», «внешнеполитическая идеология», «неоосманизм», «неопантюркизм».

В ходе исследования удалось проанализировать современную систему международных отношений и выявить ее особенности. До сих пор ведутся методологические споры о контурах нового миропорядка. Однако, исходя из рассмотрения и анализа современной мировой политической обстановки, было сделано несколько ключевых выводов относительно трансформации не только самой системы международных отношений в текущий период времени, но и политических процессов в отдельно взятых государствах-субъектах международных отношений (на примере Турецкой Республики).

После распада Советского Союза роль мирового лидера взяли на себя Соединенные Штаты Америки. Несмотря на сохранение основных системных институтов, характеризовалась новая система превалированием права силы над международным правом, игнорированием международных норм и интересов других государств. На данный момент, хотя Соединенные Штаты пока еще остаются в роли главного ключевого игрока, их лидерство слабеет. Появляются новые центры силы, способные подвинуть Вашингтон с пьедестала.

Несмотря на то, что предлагаются различные варианты международного развития (новая биполярность, бесполярность и др.), оно все же еще находится на стадии своего формирования. Происходит разбалансировка сил, возрастание конфликтов, хаотизация, информационное противостояние, становится все тяжелее прогнозировать и выявлять новые тенденции.

В рамках второй задачи было проанализировано усиление идейно-ценностного фактора в международных отношениях, что означало потребность в новом методе исследования, который бы соответствовал данному тренду. Был выявлен важный методологический аспект – рассмотрение внешнеполитического курса Турции посредством идейно-ценностного фактора – как в связи с общемировыми тенденциями, так и в связи с трансформацией политического режима в Анкаре. Такая методология предполагает анализ доктринальных документов, речей политиков, сравнение интересов и ценностей государства. Помимо этого, данный подход удобен тем, что не ограничивается только изучением интересов государства, но и учитывает идеи и ценности в рамках идеологии неоосманизма, одновременно встраивая в идейно-политическое поле международных отношений внешнеполитический курс Турции.

Отсюда следует, что «идейно-ценностный» подход является предопределяющим в выявлении реальных намерений государств. В этой связи Турецкая Республика в настоящее время, являясь активным актором во внешней среде, продвигает свои ценности в страны, представляющие для нее

интерес. В частности, в регион Центральной Азии и Азербайджан, а также в тюркоязычные регионы России. Идеологическое основание внешнеполитического курса Турции встраивается в современные международные процессы в рамках распространения влияния на интересующие территории, а потому представляется важным с точки зрения его изучения.

В связи с процессами разбалансирования системы международных отношений, с постепенным переходом ее к полицентричности посредством усиления кластеров и региональных акторов, многие государства встали на путь пересмотра своих внешнеполитических приоритетов. В данном контексте важным является формирование редко сформулированных странами внешнеполитических идеологий – систем идей и представлений отдельного субъекта мировой политики в отношении как других субъектов, так и в отношении среды. По мере трансформации системы и становления целого ряда региональных государств власти стран начинают пересматривать собственные ценностные основы поведения в рамках международного поля, что является прямым следствием роста идейно-ценностного фактора в мировой политике на современном этапе развития.

Этот процесс заключается, прежде всего, в оформлении целевых и пропагандистских установок на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу, направленных как на формирование ключевых общественных внутриполитических позиций, так и на упомянутое поведение государства на международной арене – выстраивание отношений с другими странами, собственное позиционирование в рамках системы и т.д. Важно отметить, что это происходит и на региональном уровне, и на уровне отдельных стран. Формируется так называемое «политическое мышление», имеющее свои собственные специфические основы в соответствии с государственными целями, интерпретируется настоящее, выдвигаются мифы о прошлом, а также формируется модель потенциального будущего. Возникают новые центры силы, способные привнести новые идеи в мировой

порядок, способствовать трансформации системы. И в связи с необходимостью распространения данных идей появляются инструменты влияния государств – «мягкая сила», что на современном этапе также является неотъемлемой частью внешнеполитической идеологии. В данном аспекте не стала исключением Турецкая Республика.

В результате анализа ключевых характеристик политического процесса Турецкой Республики в начале XXI века в контексте решения третьей задачи были определены идеологемы и интересы внешнеполитического курса Турции на современном этапе. В связи с этим были выявлены основные направления внешнеполитического курса Турецкой Республики – от попыток налаживания диалога с Западом к переходу к «восточному вектору» и самовосприятию государства как самостоятельного актора международных отношений в условиях трансформации существующей системы и формированию особой собственной внешнеполитической идеологии.

Хотя формально у Турции нет закрепленной идеологии, в своей внешней политике Анкара руководствуется целым набором идейно-политических конструктов, которые можно назвать внешнеполитической идеологией. Их основными структурными единицами стали неоосманизм и пантюркизм. Новый импульс к развитию пантюркизм получил после образования новых государств в результате распада Советского Союза – Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана. Неоосманизм же предполагает приверженность имперскому прошлому государства и возрождению его величия.

На современном этапе идеологические основы турецкого политического процесса подразумевают процесс, обратный принципам, которые заложил Ататюрк – наблюдается постепенное возвращение к традициям, появление и проявление во внутренней и внешней политике таких концепций, как неоосманизм, неопантюркизм, а также происходит борьба с инакомыслием. С точки зрения внешнеполитического курса также стоит упомянуть характерную переориентацию на самостановление Турции собственными

силами без вмешательства внешних акторов в данный процесс, а также зачастую откровенное противостояние и смелые вызовы ключевым мировым державам.

При рассмотрении законодательной и институциональной базы внешне- и внутриполитического процесса данного государства была доказана тенденция к изменению политического дискурса руководства Турецкой Республики. Причиной стала смена приоритетов страны в связи с трансформацией глобальной политической системы. На протяжении почти всего XX в. Турция старалась балансировать между двумя полюсами – Западом и Россией. Будучи ориентированной в первую очередь на сотрудничество с западными государствами, с течением времени и в результате достаточного количества конфликтов как с ними, так и с Российской Федерацией, руководство Республики сделало соответствующие выводы об отношении двух сторон как к Анкаре, так и к национальным интересам самой страны. Сейчас внешнеполитический курс Турецкой Республики можно охарактеризовать переходом от прозападной политики, усилением консервативных традиций, преобладанием религиозных и националистических настроений, стремлением к восстановлению наследия Османской империи.

По итогам целого ряда реформ, проведенных Партией справедливости и развития (ПСР) и ее лидером Р.Т. Эрдоганом под влиянием как внутриполитических факторов, так и внешних акторов, Турецкая Республика пережила трансформацию внутри- и внешнеполитического курса. Это нашло свое отражение как в официальных речах представителей государства – президента, премьер-министра (до фактического исчезновения его должности, в частности по причине проведенных Р.Т. Эрдоганом конституционных реформ в 2017 г. и усиления собственной президентской власти), политиков и общественных деятелей, так и в части официальных документов Турецкой

Республики (прим. Видение-2023[757], Цели 2023[758]). В данном контексте, однако, стоит упомянуть, что открытых письменных доктрин и концепций у Турции нет.

Основная риторика руководства страны начала отходить от принципов, заложенных основателем Республики М.К. Ататюрком, который разделял в первую очередь позиции о необходимости построения светского государства. На начало XXI в. данная тенденция была выражена не так ярко, как после прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. Политический процесс в Турции на тот момент характеризовался:

- Сохранением светской модели ведения политики, что было нехарактерно для других мусульманских стран Ближнего Востока;
- Отрицанием связи с историей и традициями Османской империи несмотря на ранние заявления о том, что Турция является наследницей «османов»;
- Культом личности основателя Республики М.К. Ататюрка;
- Следованием в фарватере западных ценностей и правил ведения внутренней и внешней политики;
- Армией как гарантом светского и прозападного пути;
- Стремлением к вхождению в состав официального списка западных государств посредством вступления в Европейский союз любой ценой;
- Минимальным вниманием к выстраиванию отношений с Россией и странами Востока и восприятием данного взаимодействия исключительно через призму контактов по линии НАТО.

Переход от «кемализма» к более консервативному курсу с усилием националистических и исламистских настроений связан с несколькими факторами: разочарованием Турецкой Республики в сотрудничестве с западными партнерами, а также с продвижением во власти представителей

[757] 2023 Siyasi Vizyonu [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. Режим доступа: https://www.akparti.org.tr/parti/2023-siyasi-vizyon/ (дата обращения: 14.11.2020)
[758] Hedef 2023 [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. Режим доступа: https://www.akparti.org.tr/hedef-2023/ (дата обращения: 14.11.2020)

Партии справедливости и развития и в первую очередь руководителя партии и действующего президента Турции Р.Т. Эрдогана, который ранее являлся членом партий происламистского характера.

В противовес принципам кемализма появилась внешнеполитическая доктрина «Ноль проблем с соседями», которая была принята в 2008 г. Ее озвучил бывший министр иностранных дел и премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу. В доктрине заложены принципы мира и справедливости: главная идея заключалась в проведении миролюбивой политики и развитии отношений со странами Ближнего Востока во всех сферах, включающем в себя и экономические, и культурные, и политические аспекты. Первое время такая политика имела успех, однако потом она начала расходиться с выдвигаемыми принципами, особенно после событий «арабской весны». На первый план вышли идеи получения собственной выгоды из сложившейся ситуации путем вмешательства в дела других государств. Такой подход противоречил принципам доктрины о невмешательстве. Юридически доктрина действует до сих пор, однако фактически ее рамки давно стерты.

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган часто на различных международных мероприятиях заявляет, что «Мир больше пяти». Эта фраза указывает на необходимость реформирования Совета Безопасности ООН. Учитывая тот факт, что власти Турции не чувствуют специфику международных отношений, эту фразу можно отнести не к призыву к многополярному миру, а скорее наоборот. Здесь имеется в виду лишь увеличение количества государств-гегемонов, способных влиять на международные процессы, куда Турция непременно должна войти.

Анализ ключевых тенденций во внутренней политике Турции дал основание сделать следующие выводы о факторах, которые на данный момент определяют внешнюю политику страны:

1. Несмотря на явную приверженность Партии справедливости и развития более консервативным ценностям, в начале ее правления основной акцент был сделан далеко не на исламские лозунги, а на экономическое

развитие, в том числе и в контексте выстраивания международных связей.

2. В дальнейшем, в результате целого ряда реформ (Конституционная в 2017 г.), политических манипуляций и инцидентов (судебные разбирательства «Эргенекон», «Бальез», попытка государственного переворота 2016 г.), произошла ликвидация политического института армии как одного из влиятельных субъектов в формировании внутри- и внешнеполитического курса государства. Армия была полностью исключена из политических процессов и стала, как и требовал ранее Европейский союз, исключительно военным формированием.
3. После этого начала свое проявление консервативная повестка во внутренней политике Турции. Самым жестким в данном контексте политическим и личностным столкновением, которое и стало причиной попытки государственного переворота, убийства российского посла А.Г. Карлова, спада экономики страны и ослабления «мягкой силы» Турции за ее пределами, стала линия Эрдоган-Гюлен.

Упомянутые законодательные изменения в связи с данными процессами, однако, не изменили часть существующих доктрин и концепций Турецкой Республики в отношении внешнеполитической деятельности. Это касается того факта, что на сайте Министерства иностранных дел Турции все еще присутствует указание на существование идейной концепции «Ноль проблем с соседями». Она, как уже упоминалось выше, была разработана бывшим министром иностранных дел А. Давотоглу и изначально подразумевала улучшение отношений со странами-соседями посредством диалога, а затем – воздействия на них для привития им своей идеологии, в результате чего и должно было произойти обнуление проблем.

Анкара проводит активную линию в отношении целого ряда акторов мировой политической системы (страны Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона, Африканского континента, Центральной Азии и т.д.), что показывает не только амбиции действующего руководства по

становлению Турции в качестве самостоятельного актора в региональной и глобальной системах международных отношений, но и претензию на лидерство в данном контексте. Республика находится в поиске нового баланса сил и новых потенциалов в рамках современной системы международных отношений, формируя как новые форматы межгосударственного взаимодействия, так и пытаясь создать собственную подконтрольную подсистему международных отношений в виде «тюркского мира».

Следует отметить, что наряду с концепцией пантюркизма идет активное распространение исламизма. Исламские ценности, разделяемые Партией справедливости и развития, становятся важной частью внешнеполитического курса Турции. В разные периоды развития этого течения выделялись отличительные черты и идеи: объединение исламских государств Востока; верность Корану и принципам шариата; вера в превосходство над западной цивилизацией; утверждение, что Ислам – это образ жизни. На современной жизни Турецкой Республики данные принципы отражаются через официальные речи руководства страны, включающие в себя происламистскую пропаганду и попытки внедрить политический ислам в действующую систему турецкой политики. Религиозные организации, такие как тарикаты и джемааты, процветают и имеют возможность влиять на политические процессы. Важным фактом является то, что в результате неудавшегося переворота в 2016 г., армия, которая всегда являлась гарантом светскости, была полностью отстранена от политической жизни страны.

Что касается пятой задачи, то были выявлены ключевые направления внешнеполитического курса Анкары в отношении стран Запада и Востока. На сегодняшний день в связи как с внутренними изменениями, перечисленными ранее, так и с изменением общей мировой политической картины, Турецкая Республика начинает отходить от сугубо прозападного курса во внешней политике. Происходит концентрация на национальных интересах и их реализации в соседних регионах, на пространстве бывшей Османской империи и в «исламском мире». При этом, помимо интересов, растет значение

ценностного фактора и восточных подходов при принятии решений руководством страны. Несмотря на то, что официальных документов по внешнеполитическому курсу нет, можно все же наблюдать слабо сформулированную внешнеполитическую идеологию.

В последнее время Турция открыто заявляет о своем желании влиять на мировые процессы. Во второй половине XX в. Анкара являлась ключевым партнером Запада в регионе. Однако в отношениях наступил кризис из-за желания Турецкой Республики проводить самостоятельную внешнюю политику. При этом Турция старается использовать западоцентричные форматы сотрудничества, в том числе формируемые Великобританией, в своих интересах. На данном этапе она также активно развивает связи с Востоком и пытается распространять свое влияние в регионе. Пока непонятно, увенчается ли такая обособленная политика успехом и продолжится ли она после смены власти в Турции.

Наступательная внешняя политика Турции основывается на желании доминировать в регионе, что вписывается в рамки доктрины неоосманизма. Реализация планов происходит не только путем использования «мягкой силы», но и военными методами – посредством проведения операций на севере Ирака, вводом войск в Сирию.

Приоритетным направлением во внешней политике Турции вновь становятся восточные государства, с которыми ее объединяют многовековые традиции и общественно-политический уклад. После мировых войн ситуация на международной арене изменилась и ранее наработанные контакты с ближневосточными странами были утеряны. Однако в последние годы турецкое руководство пытается исправить это упущение и уделяет большое внимание государствам Ближнего Востока, особенно после осознания того, что Запад не является надежным союзником. Сейчас ближневосточный регион для Турции является площадкой для реализации ее собственных интересов. Имперские амбиции заставляют обращать внимание на страны, которые раньше были частью Османской империи. На данный момент Турция вправе

ставить себя в один ряд с Ираном, Саудовской Аравией и другими крупными игроками региона из-за возросшей степени влияния. Однако ради своих интересов Турецкая Республика готова пренебречь налаженными отношениями с соседями, как это было с Б. Асадом или ситуацией с «арабской весной».

Однако Турцию интересует не только Ближний Восток. В условиях трансформации международной системы новый интерес стали представлять Азия и Африка. Поэтому сейчас происходит стремительное развитие двусторонних отношений Турецкой Республики с Китаем, Японией и Пакистаном, но пока только в экономической сфере. Несмотря на желание Турции иметь влияние в азиатском регионе, стать полноценным игроком у нее вряд ли получится в ближайшее время. Во-первых, по причине территориальной удаленности государства. Во-вторых, сейчас там уже есть сильные региональные лидеры – Китай, Индия, Япония и другие. В-третьих, у Турции недостаточно ресурсов для реализации своих планов.

Проанализированные подходы Турции к формированию так называемой туркоцентричной подсистемы международных отношений «тюркский мир» и «неопантюркизма» как явления показали, что в контексте создания Турцией подсистемы «тюркского мира» данная концепция напрямую затрагивает национальные интересы и национальную безопасность Российской Федерации. Турецкая Республика стремится распространить свое влияние не только на пространстве бывшего Советского Союза, но и на территории самой России. Это касается регионов, где проживает тюркоязычное население.

Основное направление, где Турецкая Республика сосредотачивает большую часть собственных дипломатических ресурсов и ресурсов влияния, является регион «тюркский мир». Любое усиление националистических элементов в турецких властных кругах или вовлечение в официальный дискурс националистических оттенков вызывает рост внимания к этому направлению внешнеполитической деятельности. Термин «тюркский мир» в его нынешнем социально-политическом понимании был создан в Турции для

описания региональной общности тюркоязычных стран Центральной Азии, Азербайджана, а также некоторых регионов Российской Федерации с тюркоязычным большинством населения. При этом «тюркский мир» в турецком понимании – туркоцентричная подсистема международных отношений.

Изучение феномена «тюркский мир», исторических предпосылок его возникновения и механизмов для реализации данной концепции, позволяет утверждать, что «тюркский мир» является одним из пунктов реализации потенциала Турецкой Республики на современном этапе и самостановления в качестве не только региональной, но и более крупной державы в связи с распространением влияния пантюркистских идей на регионы постсоветского пространства, а также на отдельно взятые тюркоязычные субъекты Российской Федерации.

Для конструирования данной подсистемы со стороны Турции создаются различные интеграционные структуры и платформы в разных сферах – политической, экономической и культурной. В отношении всех тюркских народов в данном контексте применяются инструменты «мягкой силы» как на государственном, так и на частном уровне, проводится обучение и воздействие на формирование не только научного сознания, но и этнического определения. Формируется миф о том, что тюрки – это турки, в то время как в действительности все ровно наоборот и именно турки являются ассимилированными тюрками. Распространяются туркоцентричные идеи «справедливости» и «демократических ценностей», отстаивается принцип иерархии, ценности распространяются через массовую культуру. В этом и заключается основная суть идеологии пантюркизма. Современная Анкара пытается ликвидировать культурные коды тюркских народов и сформировать подконтрольные группы на пространстве тех государств, которые эти народы населяют. В частности, это касается и Российской Федерации, тюркоязычные народы в составе которой сохранили свою самобытность именно благодаря существованию в рамках российской цивилизации.

Созданное в результате такой политики лобби, при условии непрерывного его развития, поможет Турции занять место ключевого игрока сначала в регионе, а позже – на мировой арене. Изучение и анализ данных идей и ценностей Турецкой Республики позволит формировать грамотную ответную политику государств, чьих национальных интересов могут коснуться амбиции Анкары или где она уже распространяет свое влияние.

Седьмая задача в рамках выявления особенностей и перспектив реализации «мягкой силы» Турции в отношении тюркоязычного пространства СНГ показала, что для продвижения своих идей в других государствах Турция активно пользуется инструментами «мягкой силы». В основном влияние идет через сферы науки, образования и культуры. Главной целью остается формирование новых лоббистских групп за рубежом и привлечение на территорию страны иностранных интеллектуальных кадров. Довольно популярной является программа «Мевляна», организующая студенческий обмен между турецкими студентами и учениками других стран. Активно участвуют в формировании внутренней и внешней политики различные организации: некоммерческие, религиозные правительственные и другие. Они также используют инструменты «мягкой силы». Наиболее популярными организациями являются: TÜRKSOY (ТЮРКСОЙ), ориентированная на сотрудничество тюркоязычных стран; TİKA (ТИКА), продвигающая идеи объединения тюркского мира через образовательные проекты; Türk Keneşi (Тюркский Совет), занимающаяся вопросами безопасности региона; Культурные центры им. Юнуса Эмре, популяризующие научную сферу – проведение конференций, распространение турецкого языка.

При решении восьмой задачи анализ взаимодействия России и Турции показал, что отношения двух стран происходят в рамках перехода от экономической кооперации к сотрудничеству в сфере безопасности и к поискам баланса в гуманитарной сфере. Однако на данном этапе особых успехов между двумя странами в ней не наблюдается. Несмотря на большое количество проводимых мероприятий по усилению гуманитарного

сотрудничества – перекрестные года культуры, организация форумов и конференций и др. – развитие идет довольно медленно. Причина заключается в разности идейной составляющей во внешней политике обеих стран.

На протяжении истории у России и Турции было множество вооруженных столкновений, конфликтов, периодов союзничества. Поэтому двусторонние отношения государств можно назвать противоречивыми.

Несмотря на это, изучение взаимодействия России и Турции на разных исторических этапах и рассмотрение современных тенденций дает основание полагать, что у обеих стран есть целый ряд причин и интересов для выстраивания положительного диалога.

В эпоху биполярной конфронтации государства оказались по разные стороны – находились в двух разных политических блоках, что не могло не сказаться на общей картине межгосударственного сотрудничества. Турция использовалась Соединенными Штатами для реализации собственных замыслов против Советского Союза, в том числе в рамках Карибского кризиса и для пропаганды пантюркистской идеологии. Однако, несмотря на это, Россия и Турция с течением времени смогли найти те «опорные точки», на которых сегодня и строится двустороннее взаимодействие. Базой для этого стали такие крупные проекты, как газопроводы «Голубой поток», «Турецкий Поток», атомная электростанция «Аккую». Успехов удалось достигнуть и в военном сотрудничестве – в Турцию были осуществлены поставки С-400. Анкара пошла на покупку зенитно-ракетного комплекса, несмотря на осуждение Соединенных Штатов. Прецедентом в этой ситуации является тот факт, что Турция является членом Североатлантического альянса.

На современном этапе отношения с Российской Федерацией детерминируются экономикой. Во многом это было достигнуто благодаря формированию крупных энергетических проектов, давших импульс к созданию прочной базы для экономического партнерства. Однако чрезмерное внимание к одной сфере может приводить к радикальным обрушениям в целом при возникновении минимальных недопониманий, как было в случае с

инцидентом с российским Су-24 и убийством российского посла А.Г. Карлова. Именно это позволило руководству государств прийти к выводам о необходимости укрепления контактов во всех сферах (а не только в экономике) и на всех уровнях – произошла переоценка ценностей, сформировалось понимание необходимости сотрудничества. Это привело, в частности, к положительным сдвигам в области безопасности и сделало возможным формат взаимодействия «Россия-Турция-Иран» в рамках разрешения сирийского кейса. Произошли несвойственные двум странам ранее взаимные визиты глав министерств обороны и разведок.

Однако с учетом произошедшего в 2016 г. разрыва развития диалога в гуманитарной сфере и с наличием у Турецкой Республики целого ряда механизмов для реализации собственной «мягкой силы», именно сфера идей и гуманитарной составляющей, являющаяся на современном этапе ключевой в рамках будущего российско-турецкого диалога, все же остается той, в которой Российской Федерации стоит проявлять наибольшую осторожность и прагматичность.

Были определены перспективы российско-турецких отношений с учетом диверсификации и активизации внешней политики Анкары в рамках формирования нового баланса сил в современных международных отношениях. Отношения России и Турции осложняются желанием двух стран иметь влияние в одном и том же регионе. Камнем преткновение здесь являются страны бывшего Советского Союза. Турецкая Республика заинтересована в них из-за тюркского населения и мечты о создании «тюркского мира». Для Российской Федерации эти страны важны по историческим и геостратегическим причинам. Борьба за зоны влияния не дает полностью наладить отношения в гуманитарной сфере и найти точки соприкосновения в идейном поле. Более того, Турция пытается распространять свои идеи на территории России среди тюркского населения. Такого рода деятельность осуществляется через некоммерческие организации, фонды, религиозные структуры.

На современном этапе Турция в реализации своей внешней политики готова действовать наступательно и ожидает такого же шага от других стран. Учитывая современные реалии, во внешней политике Турции теперь приходится опираться на интересы человека и ценности– гуманитарные вопросы, защиту этнических групп, образование и науку. В долгосрочной перспективе для России это может представлять как интерес, так и угрозу.

Необходимо понимать, что на данном этапе при реализации внутренней и внешней политики Турецкая Республика исходит из традиционных и консервативных позиций. В то же время, в рамках концепции неоосманизма происходящее усиление имперских амбиций может привести к опасным последствиям при реализации идей распространения «мягкой силы» за рубежом. Желание Турции возглавить процессы формирования единого ближневосточного (в глобальном аспекте «тюркского») мира может представлять угрозу не только национальным интересам России, но и миру в целом.

Список источников и литературы

Источники

1. Арамедова А. Туркменистан — Турецкая Республика: дорогой долгосрочного партнерства [Электронный ресурс] // Правительство Туркменистана. Туркменистан: Золотой век // Управление международной информации МИД Туркменистана. Режим доступа: http://turkmenistan.gov.tm/?id=4134 (дата обращения:19.07.2019)

2. В Общественной палате РФ прошло заседание оргкомитета форума СМИ двух стран [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации. Режим доступа: https://www.oprf.ru/ru/press/news/2018/newsitem/47544?PHPSESSID=q6ln9fveoq4h82foqq4ukr9dk7 (дата обращения: 21.09.2019)

3. Владимир Путин встретился в Анкаре с Президентом Турции Ахметом Неджетом Сезером [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/32320 (дата обращения: 26.08.2019)

4. Владимиром Путиным получено послание Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52282 (дата обращения: 22.09.2019)

5. Встреча с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52671 (дата обращения: 22.09.2019)

6. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике, 2010. Т.8, № 1. С. 60-70.

7. Двустороннее сотрудничество Республики Татарстан и Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Республики Татарстан в Азербайджанской Республике. Режим доступа: http://az.tatarstan.ru/rus/sotrud.htm (дата обращения: 07.07.2019)

8. Договор о нераспространении ядерного оружия [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных наций. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 27.09.2019)

9. Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992 г. [Электронный ресурс] // Профессиональная справочная система «Кодекс». Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901926138 (дата обращения: 26.08.2019)

10. Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1946. 144 с.

11. Документы, подписанные по итогам заседания Совета сотрудничества высшего уровня [Электронный ресурс] // Сайт Администрации президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/1355 (дата обращения: 25.09.2019)

12. Закон Турецкой Республики «О некоммерческих товариществах» №5253 от 4.11.2004 [Электронный ресурс] // Mevzuat Bilgi Sistemi. Режим доступа: https://www.dernekler.gov.tr/tr/mevzuat/kanun/5253-dernekler-kanunu.aspx (дата обращения: 15.04.2018)

13. Закон Турецкой Республики «О фондах» от 20.02.2008 № 5737 [Электронный ресурс] // Mevzuat Bilgi Sistemi. Режим доступа: http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5737.pdf (дата обращения:15.04.2018)

14. Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. №640. [Электронный ресурс] //

Система «Гарант». Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/#ixzz5XNpLujmQ (дата обращения:12.02.2018)

15. Межгосударственные и межправительственные соглашения в области ТЭК (ответственный орган – Минэнерго России) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства энергетики Российской Федерации. Режим доступа: https://minenergo.gov.ru/node/11212 (дата обращения: 10.09.2019)

16. Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) [Электронный ресурс] // TÜRKSOY Website. Режим доступа: https://www.turksoy.org/ru

17. Мировой энергетический конгресс в Стамбуле [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/53062 (дата обращения: 25.09.2019)

18. Московский договор между Россией и Турцией [Электронный ресурс] // Документы XX века. Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19210316ru_tur.html (дата обращения: 19.08.2019)

19. Начало встречи с Президентом Турции Ахметом Неджетом Сезером [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23672 (дата обращения: 26.08.2019)

20. О некоммерческих товариществах: Закон Турецкой Республики от 4.11.2004. № 5253. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.dernekler.gov.tr/tr/mevzuat/kanun/5253-dernekler-kanunu.aspx (дата обращения: 15.04.2018)

21. О третьем заседании российско-турецкой Совместной группы стратегического планирования под председательством Министра

иностранных дел России С.В.Лаврова и Министра иностранных дел Турции А.Давутоглу [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/113866 (дата обращения: 08.09.2019)

22. О I Молодежном форуме «Культурно-гуманитарное сотрудничество Россия – Турция: диалог культур» в Анкаре [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. Режим доступа: https://turkey.mid.ru//ru/press-centre/news/o_i_molodezhnom_forume_kulturno_gumanitarnoe_sotrudnichestvo_rossiya_turtsiya_dialog_kultur_v_ankare/ (дата обращения: 21.09.2019)

23. Политические отношения [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. Режим доступа: https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/ (дата обращения: 04.07.2019)

24. Российский Су-24 при возвращении на авиабазу «Хмеймим» был сбит турецким истребителем F-16 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства обороны Российской Федерации. Режим доступа: https://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12066651@egNews (дата обращения: 16.09.2019)

25. Российско-турецкие переговоры [Электронный ресурс] // Президент России. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/62936 (дата обращения: 01.08.2020)

26. Российско-Турецкий Форум общественности [Электронный ресурс] // Российский центр науки и культуры в Анкаре. Представительство Россотрудничества в Турецкой Республике Республике. Режим доступа:

http://tur.rs.gov.ru/ru/activities/253/projects/1517 (дата обращения: 04.11.2019)

27. Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/172 (дата обращения: 03.09.2019)

28. Совместная Декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/3933 (дата обращения: 26.08.2019)

29. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в военной области и подготовки военных кадров [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-197/46386 (дата обращения: 17.08.2019)

30. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в военной области и подготовки военных кадров [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-197/46386 (дата обращения: 04.11.2019)

31. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о взаимной защите секретных информации и материалов, передаваемых или образовавшихся в ходе двустороннего сотрудничества в области оборонной промышленности [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел

Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-155/46148 (дата обращения: 26.08.2019)

32. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке "Аккую" в Турецкой Республике [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-109/45077 (дата обращения: 04.09.2019)

33. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики по проекту газопровода "Турецкий поток" [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-7/51663 (дата обращения: 04.09.2019)

34. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Турецкой Республики (Анкара, 12 мая 2010 года) [Электронный ресурс] // Консульский информационный портал КД МИД РФ. Режим доступа: https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/Соглашение%20об%20условиях%20взаимных%20поездок%20(Анкара%2012%20мая%202010%20года).aspx (дата обращения: 07.09.2019)

35. Сотрудничество Республики Казахстан с Турецкой Республикой [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Режим доступа: http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/sotrudnichestvo-kazakhstana/sotrudnichestvo-so-stranami-evropy-i-ameriki/12-material-orys/414-sotrudnichestvo-respubliki-kazakhstan-s-turetskoj-respublikoj (дата обращения:19.07.2019)

36. Список государств-членов МАГАТЭ [Электронный ресурс] // Международное агентство по атомной энергии. Режим доступа: https://www.iaea.org/ru/o-nas/spisok-gosudarstv-chlenov (дата обращения: 27.09.2019)

37. Тезисы статьи Министра иностранных дел России С.В. Лаврова "Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России", опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» № 2, март-апрель 2006 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/404710 (дата обращения: 17.09.2019)

38. Телефонный разговор с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52295 (дата обращения: 29.09.2019)

39. Торгово-экономические связи между Россией и Турцией [Электронный источник] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/504794 (дата обращения: 20.08.2019)

40. Турецкая Республика [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/tr?currentpage=main-country (дата обращения: 16.08.2019)

41. Укрепление позиций русского языка [Электронный ресурс] // Россотрудничество. Режим доступа: http://rs.gov.ru/ru/activities/9 (дата обращения: 22.09.2019)

42. Черноморское экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Режим доступа: http://www.mid.ru/cernomorskoe-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-ces-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/590920 (дата обращения: 17.08.2019)

43. 2020 Yılına Girerken Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dıi Politikası *(Инициативная и гуманитарная внешняя политика Турции)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2020-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения: 21.01.2020)

44. 2023 Siyasi Vizyonu *(Политическое видение 2023)* [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi *(Партия справедливости и развития)*. Режим доступа: https://www.akparti.org.tr/parti/2023-siyasi-vizyon/ (дата обращения: 14.11.2020)

45. About TİKA [Электронный ресурс] // Turkish Cooperation and Coordination Agency Website. Режим доступа: https://www.tika.gov.tr/en/page/about_us-14650 (дата обращения: 04.11.2019)

46. Allied Land Command. History [Электронный ресурс] // NATO. Режим доступа: https://lc.nato.int/about-us/history (дата обращения:26.11.2019)

47. BLACKSEAFOR [Электронный ресурс] // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa (дата обращения: 17.08.2019)

48. Charter of the Organization of The Black Sea Economic Cooperation [Электронный ресурс] // BSEC Website. Режим доступа: http://www.bsecorganization.org/UploadedDocuments/StatutoryDocuments Agreements/CHARTERFourthEdition.pdf (дата обращения: 04.11.2019)

49. Diplomasi Academisi. Hakkımızda *(Дипломатическая академия. О нас)* [Электронный ресурс] // Diplomasi Academisi web-sitesi (Веб-сайт

Дипломатической академии). Режим доступа: http://diab.mfa.gov.tr/hakkimizda.tr.mfa (дата обращения: 04.11.2019)

50. Dışişleri Bakanlığı Diplomatik Kariyer Memurlarının Görevde Yükselme Usul ve Esasları Hakkında Yönetmelik *(Постановление «О процедурах и принципах повышения на посту дипломатических служащих Министерства иностранных дел»)* // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/Mevzuat/5-kariyer.pdf (дата обращения: 20.07.2020)

51. Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun *(Закон о создании и задачах Министерства иностранных дел)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf (дата обращения: 27.11.2019)

52. Genelge *(Циркуляр)* [Электронный ресурс] // Resmi Gazete *(Официальная газета)*. Режим доступа: https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/03/20100326-16.htm (дата обращения:30.07.2020)

53. Hedef 2023 *(Цели 2023)* [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi *(Партия справедливости и развития)*. Режим доступа: https://www.akparti.org.tr/hedef-2023/ (дата обращения: 14.11.2020)

54. Nakhchivan Agreement on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States [Электронный ресурс] // Turkkon. Режим доступа: https://www.turkkon.org/assets/pdf/temel_belgeler/nakhchivan-agreement-on-the-establishment-of-the-copperation-council-of-turkic-speaking-states-1-en.pdf (дата обращения: 29.09.2019)

55. Relations between Turkey and Turkmenistan [Электронный ресурс] // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa (дата обращения:19.07.2019)

56. Tandoğan M. 3. Türkiye-Afrika Zirvesi 2020'de İstanbul'da *(3-й Турецко-Африканский саммит в Стамбуле)* [Электронный ресурс] // İstanbul Ticaret Odası *(Торговая Палата Стамбула)*. Режим доступа: https://www.itohaber.com/koseyazisi/210671/3_turkiye-afrika_zirvesi_2020_de_istanbul_da.html (дата обращения:30.07.2020)

57. Türk Dili Konuşan Ülkeler Parlamenter Asamblesi *(Парламентская ассамблея тюркоязычных стра*н) [Электронный ресурс] // TÜRKPA Website. Режим доступа: https://www.turk-pa.org/tr/content/about_turkpa/history (дата обращения: 25.07.2019)

58. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı *(Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию)* [Электронный ресурс] // TİKA web-sitesi (Веб-сайт Турецкого агентства по международному сотрудничеству). Режим доступа: http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649 (дата обращения:10.06.2019)

59. Türk Keneşi. Organizasyon Tarihçesi *(Тюркский совет. История организации)* [Электронный ресурс] // Türk Keneşi web-sitesi (Веб-сайт Тюркского совета). Режим доступа: https://www.turkkon.org/tr/organizasyon-tarihcesi (дата обращения: 04.11.2019)

60. Türk Medeni Kanunu *(Гражданский кодекс Турецкой Республики)* [Электронный ресурс] // Mevzuat Bilgi Sistemi *(Информационная система законодательства)*. Режим доступа: https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.4721.pdf (дата обращения: 04.11.2019)

61. Turkey's Strategic Vision 2023 Project (*Проект «Стратегическое видение Турции 2023»)* [Электронный ресурс] // Türkiyenin Stratejik Vizyonu 2023. Режим доступа: http://www.tsv2023.org/index.php/en/ (дата обращения:17.07.2018)

62. Türkiye – Amerika Birleşik Devletleri Siyasi ve Ekonomik İlişkileri *(Политические и экономические отношения Турции и США)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-amerika-birlesik-devletleri-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:21.08.2018)

63. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası *(Конституция Турецкой Республики)* [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi Başkanlığı (Министерство иностранных дел Турецкой Республики). Режим доступа: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2017.pdf (дата обращения: 04.11.2019)

64. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Tarihçesi *(История Министрества иностранных дел Турецкой Республики)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cumhuriyeti-disisleri-bakanligi-tarihcesi.tr.mfa (дата обращения: 21.07.2020)

65. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Dışişleri Bakanları Listesi *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики. Список министров иностранных дел)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı web-sitesi (Веб-сайт Министерства иностранных дел Турецкой Республики). Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/_disisleri-bakanlari-listesi.tr.mfa (дата обращения: 04.11.2019)

66. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Merkez Teşkilatımız *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики. Наша структура)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri

Bakanlığı web-sitesi (Веб-сайт Министерства иностранных дел Турецкой Республики). Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/data/merkez-teskilatimiz-tr.pdf (дата обращения: 04.11.2019)

67. Türkiye-Afrika İlişkileri *(Турецко-Африканские отношения)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-afrika-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:29.07.2020)

68. Türkiye-Afrika Ortaklık Zirvesi *(Турецко-Африканский саммит партнерства)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı *(Администрация президента Турецкой Республики)*. Режим доступа: https://www.tccb.gov.tr/ozeldosyalar/turkiye-afrika/zirve/ (дата обращения:30.07.2020)

69. Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti Siyasi İlişkileri *(Турецко-китайские отношения)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cin-halk-cumhuriyeti-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:05.04.2019)

70. Türkiye-Endonezya Siyasi İlişkileri *(Политические отношения Турции и Индонезии)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-endonezya-siyasi-iskileri.tr.mfa (дата обращения:25.07.2020)

71. Türkiye-Güney Kore Siyasi ilişkileri *(Политические отношения Турции и Южной Кореи)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-guney-kore-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:22.07.2020)

72. Türkiye-Hindistan Siyasi ilişkileri *(Политические отношения Турции и Индии)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri

Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецко Республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-hindistan-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:22.07.2020)

73. Türkiye-Japonya Siyasi İlişkileri *(Политические отношения Турции и Японии)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı (Министерство иностранных дел Турецкой Республики). Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-japonya-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:05.05.2019)

74. Türkiye-Japonya Ticari ve Ekonomik İlişkileri *(Торгово-экономические отношения Турции и Японии)* [Электронный ресурс] // DTİK (Всемирный турецкий бизнес совет). Режим доступа: http://www.dtik.org.tr/DC/Editor/File/Raporlar/T%C3%BCrkiye-%20Japonya%20Ticari%20ve%20Ekonomik%20%C4%B0li%C5%9Fkileri.pdf (дата обращения: 04.11.2019)

75. Türkiye-Libya Siyasi İlişkileri *(Политические отношения Турции и Ливии)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-libya-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:30.07.2020)

76. Türkiye-Malezya Siyasi İlişkileri *(Политические отношения Турции и Малайзии)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой республики)*. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-malezya-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения:26.07.2020)

77. Türkiye-Myanmar Siyasi İlişkileri *(Политические отношения Турции и Мьянмы)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı (Министерство иностранных дел Турецкой Республики). Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-myanmar-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения: 04.11.2019)

78. Türkiye-Rusya Federasyonu ikili ilişkileri *(Двусторонние отношения между Турецкой Республикой и Российской Федерацией)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Moskova Büyükelçiligi *(Посольство Турецкой Республики в Москве).* Режим доступа: http://moscow.emb.mfa.gov.tr/Mission/ShowInfoNote/219910 (дата обращения: 04.11.2019)

79. Türkiye-Suudi Arabistan Ekonomik ve Ticari İlişkileri *(Турция-Саудовская Аравия. Торгово-экономические отношения)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики).* Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/suudi-arabistan-ekonomisi.tr.mfa (дата обращения:11.12.2018)

80. TÜRKİYE'NİN GİRİŞİMCİ VE İNSANİ DIŞ POLİTİKASI *(Инициативная и гуманитарная внешняя политика Турции)* [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı *(Министерство иностранных дел Турецкой Республики).* Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa (дата обращения: 04.11.2019)

81. TÜRKSOY hakkında *(ТЮРКСОЙ. О нас)* [Электронный ресурс] // TÜRKSOY web-sitesi *(Веб-сайт ТЮРКСОЙ).* Режим доступа: https://www.turksoy.org/tr/turksoy/about (дата обращения: 04.11.2019)

Монографии

82. Аватков В.А. Россия и Турция: вместе или порознь? М. Международные отношения, 2015. 278 с.

83. Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке. Под ред. Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова. М.: Дашков и К°, 2017. 411 с.

84. Алексеева Т. А. Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2007. 479 с.

85. Анхолт С. Брендинг: дорога к мировому рынку. М.: КУДИЦ-Образ, 2004. 270 с.

86. Армии на современном Востоке. Под ред. Д.В. Стрельцова. МГИМО. М.: Аспект Пресс, 2018. 384 с.

87. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М., Восток-Запад, 2010. 462 с.

88. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

89. Баранов П.П., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю. и др. Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления. Под ред. П.П. Баранова, А.И. Овчинникова. М., 2018. 249 с.

90. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.

91. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. 376 с.

92. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.

93. Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

94. Бжезинский, 3. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратег, императивы. М.: Междунар. отношения, 1998. 254 с.

95. Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М.: URSS, 2004. 48 с.

96. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

97. Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений (1945-2008 гг.). М.: МГИМО-Университет, 2009. 520 с.

98. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 390 с.

99. Бьюкенен П. Правые и неправые. М.: «АСТ», 2007. 348 с.

100. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

101. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003. 319 с.

102. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность. М.: Ленанд, 2015. 315 с.

103. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 - лето 2015 г.). Под. ред. В.А. Аваткова. М.: ООО "Паблис", 2015. 88 с.

104. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 – лето 2015 г.). Под ред. В.А. Аваткова. М.: ООО «Паблис», 2015. 88 с.

105. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е. М.: «Крафт+», 2007. 454 с.

106. Гаджиев А.Г. Особенности развития отношения между Турцией и ЕС в период правления Партии справедливости и развития // Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы (2002-2015). Под ред. Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова. ИВ РАН. М.: ИВ РАН, 2017. 178 с.

107. Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения // Симферополь: ДОЛЯ, 2008. 190 с.

108. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.

109. Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011- 2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир: монография. Под ред. И.Д. Звягельской. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.

110. Дружиловский С.Б. Политика Ирана и Турции в регионе Центральной Азии и Закавказья // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Возможности и вызовы для России. Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина; МГИМО(У) МИД России; ИНО-Центр. М.: Логос, 2003. 456 с.

111. Дюркгегш Э. О разделении общественного труда. М.: Капоп, 1996. 575 с.

112. Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI-XXI веков. М.: Квадрига, 2016. 320 с.

113. Зареванд. Турция и пантуранизм. М.: Ключ-С, 2015. 176 с.

114. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект Пресс, 2018. 224 с.

115. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). Под ред. А.В. Штанова и Е.И. Уразовой. М.: «Аспект Пресс», 2017. 424 с.

116. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М.: Издательство МГУ, 1994. 284 с.

117. Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока. Под ред. Л.М.Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО, 2018. 350 с.

118. Казанцев А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет, 2008. 382 с.

119. Киреев Н. Г. История этатизма в Турции. АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1991. 340 с.

120. Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // Нации и национализм на мусульманском Востоке. Под ред. В.Я. Белокреницкого, Н.Ю. Ульченко; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. С.235.

121. Киреев, Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. 608 с.

122. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. В. Львова, 1997. 848 с.

123. Киссинджер Г. Мировой порядок // пер. с англ. В.Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. 484 с.

124. Кокошин А. А. О национальных интересах и национальной безопасности. ФгБУН ИСПИ РАН Москва, 2017. 27 с.

125. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). Под. ред. В.В.Наумкина, Д.Б.Малышевой. М.: ИВ РАН, 2015. 411 с.

126. Кортунов В. В. Идеология и политика. М.: Издательство политической литературы, 1974. 286 с.

127. Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. Под ред. А.Н. Голикова. М., 2010. 363 с.

128. Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект Пресс, 2016. 224 с.

129. Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект Пресс, 2016. 223 с.

130. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на Большой Восток (2004-2008 гг.). М., 2007. 448 с.

131. Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. М., КДУ, 2007. 252 с.

132. Мангейм Дж., Рич К. Политология. Методы исследования. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. 544 с.

133. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. - М.: МИФИ, 2003. 388 с.

134. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: «Юрист», 1995. 700 с.

135. Манхейм К. Идеология и утопия. М.: Юристъ, 1994. 247 с.

136. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая Идеология. М., 1958. Т. 3. 689 с.

137. Международные организации и урегулирование конфликтов. Под ред. Т. А. Закаурцевой, Т. В. Кашириной. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. 188 с.

138. Международные отношения в Центральной Азии. // Под ред. А.Д. Богатурова. М.: «Аспект Пресс», 2014. 560 с.

139. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М, 2011. 336 с.

140. Михалев А.В. Концепция «мягкой силы»: обхор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 63-67.

141. Мкртычян А.А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе как глобальная проблема современных международных отношений (политологический анализ). М., 2003. 343 с.

142. Моисеев П., Розалиев Ю. К истории советско-турецких отношений. М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1958. – 83 с.

143. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 288 с.

144. Мюллер Ф. М. Введение в науку о религии. Под ред. А. Н. Красикова. М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. 264 с.

145. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм: идеология, история, политика: Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама, 2017. 316 с.

146. Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды». 2006. 224 с.

147. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М., 2019. 272 с.

148. Нейматов А.Я. Внешняя политика и дипломатия Саудовской Аравии в контексте цветных революций «Арабской весны». М.: Горячая линия – Телеком, 2015. С. 138.

149. Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. 392 с.

150. Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны. Под ред. П.П. Моисеева. М.: Наука, 1976. 306 с.

151. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М.: Российская газета, 2012. 382 с.

152. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве. Под общ. ред. И.В. Бочарникова. М.: «Экон-Информ», 2016. 306 с.

153. Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002. 599 с.

154. Сирота Н. М. Идеология и политика. М.: Аспект Пресс, 2011. 216 с.

155. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны // Под ред. В.В.Наумкина. М., 2010. 369 с.

156. СССР и Турция. 1917-1979. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. 320 с.

157. Сушенцов А.А. Малые войны США: политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000-2010-х гг. Под ред. А.Д. Богатурова. М., Аспект Пресс, 2014. 272 с.

158. Теория международных отношений. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: ГАРДАРИКИ, 2003. 400 с.

159. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2013. С. 287.

160. Торкунов А.В. По дороге в будущее. М: Аспект Пресс, 2010. 476 с.

161. Торкунов А.В., Наринский М.М. История международных отношений. Межвоенный период и Вторая мировая война. М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 2. 496 с.

162. Торкунов А.В., Наринский М.М. История международных отношений. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 1. 400 с.

163. Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития. Под ред. М.В. Стрежневой. М.: ИМЭМО, 2010. 266 с.

164. Тузиков А.Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс-медиа. М.: Социально-гуманитарные знания, 2002. 290 с.

165. Уразова Е.И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012. 278 с.

166. Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. Екатеринбург: Издательские решения, 2016. 248 с.

167. Филимонов Г.Ю. Мягкая сила культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.

168. Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М., 2015. 582 с.

169. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., АСТ, 2005. 576 с.

170. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и порядок в XXI веке. М.: АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.

171. Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. С. 320.

172. Хардт М., Негри А. Империя. Под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

173. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, 2008. 208 с.

174. Хэлд Д. Современная политическая теория. Пер. с англ. В.И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2001. 480 с.

175. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М., Аспект Пресс, 2017. 100 с.

176. Штоль В.В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019. 434 с.

177. Шутов А.Д. Постсоветское пространство. Дипломат. акад. МИД России, Ин-т актуал. междунар. проблем. М., Науч. кн., 1999. 250 с.

178. Яковлев М.В. Идеология: противоположность марксистско-ленинской и буржуазной концепций. М.: Мысль, 1979. 271 с.

179. Akdağ Y. Din Kapitalizm ve Gülen Cemaati. İstanbul, Evrensel basın yayın, 2011. 114 p.

180. Akkoyunlu K. Turkey’s Iranian Conundrum: A Delicate Balancing Act // Öktem. K., Kadıoğlu A., Karlı M. Another Empire? A Decade of Turkey’s Foreign Policy Under the Justice and Development Party. İstanbul: İstanbul Bilgi University Press, 2012. 309 p.

181. Akyol T. Sovyet Rus stratejisi ve Türkiye. İstanbul: Ötüken neşriyat, 1979. 744 p.

182. Balcı A. Türkiye Dış Politiikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar *(Внешняя политика Турции: принципы, акторы и механизмы)*. 3. Baskı. İstanbul: ALFA, 2017. 338 p.

183. Baran Z. Torn Country. Turkey Between Secularism and Islamism. Stanford: Hoover Institution Press, 2010. 173 p.

184. Bauman Z. Globalization: Human Consequences. New York: Columbia University Press, 1998. 136 p.

185. Bayraklı E., Ulutaş U. FETÖ'nün anatomisi. 3. Baskı. İstanbul: SETA Kitapları, 2017.181 p.

186. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 518 p.

187. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1995. 329 p.

188. Buzan B., Little R. International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000. 472 p.

189. Campbell K., O'Hanlon M. Hard Power: The New Politics of National Security. N.Y.: Basic Books, 2006. 366 p.

190. Carr E.H. The Twenty Years Crisis, 1919-1939: an Introduction to the Study of Iternational Relations. London: Macmillan, 1939. 233 p.

191. Çeçen A. Türkiye ve Ortadoğu. İstanbul: Destek Yayınları, 2018. C. 425.

192. Çetinkaya H. Fethullah Gülen. ABD ve AKP. İstanbul: Günizi Yayıncılık, 2007. 184 p.

193. Çetinkaya H. Fethullah Gülen'in 40 yıllık serüveni. İstanbul: Günizi Yayıncılık, 2007. 180 p.

194. Cotîrlea D.A. Country image vs. country brand: differences and similarities // Egoforum, 2015. №4. p.170.

195. Davutoğlu A. Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu (Стратегическая глубина: международное положение Турции). İstanbul: Küre Yayınları, 2011. 559 p.

196. Demirel T. Adalet Partisi. İdeoloji ve Politika. İstanbul: İletişim, 2004. 376 p.

197. Doğu Batı. Düşünce dergisi. Sayılar 28-31, 2005. 294 p.

198. Drucker U.M. The Political uses of Ideology. L., 1974. 170 p.

199. Erdem E. Nurjuvazi. Din elbisesini tersten gienler. İstanbul: Togan, 2011. 236 p.

200. Ertekin O. Cumhuriyet Döneminde Türkçülüğün Çatallanan Yolları *(Раздвоенные пути тюркизма в республиканский период)* // Modern Türkiye'de Siyasi Düşence. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul: 2009. P. 345-387.

201. Fan Y. Branding the nation: Towards a better understanding // Place Branding and Public Diplomacy, 2010. №6. P.98-99.

202. Flanagan S.J., Larrabee F.S., Binnedijk A., Costello K., Efron S., Hoobler J., Kirchner M., Martini J., Nader A., Wilson P.A. Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020. – 243 c.

203. Gültekin B. Türkiye'nin uluslararası imajinda yükselen değerler ve eğimler // Selçuk İletişim, 2005. №4 (1). P.126-140.

204. Güriz A. Kapitalist İdeoloji *(Капиталистическая идеология).* Ankara, Phoenix. 2010. 342 p.

205. Haas M.L. The Clash of Ideologies. Middle Eastern Politics and American Security, Oxford, 2012. 320 p.

206. Hoffman S., Keohane R., Mearsheimer J. Back to the Future, Part II: International Relations Theory and Post-Cold War Europe // International Security, 1990. Vol. 15. № 2. 5-56 p.

207. İnal K. Eğitim ve ideoloji *(Образование и идеология).* İstanbul: Kalkedon, 2008. 422 p.

208. İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti (Партия справедливости и развития: от основания до сегодняшнего дня). Dış politika. 2. Baskı. İstanbul: SETA Kitapları, 2018. 552 p.

209. Jost J.T., Kay A.C., Thorisdottir H. Social and psychological bases of ideology and system justification. New York: Oxford University Press, 2009. 552 p.

210. Karatepe Ş. Siyasi ideolojiler *(Политические идеологии)*. İstanbul: İz Yayıncılık, 2011.302 p.

211. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition // Political Science Quarterly, 1978. Vol. 93. No. 1. 273 p.

212. Keohane R., Nye J. Transnational Relations and World Politics // Center for International Affairs, 1972. 428 p.

213. Khanna P. Imperial relations // The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. New York: Random House, 2009. P.13-23.

214. Kushner D. The Rise of Turkish Nationalism, 1876-1908, Routledge: 1977. 126 p.

215. Larrabee F.S., Lesser İ.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Pittsburg: RAND, 2003. 240 p.

216. Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. London: Forgotten Books, 2017. 432 p.

217. Mango A. The Turks Today. London, 2004. 292 p.

218. Mardin Ş. Din ve ideoloji *(Религия и идеология)*. İstanbul: İletişim, 2011. 188 p.

219. Mustafa Yelkenli. Yalanın Egemenliği *(Господство лжи)*. İstanbul: Özgür Üniversite, 2010. 167 p.

220. Naiguo L. New Theories of Information War. Beijing, PRC: Academy of Military Science Press, 2004. 154 p.

221. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY: Public Affairs, 2004. 208 p.

222. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2002. 240 p.

223. Nye J.S. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power, 1990. 307 p.

224. Nye Jr., Joseph S. The future of power. NY: Public Affairs, 2001. P.34-35.

225. Özbek S. İdeoloji Kuramları. İstanbul: Notos, 2011. 180 p.

226. Panin V., Paniev H. Turkey and Russia // Turkish Foreign Policy in the Post Cold War Era / (Ed.) Idris Bal. Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. P. 253 - 268.

227. Pareto V. "Treatise on General Sociology" in Sociological Writings-Blackwell, 1976. 1156 p.

228. Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. NY: Free Press, 1967. 564 p.

229. Perinçek D. FETÖ Darbesi. Kökleri Yükselişi Ezilmesi ve Sonuçları. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2016. 208 p.

230. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey. Pittsburgh: RAND, 2008. 134 p.

231. Resmi tarih tartışmaları *(Официальные дебаты по истории).* Editör M.K. Kaynar. Özgür Üniversite. Ankara, 2010. P. 211-258

232. Rossiter C. S. The Turkey and the Eagle. New York: Algora Publishing, 2010. 300 p.

233. Şen S. Ortadoğu'da İdeolojik Bunalım *(Идеологический кризис на Ближнем Востоке).* İstanbul: Hemen Kitap, 2010. 384 p.

234. Şık A. İmamın ordusu. – İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2017. 384 p.

235. Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Smilarities and Differences. Netherlands: Desiree Davidse, 2008. 52 p.

236. Talbott S. Great Experiment: The Story of Ancient Empires, Modern States, and the Quest for a Global Nation. N.Y, 2008. 496 p.

237. Uzer U. An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity. Salt Lake City: 2016. 276 p.

238. Vertigans S. Islamic Roots and Resurgence in Turkey. Praeger, London, 2003. 195 p.

239. Waltz K.N. Theory of International Politics. N.Y.: McGraw Hill, 1979. 251 p.

240. Yıldız H. Din siyaset ve ideoloji. Samsun: Sidre, 1999. 152 p.

Статьи в периодических изданиях

241. Аватков В. А., Бадранов А. Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век, 2013. № 2 (27). С. 5-10.

242. Аватков В. Оборона через лидерство: Турция накануне референдума о конституции [Электронный ресурс] // Валдайские записки, 2017. № 65. Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/files/15431/ (дата обращения:18.02.2018)

243. Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турции: ключевые изменения 2016-го // Свободная мысль, 2017. №2 (1662). С. 71-76.

244. Аватков В.А. Деятельность аналитических центров в Турции при правлении Партии справедливости и развития. Вестник МГИМО-Университета, 2013. № 3. С. 100-104.

245. Аватков В.А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль, 2016. №5 (1659). С.27–39.

246. Аватков В.А. Кризис турецкой идентичности // Политика и Общество, 2017. № 4. С.96-103.

247. Аватков В.А. Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО-Университета, 2012. №2. С. 128-133.

248. Аватков В.А. Некоторые аспекты формирования региональной «империи» нового типа // Право и управление. XXI век, 2014. №1 (30). С.96-98.

249. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль, 2014. № 3. С.71-78.

250. Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // Обозреватель-Observer, 2018. №11. С.38-52.

251. Аватков В.А. Томилова Ю.О. Перспективы становления Турции в качестве ведущего игрока на африканском континенте // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4(31). С 227-233.

252. Аватков В.А. Турция сегодня. Ключевые тенденции в политическом курсе // Свободная мысль, 2019. №2(1674). 144 с.

253. Аватков В.А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2017. № 2. С. 181-186.

254. Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика, 2018. № 2. С.11-25.

255. Аватков В.А., Иванова Н.А. Коммуникативная интеграция в СНГ // Международные процессы, 2012. Т.10. № 29. С. 165-168.

256. Айрапетян А.М., Панин В.Н., Дегоев В.В. Пост-биполярный мировой порядок: императивы становления // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2016. № 4. С. 115-117.

257. Акопьянц А.С. К истории международных договоров с Турцией: Карсский договор 1921 г. [Электронный ресурс] // Интерэкспо ГЕО-Сибирь, 2016. Т. 1. С.166-169.

258. Аникин В.И. Актуальные проблемы развития интеграционных процессов в многостороннем сотрудничестве стран

СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право, 2018. № 4. С.56-66.

259. Аникин В.И., Сурма И.В. Глобальная конкуренция: от рейтинга конкурентоспособности к рейтингу «мягкой силы» // XXI век: перекрестки мировой политики. М.: «Канон +», 2014. С. 79-99.

260. Арбатов А.Г. Грядет ли холодная война? // Россия в глобальной политике, 2007. Т.5. №2. С.42-43.

261. Арбатова Н.К. Евро-атлантические отношения в XXI веке: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения, 2015. №11. С. 31-37.

262. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ, 2013. Сер. 6. Вып. 4. С.71-77.

263. Бабинцев В.А. Саадабадский пакт в период "странной войны" (октябрь 1939 - март 1940) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск: УрГУ, 1977. № 6. С. 115-129.

264. Бажанов Е. П. Неизбежность многополюсного мира // Мировая экономика и международные отношения, 2004. №2. С. 11-16.

265. Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. М.: ИМЭМО РАН, 2017. №1. С. 55–63.

266. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений (часть I) // Полис. Политические исследования, 2012. №3. С. 36-44.

267. Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования, 2017. №3. С.72-75.

268. Барбашин М.Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития, 2012. № 7. С. 45-50.

269. Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы, 2016. Т.14. №1. С. 6-25.

270. Белокреницкий В.Я. Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств Средне-Западной Азии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2012. № 7. С.12-35.

271. Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы, 2004. №1. С. 16-33.

272. Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль, 1996. №2. С. 25-36.

273. Богатуров А.Д., Фененко А.В. Посткризисные тренды в мировой политике // Свободная мысль, 2011. №2 (1621). С. 119-134.

274. Братерский М.В. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии // Россия и современный мир, 2016. №2. С. 39-48.

275. Бударин Г. А., Магомедов А. К. Проблема локальной идентичности в постсоветской России в контексте эволюции региональных исслеедований: старые сюжеты и новейшие дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 2014. Т. 14, № 4. С. 96-98.

276. Бурашникова А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета, 2013. Т.13. № 2. С. 65-69.

277. Вартаньян Э.Г. Идейно-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX-XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма // Историческая и социально-образовательная мысль, 2015. №3. Т.7. С. 26-30.

278. Вилков А.А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 2014. Т.14. №2. С. 66-74.

279. Володин А.Г. Глобальный кризис и становление нового мира // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука, 2010. С. 129-137.

280. Володин А.Г. Россия в «свободной геометрии» мировой политики// Геополитический журнал, 2015. № 4 (11). С. 6-14.

281. Воробьев С.В., Каширина Т.В. Историческая память как фактор «мягкой силы» // Вопросы истории, 2018. № 1. С. 111-114.

282. Воробьев С.В., Каширина Т.В. Карибские события 1962 года как успешная модель управления кризисом. О силовом балансе в советско-американских отношениях // Обозреватель, 2018. № 7 (324). С. 37-49.

283. Воробьев С.В., Каширина Т.В. Сирийский кризис в контексте российско-американских отношений // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, 2017. № 4 (327). С. 44-50.

284. Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика, 2020. Т. 11. №4. С. 5-26.

285. Гаджиев А.Г. Перспективы вступления Турции в ЕС и Россия // Вестник РУДН, 2012. №. 3. С. 48-53.

286. Гасратян С. Отношения Израиля и Турции на современном этапе и исламский фактор [Электронный ресурс] // Международная жизнь. Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1474 (дата обращения: 26.10.2018)

287. Гельбрас В.Г. Китай. Чем недовольны уйгуры // Азия и Африка сегодня, 2010. № 6 (635). С.49-54.

288. Глазова А., Иваненко В., Колесников А., Свистунова И. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир, 2015. №4 (274). С. 94-118.

289. Глазунова Е.Н. У истоков содействия международному развитию: американская программа технической помощи развивающимся странам // Вестник Московского университета, 2012. № 2. С. 126–157.

290. Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Медиаскоп», 2008. №2. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/образ-страны-или-имидж-государства-поиск-конструктивной-модели

291. Громыко Ал.А. «Постоянство и изменчивость в истории международных отношений» // Современная Европа, 2016. № 1 (67). С. 5-8.

292. Громыко Ан.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и Мировая Политика, 2014. № 3. С. 3-19.

293. Гуторов В.А. Дихотомия Восток-Запад в структуре сравнительного анализа политических культур // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2015. С. 193-202.

294. Давыдов О.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы, 2004. №4. С. 69-80.

295. Даосю Х. Террористические преступления в Китае и противодействие терроризму // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право, 2014. №1 (30). С. 166-174.

296. Дворкин В.З. Трансформация стратегической стабильности // Мировая экономика и международные отношения, 2013. №8. С. 22–28.

297. Дегтерев Д.А. Содействие цивилизационному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и

внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 2. С. 99-104.

298. Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / nota bene, 2018. № 1. С. 1-12.

299. Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО-Университета, 2010. №1(10). С.123-133.

300. Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять [Электронный ресурс] // Журнал «Россия в глобальной политике», 2005. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5965 (дата обращения:10.06.2019)

301. Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель (Observer), 2013. № 6 (281). С.73-88.

302. Дынкин А., Пантин В. На пороге неспокойного мира: современная эпоха и кризисные 70-е. // Мировая экономика и международные отношения, 2010. № 6. С. 3-9.

303. Ефимова Л.М. Ислам и политика в мусульманском обществе. Опыт Индонезии // Международные процессы, 2019. Т. 17. № 1 (56). С. 73-87.

304. Жигалина О.Г. Ситуация в этническом Курдистане и перспективы ее развития // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 47-53.

305. Жильцов С.С. «Мягкая сила» в мировой политике // Современная Европа, 2018. № 2. С. 152-156.

306. Жильцов С.С. Политические процессы в Центральной Азии: особенности, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2016, Т.19. № 1. С. 23-31.

307. Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий // Центральная Азия и Кавказ, 2014. Т.17, № 1. С.37-51.

308. Жириновский В.В. Геополитика. Особые отношения // Прямые инвестиции. 2011. № 6 (110). С. 37.

309. Задохин А.Г. Русское национальное сознание и внешняя политика России // Обозреватель. 2012. № 8. С. 9-19.

310. Зайцев И.В. Письма Исмаил-бея Гаспринского А.С. Суворину и П.П. Вяземскому // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 175-179.

311. Зверева Т.В. Миграционный кризис: «тихий развал» Евросоюза или новый этап в развитии интеграции? // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 2015. № 4 (6). С. 106-126.

312. Иванов О.П. Американские концепции «стратегического паралича» // Обозреватель-Observer, 2008, №.3 (218). С. 57-69.

313. Иванова И.И. Отношения Турции с мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. М: ИВ РАН, 2011. № 6. С. 109-136.

314. Ирхин А.А., Демешко Н.Э. Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» // Перспективы, 2019. № 2 (18). С. 37-49.

315. Исаев А. Символы внешней политики Турции [Электронный ресурс] // Журнал «Международная жизнь». Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/22524 (дата обращения:17.06.2019)

316. Каширина Т.В. Американская концепция «современного миропорядка» и американо-российские отношения на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия «История и политические науки», 2010. №2. С. 116-120.

317. Каширина Т.В. Проблема сокращения стратегических наступательных и оборонительных вооружений в российско-американских отношениях постсоветского периода // Новая и новейшая история, 2014. №3. С. 91-103.

318. Киреев Н.Г. Метаморфозы политического ислама // Азия и Африка сегодня, 2003. №6. С. 17-23.

319. Киреев Н.Г. Турция: неудачи радикального исламизма и успехи умеренного // Россия и мусульманский мир, 2011. № 3. С.108-130.

320. Киреев Н.Г. Турция: что в багаже у партии власти «умеренного ислама» // Россия и мусульманский мир, 2004. № 8. С.87-100.

321. Киселев И. Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма [Электронный ресурс] // Журнал ПОЛИТЭКС. 2007. № 3. С. 253-260.

322. Клименко С. Теория и практика ведения «Гибридных войн» (по взглядам НАТО) // Зарубежное военное обозрение, 2015. № 5. С. 109-112.

323. Кожокин Е. Власть в исламской традиции // Свободная мысль, 2012. № 3/4. С.94-105.

324. Колесникова М.А. Военный аспект внешней политики Турции на африканском направлении // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 26-36.

325. Колесникова М.А. Турция и Африка: некоторые аспекты взаимодействия // Вестник КРСУ. 2020. Т20. № 3. С. 181-184.

326. Кортунов С.В. Становление нового мирового порядка // Международная жизнь, 2002. № 6. С. 77-94.

327. Косачев К.И. Мягкая сила и жесткая сила – не сумма, но произведение // Индекс безопасности, 2013. №4. С. 11-18.

328. Косолапов Н.А. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. №1. М., 1994. С. 3-24.

329. Краутхаммер Ч. Момент однополярности иностранных дел // Америка и мир, 1990. Т. 70. № 1. С. 23-33.

330. Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток: состояние и перспективы развития региональной ситуации // Россия и мусульманский мир, 2016. № 10 (292). С. 98-145.

331. Кудряшова И.В., Матюхин В.В. Турция: национальные интересы и имперскость // «Политическая наука», 2013. № 3. С. 117 – 136.

332. Кудряшова Ю.С. Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы // Вестник МГИМО-Университета, 2012. №5(26). С. 38-44.

333. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их деятельность. // Вестник МГИМО Университета. 2014. №2. С. 47-55.

334. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы. // Вестник МГИМО Университета, 2017. №3. С. 212-223.

335. Ледовская О.А. Проблемы экономических отношений между Японией и Турцией // Труды Института востоковедения РАН, 2018. № 10. С. 158-174.

336. Ледовская О.А., Устинова Т.Н. Развитие культурных связей между Японией и Турцией // Восточная аналитика, 2018. № 1-2. С. 93-100.

337. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства. // Обозреватель-Observer, 2013. №4. С.27-40.

338. Леонтьев Д. А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // Реклама и жизнь, 2000. №1(13). С. 19-22.

339. Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2010. № 1. С. 96-102.

340. Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука, №4. 2003. С. 8-31.

341. Малышева Д. Б. Новая ближневосточная стратегия Турции // Россия и мусульманский мир, №10, 2012. С.108-114.

342. Малышева Д. Б. Политическая трансформация Турции в контексте референдума 16 апреля // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017, Т. 10. № 2(53). С. 167-180.

343. Малышева Д.Б. Ислам и проблемы демократизации в постсоветской Евразии // Россия и мусульманский мир, 2006. № 5. С. 91-111.

344. Малышева Д.Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии, 2017. № 3 (36). С.48

345. Малышева Д.Б. Мусульманский компонент мировой политики // Россия и мусульманский мир, №7. 2003. С. 108-131.

346. Малышева Д.Б. Политическое развитие Турции на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения, 2014. № 9. С. 84-91.

347. Мамедова Н.М. Вокруг иранской ядерной программы. Позиции прагматических политических сил // «Север-Юг-Россия», 2007. С .155-160.

348. Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 2(24). С. 159-175.

349. Мартынова М.Ю. Образование как ресурс конструирования идентичности молодежи. Российский опыт // PolitBook, 2014. № 1. С. 33-60.

350. Масумова Н.Р. Современные тенденции турецкой трудовой миграции в страны Западной Европы // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2012. № 7. С. 110-120.

351. Мейер М.С. Россия и исламский мир // Исторический вестник. 2015. Т. 11. № 158. С. 12-37.

352. Михалев А.В. Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи: Научный журнал, 2014. № 1. С. 64-67.

353. Мозлоев А.Т. Обострение отношений между Россией и Турцией: перспектива сотрудничества // Вестник МГИМО – Университета, 2016. №2. С. 49-52.

354. Мосаки Н.З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. 2013. №2. С. 49-66.

355. Надеин-Раевский В. Турция на пороге непростого выбора [Электронный ресурс] // Международная жизнь. Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1040 (дата обращения:16.11.2019)

356. Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения, 2013. № 2. С. 84-92.

357. Надеин-Раевский В.А. Идейная борьба и «Новая Турция» // Вестник МГИМО университета, 2016. № 2(47). С. 22-31.

358. Надеин-Раевский В.А. Идеологическая борьба в Турции и российско-турецкие отношения // Человеческий капитал, 2016. №2 (86). С. 47-49.

359. Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1(58). С. 139-156.

360. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64. № 6. С. 104-113.

361. Наумов А. Фактор «мягкой силы» // Стратегия России, 2010. №1. С. 53-55.

362. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1. // Обозреватель – Observer, 2016. №1. С. 31-42.

363. Неймарк М.А. Русский мир в европейском пространстве // Стратегия России, 2009. № 5. С. 43-54.

364. Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования, 2018. № 6. С. 32-46.

365. Никитин А.И. Эволюция изучения проблематики конфликтов в контексте международной безопасности в постсоветской России // Вестник МГИМО – Университета, 2016. № 5(50). С. 48 – 62.

366. Орешкова С.Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения [Электронный ресурс] // Вопросы истории. 2005. №3. С. 34-46. Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Orechkova_00.pdf (дата обращения: 06.07.2019)

367. Панин В.Н., Паниев Г.Э. Геополитические ориентиры Турции в начале XXI века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2002. № 1. С. 86-88.

368. Пантин В.И., Лапкин В.В. Россия между Западом и Востоком: проблемы геополитического и геокультурного самоопределения // Россия и мусульманский мир, 2007. №1. С. 5-22.

369. Пантин В.И., Семененко И.С., Лапкин В.В. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис (Политические исследования), 2010. №3. С. 40-59.

370. Пиляева М.А. Израиль – Турция: противоречивое партнерство // Азия и Африка сегодня, 2009. № 1 (618). С.24-27.

371. Пляйс Я.А. Политическая элита России в поисках новой идеологии // Обозреватель, 2008. №3. С.1-18.

372. Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель-Observer, № 12 (323). 2016. С. 15-25.

373. Подберезкина О.А. Человеческий капитал и посткапиталистическая идеология // Вестник МГИМО Университета, 2012. № 5 (26), С.235-239.

374. Полякова Н.В. Раймон Арон: интеллектуал в политике и политика интеллектуала // Вестник СПбГУ, 2016. №3. С. 45-53.

375. Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако, 2013. №6. С.18-26.

376. Пономарева Е.Г. Сумма методологии. Современная политическая наука // Международные процессы, 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 179-184.

377. Поцхверия Б.М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2010. № 5. С. 361.

378. Почта Ю.М. Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора) // Вестник РУДН. Серия: политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 620-632.

379. Прохоренко И.Л. Возможности пространственного подхода в анализе этнополитического конфликта // Полис. Политические исследования, 2016. №6. С. 127-138.

380. Радкевич К.В., Шабага А.В. Оппозиция «запад-незапад» в социальной мысли: Pro et contra // Вестник РУДН. Серия: социология, 2018. Т. 18, № 1. С. 20-32.

381. Рогожина Н.Г. «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 5-22.

382. Рудов Г.А., Задохин А.Г. Глобальные проблемы в контексте современных тенденций мировой политики // Обозреватель – Observer, 2007. № 11 (214), С. 109-116.

383. Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2003. №1. С.203-219.

384. Рыхтик М.И. Ценностная составляющая безопасности: шанс или помеха трансграничному сотрудничеству? // Дневник Алтайской школы политических исследований, 2004. № 19-20. С. 110-114.

385. Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник РУДН. Серия: международные отношения, 2014. № 3. С. 14-21.

386. Сатановский Е.Я. Между кризисом и катастрофой // Россия и мусульманский мир. 2016. № 5 (287). С. 13-23.

387. Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии, 2012. № 4. С.39-55.

388. Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета, 2016. Т. 47, № 2. С. 53-61.

389. Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии, 2015. №5(32). С. 69-84.

390. Свистунова И.А. Отношения Турции с Иракским Курдистаном в контексте процесса трансформации понятия национальной идентичности в Турции // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2015. № 9. С. 403-412.

391. Свистунова И.А. Турецко-американские отношения после прихода к власти в США нового президента // Труды Института востоковедения РАН, 2019. № 20. С. 147-163.

392. Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 130-144.

393. Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис (Политические исследования), 2008. №5. С. 7-18.

394. Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2011. Т.7. №2. С.5-24.

395. Сидорова И. С. Государственная политика как инструмент формирования имиджа страны // Государственное управление, 2013. №40. С.150-162.

396. Симония Н.А. Социально-экономические аспекты глобального лидерства // Международные процессы, 2010. Т.8. №3. С. 16-30.

397. Смолняк И. В. Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американо-турецких отношениях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2016. №12. С. 42-53.

398. Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО-Университета, 2016. №5. С.34-47.

399. Сотниченко А.А. Пролог «холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945-1950 гг. в условиях формирования ялтинской системы международных отношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, 2010. № 2. С. 218-234.

400. Суздалева Т. Р. Советская империя или содружество наций? // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2013. №6. С. 23–30.

401. Сулейманов Р.Р. Татаро-турецкие лицеи в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллаха Гюлена // Современные евразийские исследования, 2016. №1. С. 78-84.

402. Ташансу Тюркер Османская империя в современной турецкой историографии // Вестник Московского университета. Востоковедение, 2007. № 2. С. 41-50.

403. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университет, 2012. № 4. С. 85-93.

404. Троицкий Е.Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992-2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета, 2009. №328. С. 84-88.

405. Ульченко Н.Ю. Перспективы экономического развития Турции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 3. С. 92-106.

406. Федорова М.М. Понятие долга памяти в контексте современных идеологических дискурсов // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2019. № 2 (59). С. 133-140.

407. Федякин А. В. Политика формирования позитивного образа государства в системе приоритетов государственной политики // Вестник Московского университета. Политические науки, 2010. №3. С. 11-24.

408. Флегентова А.А. Ближневосточный вектор внешней политики КНР (на примере китайско-турецких отношений) // Актуальные проблемы современных международных отношений, 2017. № 9. С. 137-142.

409. Фролов А. Дело Хашогги – тест для американо-саудовских отношений // Обозреватель, 2019. № 2 (349). С. 18-36.

410. Фролов А. Турция – Сирия: метаморфозы ближневосточной политики // Россия и мусульманский мир, 2016. № 2 (284). С. 85-100.

411. Фролов А. Турция vs арабский мир: прагматичное партнерство // Обозреватель, 2018. № 5 (340). С. 76-93.

412. Хаас Р. Н. Эпоха бесполярного мира [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике, 2008. № 4. Т.6. Режим доступа: https://globalaffairs.ru/number/n_11144 (дата обращения: 09.11.2019)

413. Хас К. Подход Турции к ШОС: возможный вклад в региональную безопасность и экономическое процветание // Ежегодник ИМИ, 2015. № 2 (12). С. 102-105.

414. Цибенко В.В. Обыкновенный неоосманизм: Османские очаги и янычары дворца // Арабские маршруты в азиатском контексте. СПб. 2016. С. 394-404.

415. Цибенко В.В. Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси (нурджулар) // Сектоведение. Минск, 2014. С. 102-111.

416. Чечевишников А.Л. Гуманитарное сотрудничество в СНГ // Вестник МГИМО Университета, 2011. № 6. С. 47-50.

417. Шабага А.В. Идентичность исторического субъекта как социальный феномен // Вестник РУДН. Серия: социология, 2009. № 2. С. 13-23.

418. Шабага А.В. Эссе о неолиберализме // Вестник РУДН. Серия: социология, 2019. Т. 19, № 3. С. 553-562.

419. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // «Международные процессы», 2011. Т. 9. № 2. С. 29-39.

420. Шамугия И.Ш. Понятие «Публичная дипломатия» в теории международных отношений // Актуальные проблемы современных международных отношений, 2017. №10. С.136-142.

421. Шангараев Р.Н. Курдский вопрос во внешней политике Турции на Ближнем Востоке // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 127-135.

422. Шлыков В.И. Турция: формирование новой модели военно-гражданских отношений // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. № 8. 2014. С. 42-61.

423. Шлыков П. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» [Электронный ресурс] // Перспективы. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения:05.02.2019)

424. Шлыков П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции: сравнительный анализ концепций и попыток их реализации в 2000-е годы // Сравнительная политика, 2019. Т.10. №4. С. 34-51.

425. Шлыков П.В. Евразийство и Евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика, 2017. Т.8. № 1. С. 58-76.

426. Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1(105). С. 110-135.

427. Шлыков П.В. Турецко-американские отношения в зеркале ближневосточного и евро-атлантического измерений // Актуальные проблемы Европы, 2019. № 1. С. 184-228.

428. Шлыков П.В. Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса // Современная Европа, 2016. № 3 (69). С. 53-65.

429. Штоль В.В. Восторжествует ли разум в мировой политике? // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, 2017. № 10 (333). С. 6-13.

430. Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Обозреватель-Observer, 2019. №1. С. 21-33.

431. Юртаев В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Контуры глобальных трансформаций, 2017. Т 10. № 2. С. 66-80.

432. Ягья В.С., Чуков Р.С., Парфененок Н.Л. БРИКС: эволюция и конвергенция сил // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения», 2016. №1. С.7-16.

433. Яковенко А. В. Почему мир становится для нас все менее предсказумемым // Дипломатическая служба, 2019. №3. С. 16-19.

434. Alaranta T. National and state identity in Turkey: the transformation of the republic's status in the international system. New York, 2015. 181 p.

435. Albert M., Cederman L.-E., Wendt A. New Systems Theories of World Politics // N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 312 p.

436. Dinc C., Yetim M. Transformation of Turkish Foreign Policy Toward the Middle East: From Non-Involvement to a Leading Role // Alternatives. Turkish Journal of International Relations, 2012. Vol. 11. № 1. P. 68-84.

437. Ersoy E. Türkiye-Çin askeri ilişkileri: yeni bir analitik çerçeve içinde değerlendirme (Турецко-китайское военное сотрудничество: оценка в новой аналитической структуре) // Avrasya Dosyası, 2009. Т. 14, № 2. 24 с.

438. Erşen E. Turkey and Russia: an emerging "strategic axis" in Eurasia? // EurOrient. 2011. № 35-36. С. 263-285.

439. Gübrüz A. Diplomatik İlişkilerin Kesilmesinden Stratejik Ortaklığa Giden Süreçte Türk-Amerikan İlişkileri (1917-1945) // Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi, 2018. Т. 3. № 2. 50 с.

440. Herrmann R.K., Keller J.W. Beliefs, Values, and Strategic Choice: U.S. Leaders' Decisions to Engage, Contain, and Use Force in an Era of Globalization // The Journal of Politics, 2004. №66(2). P. 557-580.

441. Hoffman F.G. Hybrid warfare and challenges // JFQ: Joint Force Quarterly, 2009. P. 34-48.

442. Hurwitz J.., Peffley M. How Are Foreign Policy Attitudes Structured? A Hierarchical Model // The American Political Science Review, 1987. № 81(4). 1099-1120 p.

443. Irkhin A., Moskalenko O. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quarterly. 2020. Vol. 15. № 4. P. 110-121.

444. İsmayıl T., Tatlı U. Uluslararasi ilişkilere rusya'nin gözüyle bakmak. Trakya University Journal of Social Science, 2018. 20(1): P. 113-127.

445. Lin H. Cyber conflict and international humanitarian law // New Technologies and Warfare, Vol. 94, Issue 886, 2013. P. 526.

446. Nye J. Get Smart. Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs, 2009. P. 160-163.

447. Nye J.S., Owen W. America's Information Edge // Foreign Affairs, 1996. P. 21-22.

448. Oğuzlu T. NATO ve Türkiye: Dönüşen İttifakın Sorgulayan Üyesi // Uluslararası İlişkiler, 2012. T. 9. № 34. C. 99-124.

449. Oğuzlu T. Soft power in Turkish foreign policy // Australian Journal of International Affairs, 2007. P. 81-97.

450. Panin V. Eurasianism in Turkish- Russian Relations: the Role of Universities // World Universities Congress, Canakkale, Turkey. Proceedings II. Ankara: Pozitif Printing Co. Ltd., 2010. 1936 p.

451. Saraçoğlu C., Demirkol Ö. Nationalism and Foreign Policy Discourse in Turkey Under the AKP Rule: Geography, History and National Identity [Электронный ресурс] // British Journal of Middle Eastern Studies,

2015. Vol. 42. №3. P. 301–319. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1080/13530194.2014.947152 (дата обращения: 09.02.2018)

452. Zhigulskaya D.V. Development of democratization processes in Turkey in the late ottoman and early republican periods // Historical and social-educational ideas, 2017. Vol. 9. № 2/2. P. 37-41.

Сборники статей

453. Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турции: текущие тенденции и перспективы развития // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. Под. ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. М.: МГИМО-Университет, 2014. С.11-17.

454. Ачкасов В.А. Европа – Россия – Турция: треугольник взаимозависимости // Ученые записки. Политические уроки истории и актуальные проблемы современных международных отношений. СПб.: ИВЭСЭП. Знание, 2015. Т.27. С.7-17.

455. Вертяев К.В. Исламский фактор в политической жизни Турции // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. И Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 440 с.

456. Дружиловский С.Б. Угрозы и вызовы во внешней политике Турции в контексте российских интересов // Россия и Турция в новой мировой политической среде. М., «ИМИ МГИМО МИД России», 2015. С. 89-96.

457. Дружиловский С.Б. Хуторская В.В. Политика Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье // Иран и СНГ. Под ред. Мамедовой Н.М. М., 2003. С. 37-73.

458. Иванова (Цибенко) В.В. Стратегии включения гагаузов в тюрко-турецкое культурное пространство (XX-XXI вв.) // Радловский сборник. СПб, 2013. С. 263-267.

459. Ирхин А.А. Эволюция внешней политики Турецкой Республики в 2002-2019 гг. // Лазаревские чтения. Причерноморье: история, политика, география, культура. Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова, И.Л. Прыгуновой, С.И. Рубцовой. М., 2019. С. 144-146.

460. Киреев Н.Г. Новая глава в истории Турции: «мягкий ислам» у власти // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. И Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 11-56.

461. Кукарцева М.А. «Мягкая сила» в информационной политике России за рубежом // Стратегия "мягкой силы" в контексте информационных войн. М., 2017. С. 148-158.

462. Кукарцева М.А. Проблемы и вызовы современной мировой политики. // Трансформация международных отношений XXI. М.: ДА МИД РФ, 2017. С. 168-176.

463. Лазарева Т.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район – проблема терроризма [Электронный ресурс] // Доклады ИДВ РАН. 2016. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/idvran_2016.pdf (дата обращения:02.05.2019)

464. Лебедева М.М. Политическая архитектура мира через 100 лет // Мир через 100 лет. М.: «Весь Мир», 2016. С. 17-21.

465. Панин В.Н., Косов Г.В. Мировой порядок в XXI веке: теории и практики построения // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы международной научно-практической конференции в рамках X научно-образовательного форума. Под ред. В.В. Бобылева. М., Издательство «Перо», 2017. С. 28-35.

466. Россия и Турция в новой мировой политической среде. Под ред. А. А.Орлова; В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2015. С. 35-44.

467. Рыхтик М.И. Ценности в современной мировой политике: новая повестка дня // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016. С. 173-178.

468. Савичева Е.М. Россия-СНГ-Турция: сотрудничество в формате ОЧЭС // Интересы и позиции России в Азии и Африке в начале XXI века: Сборник статей, посвященный 80-летию доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН А.М. Хазанова / ИВ РАН. М.: Издатель Воробьев А.В. 2011. С. 139-143.

469. Сидорова Г.М. «Мягкая сила» как инструмент формирования новой ментальности // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ, 2017. С 262-266.

470. Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Россия и Грузия: что за красными линиями? К долгосрочной повестке дня российско-грузинских отношений // Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. М., 2014. С. 30-65.

471. Юртаев В.И. Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века // Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, А.И. Полищука. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ. 2017. С. 30-35.

Интернет-источники

472. Аватков. В., Хрусталева Е. Парламентские выборы в Турции: как программа турецких националистов затрагивает интересы России [Электронный ресурс] // Сайт МГИМО. Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/experts/272609/ (дата обращения: 06.03.2018)

473. Азербайджан и Башкортостан: начало долгого диалога [Электронный ресурс] // Информационное агентство «UfacityNews». Режим доступа: http://ufacitynews.ru/news/2014/06/26/azerbajdzhan-i-bashkortostan-nachalo-dolgogo-dialoga/ (дата обращения:05.11.2019)

474. Астанинский формат по Сирии доказал свою эффективность, считает Лавров [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20190303/1551510640.html (дата обращения:18.05.2019)

475. Башкирия и Азербайджан продолжат сотрудничество в области образования [Электронный ресурс] // БашИнформ. Режим доступа: http://www.bashinform.ru/news/1217162-bashkiriya-i-azerbaydzhan-prodolzhat-sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovaniya-/ (дата обращения:10.07.2019)

476. Башкирия приостановила взаимодействие с организацией ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/culture/20151130/1332657502.html (дата обращения:17.06.2019)

477. Башня «На набережной» [Электронный ресурс] // ENKA. Режим доступа: https://www.enka.com/ru/portfolio-item/naberezhnaya-tower/ (дата обращения: 04.07.2019)

478. Бовдунов А. В обход НАТО: зачем Турция создает национальную систему ПРО при поддержке России и Европы // RT. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/409323-turciya-sozdanie-nacionalnaia-protivovozdushnaia-sistema (дата обращения: 21.04.2019)

479. Бовдунов А., Алексеева Н. На грани ядерной войны: 55 лет назад завершился Карибский кризис [Электронный ресурс] // Russia Today. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/451184-karibskii-krizis-okonchanie (дата обращения:05.11.2019)

480. Бремя больших надежд: в Ханчжоу завершился саммит G20 [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20160905/1476140670.html (дата обращения: 25.09.2019)

481. В Башкирском педуниверситете открылась кафедра ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] // Башинформ. Режим доступа: http://www.bashinform.ru/news/490538-v-bashkirskom-peduniversitete-otkrylas-kafedra-tyurksoy/ (дата обращения: 25.09.2019)

482. В Конье начались Дни суфийского кино [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://www.trt.net.tr/russian/kul-tura-iskusstvo/2019/05/02/v-kon-ie-nachalis-dni-sufiiskogho-kino-1194063#.XMwZtzE8nZQ.facebook (дата обращения: 11.09.2019)

483. В Стамбуле открыт автомобильный тоннель под проливом Босфор [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/3891174 (дата обращения: 25.09.2019)

484. В Турции в отставку отправили почти 600 полковников [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/army/news/9030299.shtml (дата обращения: 21.03.2018)

485. В чем суть конфликта Эрдогана с властями Германии? [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/в-чем-суть-конфликта-эрдогана-с-властями-германии/a-38062413 (дата обращения:16.03.2018)

486. Верховный суд наложил запрет на деятельность турецкой «Нурджулар» [Электронный ресурс] // Известия. Режим доступа: https://iz.ru/news/422658 (дата обращения: 15.08.2019)

487. Газопровод «Турецкий поток» [Электронный ресурс] // Сайт ПАО «Газпром». Режим доступа: http://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/ (дата обращения: 27.09.2019)

488. Греция потребовала от Турции прекратить бурение в водах Кипра [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20190709/1556367021.html (дата обращения: 02.08.2020)

489. Гузенкова Т.С., Бюрюков Е.С. Российский взгляд на будущее мирового порядка и международных отношений [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований. Режим доступа: https://riss.ru/analitycs/44651/ (дата обращения:12.02.2018)

490. Гурьев А.А. Новая концепция национальной безопасности Турции [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=3905 (дата обращения: 24.04.2018)

491. Давыдов М.Н. Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=6397 (дата обращения: 15.08.2019)

492. Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? [Электронный ресурс] // РСМД. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/ (дата обращения 07.08.2020)

493. Дергачев В. Ближний Восток. Сирия. Турецко-сирийский вековой конфликт [Электронный ресурс] // Институт геополитики профессора Дергачева. Режим доступа: http://dergachev.ru/geop_events/020116-03.html#.WlNtQrdl-Un (дата обращения:05.11.2019)

494. Дергачев В. Турецкая геополитика. Доктрина «ноль проблем с соседями» и Realpolitik. [Электронный ресурс] // Институт геополитики профессора Дергачева. Режим доступа:

http://dergachev.ru/geop_events/171215-01.html#.WoHJ1q5l-Um (дата обращения:02.05.2019)

495. Дипломатическим отношениям Кыргызстана и Турции 20 лет [Электронный ресурс] // КНИА КАБАР. Режим доступа: http://old.kabar.kg/rus/analytics/full/18990 (дата обращения:19.07.2019)

496. ЕС выделит €1,5 млрд сирийским беженцам в Турции [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6215811 (дата обращения:16.05.2019)

497. ЕС не признал меморандум Турции и Ливии по морским зонам [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20191213/1562337742.html (дата обращения:30.07.2020)

498. Задонский С.М. Разведывательное сообщество Турецкой Республики [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=27350 (дата обращения: 11.05.2018)

499. Заквасин А. «Я осуждаю этот геноцид»: готов ли президент Турции разорвать дипотношения с Израилем [Электронный ресурс] // RT. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/513242-erdogan-izrail-sektor-gaza (дата обращения:26.10.2018)

500. Индонезия и Турция идут к всеобъемлющему экономическому партнерству [Электронный ресурс] // Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2684736.html (дата обращения:25.07.2020)

501. Инициативы Турции в Африке [Электронный ресурс] // Официальный сайт Телерадиокомпании Турции TRT. Режим доступа: https://www.trt.net.tr/russian/programmy/2018/03/08/initsiativy-turtsii-v-afrikie-924907 (дата обращения: 23.04.2018)

502. История контракта на поставку С-400 в Турцию [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/info/6658162 (дата обращения: 27.09.2019)

503. История торговых ограничений Турции и России с 2015 года. Досье [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/info/5169894 (дата обращения: 22.09.2019)

504. Казахстан в условиях конфликта: между Россией и Турцией [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/казахстан-в-условиях-конфликта-между-россией-и-турцией/a-18982435 (дата обращения: 17.09.2019)

505. Компании, контролируемые турецкими гражданами, попали под санкции РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20151228/1350462434.html (дата обращения: 22.09.2019)

506. Конституционный референдум в Турции в 2017 году [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/spravka/20170424/1492828175.html (дата обращения: 12.05.2018)

507. Координационный совет партнеров по развитию в КР. Агентства [Электронный ресурс] // Ресурс о деятельности международных донорских организаций в Кыргызской Республике. Режим доступа: http://www.donors.kg/ru/agentstva/90-tica#.W W VV44TyiUk (дата обращения:12.06.2019)

508. Крушение российского Су-24 в Сирии. Хроника событий [Электронный ресурс] // Сайт РИА-Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20151124/1327468413.html (дата обращения: 16.09.2019)

509. Курц: Эрдоган переносит конфликты из Турции в ЕС [Электронный ресурс] // Вести.ру. Режим доступа: https://www.vesti.ru/doc.html?id=2922905 (дата обращения:17.03.2018)

510. Мединский открыл перекрестный год культуры и туризма России и Турции [Электронный ресурс] // РИА Новости – Режим

доступа: https://ria.ru/20190408/1552492679.html (дата обращения: 23.09.2019)

511. Международная организация тюркской культуры ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/spravka/20151127/1330086290.html (дата обращения:12.06.2019)

512. Мир в указанных границах [Электронный ресурс] // Российская Газета. № 98 (7264). Режим доступа: https://rg.ru/2017/05/05/v-sirii-sozdadut-chetyre-zony-deeskalacii.html (дата обращения: 03.02.2019)

513. Мирзаян Г. Внедрившийся в Сомали «суперхищник» остается в тени [Электронный ресурс] // Взгляд. Режим доступа: https://vz.ru/world/2020/7/2/1047939.html (дата обращения:30.07.2020)

514. Миронов В., Соколов И. Обязательно к выполнению: Катар получил новый список требований от блока арабских государств [Электронный ресурс] // RT. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/402673-katar-trebovaniya-saudovskaya-aravia (дата обращения: 23.10.2018)

515. Мосаки Н. Африканская стратегия Турции [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177674972.html (дата обращения: 13.05.2018)

516. Надеин-Раевский В.А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции [Электронный ресурс] // Сайт Российского совета по международным делам. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-identichnosti-i-vneshnyaya-politika-turtsii/ (дата обращения:16.11.2019)

517. Наумов. М. Сравнительный анализ вооруженных сил России и Турции [Электронный ресурс] // Центр стратегических оценок и прогнозов. Режим доступа: http://csef.ru/oborona-i-

bezopasnost/340/sravnitelnyj-analiz-vooruzhennyh-sil-rossii-i-turczii-8104 (дата обращения:21.08.2018)

518. Николай Бордюжа: Академия ОДКБ – эффективный инструмент "мягкой силы" [Электронный ресурс] // Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Режим доступа: https://gorchakovfund.ru/news/view/nikolay-bordyuzha-akademiya-odkb-effektivnyy-instrument-myagkoy-sily/ (дата обращения: 22.09.2019)

519. Ноль проблем с соседями. Как Турция превратилась из «совести Ближнего Востока» в страну-отшельницу [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nol-problem-s-sosedyami-turtsiya/ (дата обращения:12.08.2018)

520. ОИС признала организацию Гюлена террористической [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20161019/1479535195.html (дата обращения: 11.09.2019)

521. Организация Североатлантического договора (НАТО) [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20170525/1494986382.html (дата обращения: 20.08.2019)

522. Пантюркистский проект (Туран) [Электронный ресурс] // Геополитика. Режим доступа: http://www.geopolitics.ru/2012/09/pantyurkistskij-proekt-turan/ (дата обращения:05.06.2019)

523. Первый российско-турецкий форум общественных организаций состоялся в Стамбуле [Электронный ресурс] // Портал «Русский мир». Режим доступа: https://russkiymir.ru/news/248925/ (дата обращения: 21.09.2019)

524. Переговоры в Астане по урегулированию конфликта в Сирии США [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20171030/1507555561.html (дата обращения: 29.09.2019)

525. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник [Электронный ресурс] // Комментарии российского законодательства. Режим доступа: http://kommentarii.org/strani_mira_eciklopediy/turciy.html (дата обращения: 24.02.2018)

526. Президент Турции выступил в Сараево [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/президент-турции-выступил-в-сараево/a-43864276 (дата обращения:18.06.2018)

527. Президент Турции открыл «индийский фронт» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/amp/4259363 (дата обращения:22.07.2020)

528. Проекты. Дорога Баку-Тбилиси-Карс [Электронный ресурс] // KDY Logistics. Режим доступа: https://www.kdylogistics.com/2019/03/17/железная-дорога-баку-тбилиси-карс/ (дата обращения: 25.09.2019)

529. Пупкова А. Формирование имиджа страны: публичная дипломатия vs. страновой брендинг [Электронный ресурс] // Политобразование. Режим доступа: http://lawinrussia.ru/content/formirovanie-imidzha-strany-publichnaya-diplomatiya-vs-stranovoy-brending (дата обращения:16.11.2019)

530. Путин анонсировал создание рабочей группы по Сирии [Электронный ресурс] // ИА Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/2582605.html (дата обращения: 29.09.2019)

531. Путин и Эрдоган дали старт началу строительства АЭС "Аккую" в Турции [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/5091399 (дата обращения: 27.09.2019)

532. Путь к политдиалогу: "Астана-6" утвердила четыре зоны деэскалации в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим

доступа: https://ria.ru/20170915/1504875172.html (дата обращения: 29.09.2019)

533. Рар А. Турция – ЕС: начало большого противостояния? [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/turtsiya-es-nachalo-bolshogo-protivostoyaniya/ (дата обращения:16.03.2018)

534. Реконструкция Дома Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] // ENKA. Режим доступа: https://www.enka.com/ru/portfolio-item/russian-federation-government-house-white-house-reconstruction/ (дата обращения: 04.07.2019)

535. Реконструкция зданий Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс] // ENKA. Режим доступа: https://www.enka.com/ru/portfolio-item/russian-federation-parliament-buildings-duma-reconstruction/ (дата обращения: 04.07.2019)

536. Референдум Эрдогана: как голосуют турки в Германии [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/ референдум-эрдогана-как-голосуют-турки-в-германии/a-38163947 (дата обращения:16.03.2018)

537. Россия – Турция. Диалог через молодежь [Электронный ресурс] // Центр востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии. Режим доступа: http://vostis.ru/novosti/rossiya-turciya-dialog-cherez-molodezh.html (дата обращения: 21.09.2019)

538. Россия и Турция заключили контракт на поставку второго полка С-400 [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20200823/s400-1576196578.html (дата обращения: 29.08.2020)

539. С начала года по ж/д Баку — Тбилиси — Карс в Грузию въехало 369 человек [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2018/09/06/s-nachala-goda-po-zhd-

baku-tbilisi-kars-v-gruziyu-vehalo-369-chelovek (дата обращения: 27.09.2019)

540. Саммит ЕС-Турция по миграции в Брюсселе. Хроника событий [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС– Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2482672 (дата обращения:16.11.2019)

541. Саммит G20 в Анталье. Хроника событий [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2438217 (дата обращения: 20.09.2019)

542. Свистунова И.А. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия [Электронный ресурс] // РИСИ. Режим доступа: https://riss.ru/analitycs/2431/ (дата обращения:16.11.2019)

543. Связь Турции с боевиками ИГИЛ - новые материалы на RT. 31 марта 2016 [Электронный ресурс] // Russia Today. Режим доступа: https://russian.rt.com/article/156373 (дата обращения: 20.09.2019)

544. Семь месяцев в ссоре: сколько Россия и Турция потеряли на конфликте [Электронный ресурс] // РБК Новости. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/28/06/2016/577157b89a7947239346aba3 (дата обращения: 22.09.2019)

545. «Смерть мозга» НАТО: почему поссорились Франция и Турция [Электронный ресурс] // Федеральное агентство новостей. Режим доступа: https://riafan.ru/1292231-smert-mozga-nato-pochemu-possorilis-franciya-i-turciya (дата обращения: 02.08.2020)

546. Создание единого информационного пространства ЕАЭС обсудили в Москве [Электронный ресурс] // Журнал «Международная жизнь». Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/20824 (дата обращения: 29.09.2019)

547. Субботин И. Эрдоган открывает в Ливии нефтяной фронт [Электронный ресурс] // Независимая газета. Режим доступа:

https://www.ng.ru/world/2020-05-17/2_7862_libya.html (дата обращения:30.07.2020)

548. США решили повысить вдвое пошлины на алюминий и сталь из Турции [Электронный ресурс] // Ведомости. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/08/10/777890-ssha (дата обращения:18.10.2018)

549. Тегеран-2017. Как Telegram стал самым популярным мессенджером в Иране [Электронный ресурс] // Republic Режим доступа: https://republic.ru/posts/80423 (дата обращения:16.11.2019)

550. Тимофеев И. Новая анархия? Сценарии динамики мирового порядка [Электронный ресурс] // Доклад РСМД. Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/reports/novaya-anarkhiya/ (дата обращения:16.11.2019)

551. Топ-10 самых высоких небоскребов Москвы [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: https://realty.rbc.ru/news/577d251a9a7947a78ce91fba (дата обращения: 04.07.2019)

552. Турецкие расклады. Левые защищают национальные меньшинства и получают боевой опыт в Сирии [Электронный ресурс] // Военное обозрение. Режим доступа: https://topwar.ru/98330-tureckie-rasklady-levye-zaschischayut-nacionalnye-menshinstva-i-poluchayut-boevoy-opyt-v-sirii.html (дата обращения:06.03.2018)

553. Турецко-китайские отношения [Электронный ресурс] // Центр стратегических оценок и прогнозов. Режим доступа: http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/tureczko-kitajskie-otnosheniya-883 (дата обращения:16.04.2019)

554. Туристы, визы, Сирия и помидоры: что обсудили Путин и Эрдоган в Сочи [Электронный ресурс] // Russia Today. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/385601-press-konferenciya-putin-erdogan-sochi (дата обращения: 25.09.2019)

555. Турция заявила об участия в миротворческой миссии в Карабахе [Электронный ресурс] // Взгляд. Режим доступа: https://vz.ru/news/2020/11/12/1070217.html (дата обращения: 13.11.2020)

556. Турция и Катар подписали своповое соглашение в рамках инвестпроекта на $15 млрд [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/5470749 (дата обращения:16.11.2019)

557. Турция и Сирия оказались на грани полномасштабной войны [Электронный ресурс] // Первый канал. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2020-02-28/381221-turtsiya_i_siriya_okazalis_na_grani_polnomasshtabnoy_voyny (дата обращения: 01.08.2020)

558. Турция недовольна ажиотажем вокруг покупки Анкарой С-400 [Электронный ресурс] // Российская Газета. Режим доступа: https://rg.ru/2019/05/06/turciia-nedovolna-azhiotazhem-vokrug-pokupki-ankaroj-s-400.html (дата обращения: 27.09.2019)

559. Турция ограничила поставки зерна из РФ из-за недопуска турецких томатов [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/4115085 (дата обращения: 25.09.2019)

560. Турция определила 7 участков для разведки нефти в Ливии [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/мир/турция-определила-7-участков-для-разведки-нефти-в-ливии/1869351 (дата обращения:30.07.2020)

561. Турция остается исламской [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2008/07/30_a_2797315.shtml (дата обращения:16.11.2019)

562. Турция пообещала не отдаляться от НАТО из-за покупки комплексов С-400 [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Режим

доступа: https://www.dw.com/ru/турция-пообещала-не-отдаляться-от-нато-из-за-покупки-комплексов-с-400/a-48587116 (дата обращения: 29.09.2019)

563. Турция укрепляется в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Новая Газета. Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2016-03-14/11_asia.html (дата обращения:16.11.2019)

564. Турция, Пакистан и Малайзия усиливают борьбу с исламофобией [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%B8-%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%B7%D0%B8%D1%8F-%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D1%83-%D1%81-%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%B5%D0%B9-/1602093 (дата обращения:26.07.2020)

565. Турция: «Ноль соседей - ноль проблем» // Информационное агентство «NewsInfo». Режим доступа: http://www.newsinfo.ru/articles/2016-06-15/turky/779559/ (дата обращения:16.11.2019)

566. Убийство посла Андрея Карлова: в Анкаре начинается суд [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-46525488 (дата обращения: 08.03.2019)

567. Уйгуры между Пекином и Анкарой [Электронный ресурс] // Информационное агентство Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/2571012.html (дата обращения:18.04.2019)

568. Фонд Горчакова открывает прием заявок на участие в "Кавказском диалоге – 2013" [Электронный ресурс] // Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Режим доступа: https://gorchakovfund.ru/news/view/fond-gorchakova-otkryvaet-priem-zayavok-na-uchastie-v-kavkazskom-dialoge-2013/ (дата обращения: 22.09.2019)

569. Французская карикатура на Эрдогана расстроила Турцию. Она обещает ответить [Электронный ресурс] // BBC. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-54725127 (дата обращения: 03.11.2020)

570. Хлебный путь: в Турции сняли ограничения на поставки российской пшеницы [Электронный ресурс] // Russia Today. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/386032-turciya-postavka-pshenica-rossiya (дата обращения: 25.09.2019)

571. Что такое Тотальный диктант. География [Электронный ресурс] // Фонд «Тотальный диктант». Режим доступа: https://totaldict.ru/about/geography/ (дата обращения: 22.09.2019)

572. Школа молодых экспертов по Центральной Азии [Электронный ресурс] // Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Режим доступа: https://gorchakovfund.ru/project/view/shkola-po-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 22.09.2019)

573. Эрдоган заявил о планах «немедленно» обсудить введение смертной казни [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: http://www.rbc.ru/politics/16/04/2017/58f3cb629a79475c1270b4da (дата обращения:21.07.2018)

574. Эрдоган назвал события в Мьянме «геноцидом мусульман» [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа https://ria.ru/20170901/1501608067.html (дата обращения:17.05.2019)

575. Эрдоган обвинил Израиль в государственном терроре в отношении палестинцев [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20181223/1548518712.html (дата обращения: 04.05.2019)

576. Эрдоган обвинил Россию в невыполнении договоренностей по Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20200129/1564009041.html (дата обращения: 01.08.2010)

577. Эрдоган отправляется с визитом в Великобританию в разгар предвыборной кампании в Турции [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5195071 (дата обращения:22.06.2018)

578. Эрдоган позвонил Путину – Кремль [Электронный ресурс] // Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/3111831.html (дата обращения: 13.11.2020)

579. Эрдоган признался, что разочарован в США [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3796947 (дата обращения: 29.09.2019)

580. Эрдоган рассказал о ходе строительства сухопутной части "Турецкого потока" [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20190408/1552481588.html (дата обращения: 27.09.2019)

581. Эрдоган рассказал об участии в переделе мира [Электронный ресурс] // Lenta.ru. Режим доступа: https://m.lenta.ru/news/2020/04/21/erd/amp/ (дата обращения:07.05.2020)

582. Яковенко А. В. 30 лет без холодной войны. Что дальше? [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: https://rg.ru/2019/12/13/tridcat-let-nazad-pala-berlinskaia-stena-simvol-holodnoj-vojny.html (дата обращения: 13.12.2019)

583. About Mevlana Exchange Programm [Электронный ресурс] // Ankara University. Режим доступа: http://mevlana.en.ankara.edu.tr/?page_id=47 (дата обращения:10.05.2018)

584. Acil Yardım Haberleri *(Новости об экстренной помощи)* [Электронный ресурс] // İHH web-sitesi. Режим доступа: https://www.ihh.org.tr/haber/acilyardim?page=4 (дата обращения:31.07.2020)

585. Al-Jazeera Faces Pressure To Close Amid Qatar's Diplomatic Crisis [Электронный ресурс] // NPR. Режим доступа: http://www.npr.org/2017/07/04/535530437/al-jazeera-faces-pressure-to-close-amid-qatars-diplomatic-crisis (дата обращения:18.10.2019)

586. America’s tradition of media bias [Электронный ресурс] // The Washington Times. Режим доступа: http://www.washingtontimes.com/news/2016/oct/18/americas-tradition-of-media-bias/ (дата обращения:26.11.2019)

587. Cansuyu Yardımlaşma Derneği. Mission and Vision [Электронный ресурс] // Cansuyu Yardımlaşma Derneği web-sitesi. Режим доступа: http://cansuyu.org.tr/tr/icerik/983/129/mission-and-vision (дата обращения: 04.11.2019)

588. Çavuşoğlu: Türkiye, dünyada küresel aktör olmuştur *(Чавушоглу: Турция стала глобальным мировым актором)* [Электронный ресурс] // Sputnik News. Режим доступа: https://tr.sputniknews.com/amp/turkiye/201902171037708847-cavusoglu-turkiye-dunyada-kuresel-aktor-olmustur/ (дата обращения:26.11.2019)

589. Country Image in Marketing Strategies: Conceptual Issues and an Empirical Asian Illustration [Электронный ресурс] // N. M. Iversen et al.

Association for Consumer. Режим доступа: https://www.acrwebsite.org/search/view-conference-proceedings.aspx?Id=11575 (дата обращения:26.11.2019)

590. Deniz Feneri Derneği. Yüzyılın İyilik Hareketi *(Ассоциация «Маяк». Движение доброго века)* [Электронный ресурс] // Deniz Feneri Derneği web-sitesi (Веб-сайт Ассоциации «Маяк». Движение доброго века). Режим доступа: https://www.denizfeneri.org.tr/faaliyetler/ (дата обращения: 04.11.2019)

591. Diril Y. Türkiye-Japonya İlişkileri: Uzaktaki Yakın *Ülke (Турецко-японское сотрудничество: далекая близкая страна)* [Электронный ресурс] // Bilgesam Website. Режим доступа: http://www.bilgesam.org/incele/880/-turkiye-japonya-iliskileri--uzaktaki-yakin-ulke/#.XO_i0RYzaUk (дата обращения:26.11.2019)

592. Dünya Erdoğan - Putin görüşmesini böyle gördü *(Так мир увидел встречу Эрдоган-Путин)* [Электронный ресурс] // Yeniçağ Gazetesi Website. Режим доступа: https://www.yenicaggazetesi.com.tr/dunya-erdogan-putin-gorusmesini-boyle-gordu-143746h.htm (дата обращения:18.11.2019)

593. Durmuş R. Geçmişten günümüze Türk-Amerikan ilişkileri *(Турецко-американские отношения от прошлого к настоящему)* [Электронный ресурс] // TASAM. Режим доступа: http://tasam.org/Files/Icerik/File/gecmisten_gunumuze_turk_-_amerikan_iliskileri__cff226c0-9cc8-4b1b-95a1-a352e377de84.pdf (дата обращения:18.11.2019)

594. Engin A. Türkiye'nin Afrika Politikası ve Türk Dünyası *(Африканская политика Турции и тюркский мир)* [Электронный ресурс] // TASAM. Режим доступа: https://tasam.org/tr-TR/Icerik/29884/turkiyenin_afrika_politikasi_ve_turk_dunyasi (дата обращения:29.07.2020)

595. Erdoğan Gagavuz Türklerine seslendi *(Эрдоган обратился к туркам Гагаузии)* [Электронный ресурс] // Sözcü Gazetesi. Режим доступа: https://www.sozcu.com.tr/2018/dunya/erdogan-gagavuz-turklerine-seslendi-2688765/ (дата обращения: 22.09.2019)

596. Fırat M. Türkiye-Afrika İlişkilerinin Tarihselarka Planı ve Afrika Açılımında Sivil Toplum Kuruluşlarının rolü *(История турецко-африканских отношений и роль неправительственных организаций в Африке)* [Электронный ресурс] // TASAM. Режим доступа: https://tasam.org/Files/Icerik/File/_13b80a8a-623f-4c1d-b7bd-6e83fddde142.pdf (дата обращения:29.07.2020)

597. Günçiner E. Ticaret savaşı ve Türkiye (XX) Türkiye'nin zor seçimi... *(Торговая война и трудный выбор Турции)* // Başkent. Режим доступа: https://www.baskentgazete.com.tr/arsiv/ticaret-savasi-ve-turkiye-xx-turkiye-nin-zor-secimi/haber-1237 (дата обращения:18.11.2019)

598. İHH İnsani Yardım Vakfı. Tarihçe *(Фонд гуманитарной помощи. История)* [Электронный ресурс] // İHH web-sitesi (Веб-сайт Фонда гуманитарной помощи). Режим доступа: https://www.ihh.org.tr/tarihce

599. İstanbul'a ikinci boğaz: "Kanal İstanbul" *(Второй Стамбульский пролив: «Канал Стамбул»)* [Электронный ресурс] // CNNTürk. Режим доступа: http://web.archive.org/web/20141210022103/http://www.cnnturk.com/2011/turkiye/04/27/istanbula.ikinci.bogaz.kanal.istanbul/614661.0/index.html (дата обращения:18.11.2019)

600. Kimse Yok Mu Derneği'nin yardım toplama yetkisi kaldırıldı *(Никто не отменял полномочия по сбору средств)* [Электронный ресурс] // Hürriyet Gündem Haberleri. Режим доступа: http://www.hurriyet.com.tr/gundem/kimse-yok-mu-derneginin-yardim-toplama-yetkisi-kaldirildi-27314395 (дата обращения:13.05.2018)

601. Martini N.F. The Role of Ideology in Foreign Policy Attitude Formation [Электронный ресурс] // University of Iowa official site. Режим

доступа: http://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3405&context=etd (дата обращения:18.04.2018)

602. Necessity of Russia, Iran and Syria working together for achieving the final victory [Электронный ресурс] // Iranian news. Режим доступа: http://velayati.ir/fa/news/1943 (дата обращения:18.11.2019)

603. Nye J. Propaganda Isn't the Way: Soft Power. [Электронный ресурс] // The New York Times. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2003/01/10/opinion/10iht-ednye_ed3_.html (дата обращения:18.11.2019)

604. Osisanya S. National Security versus Global Security [Электронный ресурс] // UNChronicle. Режим доступа: https://unchronicle.un.org/article/national-security-versus-global-security (дата обращения:18.01.2020).

605. Robert F. Kennedy, Jr. Why Arabs Don't Want Us in Syria // Politico. Режим доступа: https://www.politico.com/magazine/story/2016/02/rfk-jr-why-arabs-dont-trust-america-213601 (дата обращения:17.10.2018)

606. Temiz K. Türkiye-Çin İlişkileri *(Турецко-китайское сотрудничество)* [Электронный ресурс] // SETA, 2017. № 196. Режим доступа: https://setav.org/assets/uploads/2017/04/TRCin.pdf (дата обращения:18.11.2019)

607. The Data Behind Trump's Twitter Takeover [Электронный ресурс] // Politico Magazine. Режим доступа: http://www.politico.com/magazine/story/2016/04/donald-trump-2016-twitter-takeover-213861 (дата обращения:18.11.2019)

608. The Guardian: Политика Турции "ноль проблем с соседями" потерпела фиаско [Электронный ресурс] // ИА Regnum. Режим доступа: https://regnum.ru/news/1296961.html

609. The Role of Social Media in the Arab Uprisings [Электронный ресурс] // Pew Research Centre. Режим доступа: http://www.journalism.org/2012/11/28/role-social-media-arab-uprisings/

610. Türk dunyası ne demek *(Что означает «Тюркский мир»?)* [Электронный ресурс] // MİLLİYET.COM. Режим доступа: http://www.milliyet.com.tr/yazarlar/taha-akyol/-turk-dunyasi--ne-demek--1116027/ (дата обращения:18.11.2019)
611. Turkey, Iran to continue cooperating to find way out of Syrian crisis [Электронный ресурс] // Daily Sabah. Режим доступа: https://www.dailysabah.com/diplomacy/2019/04/18/turkey-iran-to-continue-cooperating-to-find-way-out-of-syrian-crisis (дата обращения: 29.09.2019)
612. Türkiye-Afrika İlişkileri 2018'de hız kazandı (Турецко-Африканские отношения развились в 2018 г.) [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/turkiye-afrika-iliskileri-2018de-hiz-kazandi/1346417(дата обращения:30.07.2020)
613. Türkiye-Pakistan İlişkileri *(Отношения Турции и Пакистана)* [Электронный ресурс] // İktibas. Режим доступа: http://iktibasdergisi.com/2019/01/03/turkiye-pakistan-iliskileri/ (дата обращения:18.11.2019)
614. Türkiye-Suudi Arabıstan ilişkileri: Ankara-Riyad dostluk hattı *(Отношения Турции и Саудовской Аравии: линия дружбы Анкара-Эр-Рияд)* [Электронный ресурс] // Politika Akademisi. Режим доступа: http://politikaakademisi.org/2013/04/10/turkiye-suudi-arabistan-iliskileri-ankara-riyad-dostluk-hatti/ (дата обращения:18.11.2019)
615. Türkiye'deki Suriyeli sığınmacıların sayısı açıklandı *(Объявлено число сирийских беженцев в Турции)* [Электронный ресурс] // Hürriyet. Режим доступа: http://www.hurriyet.com.tr/gundem/turkiyedeki-suriyeli-siginmacilarin-sayisi-aciklandi-40895241
616. Types of Interest Groups [Электронный ресурс] // HMH. Режим доступа: https://www.cliffsnotes.com/study-guides/american-government/interest-groups/types-of-interest-groups (дата обращения:18.11.2019)

617. Ülkücüler | Bozkurtlar [Электронный ресурс] // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/ulkuculer (дата обращения: 20.11.2019)
618. What is Public Diplomacy? [Электронный ресурс] // The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy. The Fletcher School. Tufts University. Режим доступа: http://fletcher.tufts.edu/murrow/diplomacy (дата обращения:18.11.2019)
619. Yılmaz S. Türkiye-Çin Askeri Tatbikatı *(Турецко-китайские военные учения)* [Электронный ресурс] // Academia.edu. Режим доступа: https://www.academia.edu/7647999/T%C3%BCrkiye-%C3%87in_Askeri_Tatbikat%C4%B1 (дата обращения:18.11.2019)
620. Yunus Emre Enstitüsü. Tokyo (Институт Юнуса Эмре. Токио) [Электронный ресурс] // YEE. Режим доступа: https://tokyo.yee.org.tr/tr (дата обращения:21.11.2019)